

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2012

№ 2 (102)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2012

№ 2 (102)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. А. Кокшаров, ректор УрФУ,
председатель совета
Д. В. Бугров, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
М. А. Хомяков, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
В. В. Алексеев, акад. УрО РАН
А. Е. Аникин, чл.-корр. СО РАН
В. А. Виноградов, чл.-корр. РАН
А. В. Головнев, чл.-корр. УрО РАН
С. В. Голынец, акад. РАН
К. Н. Любутин, проф. УрФУ
А. В. Перцев, проф. УрФУ
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН
А. В. Черноухов, проф. УрФУ
Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)
Дитрих Беннер, проф. (Германия)
Дж. Боулт, проф. (США)
Пол Бушкович, проф. (США)
М. М. Гиршман (Украина)
Массимильено Гудерцо (Италия)
Лай Инчуань, проф. (Тайвань)
Альберт Ковач, проф. (Румыния)
Нэнси Коллман, проф. (США)
Марк Липовецкий, проф. (США)
Джеральд Майкельсон, проф. (США)
Арто Мустайоки, проф., вице-президент
МАПРЯЛ (Финляндия)
Б. Ю. Норманн, проф. (Белоруссия)
Хармут Рюсс, проф. (Германия)
Грэг Саймонс (Швеция)
Карен Хьюитт, проф. (Великобритания)
Александр Федотов (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор
Л. С. Соболева
Заместитель главного редактора
Д. А. Редин
Заместитель главного редактора
по международным связям
Т. С. Кузнецова
Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева

Ответственные
за направления

История
Н. Н. Баранов
Е. М. Главацкая
Ю. А. Русина
А. В. Шаманаев

Филология
О. В. Зырянов
А. В. Маркин
Ю. В. Матвеева
А. М. Плотникова

Искусствоведение
и культурология
Е. П. Алексеев
Л. А. Будрина
Г. В. Голынец
Л. С. Лихачева

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Филиппенко М. В.* Кондукт как жанр мелической поэзии XII—XIV вв.: историография 6
- Прохоров Г. С.* Феномен художественно-публицистического текста в журналистике («Наша общественная жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского) 18
- Аристов Д. В.* Концепция героического в прозе Захара Прилепина (роман «Патологии») 26
- Никольский Е. В.* Семейная хроника в системе жанров романной прозы .. 37
- Баранова Е. Е.* Жанр научно-популярной литературы: историография и новые концепции исследования 46
- Исхаков Р. Л.* Белая журналистика Сибири и Урала: российская периодика в эпоху Колчака 53
- Рабинович В. С.* Лекционный цикл О. Хаксли «Человеческая ситуация» как идейное обоснование его позднего творчества 63

Лингвистика

- Гафурова М. Н.* О понятии номинативной личности 75
- Нильсен Е. А.* Отражение субъективной перцепции темпоральности в английском языке 84
- Нахрачева Г. Л.* Классификация лексико-семантических групп глаголов деструктивного воздействия на объект в хантыйском языке 91

ИСТОРИЯ

- Мохов А. С.* «Страж» или «казначей»? Состав византийской император-

ской свиты по данным военных трактатов 100

- Пашкин Н. Г.* Падение Константинополя и кризис идеологии имперского универсализма на Латинском Западе 109
- Земцов В. Н.* Французский иезуит аббат Адриан Сюрюг: исторический портрет 118
- Лазарев Я. А.* Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I 133
- Сперанский А. В.* Формирование оборонно-индустриального комплекса на Урале в начальный период Великой Отечественной войны 146
- Мазур Л. Н.* Художественное кино и сельская миграция: источниковедческий анализ 156

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Соколова Е. С.* Сакрализация дворцово-паркового пространства в монархической идеологии Античности и раннего Нового времени 170
- Савинов И. А.* Проблемы адаптации и идентичности в англо-индийском сообществе (вторая половина XIX — начало XX в.) 187

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

- Кокшаров В. А., Тиханова Е. В.* Приграничные барьеры интеграции в Центральной Азии 196
- Карпов В. П.* Нефтегазовое сотрудничество России и Казахстана в геополитической динамике постсоветского периода 204

СТАЛИНИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
		Конференции	
<i>Лазарева Е. В.</i> Сталинизм и историческая наука Урала в 1930-е гг.	211	Византия без границ. XXII Международный конгресс византийских исследований (<i>А. С. Мохов, Т. В. Куш, К. Р. Капсалькова</i>)	279
<i>Нефедов С. А.</i> Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев	222	Дергачевские чтения. Юбилейная всероссийская научная конференция (<i>А. С. Подчиненов</i>)	283
<i>Подлубнова Ю. С.</i> Трансформация фольклорных источников в драматургии сталинского времени (по пьесе «Уральская свадьба» <i>А. Баранова</i>)	230	Всеми ли на свете бывает конец, или Почему тексты остаются незавершенными. Научный семинар, посвященный феномену незавершенного (<i>А. Меньщикова</i>)	287
<i>Сушков А. В., Пьянков С. А.</i> Гравюра и власть: кризис художественного производства Златоустовского завода в середине XX века	238		
РЕЦЕНЗИИ		Информация	
<i>Козлов А. С.</i> Новая книга о роли военачальников в последние десятилетия Западной Римской империи	250	О работе диссертационных советов Д 212.286.03 и Д 212.286.11 в 2011 г. (<i>М. А. Литовская, Л. А. Назарова</i>)	290
<i>Снигирева Т. А.</i> История и литературная география Урала	254	Новые публикации	296
<i>Доценко Е. Г.</i> Продолжение диалога	262	Список сокращений	302
Храмовый космос Достоевского: pro et contra (<i>Г. В. Мосалева, И. А. Летова</i>)	265	Сведения об авторах	303
		Summa y	307

УДК 82-141 + 94(4)“13”:7 + 2-265.2

М. В. Филиппенко

**КОНДУКТ КАК ЖАНР МЕЛИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XII—XIV вв.:
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Дается историографический обзор исследований, посвященных кондукту — жанру мелической поэзии XII—XIV вв. Рассматриваются определения этого жанра, история его возникновения, бытования, а также периодизация и тематика кондуктов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мелическая поэзия; кондукт; историография.

Изучение жанровой системы Средневековья, к сожалению, до сих пор характеризуется крайней степенью неполноты как в западном, так и в российском литературоведении. Не все представляющие данную эпоху жанры исследованы в равной мере, поэтому вполне понятен интерес к тем из них, которые до сих пор не попадали в поле зрения отечественных медиевистов (кантига, органум, мотет, секвенция и др). В предлагаемой статье дается историографический обзор исследований ко н д у к т а как жанра мелической поэзии XII—XIV вв.

Говоря о первых кондуктах, ученые чаще всего цитируют английского музыковеда Джанет Кнэпп, автора одной из первых значимых работ, посвященных анализу рассматриваемого жанра. «Впервые, — отмечает Д. Кнэпп, — слово “кондукт” появилось в середине XII века (около 1140 года) в рукописи E-Mn 289¹, в которую вошло девять композиций, обозначенных словом “conductus”»². Их функциональная роль определялась прежде всего тем, чтобы

¹ Список манускриптов, содержащих кондукты, а также принятые сокращения см. в предисловии к работе [The conductus collections..., p. 9–11]. Более подробное описание источников содержится в музыкальном словаре Вилли Апеля [см.: Harvard dictionary of music, p. 797–799].

² Этимология термина (от лат. *conduco* — стягивать, сводить, сопровождать) связывается с техникой многоголосной композиции либо с функционированием этого жанра в церковной практике: изначально исполнение кондуктов сопровождало священнослужителя к месту чтения священных текстов.

подвести реципиента к восприятию сакральных текстов. Так, например, кондукт «Resonet, intonet» («Звучит, гремит») заканчивался призывом к молящимся подготовиться к чтению Священного Писания:

Munda sit, pura sit hec ergo concio,
Audiat, sentiat quid dicat lectio³.

Да будет готовым, да будет чистым наше собрание,
Да внимает, да воспримет то, чему посвящено Чтение.

Д. Кнэпп высказывает предположение о том, что «подобные произведения пелись, в то время как священная книга переносилась к месту чтения» [Кнарр, р. 651].

Собственно историю изучения жанра кондукта можно начинать с XIII в. Теоретики того времени описывали его в связи с возникшей проблемой отражения ритмической организации в нотировках музыкальных произведений. Поэтому замечания, касающиеся кондукта, относятся в большинстве своем к области музыковедения, а точнее, к технике композиции.

Около 1275 г. Иероним Моравский (Hieronymus de Moravia), музыкальный теоретик XIII в., создает трактат «О музыке» («De musica») [см.: Tractatus de musica], куда вошли (гл. 26) крупные интерполяции, посвященные многоголосию: анонимный трактат «Общеизвестные сведения о дисканте» («Discantus positio vulgaris»), трактат «О размеренной музыке» («De musica mensurabili») Иоанна де Гарландии (Johannes de Garlandia), а также «Техника размеренного распева» («Ars cantus mensurabilis») Франко Кельнского (Franco de Colonia).

В труде «Общеизвестные сведения о дисканте» о кондукте написано следующее: «conductus... est super unum metrum multiplex consonans cantus» («кондукт... является многоголосной благозвучной песней, имеющей единый метр») [Lexicon Musicum Latinum..., р. 624].

В трактате Франко Кельнского описываются существовавшие в XIII в. музыкальные направления и жанры. Рекомендации автора по поводу сочинения кондуктов касаются только музыкальной стороны жанра, однако для нас важно следующее замечание: «Тот, кто имеет намерение писать кондукт, должен сперва взять такую красивую мелодию, которую только сможет» [Strunk, р. 155]. Это указание является показателем того, что жанр кондукта был новаторским, так как существовавшие в то же время жанры мотета и органума использовали в качестве основной мелодии григорианский хорал⁴.

Примерно к этому же времени (1280-е) относится трактат «О созерцании музыки» («De speculatione musicae») английского музыкального теоретика Вальтера Одингтона (Walter Odington), в котором он описывает жанр кондукта

³ Здесь и далее перевод автора статьи. — Ред.

⁴ Под термином «григорианский хорал» подразумеваются песнопения церковной католической музыки, которые сложились в результате отбора и переработки католической церковью местных христианских песнопений. Упорядочение молитв и текстов было начато при папе Григории I, прозванном Великим. Через 300 лет после смерти Григория I католическим хоралам присвоили его имя — григорианские (грегорианские, от лат. *Gregorius*) пения.

в подобном же ключе. «Кондукты пишутся на основе пригодной для этого песни или уже известной, или новосочиненной...» [Scriptorium de musica..., p. 247].

Однако ни у кого из этих теоретиков мы не можем найти каких-либо указаний на вербальную сторону изучаемого нами жанра.

В последней трети XIII в. французский монах Иоанн де Грокейо (Johannes de Grocheio) в своем труде «Музыка» («Musica»), говоря о кондукте, отождествляет его с так называемыми *cantus coronatus*, т. е. «увенчанными (за свое достоинство. — М. Ф.) песнями», и поясняет, что «они обычно сочиняются королями и знатными людьми и исполняются перед королями и князьями земли для того, чтобы побуждать их души к храбрости, силе, великодушию, щедрости, т. е. к тем качествам, которые содействуют хорошему управлению. Эти песни приятного и возвышенного (*ordua*) содержания говорят о дружбе, любви и состоят из нот длинных и совершенных... таковы французские песни “Так же с рогом луна”, “Когда соловей...”» [цит. по: Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья..., с. 239]. Здесь же он называет кондуктом ряд произведений, которые впоследствии были определены как *о р г а н у м* — средневековый жанр, представляющий собой одну из самых ранних форм многоголосной музыки в средневековой Европе.

Де Грокейо пишет, что кондукт «имеет в основе мелодию, вместе с ним сочиняемую; он поется на пирах и праздниках у богатых и ученых и поэтому носит название кондукта» [Там же, с. 246]⁵. Некоторые исследователи полагают, что Грокейо использует слово «кондукт» в качестве общего именованья особого рода песен, а также разновидности органаума, не подразумевая под этим термином самостоятельного жанра.

В 1678 г. французский историк и филолог-энциклопедист Шарль Дюканж (Charles Du Cange) издает словарь «Glossarium mediae et infimae Latinitatis», охватывающий период развития латинского языка примерно с 500 до 1500 гг., где есть статья, посвященная кондукту как средневековому жанру. В ней Дюканж определяет кондукты как разновидность средневековых песен (*canticorum species*) [Du Cange, p. 493]. Словарь Шарля Дюканжа в дальнейшем стал репрезентативным источником для музыковедов и литературоведов Нового времени.

В XIX в. Фредерик Жофруа (Frederic Godefroy), автор ценнейших работ по истории французского языка, упоминает кондукт в «Словаре старого французского языка IX—XV веков» («Dictionnaire de l'ancienne langue franzaise du IXe siècle ai XVe siècle»)⁶, называя его песнопением для сопровождения процессий [см.: Ellinwood, p. 165].

Следующий этап изучения жанра, представленный в основном трудами британских, австралийских, американских и немецких авторов, начинается

⁵ В переводе труда Грокейо, сделанном М. Ивановым-Борецким, есть по этому поводу примечание относительно возникновения названия жанра: «По определению словаря Дюканжа, *conductos* — угощение. *Conductare* — давать обед». Однако в большинстве своем исследователи придерживаются иного мнения.

⁶ Издан в 1881 г.

в XX в. в связи с публикацией расшифровок нотных записей и текстов манускриптов XII—XIV вв.⁷ В 1939 г. в Лондоне издается факсимиле рукописи, именуемой в научно-исследовательской литературе манускриптом Вольфенбюттеля 628 (W1). В 1966–1967 гг. в Бруклине вышло в свет факсимильное издание Флорентийского манускрипта (F), а в 1969 г. там же публикуется факсимиле манускрипта Вольфенбюттеля 1099 (W2).

Параллельно с изданием и изучением манускриптов ведется работа по описанию и каталогизации самих кондуктов. Наиболее значительными являются труды Эдварда Гренингера «Исследования полифонического репертуара кондуктов Нотр-Дам» («Repertoire-Untersuchungen zum mehrstimmigen Notre Dame Conductus») [см.: Groninger], Гордона Андерсона «Кондукты Нотр-Дам и родственные им. Систематический каталог с краткими пояснениями» («Notre-Dame and Related Conductus. A Catalogue Raisonné») [см.: Anderson, p. 153–229] и Роберта Фалька «Кондукты Нотр-Дам: исследование репертуара» («The Notre Dame Conductus: a Study of the Repertory») [см.: Falck]. Плодом их деятельности стало собирание и систематизация кондуктов, издание нотных транскрипций (расшифровок) и латинских текстов, а также их переводов на английский язык. Как правило, самой авторитетной публикацией, которой следуют при воспроизведении текстов кондуктов, является десяти томное издание «Кондукты Нотр-Дам и родственные им» («Notre-Dame and related conductus. Opera Omnia») под редакцией Гордона Андерсона [см.: Notre-Dame and Related Conductus]. Представленный в нем корпус текстов считается наиболее полным.

В отечественной литературе тексты кондуктов практически не издавались. В 1970 г. увидела свет книга «Лирика вагантов» [Гинзбург, 1970], где средневековые тексты рукописи «Кармина Бурана» (Carmina Burana), известной как ярчайший образец творчества бродячих потов-школяров, представлены в поэтических переводах Льва Гинзбурга. Часть из произведений данного сборника относится к жанру кондукта. Также поэтические переводы кондуктов среди других стихотворений Буранского кодекса можно найти в вышедшем в серии «Литературные памятники» томе «Поэзия вагантов». Автором заключительной статьи к нему выступил крупнейший в отечественном литературоведении ученый-медиевист Михаил Гаспаров [см.: Гаспаров, 1975]. В его послесловии к этому тому дана краткая характеристика рукописи «Кармина Бурана» (другие названия — «Бенедиктбойернская», «Мюнхенская») как самом обширном сборнике вагантских стихов и песен, составленном в Южной Германии в XIII в. и включающем в себя более 200 текстов [см.: Там же, с. 512]. Кроме того, в работе содержатся сведения о поэтах-вагантах, чьи немногочисленные имена дошли до нашего времени. В том числе речь идет о Вальтере Шатильонском — одном из немногих известных авторов текстов кондуктов.

⁷ Весь репертуар кондуктов представлен более чем шестьюдесятью манускриптами, большая часть которых переписывалась на протяжении XIII — XIV вв. Наиболее значительное собрание кондуктов включено в т.н. манускрипты школы Нотр-Дам: это Wolfenbüttel 628 (W1), Florence Laurenziana Pl.29.1 (F) и Wolfenbüttel 1099 (W2).

Среди музыковедческих трудов, посвященных исследованию кондукта, следует выделить статью американского ученого первой половины XX в. Леонарда Эллинвуда «Кондукт» («The Conductus»), изданную в журнале «Musical Quarterly» в 1941 г. В ней содержатся замечания относительно возникновения, бытования, периодизации и тематики кондуктов. Автор определяет жанр следующим образом: «Кондукт представлял собой метрический латинский стих, положенный на музыку, исполняемую от одного до четырех голосов; на протяжении двенадцатого и тринадцатого веков кондукты исполнялись на праздниках или сопровождали процессии церковного и нецерковного характера» [Ellinwood, p. 165].

Эллинвуд называет кондукт одной из метрических поэтических форм, использовавшихся в церковной практике наряду с секвенцией и тропом. Кроме того, американский исследователь высказывает мнение, с которым соглашаются и последующие исследователи жанра (Кнэпп, Реков): именно сопроводительный характер определенных латинских песнопений, относящихся к раннему XII в., послужил отправной точкой для возникновения термина *conductus* [см.: Ellinwood, p. 167]. Что касается тематики кондуктов, то, по мнению ученого, большая часть (примерно 90 %) произведений соотносится с большими церковными торжествами и носит моралистический характер. Оставшиеся «десять процентов связаны с почитанием памяти отдельных лиц, коронациями или другими общественными поводами» [Ibid., p. 168].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что Эллинвуд одним из первых затрагивает вопрос о периодизации кондуктов, выделяя четыре основных этапа в их развитии, представленных полифонической музыкой XII–XIII вв. Основанием для номинации становится место происхождения основных рукописей, содержащих кондукты:

- 1) Винчестер-Шартрский период (около 1100 г.);
- 2) период Сен-Масьяль-де-Лимож (около 1150 г.);
- 3) период Нотр-Дам-де-Пари (около 1200 г.);
- 4) период Сен-Виктор-де-Пари (около 1250 г.) [см.: Ibid., p. 165].

Ввиду большого количества спорных моментов и малого количества доступных образцов жанра, относящихся к первому и последнему периодам, на сегодняшний день в научной литературе принято говорить о двух крупных периодах в развитии жанра — Сен-Масьяль и Нотр-Дам. О периоде Сен-Масьяль как об очередном этапе в развитии средневековых латинских песнопений Эллинвуд говорит обобщенно: «Второй период... характеризуется большим корпусом секвенций в полифоническом изложении» [Ibid., p. 168].

Период Нотр-Дам исследователь называет высшей точкой в развитии кондуктов, отмечая, что две трети репертуара этого периода составляют религиозные кондукты, а оставшуюся треть — светские. «Пятьдесят из них входят в сборник “Кармина Бурана” <...> Большая же часть произведений посвящена важным событиям и связана с царствованием французского короля Филиппа Августа (1165–1223) или с англо-нормандской зависимостью континента» [Ibid., p. 166]. Кроме того, автор пишет о двух стилях написания кондуктов, выделяемых в этот период, — простом, или строфическом (*strophic*), и «украшенном»

(*embellished*)⁸. «Строфические кондукты представлены тремя основными формами: укороченные секвенции, aabb, песенная, или шансонная, форма, aabc, и гимны, abcd» [Ellinwood, p. 166]. О периоде Сен-Виктор Эллинвуд говорит только то, что в это время кондукт как жанр угасает, уступая место родственному жанру — мотету, переживающему период расцвета [см.: Ibid.].

В 1960 г. в Лондоне выходит в свет книга британских музыковедов Алека Робертсона и Дэниса Стивенса «История музыки» («The Pelican History of Music»), в которой дается исторический обзор музыки от древнейшего времени до эпохи романтизма. В первом томе — «От древних форм к полифонии» («Ancient forms to polyphony») — прослеживается развитие музыкального искусства начиная с ранних форм и заканчивая появлением полифонических жанров. В числе западноевропейских жанров позднего Средневековья рассматривается и кондукт. Одной из отличительных черт этого жанра авторы называют «сходный ритм во всех его голосах, которых могло быть два, три или четыре. Это было существенно — иметь простую ритмическую структуру с регулярно повторяющимися акцентами для основного назначения кондукта, которое, как подразумевает его именование, заключалось в сопровождении священников и диаконов от алтаря к хорам и обратно. <...> Кондукты были изобретены как практическое решение богослужебных задач» [Robertson, Stevens, p. 226]. Исследователи подчеркивают также большую значимость текста для этого жанра. В работе Робертсона и Стивенса содержится и несколько замечаний относительно тематики кондуктов: «Примерно две трети репертуара известных нам кондуктов являются исключительно литургическими. Музыка писалась для специальных праздничных дней, и потому многие стихотворные тексты комментировали жития святых, читаемые на утрене. Кондукты писались на Рождество, Великий пост, Пасху и Троицу. <...> Вскоре кондукты стали использоваться по случаю государственных или специальных церемоний, происходивших в пределах церкви, а так же вне их» [Ibid., p. 227].

В 1961 г. в Йельском университете издается монография упоминаемой в начале статьи американской исследовательницы Д. Кнэпп «Полифонические кондукты в эпоху Нотр-Дам. Исследование шестого и седьмого факсимиле из Флорентийского манускрипта» («The Polyphonic conductus in the Notre-Dame Epoch. A Study of the Sixth and Seventh Fascicles of the Manuscript Florence, Biblioteca Laurenziana, Pluteus 29.1»), посвященная анализу кондуктов школы Нотр-Дам. Данная работа послужила основой для статьи «Кондукт» («Conductus») в «Новом музыкальном словаре Гроува» («The New Grove Dictionary of Music and Musicians»), опубликованной в 1980 г. На приведенную в нем дефиницию кондукта музыковеды ссылаются чаще всего: кондукт — «средневековое вокальное произведение, написанное на серьезный, зачастую сакральный, поэтический текст на латинском языке» [Knapp, p. 651]. Музыковед отмечает, что кондукт возник как интермедийный церковный жанр, служивший

⁸ В так называемых простых кондуктах на одну ноту приходится один слог. Основной же чертой укороченных кондуктов являются распевы.

для сопровождения духовного лица, несшего Евангелие к месту чтения. Кондукты служили для приготовления мирян к чтению Священного Писания, а также для сопровождения религиозных процессий. «Кондукт связан... с чтениями утрени и литургии, средневековой драмой, окончанием второй вечерни и праздничной трапезой в конце дня. В “Действе о Данииле”... кондукт сопровождает выходы и уходы со сцены персонажей драмы» [Knapp, p. 651].

В 1980 г. в г. Мэдисон издается собрание тридцати произведений рассматриваемого нами жанра, составляющих репертуар манускрипта W2 «The Conductus Collections of Ms Wolfenbüttel 1099» под редакцией Этель Терстон. В предисловии к изданию, наряду с общей информацией о кондуктах и замечаниями, представляющими интерес для музыкальных историков и исполнителей, содержится список манускриптов с принятыми в научной литературе сокращениями, а также подробно описывается тематика кондуктов. Этель Терстон пишет о том, что темами большинства произведений являются «чудо Божественной любви к человеку; смирение Господа и готовность Его идти на страдания ради людей; сравнение Евы и Марии, чудо зачатия Марией Сына и сохранение Ее нетленной от Божественного пламени; тайна рождения Христа, Его страданий и смерти; сошествие Святого Духа на апостолов; а также жизнь некоторых святых. <...> Несколько произведений среди кондуктов W2 имеют моралистическую тематику, некоторые связаны с современными событиями, и еще часть связана с грубым обличением жадности и роскоши определенных высокопоставленных церковных деятелей» [The conductus collections of MS Wolfenbüttel 1099, p. 8].

В 1986 г. профессор Джон Стивенс, британский музыковед и литературовед, издает книгу «Слово и музыка в Средние века: песня, повествование, танец, драма» («World and Music in the Middle Ages: Song, Narrative, Dance and Drama. 1050–1350»), посвященную проблемам взаимосвязи слова и музыки в средневековых жанрах. В главе «Латинские песнопения» («Latin songs») автор подробно рассматривает средневековый гимн, кондукт и кантио (*cantio*), делая акцент на тех сложностях, с которыми сталкиваются исследователи при определении жанра. «Первая заключается в трудности обозначения объекта: латинская песня, со своей склонностью к использованию как внутри литургии, так и вне ее, является менее четко описываемым объектом, чем придворный шансон; их разнообразие является результатом широкого разнообразия их функций (обслуживание богослужений, общественных торжеств, монастырских празднеств...)» [Stevens, p. 50].

Другой проблемой является терминология, а именно «большое разнообразие и пестрота используемых наименований» [Ibid.], связанная с тем, что словом *conductus* подписано ограниченное количество произведений, относимых исследователями к этому жанру. Наряду с данной дефиницией разновидности латинской мелической поэзии того же периода обозначаются терминами *carmen*, *planctus*, *ritmus*, *versus*, *cantio*, *cantilena*, *rondellus*. Ввиду сложности установления рамок этих жанров, определения их также весьма расплывчаты.

Таким образом, делает вывод исследователь, из-за широкого использования термина «conductus» очень сложно однозначно говорить о его жанровой

форме или функции. Дж. Стивенс полагает, что этот термин использовался для обозначения песнопений, связанных с богослужебной практикой, и предлагает разделять их с произведениями, связанными со светскими торжествами, для которых возможно употребление другого термина — «cantio» [Stevens, p. 51]⁹. Не описывая подробно тематику кондуктов, исследователь обращает внимание на постепенное изменение их функций. Если сперва кондукты «четко соответствовали своему функциональному определению», то затем, «на протяжении двенадцатого века, жанр находит более широкое применение: сперва он представлял собой религиозную или по меньшей мере серьезную светскую песню, в конце своего существования — светский танец или любовную песню» [Ibid., p. 50].

Также в работе содержатся сведения о бытовании жанра. Стивенс говорит, что «лишь незначительное меньшинство кондуктов может быть конкретно отнесено к литургическому действию... некоторые другие являются сопроводительными или “профессиональными” песнопениями в широком смысле». В качестве аргументов он приводит различные обозначения кондуктов: *conductus ad tabulam* (к чтением вне церковной службы), *conductus ad ludos* (для отдыха после служения), *conductus ad bacularium* (вероятно, относящийся к церемонии, сопутствующей одному из средневековых празднеств — Пиру дураков) [Ibid., p. 58].

Также следует отметить, что применительно к кондуктам взаимоотношения музыки и слова рассматриваются в основном на уровне ритмики. Это связано в первую очередь с символикой чисел и с тем местом, которое занимало число в эпоху Средневековья, в том числе в музыке и поэзии.

Особое внимание к средневековым источникам кондуктов уделено в диссертационной работе американского музыковеда Ольги Малышко «Репертуар английских кондуктов: исследование стилистики» («The English conductus repertory: a study of style», 1989). Исследовательница говорит о двух школах (Сен-Масьаль и Нотр-Дам), характеризует тематику репертуара и указывает на основные манускрипты каждой из них. Она пишет о том, что основной объем южнофранцузских кондуктов сохранился в бенедиктинском монастыре святого Марсиаля в Лиможе. «Сен-Масьальский репертуар, связанный с великими праздниками церковного года, включает в себя четыре манускрипта: StM-A (относится к позднему XI веку), StM-B и StM-C (вместе охватывают практически весь XII век), StM-D (ранний XIII век)» [Malyshko, p. 3]. «Школа Нотр-Дам является высшей точкой развития кондуктов на континенте, основным источником которых служит манускрипт F (относится к середине XIII века). Дополнительные источники включают в себя W1 (середина XIII века), Ma (середина и третья четверть XIII века) и W2(середина и третья четверть XIII века)» [Ibid.].

Кроме того, Малышко особое внимание уделяет английским кондуктам. «Источники, содержащие значительную часть английских кондуктов, главным

⁹ Говоря о составе сборника «Кармина Бурана», он обозначает ряд произведений, названных Эллинвудом кондуктами, термином кантио. Кроме этого манускрипта, источниками кантио Стивенс называет «Кембриджскую книгу песен».

образом носят фрагментарный характер (самый большой архив находится в Вустере) и охватывают большую часть XIII и XIV веков. Кроме того, тридцать восемь произведений (около 1290 г.) имеют обозначение “conductus”...» Примечательно, что, за исключением этого ряда кондуктов, термин не встречается ни в английском, ни в парижском репертуаре [Malyshko, p. 4].

В 1991 г. в журнале «The Musical Quarterly» канадский музыковед Брайн Гиллингем публикует статью под названием «Новая этиология и этимология кондукта» («A New Etiology and Etymology for the Conductus»), где он предлагает новое освещение вопросов относительно этимологии и этиологии жанра. Гиллингем говорит в первую очередь о необходимости четкого определения кондукта, поскольку «определения, данные жанру спустя век или более после его появления, часто расплывчаты, неполны и в значительной степени не соответствуют действительности». Он также отмечает, что в XX в. «была проделана значительная издательская и архивная работа, а на протяжении пятидесяти лет после выхода статьи Эллинвуда было предпринято несколько попыток переопределить жанр» [Gillingham, p. 59].

Музыковед выступает против однозначного определения функции кондуктов как сопровождающей процессии. «Главная проблема “профессионального” объяснения происхождения жанра заключается в том, что теоретики никогда не допускали, что кондукт использовался для сопровождения любого рода перемещений. Эллинвуд отклоняет эту проблему несколько забавным возражением со ссылкой на трактаты: «Не следует придавать слишком большое значение тому факту, что никто из музыкальных теоретиков, за возможным исключением Иоанна де Грокейю, не соотносил кондукт с процессиями... Похоже, что подлинные процессии не всегда имели место. <...> Предположение же, что кондукт никогда не воспринимался как “профессиональный”, вполне может объяснить то, почему Иоанн де Грокейю и остальные молчат по этому вопросу» [Ibid., p. 61].

Кроме того, Гиллингем в своей работе затрагивает вопрос о происхождении кондукта, выдвигая предположение о том, что жанр возник как гибрид двух других средневековых жанров мелической поэзии — секвенции и гимна. «С учетом частых жанровых интерпретаций аквитанского репертуара и огромной популярности гимнов и секвенций, преобладающих жанров двенадцатого века... кондукт был первоначально гибридом их обоих, в котором единая группа певчих (хор или солисты) “соединялись вместе” вместо чередования, которого требовала секвенция» [Ibid., p. 68]. Из этого следует, что для кондукта важна не столько музыкальная сторона жанра, сколько донесение текста до слушающих. Следует также отметить, что в своей статье Гиллингем, в противовес точке зрения Эллинвуда на происхождение названия *conductus* от его функции, настаивает на связи названия жанра с техникой музыкального письма. «Термин *conductus* несомненно отражает основное значение глагола (“соединять, связывать, объединять”) и его субстантивированного причастия (“стяжение”» [Ibid., p. 69].

В 1995 г. американский музыковед Нэнси ван Дюзен в своей работе «Богословие и музыка в раннем университете: доводы Роберта Гроссетеста и Ано-

нима IV» («Theology and Music at the Early University: The Case of Robert Grosseteste and Anonymous IV») дает кондукту следующую характеристику: «Для музыкальных историков песенный жанр тринадцатого века, кондукт, служил источником недоумения потому, что он успел появиться и исчезнуть в течение короткого периода — приблизительно за первые два поколения тринадцатого века..., и потому, что, в отличие от секвенции, смысл его существования не понятен, у него нет специального места внутри литургии, определенной функции в мессе или в составе какой-либо иной церемонии» [Van Deusen, p. 43].

В 1997 г. была издана книга одного из виднейших западноевропейских современных исследователей-медиевистов Кристофера Пэйджа «Латинская поэзия и ритм кондуктов средневековой Франции» («Latin Poetry and Conductus Rhythm in Medieval France»), в которой подробно рассматривается ритмика латинских текстов как составной части жанра кондукт в связи с традициями ритмической и метрической поэзии, а также с проблемами нотной расшифровки.

В своих тезисах «Кондукт как смешанная форма» («The Conductus as Mixed Form») к конференции Американского музыковедческого общества, проходившей в октябре — ноябре 1998 г. в Бостоне, музыковед Марк Эверист называет кондукт смешанной формой, имеющей много общего со средневековыми литературными текстами, в которых соединяются различные дискурсивные стратегии [Everist, 1998]. В 2000 г. в журнале Королевской музыкальной ассоциации Эверист публикует статью «Восприятие и рекомпозиция в полифонических кондуктах “cum caudis”» («Reception and Recomposition in the Polyphonic “Conductus cum caudis”. The Metz Fragment»). В ней автор дает определение жанра, основываясь на дефиниции, данной Эллинвудом, с некоторым учетом литературной специфики. Под кондуктами Эверист понимает «песнопения XII и XIII веков для одного, двух, трех или четырех голосов, в основном, представляющие собой положенные на музыку тонические стихи, именуемые ритмами, и базирующиеся, как правило, на новом музыкальном и поэтическом материале» [Everist, 2000, p. 135].

Отдельного замечания требует тот факт, что многие зарубежные исследователи-музыковеды, признавая малую известность кондукта среди литературоведов, говорят о необходимости изучения жанра и в музыкальном, и в литературоведческом аспектах. Так, Кристофер Пэйдж с сожалением пишет о том, что «термин, широко используемый музыковедами, редко употребляется коллегами литературоведами» [Page, p. 3]. Марк Эверист открыто говорит о необходимости изучать «музыкально-поэтические структуры кондукта» [Everist, 1998]. Лео Трейтлер настаивает на том, что синтаксис текстов должен стать отправной точкой для интерпретации [см.: Treitler, 1981, p. 471—491; 1982, p. 237—279; 1984, p. 135—208]. Однако чаще всего для исследователей-музыковедов поэтические тексты представляют интерес с точки зрения их ритмической структуры в качестве базы для интерпретации музыкального материала.

Что касается отечественной научной литературы, то здесь сведения о жанре представлены исключительно в работах музыковедов и базируются на материалах

зарубежных исследователей. Для примера можно назвать «Историю западно-европейской музыки до 1789 года» Тамары Ливановой, где она рассматривает кондукт наряду с мотетом как один из ранних многоголосных жанров [Ливанова, с. 302], а также «Историю зарубежной музыки» Константина Розеншильда, где, кроме указаний на некоторые особенности музыкального языка, автор высказывает лишь несколько общих замечаний о возникновении и бытовании жанра. Автор указывает на то, что кондукт появился как промежуточный церковный жанр, а в дальнейшем «приобрел качество светского жанра и получил широкое распространение в городской музыкальной жизни» [История зарубежной музыки, с. 168].

Примечателен и тот факт, что М. Л. Гаспаров, давая общую характеристику клерикальным жанрам латинской литературы в «Истории всемирной литературы» [История всемирной литературы, с. 503–507], упоминает и о секвенции, и о тропе, однако ничего не пишет о кондукте. Также и в «Очерке европейского стиха», рассматривая латинскую антифонную силлабику, автор говорит о трех стадиях ее становления: «средневековая латинская поэзия знала три типа стиха: традиционную квантитативную “метрику”, новоразвившуюся равносложную силлабику — “ритмику” и молитвословную парнострофическую силлабику — “секвенцию”» [Гаспаров, 2003, с. 100]. Однако сразу после рассмотрения однородно-строфических равносложных секвенций Гаспаров переходит к описанию романской силлабики, минуя кондукт.

Итак, несмотря на то, что кондукт существовал только в XII–XIV вв., он оставил свой след и в истории музыки, и в истории литературы. На сегодняшний день исследователями достаточно подробно описана тематика кондуктов, более-менее точно определен актуальный период их существования¹⁰. В широком смысле под кондуктом понимается вокальное произведение на латинские стихотворные тексты, в большинстве своем духовной тематики. Однако при этом остается открытым ряд вопросов: происхождение жанра, определение жанровых рамок, связь между жанровыми особенностями с функциональностью, место кондукта среди других жанров мелической поэзии этого периода, а также проблемы ритмики жанра в контексте его музыкально-поэтической природы. Продолжается работа по рассмотрению общих и узко специфических вопросов, связанных с жанром. Исследователи делают расшифровки, изучают периоды существования кондукта, описывают его жанровые модификации. Однако интерес этот практически не выходит за рамки музыковедения. В настоящее время кондукт как музыкальный жанр эпохи *ars antiqua* изучается в курсе истории западноевропейской музыки в консерваториях. Поэтика жанра по существу остается пока неисследованной.

Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. 2-е изд., доп. М., 2003.

Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов. М., 1975.

¹⁰ В статье не рассматривались труды Фрица Рекова, Руфи Штайнер, Бруно Штабляйна и др., изданные на немецком языке.

- Гинзбург Л. В.* Лирика вагантов в переводах Льва Гинзбурга. М., 1970.
- История всемирной литературы* : в 9 т. Т. 2 : Средневековая литература III–XIII вв. / гл. ред. Г. П. Бердников. М., 1984.
- История зарубежной музыки* : учеб. для консерваторий. Вып.1 : До середины 18 века / сост. К. К. Розеншильд. 3-е изд., доп. М., 1973.
- Ливанова Т. Н.* История западноевропейской музыки до 1789 г. М., 1940.
- Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения* / под ред. В. П. Шестакова. М., 1966.
- Anderson G.* Notre-Dame and Related Conductus: A Catalogue Raisonné // *Miscellanea musicological*. 1972. Vol. 6. P. 153–229.
- Du Cange C.* Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Graz, 1954.
- Deusen N. van.* Theology and music at the early university: the case of Robert Grosseteste and Anonymous IV. Brill, 1995.
- Ellinwood L.* The Conductus // *The Musical Quarterly*. 1941. Vol. 27, N. 2. P.165–204.
- Everist M.* Drying Rachel's Tears: The Conductus "cum caudis" as Mixed Form // *American Musicological Society, Annual Meeting Boston, MA*. 1998. October/November.
- Everist M.* Reception and Recomposition in the Polyphonic "Conductus cum caudis": The Metz Fragment // *J. of the Royal Musical Association*. 2000. Vol. 125, N. 2. P.135–163.
- Falck R.* The Notre Dame Conductus: a Study of the Repertory. Henryville, 1981.
- Gillingham B.* A New Etiology and Etymology for the Conductus // *The Musical Quarterly*. 1991. Vol. 75. N. 1. P. 59–73.
- Groninger E.* Repertoire-Untersuchungen zum mehrstimmigen Notre Dame Conductus. Regensburg, 1939.
- Harvard dictionary of music* / ed. by W. Apel. 2nd ed., rev. and enlarg. Harvard, 1972.
- Knapp J.* Conductus // *The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. L., 1980. P. 651–656.
- Lexicon Musicum Latinum Medii Aevi* / ed. by M. Bernhard. München, 2001.
- Malyshko O.* The English Conductus Repertory: a Study of Style. N. Y., 1989.
- Notre-Dame and Related Conductus* : 10 vols / ed. by G. Anderson. Henryville, 1979– 1988.
- Page C.* Latin Poetry and Conductus Rhythm in Medieval France. L., 1997.
- Rekow F.* Conductus // *Handwoerterbuch der musikalischen Terminologie*. Wiesbaden, 1973.
- Robertson A, Stevens D.* The Pelican History of Music : 3 vols. Vol. 1 : Ancient forms to polyphony. Baltimore, 1960.
- Scriptorium de musica Medii Aevi nova series* : 4 vols. Vol. 1 / ed. by E. Coussemaeker. P., 1864.
- Stevens J.* Words and Music in the Middle Ages: Song, Narrative, Dance and Drama, 1050–1350. Cambridge, 1986.
- Strunk O.* Source Readings in Music History. N. Y., 1950.
- The conductus collections of MS Wolfenbüttele 1099* / ed. by E. Thurston. Madison, 1980.
- Tractatus de musica* / ed. by S.Cserba. Regensburg, 1935.
- Treitler L.* Oral, Written, and Literate Process in the Transmission of Medieval Music // *Speculum*. 1981. Vol. 56. P. 471–491.
- Treitler L.* Reading and Singing: On the Genesis of Occidental Music-Writing // *Early Music History*. 1984. Vol. 4. P. 135–208.
- Treitler L.* The Early History of Music Writing in the West // *J. of the American Musicological Society*. 1982. Vol. 35. P. 237–279.

Статья поступила в редакцию 01.03.2012 г.

УДК 82-43 + 82-95 + 070.1

Г. С. Прохоров

**ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
В ЖУРНАЛИСТИКЕ****(«Наша общественная жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина
и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского)**

Рассматривается структура произведений, традиционно относимых к художественной публицистике. Анализируются два текста — «Наша общественная жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1873 г. Оба текста принадлежат к одной журналистской традиции и к одному журнальному формату — авторской колонке, тем не менее, за исключением общих свойств, обусловленных одноформатностью изданий, произведения демонстрируют знаковые различия. Произведенный анализ позволяет внести коррективы в традиционную модель художественной публицистики.

Ключевые слова: художественная публицистика; риторический и эстетический объекты; экземпела и вариация; М. Е. Салтыков-Щедрин; Ф. М. Достоевский.

Проблема «художественной публицистики» появилась в русском литературоведении достаточно давно. В современном виде она зародилась в полемике 1920-х гг. о природе фельетона [см., например: Иванов-Грамен, с. 27; Журбина, 1926, с. 18–35; Морозов, с. 33–37; Фельетон...; Гроссман, с. 36–37]. За это время проблема фельетона, его литературности («...это литературное произведение, хотя и весьма необычное по своей форме, размерам, длительности влияния и прочее» [Гроссман, с. 36]) или внелитературности («...фельетон не может выходить из пределов факта; различие его от художественного произведения качественного порядка...» [Морозов, с. 34]), существенно расширилась, вобрав в себя осмысление границы художественной литературы, публицистики и журналистики [см.: Бочаров, с. 48–51; Журбина, 1969; Черепухов, с. 47–51; Прохоров, с. 38–40; Колосов, Кройчик, Худякова, с. 9–10, 27], соотношения языковых стилей и литературных форм [см.: Эльсберг, с. 20–21; Кожина; Вакуров, Кохтев, Солганик, с. 143–166]; наконец, корреляции исторического факта и эстетического события [см.: Гуревич, 1964, с. 55; Кон, с. 52, 58; Гуревич, 1967, с. 195–196; Карелова, с. 92]. Однако, несмотря на привлечение широкого и чрезвычайно серьезного инструментария, успешно выделяемая на эмпирическом уровне [см.: Антонова, с. 30; Аникина; Мутовкин, с. 22] т. н. художественная публицистика по-прежнему остается вызовом для осмысления с точки зрения теории литературы.

Чем жестче прописана исследователем граница между публицистикой и художественной литературой, тем более расплывчатым становится описание им же художественной публицистики. Например, вслед за четким разделением публицистики и литературы художественной, предпринятым М. С. Черепуховым [Черепухов, с. 47]¹, вслед за четким описанием использования традицион-

¹ Ср.: «...Художественная литература — форма эстетического освоения мира, человека. Публицистика — форма политического познания и отражения действительности в различных ее проявлениях» (разрядка в цитатах наша. — Г. П.) [Черепухов, с. 47].

но художественных приемов вне художественной литературы [Черепанов, с. 49]², подлинным диссонансом звучит формулировка, относящаяся к художественной публицистике: «Когда ставится задача заклеить носителя зла в его существенном и специфически личном <качестве> и возникает необходимость в сатирическом образе, в сатирической типизации [см.: Кройчик, с. 32, 63]³, тогда публицист «принимает в “соавторы” художника — их взаимные усилия позволяют наилучшим образом решить общественно-политическую задачу» [Черепанов, с. 51]. Основа дефиниции здесь внутренне противоречива: если «художественная публицистика» служит политической задаче, то «элемент описательности, зримого изображения и создание художественного образа — вещи качественно разные», а следовательно, таковая публицистика вполне обычна. Если же автор «художественной публицистики» создает на месте исторической персоны некий единичный характер [см.: Черепанов, с. 49]⁴, т. е. героя, неизбежно так или иначе оторванного от эмпирической жизни [см.: Гуревич, 1967, с. 195]⁵, то в таком случае публицист не решает задачу политического познания и тем более отражения действительности, а следовательно, написанное им принадлежит не публицистике, а художественной литературе.

Подобное расщепление «художественной публицистики» с первых опытов анализа и до сего времени остается типичным. Проблема еще и в том, что указанное расщепление производится во многом случайно.

Выраженное непостоянство «художественно-публицистической» группы, вероятно, связано с отсутствием таковой группы как единства организмов. Можно предположить, что мы имеем дело с двумя независимыми процессами, параллельно протекающими в публицистике и художественной литературе. Публицистика осваивает возможности языка изящной словесности, в результате чего происходит утончение риторической изысканности публицистических форм и возникает часть из тех произведений, которые принято называть «художественной публицистикой». Художественная литература пробует схватить эмпирическую действительность и рассмотреть ее, как если бы эмпирические события имели эстетическую природу. Подобный литературный тип

² Ср.: «...Что же, [красивая] зарисовка внешности солдата и есть элемент художественной литературы [в публицистике]? Нет, ибо автор, естественно, не ставил перед собой задачи эстетического характера. Солдат играет роль живой иллюстрации, факта в ходе решения политической задачи. Элемент описательности, зримого изображения и создание художественного образа — вещи качественно разные» [Черепанов, с. 49].

³ Отметим, что теоретики сатиры отнюдь не отождествляют сатирическое заострение со свойственным традиционной художественной литературе. Ср.: «Фельетон — соединение трех начал: публицистического, художественного и сатирического, эти три начала, однако, не только не разрывают на части “когтистое” тело фельетона, но, напротив... образуют принципиально не похожий на другие газетные жанры текст» [Кройчик, с. 63, 32].

⁴ Ср.: «...Создание типа, типического образа, характера — это непосредственная область искусства, только искусства» [Черепанов, с. 49].

⁵ Ср.: «...Воображение историка при этом не равнозначно вольному художественному воображению поэта или писателя, который нуждается лишь в том, чтобы поступки его героя органично вытекали из его характера и обстоятельств, чтобы герой “жил” в соответствии с заданным ему образом» [Гуревич, 1967, с. 195].

не имеет никакой органической близости с «живописной публицистикой». Явление, развившееся в области художественной литературы, мы предлагаем обозначить как «художественно-публицистическое единство».

Рассмотрим разграничение «живописной публицистики» и художественно-публицистического единства преимущественно на примере паратекстов «Нашей общественной жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

«Наша общественная жизнь» представляет собой сведенный воедино корпус публицистических статей М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанных под указанной рубрикой в рамках авторской колонки в журнале «Современник» в 1863/64 г. Десять лет спустя к тому же журналистскому формату прибег и Ф. М. Достоевский, будучи в 1873/74 г. главным редактором журнала-газеты «Гражданин». В указанном издании весь 1873-й г. выходил «Дневник писателя». В обоих случаях тексты создавались писателями, но создавались ими не в качестве автономного художественного произведения, а в рамках постоянной рубрики периодических изданий. Отсюда специфичный набор сходств: сопоставляя «Нашу общественную жизнь» и «Дневник писателя», мы видим общие черты, вызванные журналистской одноформатностью изданий.

Введение в «Нашу общественную жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина призвано отделить формат этого произведения от традиционного для журналов того времени общественно-политического обозрения. Автор, говоря о природе целого, указывает на хронику как на ближайшее смысловое подобие: «Я не смею заскрежетать зубами, не смею броситься на улицу и огласить стогны Петрограда криком: грабят! несмотря на то что ни один, даже самый невинный, помещик не отказывает себе в этом удовольствии. Я не могу это сделать, во-первых, потому, что прежде всего обязан сделать свою х р о н и к у» [Салтыков-Щедрин, с. 8]. Итак, «Наша общественная жизнь», согласно авторской жанровой номинации, — хроника, которая должна объяснить любому читателю (вне зависимости от места его проживания), в какой стране он живет и что вокруг него творится: «Мое дело растолковать ему, что и как. Мое дело сказать ему: любезный провинциал! если ты побежишь под гору, то уткнешься в “Дураково болото”, тогда как если взберешься на крутизну, то, напротив того, уткнешься в “Дуракову плешь”! Пойми» [Салтыков-Щедрин, с. 7]. Если читатель не согласен с толкованием публициста, то ему лучше изначально пропускать колонку: «Читатели предупреждены, и те из них, которые более интересуются текущими новостями, нежели величественным течением русской жизни, пусть не читают меня, а обратятся к моим собратам по ремеслу» [Там же].

Схожую задачу — охарактеризовать вновь появившуюся рубрику — в 1873 г. довелось решать и Ф. М. Достоевскому. Как и в предыдущем случае, дано указание на жанр, в данном случае — дневник: «...буду и я говорить сам с собой и для собственного удовольствия, в форме этого дневника...» [Достоевский, с. 6–7]. Дневник — форма, подобно хронике разворачивающаяся с обыденным течением времени. Как и хроника, дневник отличен от обозрения, поскольку не предполагает изначального тематического отбора («О чем же говорить? Обо всем, что поразит меня или заставит меня задуматься» [Там же, с. 7].

Может показаться, что две рубрики не только занимают сходное место в изданиях, но и весьма похожи между собой, различаясь экстраверсией «Нашей общественной жизни» (хроники) и интраверсией «Дневника писателя». Оба текста — как бы писательская журналистика, они будто бы требуют от читателя внимательной готовности принять авторское мировидение, словно претендуют на то, чтобы предоставить читателю «общий» вид текущей жизни, а не фактографические частности. Да и интроверсия «Дневника писателя» — почти поза, взятая редактором, пришедшим в заведомо немэйнстримное, в отличие от «Современника» 1863/64 г., издание («“Гражданин” должен непременно разговаривать с гражданами, и вот в том вся беда его!» [Салтыков-Щедрин, с. 6]). Интраверсивность здесь в каком-то плане индульгенция на возможное отсутствие читателей (мол, и пишу-то для себя).

Однако, устремившись подобным образом к сходствам общеформатным, мы потеряли принципиально важное различие, которое типологически разграничивает два явления. Два наших текста, сходных как явления журналистики, созданы в разных поэтиках. Вернее, «Наша общественная жизнь» лежит за пределами эстетики и поэтики: это живописным языком составленный текст с сугубо публицистическим назначением — убеждать читателя в правоте взглядов М. Е. Салтыкова-Щедрина на общественно-политическую русскую действительность второй половина XIX в. Наоборот, «Дневник писателя» прежде всего несет в себе сотворенный автором не существующий, но д о л ж н ы й существовать мир, отличный от эмпирического, причем этот мир не объяснен, но явлен Ф. М. Достоевским: «...Достоевский собирательные понятия олицетворяет; говоря о них, видит перед собою определенные образы. <...> Слово “олицетворяет” здесь является неподходящим: это не олицетворение, а перевоплощение, очеловечивание отвлеченных понятий: государство, идея, партия» [Сидоров, с. 114–115].

Обратимся еще раз к предисловиям. В обоих случаях авторы, работающие в рамках общего журналистского формата, размежевывают «свою» колонку от иных. М. Е. Салтыков-Щедрин подчеркивает родство с «Голосом» и дистанцируется от «Северной пчелы», «Нашего времени» и — чуть позднее — «Московских ведомостей»; Ф. М. Достоевский же, наоборот, сближается с «Московскими ведомостями» и дистанцируется от «Голоса»: «Только в “Московских ведомостях” передовые статьи пишутся в полтора столбца и — к удивлению — понятно; да и то если принадлежат известному перу. В “Голосе” они пишутся в восемь, в десять, в двенадцать и даже в тринадцать столбцов. Итак, вот сколько надо здесь истратить столбцов, чтобы заставить уважать себя» [Достоевский, с. 5]. «Направление» кардинально различается, но система координат и даже диагноз обществу внешне удивительно схожи: издатели обращаются к обществу, в котором стало принято не думать. Именно так формулирует ситуацию М. Е. Салтыков-Щедрин: «Танцуйте канкан, развлекайтесь с гамбургскими и отчасти ревельскими принцессами, но, бога ради, не мыслите... не мыслите» [Салтыков-Щедрин, с. 11]. Нечто сходное видит Ф. М. Достоевский: «Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже почти даром, но даром-то еще дороже обходятся...» [Достоевский, с. 6].

Тем не менее для М. Е. Салтыкова-Щедрина сконструированная им зарисовка — технический момент, на котором автор не задерживается, переходя к рациональному истолкованию показанного: «Вновь спрашиваю я: что за причина такого беспримерного наплыва благонамеренности в нашу литературу? Увы! я просто думаю, что всему причиной четвертак, тот самый четвертак, об отношении которого к русской литературе и ее деятелям так остроумно выразился московский публицист М. Н. Катков: четвертака, дескать, при них плохо не клади — стащат!» [Салтыков-Щедрин, с. 12]. Смысл зарисовки всецело тождествен смыслу логического заключения: власть запретила думать, устроила культ «благонамеренности», подкупила общество. Картинка разворачивается не как сюжет с присущей ему многоплановой «внутренней формой», а как сугубо риторический фрагмент. Это экземпела — «распространенная на неограниченное число случаев единичная или крайне редкая ситуация», потерявшая свою потенциальную многозначность, так что «аргументы, выступающие в роли начальных посылок, опущены, поскольку они обоюдно приняты говорящим и слушателями» [Herrick, p. 77–78].

Возникающие порой в «Нашей общественной жизни» зарисовки, в принципе, никогда не оказываются многоплановыми (таковой характер конфликтовал бы с риторической схемой экземпелы). Например, публицист обращается к проблеме чрезвычайной легкости, с которой в русском обществе создается образ врага. Тема вводится картинкой, как якобы личное воспоминание: «Знал я тогда (в молодости. — Г. П.) одно семейство, жившее очень почтенно и патриархально и состоявшее из большого числа членов. <...> Конечно, так и прожили бы эти добрые люди, если бы, к несчастью, не замешался тут Сенечка». Сенечка, давно переехавший в Петербург и научившийся «мыслить», заехав в родные места, сразу оказывается врагом: «“Это Сенечкин яд! — шепчут родственники. — Это все Сенечкин яд действует!” — “Помилуйте, маменька! — оправдывается Сенечка, — какой тут яд! просто-напросто Катеньке повеселиться хочется! просто-напросто молодая кровь в ней играет!”» [Салтыков-Щедрин, с. 16–17]. Если перед нами экземпела, публицисту остается лишь расширить границы частного случая, что в «Нашей общественной жизни» и исполнено автором: «Подобно этому Сенечке, нигилисты обязаны выносить на себе все грехи мира сего. Тявкнет ли на улице шавка — благонамеренные кричат: это нигилисты подучили ее; пойдет ли безо времени дождь — благонамеренные кричат: это нигилисты заговаривают стихии!» [Там же, с. 18]. То, что Сенечка действительно разрушает семейство, стирает присущие данному семейству ценности (как бы к ним ни относиться), находится за пределами горизонта Публициста. В рамках «Нашей общественной жизни» такое прочтение невозможно: допустивший его выпадает из изначально установленного коммуникативного пространства: непонятно, зачем он вообще открыл данную колонку. Читал бы себе «Сына Отечества».

«Дневник писателя» строится на принципиально иных картинках. В предтесте произведения Ф. М. Достоевский также создает зарисовку современной ему «журналистской поляны», однако воздерживается от ее перевода в плоскость рационального заключения. Его зарисовка отсылает не к последнему в сво-

ей истине слову Публициста, а к другой картинке; причем зарисовки раз за разом обнаруживают второе «дно» ситуации.

Одно «дно» зарисовок «Дневника писателя» обычно отчетливо фактично. Например, Ф. М. Достоевский изображает, как был назначен на должность главного редактора: «Двадцатого декабря я узнал, что уже все решено и что я редактор “Гражданина”. Это чрезвычайное событие, то есть чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), — произошло, однако, довольно просто» [Достоевский, с. 4]. Другое — подчеркнуто условно. Автор изображает, как подобное назначение на должность *могло бы быть*⁶: могло бы состояться где-нибудь в Китае: «Там все так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление» [Там же, с. 4–5].

Два плана находятся в состоянии напряженной взаимодополнительности. «Китайский план» почти что выраженное на «эзоповом языке» изображение окружающей российской действительности: «Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда?» [Там же, с. 6]. Это риторическое заключение Публициста, но заключение, в отличие от заключений «Нашей общественной жизни», фиктивное и не лежащее в плоскости авторской интенции. Попытка отослать к «китайскому плану» как к прямой метафоре лишь делает заметным, насколько Россия не Китай: «...третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полновесную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № “Гражданина”, такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично» [Там же, с. 5].

Так второй план опрокидывает первый: за весьма традиционно «остраненной» линией (Россия — тот же Китай) скрывается изображение противоположного (Россия — не Китай): нет внутренне серьезного отношения к церемониям, нет упорядоченности, нет примата традиции. Русская «китайскость» столь же поверхностна и фиктивна, сколь неглубоко заключение Публициста, навязывающее подобный вектор размышления. В плане картинок «китайскость» предстает мистификацией, прикрывающей нежелание личной ответственности.

⁶ Ср.: «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой... нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть» [Аристотель, с. 655]. В «Дневнике писателя» и с т о р и я не объясняется публицистическими формулировками, но намечает конечный смысл в зарисовках отчетливо условного характера.

В отличие от М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевский насыщает зарисовки своего «Дневника писателя» идеями, которые не находят своего непосредственного выражения в прямых сентенциях Публициста. Публицистический ряд «Дневника писателя» зачастую как бы лишь скользит по поверхности мира, явленного в картинке. Видение Публициста наталкивается на равнозначную другую точку зрения, и это столкновение «мира картинке» с публицистической линией типично: «Так построены все публицистические статьи Достоевского. Всюду его мысль пробирается через лабиринт голосов, полуголосов, чужих слов, чужих жестов» [Бахтин, с. 67]. В этом столкновении мир прекращает быть одноплановым, черно-белым, важным становится не напрямую высказанное слово, а нечто недоговоренное, просто явленное, идущее вразрез с прямо «объясненным», «сказанным» и т. п. В такой ситуации публицистическое разъяснение теряет свой жанрово определяющий характер и становится в сущности фиктивным элементом. К этой вторичности идей в «публицистике» Ф. М. Достоевского еще в 1920-х гг. очень близко подошел А. С. Долинин: «Не идея народа, не общее понятие, а именно о б р а з — очень сложный, конкретно представимый и переживаемый; образ, действительно, быть может, восходящий к некоему смутному однажды воспринятому ощущению от касания грубой мужицкой шершавой руки...» [Долинин, с. 110].

«Наша общественная жизнь» и «Дневник писателя» представляют собой принципиально разные формы так называемой художественной публицистики. Произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина риторично: публицистические рассуждения и зарисовки находятся в одной плоскости, всецело продолжая друг друга. Ф. М. Достоевский взламывает риторическую модель. Место экземпелы заменяет х у д о ж е с т в е н н а я в а р и а ц и я, свершающаяся с «другими» людьми и в «другом», эстетическом пространстве. Вариация в «Дневнике писателя» не носит технический характер: она предлагает взгляды, конкурирующие с линией Публициста или даже находящиеся за пределом его кругозора. Однотипные журналистские явления обретают разную поэтику: рядом с живописной (в лингвистическом плане) публицистикой существует особая форма — художественно-публицистическое единство, изображающее эмпирические ситуации этого мира как если бы они были событиями эстетического порядка.

Аникина А. Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении: вопросы стилистики текста. М., 2005. 212 с.

Антонова В. И. Художественно-публицистические жанры в газетной периодике: учеб. пособие. Саранск, 2003. 56 с.

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 645–680.

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского (1929) // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. / под ред. С. Г. Бочарова и Л. С. Мелиховой. М., 2000. С. 5–175.

Бочаров А. Г. Не сотвори себе гомункулюса // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1968. № 5. С. 48–51.

Вакуров В. Н., Кохтев, Н. Н., Солганик, Г. Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978. 229 с.

Гроссман Л. П. Фельетон — влиятельный литературный жанр // Журналист. 1928. № 2. С. 36–37.

- Гуревич А. Я.* К вопросу об особенностях истории как науки // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. Т. 25 : Вопросы методологии исторической науки / под ред. Б. А. Белого. М., 1967.
- Гуревич А. Я.* Некоторые аспекты изучения социальной истории // Вопр. истории. 1964. № 10.
- Долинин А. С.* [Комментарии к статье В. А. Сидорова] // Достоевский : ст. и материалы. Сб. 2. / под ред. А. С. Долинина. М. ; Л., 1924. С. 109–111.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 12. Л., 1994.
- Журбина Е.* [И.] Современный фельетон. Опыт теории // Печать и революция. М., 1926. № 7. С. 18–35.
- Журбина Е. И.* Теория и практика художественно-публицистических жанров. М., 1969. 399 с.
- Иванов-Грамен Н. К.* Теория публицистики как предмет преподавания // Современник. 1922. № 1.
- Карелова Г. Д.* К вопросу о взаимодействии исторической науки с искусством и эстетикой // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. Т. 25 : Вопросы методологии исторической науки / под ред. Б. А. Белого. М., 1967.
- Кожина М. Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 213 с.
- Колосов Г. В., Кройчик, Л. Е., Худякова, О. А.* Корреспонденция — жанр публицистики : учеб. пособие. Воронеж, 1987. 130 с.
- Кон И. С.* Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки // Вопр. истории. 1963. № 9.
- Кройчик Л. Е.* Современный газетный фельетон. Воронеж, 1975. 230 с.
- Морозов С.* Фельетон — не художественный жанр // Журналист. 1927. № 3. С. 33–37.
- Мутовкин А. А.* Жанры в арсенале журналистики. Ч. 2 : Художественно-публицистические жанры. Омск, 2006. 46 с.
- Прохоров Е. П.* Публицист и действительность. М., 1973. 317 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Наша общественная жизнь // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. / под ред. С. А. Макашина. Т. 6. М., 1968. С. 7–380.
- Сидоров В. А.* О «Дневнике писателя» // Достоевский : статьи и материалы. Сб. 2 / под ред. А. С. Долинина. М. ; Л., 1924. С. 111–116.
- Фельетон* : сб. ст. / под ред. Ю. Тынянова и Б. Казанского. Л., 1927. 219 с.
- Черепанов М. С.* Проблемы теории публицистики. М., 1971. — 191 с.
- Эльсберг Я.* Образ в публицистике // Сов. печать. 1960. № 10. С. 20–21.
- Herrick J. A.* The History and Theory of Rhetoric. Boston, 2001. 304 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2012 г.

УДК 82-311.6 + 821.161.1(091)

Д. В. Аристов

**КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО В ПРОЗЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА
(РОМАН «ПАТОЛОГИИ»)**

Анализируются художественные принципы формирования героического образа в прозе З. Прилепина. Исследуемая проблема рассмотрена на примере дебютного романа автора «Патологии», посвященного чеченской войне. Этические и эстетические составляющие героической концепции Прилепина осмысливаются в контексте предшествующей литературной традиции: «лейтенантской» прозы (Г. Бакланов, Ю. Бондарев и др.), писательской стратегии Э. Лимонова. Особое внимание уделено процессам актуализации романтических коллизий и образов, ставших наряду с ностальгией по советскому отличительными чертами прозы не только Прилепина, но и близких к нему по взглядам и возрасту авторов — Г. Садулаева, С. Шаргунова, Д. Гуцко.

К л ю ч е в ы е с л о в а: героическое; военная проза 2000-х гг., З. Прилепин; неоромантизм; литературная традиция.

Подводя итоги литературного процесса первого десятилетия нового века, критики отмечают, что современные писатели так и не смогли создать яркого «фундаментального, основательного героя» [см.: Беляков, Рудалев, с. 10], способного соединить индивидуальное и типическое, подобно хрестоматийным героям русской литературы — Чацкому, Онегину, Башмачкину... Возможно, это зияющее отсутствие — фактор, подтверждающий специфически противоречивый характер литературной реальности двухтысячных. Для ее описания литературный критик Л. Данилкин выбрал симптоматичное название — программистский термин «клюдж» [см.: Данилкин, 2010] (так называемая программа, которая теоретически не должна работать, но почему-то работает).

Собственно, об отсутствии героя, способного совершать если не подвиги, то хотя бы поступки, подтверждая этим подлинность своего существования, литературоведы говорили еще в девяностые. Ушли с литературного горизонта важные инструменты идеологической борьбы и составные части советской мифологии: героические образы строителей новой жизни, победителей любых препятствий и врагов¹.

Господствовавший в литературе девяностых постмодернизм с его отказом от универсальной шкалы ценностей не нуждался ни в старых героях, ни в героях вообще. По словам литературного критика С. Белякова, «отпала сама необходимость в нем [герое]. Литература превращалась в замкнутую систему. Одни писатели высасывали соки из русской и европейской классики, другие спешили поквитаться за старые обиды с... социализмом и соцреализмом» [Беляков, Рудалев, с. 10].

¹ По словам Х. Гюнтера, архетип героя был «одной из главных фигур советского мифа наряду с архетипами отца (мудрого старца), матери и врага» [см.: Гюнтер].

В двухтысячные неожиданный поворот к реалистическому методу после вполне победного, как казалось, шествия постмодернизма, ситуацию с героями не прояснил. Литература реалистического гнозиса столкнулась с сопротивлением материала — самим временем.

Время, метко названное С. Чуприниным «нулевыми» [см.: Чупринин], охарактеризованное Л. Данилкиным как «эпоха душевной стабильности с отсутствием Конфликта и События» [Данилкин, 2010, с. 142], вызывает стойкие ассоциации с чем-то иллюзорным, нереальным. Показательны итоги спецпроса «Про нулевые», проведенного популярным в Интернете порталом OPENSPACE.RU [см.: Спецпрос...]. Представителей разных искусств и наук просили назвать одно слово, в полной мере характеризующее нулевые годы. Главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Дондурей выбрал слово «имитация», режиссер Н. Хомерики — «тренировка», кинокритик А. Плахов — фразу «превед медвед», режиссер А. Зельдович — «пробка», театральный режиссер А. Могучий — «два ноля», писатель публицист А. Генис — «Интернет». Слова разные, но, думается, объединенные общим настроением, семантическим полем «ненастоящности», «искусственности».

Фантомная матрица реальности породила соответствующую литературу — «бесконфликтную, вялую, безэнергичную» [см.: Беляков, Рудалев, с. 10]. «Все вокруг стало не “геройным” (и тем более — не героическим), а персонажным», — отмечает литературный критик Н. Иванова [2011б, с. 167]. Она же, анализируя рост популярности серии «ЖЗЛ» как способа писателя «прирастить свой символический капитал чужим», делает интересный вывод о герое современной литературы: «Герой словесности — писатель!» [Иванова, 2009]. Но чаще место героев-писателей занимают персонажи, слившиеся с фоном нулевых, инфантильные, самозамкнутые посредственные личности, бесконечно рефлектирующие, но бессильные что-либо изменить. По мнению Ю. Щербининой, таких «призраков героев» можно обнаружить «у Виктора Пелевина (“Амфир В”), Андрея Геласимова (“Год обмана”), Владимира Козлова (“Плацкарт”), Натальи Ключаревой (“Россия: общий вагон”), Ольги Славниковой (“Один в зеркале”), в рассказах Людмилы Улицкой, Татьяны Толстой, у Евгения Гришковца (“Асфальт”), Германа Садулаева (“Таблетка”), Сергея Минаева (“Dухless”)» [Щербинина, с. 465]. С. Беляков видит в современных персонажах Р. Сенчина, М. Хемлин, Е. Каминского, Е. Гришковца, А. Иличевского тоже призраков, но призраков титулярного советника [Беляков, с. 155], клонов «маленького человека».

«России нужны герои», — заявляет в интервью Захар Прилепин, писатель, остро чувствующий время и один из самых ярких представителей молодых авторов из плеяды так называемых «новых реалистов» [см.: Прилепин, 2007б]. Его перу принадлежат произведения: «Патологии» (2004), «Санька» (2006), «Грех» (2007), «Черная обезьяна» (2010). Именно ему литературная критика приписывает не просто создание «нового социально-психологического типа — современного революционера» [Костырко, с. 175], а, по словам К. Гликмана, «вывод на авансцену отечественной литературы героя, способного продолжить ряд бесстрашных и прямодушных правдоискателей, воинов, в наше безгеройное

время становящегося воплощением героики как таковой» [Гликман, с. 189]. А главный редактор альманаха «Искусство войны» И. Плеханов объясняет популярность Прилепина именно «тягой читателя... увидеть сильного мужественного героя» [Плеханов].

Целью настоящей статьи стала попытка определить этические и эстетические составляющие концепции героической личности в изображении З. Прилепина. В качестве иллюстрации типичного для исследуемого автора способа конструирования героического образа обратимся к роману «Патологии». Это первый роман З. Прилепина, являющийся, на наш взгляд, важной точкой для выяснения генетического кода и эволюции прилепинского героя. Кроме того, потребность в героике в этом тексте определена темой — чеченской войной. Для военной прозы категория героического специфична и более значима, нежели для «мирной», бытовой прозы.

Роман «Патологии» был назван «первой полномесной художественной книгой о Чечне» [Орлова], где фактологическая точность² описания военных будней органично вписана в художественную ткань романа. Критиками отмечены авторские удачи Прилепина: новаторский бесстрастный тон повествования, лишаящий роман «идеологичности и публицистичности» [см. об этом: Латынина, с. 167; Бондаренко; Репьева; Курчатова]; монтажно-кадровая «кинематографическая» [Юзефович, с. 132] «нетривиальная композиция» [Пустовая, 2005б, с. 158] с четкой психологической выстроенностью [см.: Естапьев].

Практически документальной достоверностью текст³ обязан максимальному сближению жизни и прозы у З. Прилепина на уровне образа главного героя. Сильное авторское «я»⁴ прилепинской прозы стало предметом критики: «Герой у Прилепина почти везде одинаковый, не развивающийся... можно назвать главным прилепинским героем самого Захара Прилепина» [Гликман, с. 189].

Егор Ташевский, автор-повествователь «Патологий», как и другие герои Прилепина, обладает сходным с автором мировоззрением, жизненным опытом, даже внешностью. Константой в описании портрета Егора становится «бритая в области черепа и небритая в области скул и подбородка голова» [Прилепин, 2009а, с. 25]. Этим он похож на фотографии своего создателя — З. Прилепина, портрет которого помещен издательством на обложки практически всех книг писателя. Этот авторский мужской нарциссизм [Славникова, с. 205], акценти-

² Однако фактические неточности были отмечены [см.: Бушковский].

³ О журналистских тенденциях и натуралистической поэтике современных военных прозаиков см: [Абашеева, Аристов; Аристов].

⁴ В целом, автобиографизм свойственен художественному миру большинства т. н. «новых реалистов». С. Беляков — противник «нового реализма» — предполагает, что это говорит о слабости писателей: «Лучший образ, созданный Захаром Прилепиным, — это сам Захар Прилепин. А вот интересного, нового, оригинального литературного героя у него нет. Лучший образ Сергея Шаргунова — сам Сергей Шаргунов. Может быть, беда здесь в эгоцентризме современного писателя» [Беляков, Рудалев, с. 11]. Е. Ермолин, заместитель главного редактора журнала «Континент», напротив, видит в передаче своего личного опыта — неоэкспрессионизме — «ведущий вектор литературного творчества наших дней» и «основной способ выяснить и отрефлексировать ускользающую идентичность» [Ермолин, с. 12–14].

⁵ Л. Данилкин отмечает, что опыт писательской стратегии Лимонова — «голос надежного рассказчика, декларируемая внелитературность, опора на прямое действие, резкая критика буржуазности и

руемый автобиографизм восходят к писательской стратегии Э. Лимонова⁵, которого Прилепин считает своим учителем. Литературные критики отмечают, что «персонаж Прилепина — парадоксальный «Я, Эдичка», попавший в Чечню [см.: Бугаев, Владимиров]. Собственно, сам Прилепин утверждал, что хотел написать роман про любовь в духе Лимонова: «Роман писался о любви, я и не думал вспоминать полгода, проведенные в Чечне. ...Но потом я понял: повторить лимоновский путь и написать, как “Это я, Эдичка”, исключительно на любовных ощущениях у меня не выходит. Так и получился роман, в том числе и про Чечню» [Прилепин, 2007а].

С Эдуардом Лимоновым Захара Прилепина роднит и стремление создать особую матрицу биографии, обуславливающую понимание творчества и выполняющую текстопорождающую функцию. Героика стала неотъемлемой частью прилепинской «биографической легенды» (терминология Б. В. Томашевского [Томашевский]), чей жизненный путь, как и путь его героев, непременно сопряжен с мужским брутальным делом: участие в чеченской войне, работа в ОМОНе, членство в оппозиционной партии Э. Лимонова. Особую маскулинную харизму подчеркивает псевдоним, за которым Н. Иванова услышала «хрип, агрессию, рычание, злость» [Иванова, 2011а], А. Латынина ощутила «шершавость, словно трут наждаком по стеклу» [Латынина, с. 165], и брутальный облик («Стрижка наголо, сходство с Гошей Куценко, фенечки на шее» [Иванова, 2011б]).

Однако при всей близости писательских стратегий Прилепин отмечает, что с Лимоновым у него «...различные эстетики и организации координат. Я ребенок русской литературы, а Лимонов — во многом наследник европейских писательских традиций» [цит. по: Крижановский, с. 12]. Представляется, что Прилепин скорее наследник русской литературы советского извода. «Это моя литература, да, она мне близка и понятна. Я вообще советский человек по большому счету», — говорит автор «Патологий» о литературе соцреализма [Эхо Москвы...]. Иллюстрацией этой позиции является роман «Санька», который П. Басинский в статье «Новый Горький явился», сравнил с каноническим текстом соцреализма М. Горького — романом «Мать» [см.: Басинский].

Отметим, что демонстративная ностальгия по советскому, эксплуатация жанров, мотивов и образов соцреализма — одна из тенденций современной

потребительской идеологии, патриотизм (не абстрактно-футбольный, а конкретно-проектный) и ревизия новейшей истории» — как никакой другой подходит современным авторам — Стогову, Денису Гуцко, Рубанову, Гаррос-Евдокимову, Козлову, Прилепину [см.: Данилкин, 2010, с. 149].

⁶ Позитивная символическая реставрация советского прошлого — глобальная тенденция современной России, начавшаяся, по мнению социолога Б. Дубина, «с приходом Путина» [см.: Дубин, 2011, с. 119]. «“Советское” конструировалось заново и в результате стало зеркалом, в котором видны отражения нас сегодняшних. Две картинки поддерживают друг друга — прошлое в настоящем и настоящее в прошлом. И эта новая конструкция и была воспроизведена в культуре», — отмечает Б. Дубин, оценивая разнообразные социологические опросы [см.: Дубин, 2009]. Буквальной реализацией этой «зеркальной конструкции» является осовременивание — раскрашивание культовых советских фильмов «Семнадцать мгновений весны», «В бой идут одни старики», или, наоборот, перемещение современных героев во время Великой Отечественной войны: фильмы «Мы из будущего» (2008, режиссер А. Малюков), «Мы из будущего 2» (2010, режиссеры А. Самохвалов, Б. Ростов), «Туман» (2010, режиссеры И. Шурховецкий, А. Аксененко).

литературы⁶. Петербургский исследователь М. Черняк в статье с симптоматичным названием «“BACK IN TO THE USSR”, или Репрезентация прошлого в отечественной беллетристике начала XXI века» [Черняк, с. 73–80] полагает, что обращение к советскому мифу и категории памяти у современных авторов (Д. Иванова, А. Тургенева, М. Елизарова, М. Голубкова) является «своеобразным способом установления реальности» [Там же, с. 74], «внутренней потребностью в проработке исторического опыта» [Там же, с. 75].

Думается, что подобные ретронастроения подкреплены у З. Прилепина не только проблемой исторической памяти, но и важным поколенческим моментом.

Автор «Патологий» — представитель особого поколения середины 1970-х, для которого, по словам современного историка культуры И. Калинина, «советский опыт... приобретает ностальгические черты памяти о детстве. <...> “Детское” и “советское” образует... смысловую рифму» [Калинин, с. 3]. Именно со счастливым советским детством (антитезой которого является взросление во время «лихих» девяностых) у З. Прилепина связано понятие Родины — «Пока мой рот не забили глиной, я буду снова и снова повторять: моя Родина — Советский Союз» [Прилепин, 2009в, с. 16]⁷. «...Моя родина — СССР», — утверждает близкий к Прилепину по возрасту автор «Шалинского рейда» Г. Садулаев [2009]. Роман Садулаева, номинант Букеровской премии 2010 г., содержит яркую метафору, отражающую, на наш взгляд, судьбу поколения «незаконно-рожденных детей», «сирот» СССР: «...Самолет разваливается высоко-высоко в небе. <...> Пассажиры, особенно непристегнутые, просто вываливаются, как горошины из стручка. Пристегнутые не вываливаются. Они упадут в другом месте, с обломками самолета, которые еще будут куда-то лететь, по инерции» [Садулаев, 2010б, с. 71].

«Свободное падение» и фантомные боли из-за утраты Родины у З. Прилепина выражены в лейтмотивном ощущении онтологического сиротства героев. Так, Егор Ташевский помнит лишь своего отца, который умер, когда Егору было шесть лет. В беседе с одним из бойцов герой вдруг начинает говорить о своих родителях: «А у меня батя помер... Я из интернатовских. <...> И мать меня тоже бросила, я ее даже не помню...» [Прилепин, 2009а, с. 35].

Именно в советском прошлом, по логике Прилепина, можно отыскать героя, «который чувствует себя твердо на земле» [Прилепин, 2007б]. Отметим, что земля, почва — концепты, важные для прилепинской публицистики и художественного мира. «Он перенасыщен любовью к своей земле», — отмечает К. Кокшенева, добавляя, что он черпает из нее животворящую силу «драйва и счастья» [Кокшенева, с. 507]. Один из сборников эссе З. Прилепина называется «Terra Tartarara. Это касается лично меня» [Прилепин, 2009в].

В романе «Патологии» воплощением беспочвенности, не-почвы является мотив воды-смерти, преследующий героя, разрастающийся и усиливающийся

⁷ Показательно, что в рассказе Прилепина «Сержант», также посвященного чеченской войне, у главного героя понятие Родины ассоциируется только с детством: «Он не помнил, когда в последний раз произносил это слово — Родина. Долгое время ее не было. Когда-то, быть может, в юности, Родина исчезла, и на ее месте не образовалось ничего» [Прилепин, 2007в, с. 86].

на протяжении повествования от ощущения конечности своего бытия до апокалипсической картины, связанной с библейским Всемирным потопом. Впрочем, библейскую символику, например апокалипсис как мирообъясняющий символ, выражающий смысл войны, использовали О. Ермаков («Знак зверя», 1992), В. Астафьев («Прокляты и убиты», 1994); а в текстах современного прозаика Д. Гуцко метафизика жестокости межнациональных конфликтов раскрыта через метафору Вавилонского столпотворения [см.: Абашева].

С религиозными мотивами связана гипертелесность прилепинской экспрессивной метафоры. Подключая библейский код — точные цитаты из Первого послания к коринфянам апостола Павла, Прилепин существенно расширяет проблематику романа: «Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, которого имеете вы от Бога, и вы не свои. Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и душах ваших, которые суть Божии» [Прилепин, 2009а, с. 267]. Тело как некое единство со всей своей физиологией становится носителем Божественного закона бытия и гарантией того, что человек еще жив, противостоит смерти: «Мое тело, славное мое тело...» [Там же, с. 176]. По контрасту автор создает образы мертвого тела, лишённого правильной геометрии, неестественно расчлененного, вывернутого наизнанку: «В углу дома лежит обгоревший труп. <...> Открытый рот, губ нет закинута голова, разломанный надвое кадык» [Там же, с. 119]. Разрушение тела — грех, патология, преступление против высших сил. Но именно это и есть цель и результат любой войны. Более того, убийства и страдания воспринимаются Егором и другими солдатами вполне привычно, как часть работы: «Надеюсь, нам дадут время, что бы мы определились, как будем работать» [речь командира]. Мне очень нравится это слово — “работать”. Хорошо, что он так говорит» [Там же, с. 168]. Исполняя свою страшную «работу», Егор руководствуется не патриотическим подъемом, не «наукой ненависти» (в романе нет понятий «Россия», «враги России»), не экстремальным желанием проверить свое мужество. «Взаимоотношения с девушкой его пока волнуют сильнее отношения к Родине, а проблема выживания перевешивает задачу пестования мужественности», — отмечает В. Пустовая [2009, с. 440].

В этом изменении восприятия войны — принципиальное расхождение прилепинского текста с лейтенантской прозой. Именно в ряд произведений В. Некрасова, Г. Бакланова, К. Воробьева, В. Кондратьева критики поставили «Патологии»: «Страшный своим реальным знанием войны. Я бы его, не задумываясь, поставил в один ряд с ранней фронтовой прозой Юрия Бондарева и Василя Быкова, Константина Воробьева и Виктора Астафьева» [Бондаренко]. Впрочем, сам Прилепин среди своих литературных ориентиров называет эти же имена: «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Усвятские шлемоносцы» Носова, «Горячий снег» Бондарева: «Полузабытый Бакланов, дай Бог ему здоровья, писал отличную военную прозу, особенно первые его повести хороши. <...> Но учитель у нас у всех, конечно, один — Лев Толстой» [Прилепин, 2006]. Существенную близость отдельных мотивов «лейтенантской прозы» и романа З. Прилепина — «подчеркнутое негероическое видение человека на войне; фронтовое братство; образ водки» — отмечает екатеринбургский исследователь

И. Петров [см.: Петров, с. 169]. Однако при всей негероичности Егора, его постоянной рефлексии и неуверенности в «нормальности» и логичности всего происходящего участие в войне для него не священный долг, как это было для героев лейтенантской прозы. «Мы не только с фашизмом воюем, мы воюем за то, чтобы уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, правдивой, честной», — говорит герой Бакланова лейтенант Мотовилов из «Пяди земли» [Бакланов, с. 232]. Егору чужд гуманистический пафос «лейтенантской прозы», ее истинная героика, заключающаяся, по словам Н. Л. Лейдермана, в «осознании бесценной ценности всего сущего» [Лейдерман, Липовецкий, с. 169].

«Рабочие» отношения распространяются не только на врагов, но и на друзей — «пацанов» из фронтового братства. Мотивы братской любви и нежности («как я люблю их всех... — думаю я. — И ведь не скажешь этим уродам ничего... Как я боюсь за них... За нас боюсь» [Прилепин, 2009а, с. 89]) меняются на цинично-рассудочные, когда дело касается жизни и инстинкта самосохранения: «Если расположиться полулежа, то сидящие с боков в случае чего прикроют меня», — цинично думаю я» [Там же, с. 102]. И. Фролов, анализируя творчество Прилепина с психоаналитических позиций в статье «Закон сохранения страха», замечает, что «у прилепинских героев вообще нет друзей... одни собутыльники или соратники по борьбе, или товарищи по оружию, по работе, партнеры, — но не друзья» [Фролов, с. 445]. И. Репьева предполагает, что прилепинский герой «со своими собутыльниками» живет на «плотско-чувственном уровне», при отсутствии «нравственного противовеса в виде духовности» [Репьева]. Действительно, патологическая ситуация утраченных нравственных ориентиров, ощущение отсутствия Бога пробуждают в человеке на войне «затаенное, звериное» [Прилепин, 2009а, с. 21]. Господствуют первобытные инстинкты всех земных тварей — общие для человека и животного. Поэтому в романе немало зооморфных образов (страдающие собаки: Дэзи в детстве героя, страшная умирающая собака, которую солдаты встречают при въезде в Чечню; боевой пес Филя, парочка колли в вольере); сравнений с животными («ее [Даши] горячий, как у щенка, живот») и трансформаций в них («с лаем хватаю воздух»; «вдыхая и выдыхая, лаю сипло, визгливо», «на четвереньки, стою на четвереньках»; наконец, животных — двойников героев (Даша — Дэзи, Егор — папа-колли из вольера). Прилепин показывает, что война — всеобщее страдание, противоречащее не только библейским заповедям, но и естественным, природным законам. А они для автора «Патологий» важны. Как отмечает В. Пустовая, «Прилепин не чужд переживанию Божественного присутствия. <...> Но ищет опору в безличном, почвенном, дохристовом и даже дочеловечном» [Пустовая, 2009, с. 439]. Сам З. Прилепин утверждает: «Я пишу о том, что в среде определенного количества мужчин еще сохранились первобытные представления о мужестве и чести...» [Прилепин, 2009б].

Думается, *язычество, первобытное* — ключевые слова для понимания прилепинского героя. С языческим связаны клички — патологии героев: *Шея, Язва, Скворец, Плохиш, Андрей Конь*. К первобытным временам отсылают частые сцены застолья и желание отметить первую кровь: «С почином вас, ребятки! — Все

ждут, что Семеныч скажет. Ну, Семеныч, ну, родной! — Десять бутылок водки на стол! — Ура!»; ритуальные пляски вокруг костра с криками: «Буду погибать молодым» [Там же, с. 54].

«Пацанской прозой» назвал роман «Патологии» Л. Данилкин [2005]. «Пацанские рассказы» — такой подзаголовок носит сборник Прилепина «Ботинки, полные горячей водкой» (2008). З. Прилепин не случайно постоянно обращается к социальному типу пацана и культурной мифологии пацанства. Анализируя понятие «пацан», М. Дьячок отмечает, что пацанская культура представляет собой «своеобразный сплав архаичной общинной культуры, элементы которой порой восходят еще к языческим, дохристианским временам (разрядка наша. — А. Д.), и культуры лагерно-уголовной, игравшей большую роль в России XX века» [Дьячок, с. 113].

Герой уходит на войну — в это пацанское, языческое, первобытное, туда, где господствуют инстинкты. Этот уход — бегство от душевных страданий, вызванных несчастной любовью к Даше, от «болезни душой» (литературный критик А. Ганиева отмечает, что мотивы «телоцентризма, перемещения, отчуждения» — ведущие в современной русской прозе [Ганиева]). Жизнь в этом первобытно-языческом мире дает ему ощущение свободы. Литературный критик В. Гуга в этом бегстве видит героический протест «против чуждого ему мира, доверху наполненного мерзостью и сделавшего любимую девушку Егора (Дашу) нравственным инвалидом, не способным любить» [Гуга].

Егор не делает подвига на войне, он совершает его после. В «Послесловии», которое вопреки литературным канонам поставлено в начало романа, он преодолевает инстинктивный страх смерти и спасает ребенка. Преодоление первобытного становится новым рождением для героя: «был слышен непрерывный крик роженицы» [Прилепин, 2009а, с. 12].

Таким образом, З. Прилепин создает героя во многом автобиографичного, эволюционируя от реализма в изображении бесценного и уникального для себя личного опыта к реализму изображения исторического и поколенческого опыта — страшного опыта переживания ненормального, уродливого, «беспочвенного» бытия. Само название романа «Патологии» содержит подчеркнута аксиологический смысл не только по отношению к экстремальному опыту войны, но и ко всей окружающей героя реальности.

Вводя читателя в патологичную естественность войны через общий телесный (уровень ощущений) и инстинктивный экзистенциальный опыт — страх смерти, Прилепин показывает трансформации, происходящие с человеком в мире первобытно-жестокими инстинктов, превращающих его в питекантропа из окопов. Своими «первобытными» чертами он входит в ряд героев «новореалистических» писателей — Е. Алехина, С. Бенецкого, Т. Букова, А. Грищенко, О. Зоберн, С. Иванова, В. Нагибина, И. Савельева, которым также, по мнению В. Пустовой, присущи «мистически-первобытная простота», «мускульная brutality», «воля» и «мужество» [Пустовая, 2005а, с. 421]. Геройство здесь — это не преодоление внешних обстоятельств — врагов, а онтологическое путешествие к обретению собственного «я» через преодоление своей естественной — «тварной» — сущности.

Образ Егора Ташевского, созданный З. Прилепиным в романе «Патологии», задает особую концепцию героического, сложившуюся в условиях аморфного времени «нулевых». Ее суть определил Л. Данилкин: «быть Героем нулевых означало не соответствовать эпохе, не представлять собой идеальное ее отражение — а каким-то образом преодолевать» [Данилкин, 2010, с. 146]. В процессе преодоления актуализируется романтическая коллизия «я и мир» (где мир — широкое понятие, варьирующееся от российской реальности, государственной системы, психологии потребления до враждебной Чечни). Однако этот романтизм носит специфический характер. Он подкреплен мощной инерцией советской культуры, скроен по лимоновским лекалам и выводит на первый план именно романтику протеста, бунт, не индивидуальность, а личность (понятие, связанное с социальной природой человека). Главной характеристикой этой личности становится не внутренний мир, а выбранная стратегия социального поведения — нонконформизм. Не превратит ли тиражирование протестных героев З. Прилепина, С. Шаргунова, Н. Ключаревой, Д. Гуцко, Г. Садулаева литературу в заложницу социально-политической тематики? Вопрос дискуссионный и актуальный для современной литературы.

Абашева М. П. Время чумы // Новый мир. 2008. № 11. С. 192–195.

Абашева М. П., Аристов Д. В. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис и поэтика // Вестн. ТГПУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 139–144.

Аристов Д. В. О природе реализма в современной русской прозе о войне // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 2(14) С. 169–175.

Бакланов Г. Я. Пядь земли. М., 1989. 765 с.

Басинский П. В. Новый Горький явился [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2006. № 4066, 15 мая. URL: <http://www.rg.ru/2006/05/15/sanjka.html> (дата обращения: 30.11.2011).

Беляков С. С. Призрак титулярного советника // Новый мир. 2009. № 1. С. 139–155.

Беляков С. С., Рудалев А. Г. В ожидании героя. Диалог двух бунтарей // Лит. Россия. 2009. № 17–18. С. 10–11.

Бондаренко В. Г. Иди и войю [Электронный ресурс] // Завтра. 2004. № 52 (579), 22 дек. URL: <http://www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/04/579/73.html> (дата обращения: 30.11.2011).

Бугаев Б., Владимиров А. Одна книга — два мнения [Электронный ресурс] // Городская газета. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/patologii/gorodskaya-gazeta.html> (дата обращения: 30.11.2011).

Бушковский А. Перечитывая «Патологии». Нелепицы и странности в рассказах о войне // Вопр. лит. 2011. № 2. С. 195–209.

Ганиева А. Полет археоптерикса: о мотивах современной прозы [Электронный ресурс] // Литературная учеба. 2009. № 2. URL: <http://lych.ru/online/0ainmenu-65/38-s22009/328> (дата обращения: 30.11.2011).

Гликман К. Новый, талантливый, но... Захар Прилепин // Вопр. лит. 2011. № 2. С. 184–194.

Гуга В. Диагностика патологий [Электронный ресурс] // Топос. 2008. 1 сент. URL: <http://www.topos.ru/article/6413> (дата обращения: 30.11.2011).

Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. М., 2000. С. 743–784.

Данилкин Л. А. Клудж // Новый мир. 2010. № 1. С. 135–154.

- Данилкин Л. А.* Роман про зачистки и растяжки [Электронный ресурс] // Афиша. 2005. 13 июля. URL: <http://www.afisha.ru/personalpage/191552/review/150840/> (дата обращения: 30.11.2011).
- Дубин Б. В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М., 2011.
- Дубин Б.* Молчание о будущем [Электронный ресурс] // Новое время. 2009. № 5. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/3019/> (дата обращения: 30.11.11).
- Дьячок М. Т.* Пацан: слово и понятие // Полит. лингвистика. Екатеринбург, 2007. № 2 (22). С. 110—116.
- Ермолин Е. А.* Трансавангард как парадигма современной литературы // Филол. класс. 2011. № 25. С. 12—14.
- Естафьев В.* Захар Прилепин. Роман «Патологии» [Электронный ресурс] // Neue operative radikale Kunst. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/patologii/neue-operative-radikale-kunst.html> (дата обращения: 30.11.2011).
- Иванова Н. Б.* Литературный герой и символический капитал [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.openspace.ru/literature/projects/107/details/12118/?expand=yes#expand> (дата обращения: 30.11.2011).
- Иванова Н. Б.* Писатель и его миф [Электронный ресурс]. 2011а. 27 июля. URL: <http://www.openspace.ru/literature/projects/107/details/23290/> (дата обращения: 30.11.2011).
- Иванова Н. Б.* Спецназ и аристократы // Знамя. 2011б. № 9. С.167—172.
- Калинин И. А.* Добро пожаловать в детство, в которое посторонним вход воспрещен // Неприкосновенный запас. 2008. № 2 (58). С. 35.
- Кокшениева К. А.* Драйф и счастье Захара Прилепина. // Для тебя : [сб. произведений лучших писателей России]. М., 2010. С. 505—510.
- Костырко С. П.* По кругу // Новый мир. 2006. № 10. С. 175—182.
- Крижановский Н.* Куда идет Захар Прилепин? // Лит. Россия. 2008. № 41, 10 окт. С. 12—13.
- Курчатова Н.* Потолок логики [Электронный ресурс] // Time Out. 2005. 22 сент. URL: <http://www.timeout.ru/books/event/366/> (дата обращения: 30.11.2011).
- Латышина А. Н.* Вижу сплошное счастье... // Новый мир. 2007. № 12. С. 165—171.
- Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература, 1950—1990-е годы. Т. 1. М., 2003. 416 с.
- Орлова В. А.* Душевное здоровье как патология [Электронный ресурс] // Лит. Россия. 2005. № 16, 22 апр. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/144/criticism/3577.php> (дата обращения: 30.11.2011).
- Петров И. В.* Роман З. Прилепина «Патологии» и традиции военной прозы 1950—1970 годов // Русская литература. Направления и течения. Екатеринбург, 2011. С. 168—177.
- Плеханов И. С.* Почему исчез спрос на мужество [Электронный ресурс] // Лит. Россия. 2009. № 16, 24 марта. URL: <http://www.litrossia.ru/2009/16/04033.html> (дата обращения: 30.11.2011).
- Прилепин З.* Патологии. М., 2009а. 336 с.
- Прилепин З.* Россия жива пока в ней есть проклятые [Электронный ресурс] : интервью М. Мацкиеву // Друг народа. 2007а. № 9. URL: http://www.drug-naroda.com/index.php?number_id=10&div=articles&id=41 (дата обращения: 30.11.2011).
- Прилепин З.* Россия отлучена от литературы [Электронный ресурс]. 2009б. 28 апр. URL: <http://www.vsluh.ru/news/society/169388.html> (дата обращения: 16.06.2011).
- Прилепин З.* Сержант // Новый мир. 2007в. № 2.
- Прилепин З.* «Чечня — дикий стыд. Какая уж тут литература...» [Электронный ресурс] : интервью А. Гарросу // Гудок. 2006. 19 июля. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/gudok.html> (дата обращения: 30.11.2011).
- Прилепин З.* Terra Tartaraga. Это касается лично меня : эссе. М., 2009в. 224 с.
- Прилепин З.* Несерьезные занятия серьезных людей [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/columnistika/krupnyi-plan/nesereznye-zanyatiya-sereznyh-lyudei.html> (дата обращения: 30.11.2011).

- Прилепин З.* России нужны герои [Электронный ресурс] : интервью В. Бондаренко // Завтра. 2007б. № 41 (725), 10 окт. URL: <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/07/725/index.html> (дата обращения: 30.11.2011).
- Пустовая В. Е.* Диптих // Континент. 2005а. № 125. С. 419–430.
- Пустовая В. Е.* Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель // Новый мир. 2005б. № 5. С. 151–172.
- Пустовая В. Е.* Матрица бунта // Континент. 2009. № 140. С. 433–463.
- Ретьева И.* Без комплиментов [о творчестве Захара Прилепина] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rospisatel.ru/gerjova-prilepin.htm> (дата обращения: 30.11.2011).
- Садулаев Г. У.* Змея [Электронный ресурс] // Огонек. 2009. № 20 (5098), 9 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1239543> (дата обращения: 30.11.2011)
- Садулаев Г. У.* Все в порядке [Электронный ресурс] // Гражданский литературный форум. 2010а. 4 дек. URL: <http://glfr.ru/svobodnaja-kafedra/vsjo-v-porjadke.html> (дата обращения: 30.11.2011).
- Садулаев Г. У.* Шалинский рейд // Знамя. 2010б. № 2. С. 7–71.
- Славникова О. А.* Я самый обаятельный и привлекательный. Беспристрастные заметки о мужской прозе // Новый мир. 1998. № 4. С. 202–207.
- Спецпрос* портала Openspace «Про нулевые» [Электронный ресурс]. 2009. 16 дек. URL: <http://www.openspace.ru/cinema/events/details/15056/> (дата обращения: 30.11.2011).
- Томашевский Б. В.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–9.
- Фролов И.* Закон сохранения страха // Континент. 2009. № 139. С. 435–451.
- Черняк М.А.* «BACK IN TO THE USSR», или Репрезентация прошлого в отечественной беллетристике начала XXI века // Вестн. Герценовского ун-та. 2009. № 10. С. 73–80.
- Чупринин С. И.* Нулевые годы: ориентация на местности // Знамя. 2003. № 1. С. 180–189.
- Щербинина Ю. В.* Призрак современного героя // Континент. 2009. № 142. С. 465–478.
- Эхо Москвы* [Электронный ресурс]. [Передача «Книжное казино»]. 2008. 8 авг. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/54311/> (дата обращения: 30.11.2011).
- Юзефович Л. А.* Роман З. Прилепина «Патологии» // Искусство кино. 2005. № 2. С. 131–132.

Статья поступила в редакцию 04.02.2012 г.

УДК 82-312.6 + 82-94 + 929

Е. В. Никольский**СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ РОМАННОЙ ПРОЗЫ**

Рассматривается специфика особого типа романной прозы — семейной хроники, выявляются ее основные черты: линейная последовательность в изложении событий (хроникальность), специфика проблематики, своеобразие историзма. Показаны особенности, отделяющие семейную хронику от жанров романа-эпопеи, «романа-реки», семейно-бытового, биографического и исторического романов.

Ключевые слова: дифференциация жанров; роман; семейная хроника; роман-эпопея; роман-река; семейная проблематика; история поколений.

Семья и семейные отношения являются предметом изучения психологии, философии, социологии, демографии, истории и других гуманитарных дисциплин. Но именно языком художественной литературы можно доступно и интересно рассказать о семье. Семья является подсистемой общества с многочисленными и многообразными связями и представляет собой своего рода социальный микрокосм, а ее структура — микромодель общества, где в миниатюре заключается вся гамма общественных отношений. История народа материализуется в национальных традициях и стереотипах поведения, хранительницей которых является семья. Подобно хромосоме, именно семья — носительница социальной наследственности, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем наследственность биологическая. Социальные процессы и отношения моделируются большей частью по образу и подобию межличностных семейных отношений, в которых запрограммирован весь спектр человеческих связей от генов до социально-массовой детерминированности.

Попытки описать семью и обобщить ее традиции появились уже на заре развития мировой словесности. Как известно, семейная история потомков патриарха Авраама (описываются четыре поколения и, не исключая и боковых ветвей) составляет сюжетную основу библейской книги Бытие. Это же сказание легло в основу романа Генрих Манна «Иосиф и его братья».

Подобные мотивы не чужды и для античной классики. Фаддей Францевич Зелинский писал о том, что древнегреческая литература (эпос) началась с генеалогии героев. Например, значительная часть Гесиодовой «Теогонии» посвящена происхождению и борьбе четырех поколений олимпийских божеств. Это было вызвано к жизни тем, что эпические поэты «второго периода» (дидактического эпоса) «задались целью приурочить предания гомеровидов, а также и иные к отдельным героям, поставленным между собой в генеалогическую связь, в видах обнаружения правды о прошлом правящих родов в тогдашней аристократической Греции.

В литературе же Нового времени романы и длинные повествования о бытии и смене поколений воистину украшают каждую национальную литературу. Их объединяют такие общие особенности, как схожесть судеб, развитие конфликтных ситуаций, преемственность и обновление бытовых традиций и т. п.

В немецкой литературе читательское признание отдано «Будденброккам» Т. Манна. Французская литература выдвигает двадцать томов эпопеи о Ругонах и Маккарах Э. Золя; роман «Семья Тибо» М. дю Гара, «...И компания» Жан-Ришара Блока, историческую пентологию «Проклятые короли» М. Дрюона. Английские хроники возглавляет «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси.

Яркие произведения этого типа, созданные в Латинской Америке («Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса и «Дом духов» Исабель Альенде), также соотносятся с этим жанром. Стремление расширить пределы повествования, имеющего вполне частный характер, рассмотреть в малом великое становится влиятельным художественным принципом литературы XX в. Значимое место в этом ряду занимает творчество Уильяма Фолкнера, и особенно его трилогия о Сноупсах: «Деревушка» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959).

К образцам менее известным мы относим книги многих писателей на территории СНГ, Африки, Скандинавии. В частности, кавказские литературы богаты хрониками: «Из тьмы веков» И. Базоркина, «Манана» А. Абу-Бакара и даже «Женская честь» И. Д. Папаскири и др.

В украинской классической и современной литературе жанр семейной хроники проявился в творчестве А. Свидницкого. Его роман «Люборацкие» мы считаем каноническим образцом жанра в малороссийской художественной словесности XIX в. К этому же типу (или близким к нему разновидностям прозы) можно отнести и русскоязычные произведения «Братья-близнецы» (1857) Олексы Стороженко и «Пан Халявский» (1839–1840) Квитко-Основьяненко, украиноязычные романы «Мария» и «Волынь» (1933) Уласа Самчука, «Петрий и Довбушуки» и «Столпы общества» Ивана Франка, а также «Тени исчезающие» («Тні зникомі») (2002) Валерия Шевчука. Сама по себе малороссийская традиция семейных хроник требует особого рассмотрения. Собственно романная традиция семейных хроник в русской литературе начинается с творчества С. Т. Аксакова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Вс. С. Соловьева.

Как видно из нашего весьма краткого обзора, подробное исследование писателями семейной темы выливается в создание семейной хроники, отличительной особенностью которой является движение (смена) поколений в контексте эпох. В современном литературоведении не сложилось точного определения и типологии жанра семейной хроники. В западноевропейской и отечественной компаративистике своеобразие семейной хроники является одной из менее разработанных проблем. Например, «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (М., 2001) приводит около 30 иных разновидностей романной прозы. Но нигде не говорится о такой разновидности этого жанра, как с е м е й н а я х р о н и к а.

В научно-критической литературе это терминологическое сочетание (или близкие ему синонимические определения) время от времени встречаются уже более полувека. Например, в 20-е гг. прошлого века известный литературовед Виктор Шкловский писал, что роман А. М. Горького «Дело Артамоновых» — «выдержанная семейная хроника» [цит. по: Сухих, с. 166]. В предисловии к первому российскому изданию «Отчего дома» Евгения Чирикова мы тоже встре-

чаемся с подобной же дефиницией: «роман — классическая семейная хроника» [Михайлова, Назарова, с. 6]¹.

Однако вопреки традиции научного стиля до сих пор термин «семейная хроника» имеет скорее метафорический и интуитивно постигаемый, а не четко выверенный сциентический характер. При анализе этого жанрового типа присутствует терминологическая неопределенность и в зарубежной филологической науке. Обычно используются термины «roman-fleuve» («роман-река»), неопределенный для выявления четких жанровых критериев и дефиниций термин «family novel» («семейный роман»); порою используется неточный (для изучения специфики темпорального построения произведений) термин «multigenerational novel» — роман о множестве поколений, своеобразный аналог бахтинского терминологического сочетания — «роман поколений» (где таковых, согласно логике, должно насчитываться не менее двух). Имеют хождение такие термины, как «family saga», т. е. семейные (соответственно) сага, хроника, цикл².

Филологи зачастую не дают четкой дефиниции, не вникая в самую суть проблемы. М. М. Бахтин, характеризуя историю развития жанра романа, доводит исследование его типологии до литературы XX в. Этот известный исследователь определяет развитие и изменение в поэтике романного жанра начиная с Античности, обосновывает возникновение новых жанровых разновидностей, среди которых отмечает появление «романа поколений» (термин М. М. Бахтина). Однако такое определение жанра нам не представляется точным и приемлемым в силу ряда причин.

Термин «семейная хроника» нам кажется более верным, так он указывает на ряд определяющих жанровых признаков, характерных для данной формы романа. Семейная хроника, соединяя историю жизни человека с жизнью и историей общества, формирует изображение закономерностей общественных изменений, проявляющихся в становлении героя, в особенностях его социального бытия и психологии.

Появление в XIX—XX вв. многочисленных семейных романов, с большей или меньшей точностью определяемых как «семейные хроники», — «Будденброки» Томаса Манна, «Сага о Форсайтах» Голсуорси, — явление общеизвестное. На развитие семейной хроники оказывают влияние и успехи наук биологического цикла, и увлечение физиологией, и традиции Э. Золя. Убыстрение темпов исторического развития XIX—XX вв. и активное внедрение общественных событий в качестве причинно-следственных составляющих жизни простых людей не могли не отразиться в искусстве и литературе.

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни

¹ В другом месте статьи указанных авторов роман именуется то «хроникой-эпопеей», то просто «эпопеей» [см.: Михайлова, Назарова, с. 4, 6].

² В этом контексте укажем также на следующие источники: [Lu Yi-Ling, p. 215; Dell Kersin; Furst, p. 157–177].

поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни. Сужение семейной тематики в первой половине XIX в. и, напротив, ее последующее распространение имеют причины социально-исторического и типологического порядка.

М. М. Бахтин, дойдя в своих изысканиях до литературы XX в., не выделяет семейную хронику как особый подвид романа, а только определяет некоторые пути ее дифференциации. Сам этот термин им не вводится, но как синоним рассматриваемого нами жанра он вводит терминологическое сочетание *роман поколений* и определяет некоторые особенности проблематики и мотивов жанра, в частности выделяя как особый мотив «разрушение идиллии». Ученый отмечает, что «роман поколений» с его мотивом «разрушения идиллии» (т. е. вырождения и распада) вызван историческими событиями XIX—XX вв., катаклизмами эпохи. Однако М. М. Бахтин, кроме кратких замечаний, в суть проблемы не вникает, и специфика жанра семейной хроники не стала объектом его исследований. Принимая в целом его концепцию, мы считаем, что общественные катаклизмы, экономические и культурные кризисы второй половины XIX — начала XX в. действительно способствуют появлению «семейной хроники» как особого поджанра романной прозы. Одним из первых романов семейной хроники в мировой литературной традиции стали «Будденброки» Томаса Манна. Это произведение определило быстрое развитие субжанра и показало более-менее четкую форму, что выделило его среди других типов романной прозы [см.: Хазанов, с. 132].

При рассмотрении специфики субжанра семейной хроники обнаруживаются некоторые лакуны, заметные лишь при более детальном изучении этого феномена.

Во-первых, не выявляются четкие дефиниции обеих составляющих жанра, т. е. специфика семейной проблематики и форм хроникальности (включая такие аспекты художественного времени, как неизменная и четкая последовательность, цикличность, линейность, прерывистость, или гетерохрония) [Философский словарь, с. 103]. Во-вторых, не до конца проясняется роль, удельный вес (в общем контексте произведения) и количество поколений, необходимых для того, чтобы семейная хроника состоялась как жанровое явление. В-третьих, не прояснены истоки жанра, не выявлены его предшественники в литературной традиции. В-четвертых, не выявлены сходства и отличия семейной хроники от близкородственных жанров прозы.

Для формирования четкой дефиниции такого романного субжанра, как семейная хроника, с целью разрешения выявленных выше противоречий рассмотрим специфику отображения времени в произведениях этого жанрового типа. Традиционно хроника определяется как литературный жанр, произведение, содержащее изложение исторически достопримечательных событий в их временной линейной последовательности. Хроника призвана запечатлеть факты времени для потомства; в центре ее — время как субъект исторического процесса. Отметим, что, сопрягаясь с хроникальностью, романное начало не утрачивает своей специфики, но все произведение в целом приобретает новый эстетический смысл [см.: Эпштейн, с. 487].

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни. В развитии художественной семейной хроники обычно действуют представители трех последних поколений, а история рода в более отдаленные времена в сжатом виде сообщается в начале. Она создает своеобразный зачин, являющийся знаком того, что перед нами семейная хроника.

Для произведений этого жанра характерно: соблюдение принципа четкой хронологии, господство линейного принципа, что текстуально оформляется датировкой событий («Будденброки» Томаса Манн), обозначением действия глав («Поющие в терновнике» Колин Маккалоу), соотношением событий романа и событий истории (русские образцы исследуемого жанра: «Хроника четырех поколений» Всеволода Соловьева, «Господа Головлевы» Михаила Салтыкова-Щедрина, «Дело Артамоновых» Максима Горького и др.), а также естественными принципами старения или взросления персонажей. Этим отличаются черты семейной хроники от романов поколений.

Линейный принцип определяет семейную хронику, но в то же время история поколений может быть представлена иными способами (ретроспекцией и воспоминаниями, как в романе В. Шишкова «Угрюм-река» или в романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева»). Отличающей чертой этих произведений является то, что их действия не протянуты во времени и составляют меньший временной отрезок. Исходя из этого можно заключить, что терминологическая формулировка М. М. Бахтина «роман поколений», а также возникший независимо от него термин англоязычного литературоведения «multigenerational novel» нуждаются в уточнении с учетом особенностей поэтики рассматриваемых произведений. Мы считаем линейный принцип крайне важным для семейной хроники, ведь именно в таком случае восприятие исторических явлений становится более целостным и объективным, лучше прослеживаются причинно-следственные связи и закономерности. В случае сбоя в хронологии, фрагментарности, различных форм гетерохронного изложения материала ухудшается качество восприятия. Следует, однако, отметить, что здесь идет речь об иных художественных задачах и иных жанровых формах, поэтому нам термин «семейная хроника» представляется более верным, так как он указывает на ряд определяющих жанровых признаков, характерных для новой формы романа.

Художественное время в семейной хронике представлено жизнью двух—четырех поколений и занимает значительный период в истории общества, что формирует еще одну специфичную черту жанра — соотношение истории страны с историей семьи. Истори́зм романа — семейной хроники своеобразен: крупные события, а порою и реальные исторические деятели, присутствующие в романе, как правило, не интересуют автора сами по себе, но находят отражение как имеющие значение для данной семьи (формирование характера подрастающего или же изменение взглядов взрослого поколения). События гражданской истории воздействуют на быт семьи, трансформируют ее уклад, формируют новые ценности, дают иные направления для деятельности героев. Таким

образом, авторы предлагают именно несколько другой взгляд на историю, как бы снижая ее масштабы и очеловечивая ее. Художественное время может расширяться за счет сведений о родословии героев (вплоть до XVI в. и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX—XX вв.).

Рассматривая специфику этого жанра, следует изучить семантику первого слова в названии жанра — *с е м е й н а я*. Этот аспект жанрообразования подразумевает изучение своеобразной проблематики, сюжетно-фабульных сторон произведений, а также категорий времени и пространства. В контексте проблематики можно отметить, что роман — семейная хроника исследует (в различной степени) традиции семьи, ее микроклимат, проблемы отцов и детей, в этот жанр включено также и изучение конфликтов и социальных связей семьи (проблема индивида и общества не является сугубой прерогативой этого жанра, но в нем она тоже присутствует).

Согласно концепции М. М. Бахтина, основой для романного жанра является *к о н ц е п ц и я л и ч н о с т и*. Разумеется, личность немислима вне контактов с обществом. Поэтому при определении личности и ее места в романе надо иметь в виду характер ее взаимоотношений с обществом. Прояснить такое соотношение нам позволяет введенное А. Я. Эсалнек понятие *р о м а н н о й с и т у а ц и и*, составляющей базовую основу романа как жанра. Романная ситуация представляет собою взаимоотношение личности, среды и микросреды, где личностью является герой, обладающий более-менее значимым внутренним миром; микросредой — совокупность главных героев; средой же — совокупность таких героев, с которыми соприкасаются герои романного типа и которые, как правило, далеки и чужды им [см.: Эсалнек, с. 170].

Вследствие этого в романе всегда имеет место дифференциация и иерархия персонажей, которые составляют микросреду и чьи судьбы воспроизводятся наиболее четко и дифференцированно. Им отдается большая часть воспроизводимого в романе пространства и времени, в силу чего романский сюжет, стремясь к полноте и масштабности, как правило, ограничен в пространстве (место пребывания и встреч главных героев), а во времени ограничен тем периодом их жизни, которой необходим для становления и проявления их сознания, для обретения ими более весомой, с точки зрения героя и автора, жизненной позиции.

Для семейной хроники отличительной чертой является *с п е ц и ф и к а с о о т н о ш е н и я с р е д ы и м и к р о с р е д ы*, которая представлена группой лиц, связанных между собой родственными узами. Особо отметим, что состав микросреды в ходе действия романа может меняться: появление на свет, взросление, старение, смерть героев произведения. Так же изменчивы и сами функции персонажей: они могут переходить из главных героев во второстепенные, т. е. из микросреды в среду и наоборот. В проблематику семейных хроник включаются различные аспекты: социально-экономические, нравственные, преемственности или непреемственности поколений и, наконец, эволюция семьи, или, как об этом часто и не всегда обоснованно пишут исследователи, ее деградация.

Обобщение художественного материала семейных хроник, показывает основные мотивы эволюции семейного характера в произведениях этого жанра.

Необходимость изменения характера в семейной истории обусловлена художественной природой произведений. Но вместе с тем сама эволюция психического склада семьи наряду с другими мотивами становится жанрообразующим фактором романа — семейной хроники.

Анализируя общие аспекты проблематики этого жанра, можно выделить несколько наиболее типичных проблем, решаемых семейной хроникой: соотношение истории семьи и истории общества, что, в свою очередь, рождает ряд других особенностей, являющихся прерогативой именно этого жанра и составляющих его классические мотивы, — то, что в литературоведческой науке рассматривается как мотив вырождения (деградации, дегенерации). Такой подход нам представляется несколько односторонним: более правомерно говорить об эволюции характера героев на протяжении семейной истории. Эти изменения могут носить как негативный характер (т. е. вырождение, в том числе рост физических и психических болезней, духовно-интеллектуальное оскудение, снижение социальной активности, физиологическое бесплодие), так и позитивный характер (возрождение, восстановление потенций рода после мрачных лет дегенерации). Изменения могут быть и нейтральными: характер и мировоззрение трансформируются под влиянием событий истории.

Роман рассматривает судьбу двух и более поколений, но при этом, в отличие от биографического романа, где в центре стоит судьба одного человека, но обычно присутствуют краткие упоминания о его предках и потомках, любое поколение самоценно для автора, и описанию жизни поколений уделяется достаточно внимания, что порою увеличивает объем текста произведения. Задачи биографического романа и романа семейной хроники различны, что обуславливает их проблемное и жанровое своеобразие.

Другим типом романной прозы, от которого следует отделить семейную хронику, является роман-эпопея, традиционное определение которого сводится к тому, что основной чертой этого жанра является то, что эпопея воплощает в себе «судьбы народов, сам исторический процесс, и это ставит ее в один ряд с величественными эпопеями прошлого и в то же время отделяет от романов в собственном смысле этого слова, например от романов Г. Флобера, И. С. Тургенева и др. Эпопея занимает большое место и в литературе XX в. К жанру эпопеи можно отнести «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова» [подробнее см.: Никольский, 2009; 2011; Кожин]. Развитие концепций романа-эпопеи в советском литературоведении было по преимуществу предопределено идеологическими (включая и деиндивидуалистические тенденции) соображениями. Поэтому мы считаем необходимым отделить роман-эпопею и семейную хронику как жанры, имеющие различные черты и вызванные к жизни различными типами художественного мышления. Основная проблематика семейной хроники — проявление бытия личности в микросреде семьи, а также бытие семьи (как отображение отдельного класса, а не всего общества целом) в социуме.

Другим типом прозы, отличающимся от семейной хроники, является роман-река — собрание мини-романов, расположенных в хронологическом порядке и составляющих единое целое. Но сам термин «роман-река» носит не

строго сциентический, а ярко выраженный метафорический характер. Проблематика подобных произведений весьма широка и многообразна: от нравоописания и изображения быта (англиканское духовенство или парламент Британской империи у Энтони Троллопа), освоения новых пространств и «диалога культур» у Фенимора Купера, широких панорам жизни французского общества (Виктор Гюго, Оноре де Бальзак и Эмиль Золя) до подробного биографического повествования («Жан-Кристоф» Ромена Роллана). К этому типу зарубежные литературоведы порою относят и «Сагу о Форсайтах» Джона Голсуорси и «Семью Тибо» Роже-Мартен дю Гара. Однако все, что объединяет эти произведения, — это их многогранность, а не общность композиционного построения и проблематики. Поэтому у нас возникает закономерный вывод, что семейная хроника и «роман-река» — разные жанры романной прозы. Тем более что сам по себе объем произведения не становится ведущим жанрообразующим фактором, а скорее дополнительным критерием. Отметим, что семейные хроники могут быть и однотомными («Будденброки» Томаса Манна, «Дело Артамоновых» Горького, «Проклятый род» Рукавишниковой, «Дети Ванюхина» Ряжского, ряд хроник, написанных в советский период русской литературы), а также состоять из нескольких частей («Сага о Форсайтах» Голсуорси, «Московская сага» Аксенова, «Хроника четырех поколений» Соловьева). Только во втором случае мы можем говорить (весьма условно) о них как о своего рода «романах-реках». Поэтому ввиду размытости критериев и образной дефиниции термина мы не считаем целесообразным его использование при описании и анализе семейных романов-хроник. Ведь основное отличие «романа-реки» и семейной хроники состоит в их разном направлении. «Роман-река» центробежен: семья, судьбы героев выступают в качестве фона или средства для развертывания событийного полотна — отображения объективной реальности социума. В линейном времени — четкая связь с метафорой реки, когда автор ставит цель показать само течение жизни, нежели вписать ее в рамки сюжетно-композиционных и повествовательных структур.

Семейная хроника, напротив, отличается центристельностью. Здесь семья — основной фокус, точка преломления видения социально-исторического процесса. В «романе-реке» превалирует стремление к максимальной объективизации, отсюда привлекательность данного жанра для писателей-натуралистов второй половины XIX в. Центристельность семейной хроники заведомо тяготеет к субъективности и определению места индивида в историко-социальных и политических процессах. Таким образом, если использовать терминологию классического советского литературоведения, то «роман-река» ближе к эпическому жанру: упомянутые нами произведения часто именовались в русскоязычных работах преимущественно эпопеями. А семейная хроника, где в центре проблематики концепция личности (и, как правило, не одной), относится к собственно романической прозе.

Обычно семейные хроники отражают историю выживания семьи в какую-либо драматическую пору, когда само существование семьи ставится под угрозу. Например, кризис Германии породил «Будденброков» в творчестве Томаса Манна, кризис британской империи — голсуорсовских «Форсайтов», перерож-

дение российской действительности в советскую — «Дело Артамоновых» Горького. Кризис сталинизма породил «Журбиных» В. Кочетова; отчетливый упадок уже советской империи вызвал к жизни жанр семейной хроники в творчестве Г. Маркова («Строговы»), А. Иванова («Вечный зов»), П. Проскурина («Судьба» с двумя продолжениями). На гибель СССР успел отреагировать один В. Аксенов: «Московская сага» была одновременно и пародией на семейно-исторический роман, и первой пробой многих современных приемов. В конце 1990-х гг. проникательные литераторы ощутили некоторую стабилизацию и необходимость осмысления нового бурного периода. Пионером в этом жанре в новом периоде истории русской литературы стал Дмитрий Вересов, написавший романы «Черный ворон» и «Летописец». А поскольку в советской истории много иррационального, он стал одним из первых, кто создал мистический (даже оккультно-языческий) колорит на семейном материале.

Тенденция отображать историю семьи проявилась и в творчестве других современных писателей. Например, у Елены Арсеньевой вышла серия романов «Русская семейная сага»: «Несбывшаяся весна», «Зима в раю», «Осень на краю», «Последнее лето», в которых нашла отражение история русского дворянства и интеллигенции от начала до 60-х гг. двадцатого века. Последовательное изложение судеб трех поколений раскрывает то, как история проходит через жизнь простых людей, коверкая и искажая их судьбы. Однако, несмотря на сложные исторические обстоятельства, герои сохраняют себя и культурное наследие своего сословия. Другие семейные хроники («Дети Ванюхина» Григория Рязского, «Две судьбы» Семена Малкова) известны широким массам наших соотечественников в основном благодаря экранизациям, более или менее удачным.

Если окинуть взглядом книги зарубежных писателей, которые получили литературные награды в XXI в., станет ясно, что семейные саги составляют почти половину почетного списка. Так, Национальной книжной премии США в области художественной литературы были удостоены Джонатан Фрэнзен («Поправки», 2001), Джулия Гласс («Три июня», 2002), Ширли Хаззард («Великий пожар», 2003); Пулицеровской премии — Ричард Руссо («Эмпайр-фолс», 2002), Джеффри Евгенидес («Средний пол», 2003); Национальной книжной премии общества критиков — Иэн Макьюэн («Искушение», 2002). Для литературы сегодняшней Америки характерна «мысль семейная», заключенная в неспешное, многостраничное повествование, возвращающее нас к традиционному роману XIX в.; в моду вошли длинные тексты, связанные сюжеты (предпочтительно с легкой детективной интригой), живые, запоминающиеся персонажи (о которых хочется знать, что с ними произойдет дальше) — члены большой семьи с увлекательным и запутанным прошлым и, конечно, с любовной интригой.

Итак, семейная хроника — это особый тип прозы, обладающий только ему свойственными чертами: проблематикой, спецификой историзма, особенностями хроникального (линейного) построения и миропонимания. В целом же этот жанр, пользующийся большой популярностью среди читателей и имеющий длительную предысторию и блистательную историю, является одним из

перспективных как в элитарной, так и в массовой литературе. В будущем возможно появления новых образцов семейных хроник.

-
- Кожин В. В.* Эпопея // Лит. энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1238.
- Михайлова М. В., Назарова А. В.* Россия как отчий дом [Предисловие] // Чириков Е. Н. Отчий Дом. М., 2010. С. 3–27.
- Никольский Е. В.* К вопросу о специфике жанра романа — семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе // Вопр. языка и литературы в современных исследованиях : Кирилло-Мефодиевские чтения. М., 2009. С. 314–320.
- Никольский Е. В.* Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2011. С. 11–23.
- Сухих С. И.* Революционная действительность и художественное сознание Горького // М. Горький и революция : Горьковские чтения — 90. Н. Новгород, 1991.
- Философский словарь.* М., 2001.
- Хазанов Б.* Томас Манн и окрестности : краткий обзор биографий писателя // Знамя. 2001. № 2.
- Эпштейн М. Н.* Хроника // Лит. энцикл. слов. М., 1987.
- Эсаллек А. Я.* Основы литературоведения. Анализ романного текста. М., 2004.
- Lu Yi-Ling.* The family Novel. Toward a generic definition. N. Y., 1992.
- Dell Kersin.* The Family Novel in North America from Post-War to Post-Millennium : A Study in Genre. N. Y., 2007.
- Furst L. R.* «The Ironic Little Dark Chasms of Life» : Narrative Strategies in John Galsworthy's Forsyte Saga and Thomas Mann's Buddenbrooks // LIT: Literature Interpretation Theory. 2006. Vol. 17. L., 2002. P. 157–177.

Статья поступила в редакцию 20.01.2012 г.

УДК 82-96 + 821.161.1.09

Е. Е. Барина

ЖАНР НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дается обзор работ о научно-популярной литературе, рассматриваются различные генеалогические концепции, необходимые при исследовании жанровой принадлежности научно-популярных текстов и определении их места в системе речевых жанров.

Ключевые слова: научно-популярная литература; теория жанров; генеалогия; жанрология; гибридизация жанров.

Научно-популярная литература (НПЛ), как правило, остается на периферии научных исследований. Однако, несмотря на некоторое пренебрежение к научно-популярной деятельности как таковой, многие признают ее важные социальные функции. В последнее время в России после довольно длительного периода отсутствия интереса к литературе данного жанра в последнее время

в России появляется все больше упоминаний о ней, призывов к возобновлению научно-популярной деятельности и изучению данного процесса. Несмотря на то что, специальных системных исследований по НПЛ в сфере генологии до настоящего времени не появилось, некоторые аспекты данного феномена освещены в отдельных работах.

Прежде всего отметим исследования Э. Л. Лазаревич, В. С. Аллаяровой и Л. Н. Когана, в которых представлены краткая история популяризации научных знаний в России, очерчен круг теоретиков и идеологов новой научно-популярной литературы, выделены некоторые методологические принципы популяризации и ее социокультурное значение, намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы, а также затронута жанровая проблематика [см.: Лазаревич, 1978, 1987; Аллаярова, Коган]. Первые попытки формулирования философского и теоретического взгляда на популяризацию авторы находят у А. И. Герцена, В. Г. Белинского и Д. И. Писарева.

Действительно, можно согласиться, что свое теоретическое обоснование научно-популярный жанр (НПЖ) в России получает в середине XIX столетия во многом благодаря работам В. Г. Белинского и Д. И. Писарева. К 40-м гг. XIX в. уже существовал корпус оригинальных популярных сочинений, некий э м п и р и ч е с к и й б а з и с (теории). На его основе можно было выявить особенности нового типа текстов, в которых научное содержание излагалось в форме, интересной и доступной для понимания масс. С учетом формально-содержательной специфики и целого ряда задач, подлежащих разрешению через данный вид текстов, выстраивается представление о жанре как некотором идеализированном объекте и вырабатывается своеобразная система требований и норм жанра. Также можно говорить и о начале формирования самостоятельного концептуального поля вокруг специальных обозначений для нового типа произведений («популярный», «учено-беллетристический»), который описывается и классифицируется, получая свое место в теории и истории литературы.

Д. И. Писарев, проводя последовательное разграничение между научной и популярной манерами изложения материала, перечисляет основные требования к написанию популярного текста, его форме и идейному содержанию [см.: Писарев, с. 237—256]. У В. Г. Белинского интересны параллели между беллетристической и популярной литературой. Выделяя такие области литературы, как наука, искусство и пресса, среди литературных текстов он различает классические (высокохудожественные) и беллетристические (массовые), а среди научных — официально-академические и популярные. Книги популярного изложения, по его мнению, рассказывают массам о результатах работы ученых так же, как беллетристика является своеобразной посредницей между классическим искусством и народом [см.: Белинский, с. 324—365].

В дальнейшем о НПЛ так или иначе (в предисловиях, комментариях, заметках) писали сами популяризаторы. Например, в небольшой статье 1930-х гг. «Что такое занимательная наука?» Я. И. Перельман освещает некоторые используемые им принципы популяризации науки. Наиболее известна литературная и/или редакционно-издательская деятельность крупнейших советских ученых К. А. Тимирязева, С. И. Вавилова, А. Е. Ферсмана, В. А. Обручева и др.

Можно найти и другие работы, в которых затронуты идеи, касающиеся популяризации знаний (исследования И. В. Богословской, Г. Б. Наумова, Б. Пукшанского). Отдельные главы посвящены НПЛ в учебных пособиях по редакторскому делу или в книгах по истории журналистики (С. Г. Антонова, Е. С. Лихтенштейн, В. И. Соловьев). В них можно найти краткую историческую справку о НПЛ, информацию о типологических характеристиках и видах научно-популярных изданий, о концепциях их создания.

В лингвистических исследованиях выделяются и описываются академический и научно-популярный подстили научного стиля, соотносимого с соответствующими жанрами (доклад, монография, статья и т. д.). Здесь можно найти описание некоторых жанровых разновидностей НПЛ, рассмотренных в рамках функциональной стилистики (Е. А. Баженова, М. Н. Кожина, М. П. Котюрова, В. А. Салимовский). Ряд работ, посвящен отдельным аспектам научно-популярных текстов (И. В. Богословская, Н. Н. Маевский, А. И. Новиков, Е. С. Троянская).

Что касается зарубежных исследований, то можно отметить активный интерес к НПЛ в Европе в последнее время. Появляются сборники статей, отражающие различные проблемы популяризации; за последние десятилетия издано множество статей и монографий по этой тематике (М.-Ф. Montreux, D. Jacobi, P. Le Voeuf, P. Lazlo, R. Lamy-Pegonnet и др.). Интерес американских авторов, в отличие от европейских, в основном сосредоточен на жанре научной фантастики — литературном и кинематографическом. Работы зарубежных исследователей отражают самые разные аспекты в изучении НПЛ. Несмотря на то, что изучаются весьма широкий спектр формально-содержательных характеристик просветительской литературы и социокультурный контекст ее функционирования, проблема жанра как такового затрагивается, как правило, опосредованно. В целом, научно-популярный жанр (НПЖ) понимается как межкультурный феномен, формирующийся как неотъемлемая черта развития науки.

Тем не менее, несмотря на отсутствие специальных теоретических работ о жанровом своеобразии НПЛ, можно опираться на современные генетические концепции, в русле которых так или иначе может встраиваться изучаемый нами объект. За последние десятилетия интерес к проблеме жанра значительно возрос не только в литературоведении, но и в лингвистике, все чаще к феномену жанра подходят с позиции междисциплинарного подхода, исследуя и сопоставляя вербальные и невербальные знаковые системы (кино, музыка, изобразительное искусство) [Grow; Modern genre theory; etc].

Выявление специфических особенностей НПЖ позволило бы точнее определить его место в системе жанров. Поэтому необходимо обратиться к общей теории речевых жанров М. Бахтина, который подчеркивал, что, кроме литературных жанров, которые традиционно изучаются в рамках поэтики, требуется исследование речевых (первичных) и риторических жанров и природы их взаимодействия [см.: Бахтин, с. 160—162].

НПЖ как пограничный жанровый феномен практически никогда не становился предметом специального изучения для отечественных теоретиков лите-

ратуры: в традиционное родовидовое деление художественной литературы (эпические, лирические и драматические жанры) популярные тексты явно не вписываются. Тем не менее сложившиеся в литературоведении подходы к теории и истории жанров несомненно окажутся полезными в рамках работы с НПЛ, находящейся на границе науки и литературы.

В целом, литературоведами выделяются два основных подхода к изучению жанров: типологический и историко-генетический, которые зачастую входят в противоречие друг с другом. Н. Д. Тмарченко видит данную проблему диалектически, учитывая необходимость поиска и построения инвариантных жанровых структур и необходимость учета изменения жанров во времени, поиск определенной логики этого изменения. Исследователь определяет жанр как типическое единство, сложившееся исторически. Для него определенные литературные типы (теоретические модели жанров) и критерии их выделения должны всегда соотноситься с реальной историей литературы [см.: Тмарченко, с. 10–11].

Ставится вопрос и о возможности существования внежанровых состояний отдельных литературных произведений вопреки распространенному мнению, что художественное мышление не существует вне жанра («всякое мышление жанрово»). И. В. Силантьев считает, что литературное пространство шире пространства жанрового, поэтому в рамках исторического подхода при описании процессов жанрообразования можно говорить о «дожанровом состоянии» отдельных литературных ареалов, когда литература организуется на низших по отношению к жанру уровнях (темп, фабула, сюжет и т. д.) [Силантьев, с. 22–23]¹.

Имеющаяся в исследованиях российских и зарубежных специалистов информация о специфических формально-содержательных характеристиках различных научно-популярных текстов, а также опора на разработанные концепции в области теории жанров позволяют подойти к рассмотрению НПЖ и определению его места в ряду других речевых жанров.

В общем смысле само наименование жанра научно-популярный подразумевает научность содержания и особую форму, в которой научная информация была бы доступна широким массам. Если вернуться к типизации текстового материала, предлагаемой В. Г. Белинским (наука, искусство, пресса), то содержательный аспект НПЛ несомненно будет связан с наукой, а формальный может быть связан и с искусством и с прессой. Е. С. Троянская, выделяя в научном стиле ядро, периферийные и пограничные области, пишет, что некоторые жанровые разновидности мало изучены в лингвистике в силу того, что находятся на периферии и граничат, тесно взаимодействуя, с различными жанрами другого стиля. Научно-популярную и научно-публицистическую литературу она определяет как «типичные межстилевые образования»: «В этой литературе есть произведения, близкие по своему строю к самым разным функциональным стилям (к научному, газетно-публицистическому, художественному, даже разговорному)...» [Троянская, с. 21].

¹ Опираясь на эту позицию, мы и говорим в нашей работе не только о научно-популярном жанре, но и о научно-популярной литературе.

Таким образом, можно говорить об очень широком спектре взаимодействий различных жанров и появлении жанровых гибридов при поиске наиболее подходящих форм для популяризации научных знаний. В статье мы лишь отчасти коснемся некоторых жанровых взаимодействий.

В первую очередь это взаимодействие НПЛ с научными жанрами, которое становится очевидным из самих наименований жанровых разновидностей: «научно-популярная монография», «научно-популярная статья», «общедоступные лекции» и т. д. В научно-популярных текстах, построенных по схемам классических научных монографий, статей, лекций, сохраняется строгая логика мысли, системно излагаются основы отдельной отрасли знания: например, известные «общедоступные лекции» К. А. Тимирязева или первая в своем роде научно-популярная монография «Глаз и Солнце» С. И. Вавилова. Тем не менее уже на начальном этапе формирования НПЖ используются особые приемы, позволяющие перевести сложный научный язык на общедоступный и более увлекательный для массового читателя. Например, анализ популярных статей календарей (месяцесловов) XVIII в. показывает, что авторами уже тогда осознавалась специфика функций текстов, несмотря на то, что жанр только начал зарождаться в России. В текстах научного содержания для широкой публики можно обнаружить особую расстановку акцентов, подчеркнутую коммуникативную установку, некоторые процессы нарративизации и эстетизации научного дискурса.

Поскольку начальный этап формирования НПЖ во многом связан с появлением периодических изданий, это не могло не отразиться и на отношении с системой журналистских жанров, в которых традиционно выделяют информационные (заметка, интервью, репортаж), аналитические (статья, обзор) и художественно-публицистические (очерк, эссе, фельетон) [см.: Кройчик, с. 126]. Результаты этих взаимодействий — это, как правило, те жанровые разновидности НПЛ, которые не ставят непосредственных дидактических задач и выполняют прежде всего функцию информирования о новых научных открытиях, памятных научных датах, событиях в научном сообществе и т. д.

Чтобы не только информировать, но и вовлечь читателя в познавательный процесс, популяризаторы зачастую пользуются приемами художественной литературы. Именно на этот феномен чаще всего указывают исследователи НПЛ, подчеркивая, что авторам-популяризаторам необходимо обладать не только научными знаниями, но и писательскими талантами. Считается, что НПЛ возникла на стыке науки и искусства: «вся научная популяризация так или иначе связана с литературной первоосновой» и представляет собой «диалектическое единство философии, естественной науки и художественного творчества» [Алаярова, Коган, с. 96, 135]. В другом источнике найдем определение популяризации как «особого вида научной работы и художественного творчества» [Лихтенштейн, Михайлов, с. 66]. Выделяют даже отдельно такую разновидность, как научно-художественная литература, к которой, например, можно отнести и жанр научной фантастики [см.: Алаярова, Коган; Лихтенштейн]. Зарубежные ученые также выясняют вопрос, является ли НПЖ именно литературным жанром [La science populaire dans la presse..., p. 22], и

отмечают гибридность жанра, «составного из науки и литературы, вымысла и дидактизма...» [La science pour tous..., p. 21].

Отметим, что диапазон художественных жанров, которые популяризаторы берут на вооружение, необычайно широк. Например, научная (научно-популярная) биография «может быть написана во многих жанрах — от поэзии до драматургии» [Лазаревич, с. 93]. Также возможны такие гибриды, как научный детектив или занимательное путешествие, и т. д. Так, если говорить о травелогах, то здесь показателен уже средневековый жанр хождений (путешествий). Во многом напоминая стратегию научного исследования в целом, стратегия исследования географического (а далее социального и культурного) пространства зачастую становится нарративной структурой многих научно-популярных книг (вспомним известные путевые заметки В. А. Обручева, В. К. Арсеньева, «Межпланетные путешествия. Полеты в мировое пространство и достижение небесных светил», 1915, и «Ракетой на Луну», 1935, Я. И. Перельмана и др.) [см.: Барина, 2010].

Использование различных жанровых форм художественной литературы бывает вполне органично и рационально, но также может быть внешним, поверхностным. Например, в произведении «Беседы о множественности миров» (1686) Б. де Фонтенеля (многие называют его родоначальником НПЖ, а «Беседы» даже называют «жанровым архетипом» [La science pour tous..., p. 6]) мы обнаружим элементы эпистолярного жанра, который выступает лишь своеобразным рамочным обрамлением текста (это же можно сказать, например, и о «Письмах о разных физических и философических материях, написанных к некоторой немецкой принцессе...» Л. Эйлера (1768)). А вот за счет формы диалога и нарративизации изложения материала Фонтенелю удается добиться живости и увлекательности повествования: беседы между философом-ученым и непросвещенной, но очаровательной французской маркизой сочетают в себе ученость и галантность. Здесь вполне обоснованно можно говорить о возможной фикциональности научно-популярного произведения (в отличие от научного текста, тяготеющего к объективности и фактологичности).

Итак, мы обратились к работам, освещающим особенности и функционирование НПЛ, выявляя жанровую специфику научно-популярных текстов. На базе имеющихся сегодня лингвистических и литературоведческих генологических концепций необходимо более точное определение места НПЖ и его разновидностей в системе других жанров. Принимая во внимание полижанровую природу НПЛ, было бы перспективно исследовать научно-популярные тексты не только в сопоставлении с научными или литературными жанрами, но и в совокупности с жанрами публицистики. Можно сказать, что за счет близости к научным текстам некоторые жанровые разновидности НПЛ более консервативны, структура текстов отличается системностью и последовательностью; публицистичность сказывается в оперативности и актуальности, индивидуальной авторской окрашенности и интерактивности текстов; элементы художественности способствуют большему жанровому разнообразию, гибкости и динамике. Благодаря проявлению художественного начала научно-популярный текст приобретает не только дополнительные эстетические и нарративные

характеристики, но и становится более наглядным, увлекательным, занимательным. Основной массив текстов, который более всего привлекает и массового читателя, и исследователей процесса популяризации научных знаний, — это именно те произведения, в которых наиболее органично использован потенциал художественной литературы.

Аллаярова В. С., Коган Л. Н. Научная популяризация и социалистическая культура. М., 1979. 135 с.

Афанасьев А. И. Специфика гуманитарной теории // Актуальні проблеми духовності / відп. ред.: Я. В. Шрамко. Кривий Ріг, 2008. С. 24–33.

Барينوва Е. Е. Сюжет путешествия в научно-популярной литературе (теоретический аспект) // Лирические и эпические сюжеты : материалы к словарю сюжетов русской литературы. Вып. 9. Новосибирск, 2010. С. 256–266.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Белинский В. Г. Опыт истории русской литературы // Собр. соч. : в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 324–365.

Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 125–168.

Лазаревич Э. А. Искусство популяризации науки. М., 1978. 224 с.

Лазаревич Э. А. Функции и принципы популяризации науки. М., 1983. 244 с.

Лихтенштейн Е. С. Заметки о популяризации (Н. К. Крупская, Н. Л. Мещеряков, С. И. Вавилов) // Книга : исследования и материалы. Вып. 11. М., 1965. С. 242–262.

Лихтенштейн Е. С., Михайлов А. И. Научно-популярная литература // Редактирование научной, технической литературы и информации : учеб. для вузов. М., 1974. С. 62–67.

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной : в 3 т. Т. 1 : Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь, 1994. Ч. 1. 304 с.

Писарев Д. И. Народные книжки // Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание : в 6 т. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1903. С. 237–256.

Силантьев И. В. Сюжет и жанровый статус беллетристического произведения // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 17–23.

Тамарченко Н. Д. Методологические проблемы теории рода и жанра в поэтике XX века // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры : Основные проблемы в историческом освещении. М., 2003. С. 33–63, 81–98, 219–244.

Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1984. С. 16–27.

Frow J. Genre. L., 2006. 171 p.

La science populaire dans la presse et l'édition XIX et XX siècles / sous la dir. de B. Bensaude-Vincent, A. Rasmussen. P., 1998. 320 p.

La science pour tous : sur la vulgarisation scientifique en France de 1850 à 1914 / Bibliothèque du Conservatoire National des Arts et Métiers. Dirigé par Bruno Béguet. P., 1990.

Modern genre theory / ed. and introd. by David Duff. Harlow, 2000. 287 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2012 г.

УДК 070.19(470.5) + 070.19(57) + 94(470.5)“1917”

Р. Л. Исхаков

БЕЛАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СИБИРИ И УРАЛА: РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИКА В ЭПОХУ КОЛЧАКА

Впервые описывается деятельность газет и журналов Сибири и Урала в период монархической контрреволюции (колчаковщины). Феномен белой печати рассматривается в параметрах постмодернистской концепции социоестественной истории. Вводятся в научный оборот новые документы из фонда главного начальника Уральского края о демилитаризации информационной инфраструктуры военной диктатуры.

Ключевые слова: белая печать; Русское общество печатного дела; частно-государственное партнерство; Н. В. Устрялов; социоестественная история.

Астрономически ничтожное время начала XX в. мы называем эпохой Колчака. В 1917–1921 гг. российское общество вошло в состояние бифуркации. Революция и гражданская война — это время и процесс выбора нового канала эволюции, направления дальнейшего движения системы. Поскольку реально шел выбор не одной-двух ценностей в остальном неизменной системы, а выбор самой системы, сомнению подверглись все императивы. Возникла ситуация, которую ученые называют «моментом нуля ценностей» [см.: Кульпин].

Предложенная нами тема представляет собой исследовательскую лакуну, поскольку в советской историографии на многие годы вперед была заложена оценка, данная в письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!», в котором В. И. Ленин, в частности, требовал, чтобы трудящиеся массы полностью осознали, что «Колчак и Деникин несут восстановление порядков хуже, чем царские...» [Ленин, с. 48]. Это в немалой степени объясняет недостаточную изученность темы монархической контрреволюции. За годы советской власти вышло в свет около 17 тысяч книг, брошюр и статей, посвященных истории гражданской войны в России. В советской историографии главный упор делался на освещении побед Красной армии, чем и объясняется повышенный интерес исследователей к событиям 1919–1920 гг. Отечественная историография 1920–1950-х гг. практически не обращалась к истории белого движения. Данная тема затрагивалась лишь косвенно в связи с рассмотрением боевых операций 3-й Красной армии на Восточном фронте. Г. Х. Эйхе явился первым и последним советским исследователем, в трудах которого антибольшевистские вооруженные силы востока России являлись предметом специального рассмотрения. Его почин не нашел поддержки в советской историографии. Большинство специальных работ, посвященных истории контрреволюции, появились в конце 1960-х — начале 1980-х гг. В числе первых книг о колчаковщине были работы Г. З. Иоффе [1977, 1983]. В середине 1990-х гг. появились первые (спустя тридцать лет после выхода в свет монографии Г. Х. Эйхе) публикации, посвященные истории белой Сибирской армии [см.: Ларьков; Симонов, 1994; 1995]. Итогом развития советской историографии гражданской войны стал выход в свет

двухтомника «Гражданская война в СССР» (М., 1980, 1986). Необходимо отметить, что его авторы фактически проигнорировали большинство публикаций уральских, сибирских и дальневосточных исследователей, вышедших в свет в 1960–1970-е гг.

Теме белой журналистики в этом году исполнилось 90 лет. В январе — марте 1922 г. в Ревеле была написана и в Первой государственной типографии (г. Петроград) отпечатана тиражом 5 тыс. экз. книга В. Белова «Белая печать...» [см.: Белов, 1922]. В книге упоминается 124 периодических издания. Вадим Белов провел два года в Эстонии, непрерывно сталкиваясь с местными газетными кругами. В 1921 г. был редактором ревельской газеты «Свободное слово». Он пользовался материалами, собранными в двухлетней эмиграции, использовал эмигрантскую прессу, а также «специальные труды по русскому вопросу, изданные за границей». Предлагаемый труд, считал автор, «отнюдь нельзя рассматривать как исчерпывающее и всестороннее исследование прессы».

Советские исследователи относят В. Белова к сменовеховским авторам — возвратившимся на родину эмигрантам [см.: Шкаренков, 1986, с. 5–6]. Он предупреждал, что те, кто примкнул к враждебному советской власти лагерю, борются вовсе не за Россию, не за свободу и права человека, а за возврат «власти касты, за поворот к старому, за реакцию» [Белов, 1923, с. 114]. Такие откровенные признания бывших эмигрантов оказывали большое моральное и политическое воздействие на общественное мнение, поэтому книгу напечатали в Советской России. Однако прозорливые намеки автора о материалах для будущего исследователя оказались невостребованными. Отдельные сюжеты истории монархической контрреволюции исследованы И. И. Минцем, Э. Н. Бурджаловым, «демократическая» (эсеро-меньшевистская) контрреволюция стало предметом интереса В. В. Гармазы, К. В. Гусева, Д. Л. Голинкова, П. И. Роцевского, С. Н. Семанова, О. Ф. Соловьева, Л. М. Спирина. Главным недостатком изучения белой печати является крайне ограниченная источниковая база исследований, вызванная объективной невозможностью использовать архивные документы.

В некоторых современных публикациях проявляется стремление перейти от безудержной критики белого движения, эмиграции к безудержному их восхвалению. Кульбит, в результате которого из «кучки отщепенцев», «врагов собственного народа» все белогвардейцы и эмигранты «чохом» превращаются в «узников совести», «истинных патриотов», «борцов против тирании», становится подчас таким же мифом сегодня, как и огульное охаивание этих людей в недалёком прошлом. Не основанная на фактах идеализация белого движения является лишь болезнью роста современной историографии гражданской войны. В условиях свободы научного творчества подтверждение или опровержение той или иной мифологемы является лишь делом времени. Два десятилетия назад, в 1992–1993 гг., после работы парламентской комиссии во главе с Д. А. Волкогоновым было открыто для общего пользования 78 млн файлов, десятилетиями томившихся в секретных архивах [см.: Волкогонов, с. 20]. Президент Российской Федерации Указом от 15 мая 2009 г. № 549 даже создал Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб

интересам России [см.: Указ...]. Остро востребована демифологизация прошлого, которая, в свою очередь требует и смены парадигм историографии.

С начала 2000-х гг. основным трендом развития российской государственности является ее укрепление. Выбранный в начале XXI в. способ управления страной публицистами образно назван «милитократией» [см.: Колесников]. Тема белой печати с ее дискурсом государственности и порядка имеет непреходящую злободневность и получает в начале XXI в. новое звучание. Тему прессы России в годы революции и гражданской войны исследует Л. А. Молчанов [Молчанов, 2001; 2002], который в 1999 г. защитил докторскую диссертацию на эту тему.

Рамки нашего исследования хронологически укладываются в период, который определяется датами создания и ликвидации всероссийского Временного правительства адмирала А. В. Колчака (т. е. с 18 ноября 1918 г. до 15 января 1920 г., когда Колчак подписал указ о сложении с себя звания верховного правителя и передаче его генералу А. И. Деникину). На выбор темы повлияло и то, что А. В. Колчак несколько раз приезжал в Екатеринбург (ноябрь 1918, февраль, 10 мая, июнь, июль 1919). Екатеринбург был выбран им для размещения ставки, но из-за начавшегося отступления план не был реализован. В социальном отношении главной по надежности базой антибольшевистского движения на востоке России являлся Уральский регион, а отнюдь не Сибирь [см.: Симонов, 2000]. Объясняется это в основном тем, что в отличие от уральцев к лету 1918 г. сибиряки не успели испытать на себе большевистскую политику продовольственной диктатуры.

Колчаковский переворот является одной из важнейших вех в истории гражданской войны на востоке России. Заседание Совета министров 18 ноября 1918 г. явилось решающей фазой Омского государственного переворота: на нем было принято принципиальное решение о переходе от директориальной к единоличной форме правления, утверждено Положение о временном устройстве государственной власти в России, ставшее на время правления Колчака своеобразной конституцией, избран сам верховный правитель. Был осуществлен переход от гражданского управления к военной диктатуре А. В. Колчака. Совокупными усилиями мемуаристов (В. Г. Болдырев, А. Будберг, М. Дитерихс, В. Зензинов, М. Жанен, Б. Сахаров, В. Пепеляев и др.), отечественных авторов (К. Г. Гинс, С. П. Мельгунов, Н. И. Ракитников, М. Е. Плотникова), зарубежных исследователей (Р. Лаккерт, Дж. Стюарт, П. Флемминг) и современных ученых (К. А. Богданов, Г. З. Иоффе, И. Ф. Плотников) всесторонне нарисован портрет Александра Васильевича Колчака. Сущность верховного правителя раскрывает управляющий делами всероссийского Временного правительства Г. К. Гинс. Он писал, что адмирал больше всего ненавидел «керенщину» и из ненависти к ней «допустил противоположную крайность: излишнюю “военщину”» [Гинс, 4].

Фактически военная власть господствовала на территории всей Сибири [см.: Там же, с. 137–139]. Военный режим осуществляли три армии: Сибирская армия генерала Р. И. Гайды, Западная генерала от артиллерии М. В. Ханжина и Южная армия казачьего атамана генерал-лейтенанта А. И. Дутова. Омское

правительство при своей канцелярии имело отдел печати, который включал в себя Российское телеграфное агентство (С. Б. Сверженский), Пресс-бюро (Н. В. Устрялов) и Бюро иностранной информации (Г. В. Гейнц).

Гражданская власть отправлялась через главных начальников краев, 11 декабря 1918 г. верховный правитель утвердил Указ «О Главных начальниках края» [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 1. л. 131]¹. Главным начальником Уральского края был назначен инженер Сергей Семенович Постников, товарищ (заместитель) министра торговли и промышленности Временного правительства [см.: Там же].

Цензурный режим на территориях, занятых белой армией, был жестким, что отчасти оправдывалось условиями военного времени; подавлялось всякое инакомыслие, вытравливался критический дух. Цензура рассматривалась журналистами как «тормоз в... деле». Редактор «Отечественных ведомостей» А. С. Белоруссов-Белевский писал главному начальнику Уральского края: «Она [цензура] не только вычеркивает циркуляры министерства внутренних дел (!), что нелепо... но задерживает своевременный выход газеты в свет. Так, недавно цензор отлучился из дому и мы, не получив вовремя утвержденных гранок, должны были задерживать печатание или начать печатание без утверждения. Зная, что в посланном материале нет ничего нецензурного, мы решились на последнее, и были вдвойне наказаны... как цензор вычеркнул сведения об аресте большевистского комиссара, и у нас... 1500 испорченных листов» [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 25, л. 204].

Эмпирической базой нашего исследования выступает фонд главного начальника Уральского края (1918–1919) в Государственном архиве Свердловской области [см.: ГАСО, ф. Р-1956], на который мы уже ссылались. Изучены документы, скомплектованные канцелярией Главного начальника Уральской области в 1918–1919 гг. в 10 дел: «Дело об учреждении должности Главного начальника Уральского края и об организации управления краем» [оп. 1, д. 1, 135 л.], «О личном составе канцелярии начальника края» [оп. 1, д. 8, 23 л.], «Переписка» [оп. 1, д. 11, 350 л.], «О разрешении съездов и собраний» [оп. 1, д. 15, 42 л.], «Материалы для помещения в местной печати» [оп. 1, д. 16, 32 л.], «Донесения Верховному Правителю» [оп. 1, д. 19, 53 л.], «Входящие письма Главному начальнику Уральского края» [оп. 1, д. 24, 71 л.], «Телеграммы и переписка по разным вопросам открытого характера» [оп. 1, д. 25, 283 л.], «Телеграммы и исходящие письма Главного начальника Уральского края» [оп. 1, д. 16 (364 л.), д. 27 (250 л.)].

В эпоху «активной борьбы белая печать была богата и разнообразно представлена на территории России, занятой в то время белыми. С эвакуацией последнего белого этапа вся эта пресса прекратилась» [Белов, 1922, с. 18]. Рисуя картину в целом, нужно отметить, что в период буржуазно-монархической

¹ В разъяснение данного Указа верховным правителем и верховным главнокомандующим всех сухопутных и морских вооруженных сил России издается особая инструкция, которая возложит на главного начальника Уральского края приведение в исполнение Указа бывшего Временного всероссийского правительства областному правительству Урала от 22 октября и 4 ноября 1918 г.

реакции (колчаковщины) в Сибири и на Урале активно действовали периодические издания. Сторонники белого движения, имея опытные журналистские кадры, денежные средства из разных источников, типографии, смогли наладить мощную сеть периодики. В 1919 г. у А. И. Деникина было более 100 газет и журналов. В феврале того же года в Сибири и на Дальнем Востоке выходило 157 периодических изданий (см. табл.). В Крыму в 1920 г. издавалось более 20 газет, почти в каждом городке по газете. Жизнь газет и журналов периода гражданской войны была скоротечной, но они сумели сохранить и донести до нас дух эпохи.

*Печать белого движения в Сибири (1919)**

Регион	Количество периодических изданий	
	газет	журналов
Западная Сибирь	39	32
Восточная Сибирь	33	22
Приморье	20	6
Маньчжурия	4	1
<i>Итого:</i>	96	61

* *Источник:* [Правительственный вестник].

Немногочисленными исследователями перечисляются следующие наименования периодической печати Сибири, Урала и Дальнего Востока за период правления А. В. Колчака в 1918—1919 гг.: газеты «Правительственный вестник», «Русская армия», «Сибирская речь», «Заря», «Наша заря», «Слово», «Иртыш» (Омск), «Уфимская жизнь», «Наш край» (Уфа), «Свободная Пермь», «Народная мысль» (Пермь), «Отечественные ведомости», «Наш Урал», «Голос Сибирской армии», «Уральская жизнь», «Голос сибиряка» (Екатеринбург), «Свободная речь», «Новое слово» (Семипалатинск), «Земля и труд» (Курган), «Свободное слово» (Тюмень), «Военные ведомости», «Народная Сибирь», «Русская речь» (Новониколаевск), «Сибирская жизнь», «Народная газета», «Голос Сибири» (Томск), «Свободная Сибирь», «Воля Сибири» (Красноярск), «Свободный край», «Наше дело», «Наша мысль», «Народная Сибирь» (Иркутск), «Наш путь», «Забайкальская новь» (Чита), «Приамурье» (Хабаровск), «Наши дни» (Благовещенск), «Голос Приморья», «Эхо», «Далекая окраина» (Владивосток).

Несмотря на всю сложность военного времени, замечает краевед-библиофил В. Н. Голдин, «периодическая печать в городах Урала процветала» [Голдин, с. 63]. Первая (пусть и неполная) информация об этом приведена в энциклопедии «Екатеринбург» [см.: Павлов, Стровский, с. 436—440]. Количество авторов в регионе возросло в связи с открытием в Перми университета, в Екатеринбурге горного института, здесь же временно разместилась Академия Генерального штаба. Наряду с местными авторами появлялись новые имена.

После перехода власти к белочехам и колчаковцам вновь начали выходить «Зауральский край», «Уральская жизнь»; в августе 1918 г. появился запрещенный большевистской цензурой литературно-научный журнал «Наш народный университет», в сентябре 1918 г. — «популярно-литературный и профессиональный» журнал «Уральский печатник», «Вестник профсоюзов Урала». Осенью того же года в Екатеринбурге появилась ежедневная областная газета «Урал» с программой поддержки Временного правительства, защиты «демократических начал в рабочем и крестьянском вопросе». Когда власти закрыли ее, возникла областническая газета «Горный край» (29 ноября 1918 — январь 1919), в феврале 1919 г. родилась газета «Наш Урал» (последний установленный номер — от 8 июля 1919 г.). Параллельно с этими изданиями приехавшие из Уфы члены Учредительного собрания 17 ноября 1918 г. начали издавать журнал «Народовластие», газету «Отечественные ведомости» (выходили в Екатеринбурге с ноября 1918 по 6 июля 1919 г.).

3 октября 1918 г. появилась военно-общественная газета штаба 7-й Уральской дивизии горных стрелков «Голос сибиряка» (выходила до июля 1919 г.). В марте 1919 г. в вагоне-типографии печатали фронтовую ежедневную газету «Вперед». С установлением в Екатеринбурге в июле 1919 г. советской власти вся небольшевистская пресса исчезла.

В Перми издавались правительственные газеты «Пермские губернские ведомости», «Сибирские стрелки». Предпринято издание газеты «Свободная Пермь». В работе редакционной коллегии принимали участие Б. А. Броневский, профессор Л. А. Булаховский, Н. В. Устрялов, П. Н. Фиолетов, А. И. Сырцов и др. В июне 1919 г. в Перми учреждена военно-общественная литературная газета «Отечество» под редакцией Н. С. Григорьева с участием М. М. Кузнецова и члена Всероссийского национального собрания А. А. Рукина. Газета издавалась при штабе Сибирской армии. При газете «Освобождение России» в Перми в первой половине 1919 г. печатался литературно-художественный журнал «Русское приволье». Его редакция выпускала книги «Художественной научно-политической библиотеки». В Екатеринбурге — «Уральская жизнь» (1899—1919), долгожитель местной прессы. Кроме того, выходили газеты «Отечественные ведомости», «Горный край», с 18 января 1919 г. переименованная в «Наш Урал». Редактором газеты «Наш Урал», перешедшей в собственность Екатеринбургского совета кооперативных союзов, состоял Петр Васильевич Мурашев [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 1, л. 176]. В Тобольске начала выходить частная газета «Сибирский листок» (1896—1919). В Кургане издавалась Союзом сибирских маслодельных артелей основанная воспитанником декабристов А. Н. Балакиным «Народная газета» (1906—1919).

Значительную роль играла кооперативная пресса: журналы «Уральское хозяйство», «Уральский кооператор», а также издания «Лесное эхо», «Молодая Русь» (Екатеринбург), «Земля и труд» (Шадринск), «Голос трудового казачества» (Оренбург), «Вестник Пермского края», «Сибирский листок» (Тобольск), «Власть народа», «Пулемет» (Челябинск), кадетская газета «Свободный край» (Иркутск), «Новости жизни» (Харбин), «Власть народа» (Челябинск), «Новый Алтайский луч», «Народная газета» (Томск), «Армия и народ» (Уфа).

Чехи и словаки приступили к выпуску «информационного листка» «Чехословак», еженедельника «Югославянин», «Карпаторусского слова» (декабрь 1918). На языке тюрки издавалась газета «Каһарман башкорт» («Мужественный башкир») [Башкирская энциклопедия, с. 376]. Общественно-политическая газета была органом генерального штаба А. В. Колчака. Редактор газеты — деятель башкирского национального движения, имам Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев. Его отец, мулла Габидулла Курбангалиев, на свои средства сформировал конный полк (полк Мухаммада), воевавший под командованием его сына Харуна на стороне Колчака [см.: Юнусова]. В Уфе издавалась еженедельная газета «Ак идель» («Белая река»). В 3-й армии Колчака в Уфе (позднее в городах Сибири) в 1919 г. выходила еженедельная газета «Ватан» («Отчизна»).

Важнейшей структурой являлось Русское телеграфное агентство (РТА, до 1 декабря 1918 г. Сибирское телеграфное агентство) под руководством С. Б. Сверженского. Телеграфное агентство имело 20 корпунктов: 6 на Урале (Уфа, Миасс, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург, Уральск), 10 — в Сибири (Тюмень, Омск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита, Якутск) и 4 на Дальнем Востоке (Хабаровск, Харбин, Благовещенск, Владивосток); позднее появились также корреспонденты в Николаевске-на-Амуре и Петропавловске-Камчатском). Активно действовали корреспонденты РТА.

В мае 1919 г. была проведена существенная реформа, не получившая своей оценки: почти все дела отдела печати Совмина были переданы созданному в Омске по инициативе кадетов акционерному Русскому обществу печатного дела (РОПД) (см.: ГАРФ, ф. Р-4626, оп. 1, д. 18, д. 3). Говоря современным языком, было создано частно-государственное партнерство: 2/3 его акций принадлежало государству в лице правительства А. В. Колчака, 1/3 — частным лицам. Директором-распорядителем РОПД был председатель восточного отдела ЦК кадетской партии А. К. Клафтон, а ставшее его пропагандистской сердцевиной Пресс-бюро фактически возглавил Н. В. Устрялов. После организации РОПД в ведении правительственного отдела печати остался лишь официальный «Правительственный вестник». А при главном штабе адмирала А. В. Колчака был образован осведомительный отдел (Освед-верх), руководивший осведомительными органами колчаковских армий и выпускавший бюллетень для военных газет.

И до реформы начальник Уральского края С. С. Постников выполнял разные поручения, связанные с обеспечением деятельности периодической печати. 26 декабря 1918 г. ему пришла телеграмма начальника Управления печати Совета министров: «Спешно отправить Пермь бойкого добросовестного сотрудника для телеграфных сообщений Омск РТА. Расходы наш счет, деньги по первому требованию. Властей прошу содействовать» [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 25, л. 23]. В тот же день редакция газеты «Уральская жизнь» рекомендовала для работы корреспондентом Русского телеграфного агентства Михаила Ивановича Борисова [Там же, л. 29]. Кроме того, С. С. Постников по поручению омской власти участвовал в поиске типографии для «Правительственного вестника» [см.: Там же, л. 55, 62, 87]. Надо было организовать и распространение периодической печати. С. С. Постников 10 января 1919 г. просил Министерство

путей сообщения сдать в аренду книжные шкафы на станциях здешним «Отечественным ведомостям», которые являлись изданием «Московских Русских ведомостей» [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 25, л. 115; д. 26, л. 36]². До революции их арендовали Суворин и Сытин, но эти контракты потеряли силу. «С помощью железнодорожных шкафов [киосков], — считал редактор газеты «Отечественные ведомости», — мы покрыли бы всю страну сетью лавочек, торгующих новой хорошей литературой» [Там же, д. 25, л. 202].

Начальник Уральского края С. С. Постников уже в апреле 1919 г. (апогей власти верховного правителя [Тезисы..., с. 88] ушел в отставку по мотивам, изложенным им в специальной записке, поданной на имя верховного правителя. Этот документ раскрывает существо колчаковского режима. Постников прямо утверждает, что на территории, находящейся под контролем омского правительства, вся власть сосредоточена в руках военных, господствует военная диктатура. Гражданские власти полностью игнорируются, следствием чего являются «незаконмерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных при побеге и т. п.». «Начальник края, — констатировал Постников, — может быть только свидетелем происходящего» [Гинс, с. 138, 184–186]. Главный начальник Уральского края уволен в связи с ликвидацией должности, последняя дата принятого им приказа — 26 апреля 1919 г. [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 24, л. 70 об].

Реформа информационно-пропагандистского механизма, его (пусть частичное) разгосударствление привели к демилитаризации информационной инфраструктуры военной диктатуры. Раскрепостилась частная инициатива. С лета 1919 г. деятельность репортеров координировал заведующий информацией. В связи с этим пропагандистская деятельность РОПД резко активизировалась. За первое неполное полугодие с момента его образования до 15 декабря 1918 г. было выпущено всего 510 телеграфных бюллетеней (Там же, д. 6, л. 2 об). Только за три летних месяца 1919 г. было выпущено около 850 телеграфных бюллетеней [Там же, л. 97 об.], т. е. на 60 % больше, чем за первые полгода; в том числе, помимо общих обзоров, военные и экономические бюллетени (последние по 10 направлениям), обзоры печати.

У истоков создания и последующей перестройки идеологической инфраструктуры в механизме колчаковской военно-диктаторской государственности стоял русский правовед, философ-публицист Николай Васильевич Устрялов (1890 — 1937). 21 февраля 1919 г. приказом по управлению делами верховного правителя и Совета министров Н. В. Устрялов был назначен директором Пресс-бюро. В Омске, по свидетельству современников, Н. В. Устрялов возглавляет «правую оппозицию Колчаку», к которой тот склонен был прислушиваться. Сам Устрялов становится главным приверженцем чистой диктатуры, неоднократно обращается к Колчаку с требованием покончить с представительным правлением и даже идейно возглавляет правую оппозицию. Устряловская оп-

² 24 января 1919 г. ему ответили, что сдача в аренду книжных киосков по станциям зависит от Совета управления дороги [ГАСО, ф. Р-1956, оп. 1, д. 25, л. 211].

позиция подталкивает Колчака к тезису «диктатура ради демократии». Своей позицией Устрялов продемонстрировал миротворческий потенциал русской интеллигенции в переломную эпоху. Он призывал сохранить в стране общенациональное единство — залог развития и взаимообогащения разных культур и национальностей. С разгромом колчаковщины окончательно порывает с либеральным лагерем и провозглашает «идеологию нового пути» — национал-большевизм.

Возрождение некомунистической периодики в конце XX — начале XXI в. мы представляли (на примере исламской печати) в постмодернистской парадигме самоорганизации как фликкер-эффект [Исхаков, с. 89—94]. Однако многие используемые подходы оказались сегодня недостаточными в анализе прессы. Пониманию места белой печати в российской истории требуется либо теоретические основания большей объясняющей силы, либо иные дополнительные основания. Известно, что процессы в обществе отличаются от поколения к поколению, иными словами, квантируются сменой поколений. В Средневековье Ибн Халдун успешно использовал сравнение поколений элит, условно приняв за срок смены поколений 40 лет. Хотя идея использовать поколения как квант времени плодотворна, сама единица нуждалась в уточнении. Сторонниками социоестественной истории (СЕИ) в расчет был взят не срок активной жизни правителя при передаче власти прямым потомкам, а интервал активной жизни среднестатистического человека. Школа социоестественной истории известна своими исследованиями семиколенных социально-демографических макроциклов [Кульпин-Губайдуллин, с. 139—158). Сложность использования данного кванта времени заключается в том, что срок демографической смены поколений — величина не постоянная, а переменная. Этот срок растет с улучшением уровня и качества жизни: 15 лет в древности, 17 — в раннем Средневековье, до 20 вырос во второй половине XX в., в XXI в. этот интервал времени, по видимому, вырастет до 25 лет³. Разложение событий социальной и политической жизни по поколениям дает возможность приходиться к определенным выводам, которые не всегда можно получить иным путем.

Мы видим, что социоприродный организм — население и территория его проживания — через каждые семь поколений проходит через два рода (типа) состояния: переломные (бифуркационные) либо относительной социально-экологической стабильности. Последняя каждый раз достигается в принципиально отличной от предыдущей форме социально-политической организации.

Башкирская энциклопедия : в 7 т. Т. 3. Уфа, 2007.

Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье : Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М. ; Пг., 1923.

³ Не случайны современные ограничения в объявлениях при приеме на работу: не моложе 20, не старше 45 лет.

- Белов В.* Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность : (материалы для будущего историка). Пг., 1922. 128 с.
- Волкогинов Д. А.* Семь вождей : в 2 кн. Кн. 1. М., 1997.
- ГАСО.* Ф. Р-1956.
- Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Харбин, 1921.
- Голдин В. Н.* Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург. 2007.
- Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
- Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- Исхаков Р. Л.* Самоорганизация издательского дела в странах Содружества Независимых Государств // Редакторские чтения-2004. Омск, 2004. С. 89–94.
- Колесников А.* Военно-мемориальный капитализм // Известия. 2003. 6 июля.
- Кульпин Э. С.* Феномен России в системе координат социоестественной истории // Иное : хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С. Б. Чернышев. М., 1995.
- Кульпин-Губайдуллин Э. С.* Семиколенные циклы русской истории // Проблемы математической истории. Основания, информационные ресурсы, анализ данных / отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М., 2008.
- Ларьков Н.С.* Рождение Сибирской белой армии // Тез. докл. Второй республ. науч. конф. «История Советской России: новые идеи, суждения». Ч. 1. Тюмень, 1993.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39.
- Молчанов Л. А.* Газетный мир антибольшевистской России (окт. 1917–1920 г.). М., 2001.
- Молчанов Л. А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920). М., 2002.
- Павлов В. А., Стровский Д. Л.* Периодическая печать // Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург, 2002
- Правительственный вестник* (Омск). 1919. 12 февр.
- Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия (май – декабрь 1918 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири, XX век. Новосибирск, 1994.
- Симонов Д. Г.* Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995.
- Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия, май – декабрь 1918 г. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.
- Тезисы ЦК РСДРП(б)* в связи с положением на Восточном фронте // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970.
- Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 [Электронный ресурс]. URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=052421> <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=052421> (дата обращения 02.02.2012).
- Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. 2-е изд. М., 1986.
- Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. М., 2007.

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

УДК 821.111 Хаксли + 82-5

В. С. Рабинович

ЛЕКЦИОННЫЙ ЦИКЛ О. ХАКСЛИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ» КАК ИДЕЙНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЕГО ПОЗДНЕГО ТВОРЧЕСТВА

Анализируется лекционный цикл О. Хаксли «Человеческая ситуация» (1959) в качестве философского обоснования системы ценностей позднего творчества писателя, для которого высшей ценностью стал синтез разных образов мира, отсюда — определяющая содержание «Человеческой ситуации» базовая метафора «строительства мостов». Лекционный цикл Хаксли рассматривается через призму выстраивания Хаксли «мостов» между дихотомическими полюсами на разных уровнях: «позитивное» знание — гуманитарное знание, оценивающее бытие с точки зрения «человеческой ситуации»; научное знание — чувственный опыт; предопределенность — свобода выбора; жизнь частная — жизнь историческая; и др.

Ключевые слова: О. Хаксли; синтез; дихотомия; объективное знание; чувственный опыт; свободная воля; человеческая природа; прогресс.

Творчество Хаксли безусловно «идеологично», образная система его произведений подчинена задачам выражения взглядов писателя. Именно поэтому на разных этапах своего творчества параллельно художественным текстам Хаксли создавал и социально-философские эссе и трактаты, в которых его взгляды выражались уже прямо, без образного опосредования; эти эссе и трактаты можно рассматривать как своего рода ключ к творчеству писателя на соответствующих этапах его творчества. Таким ключом к раннему творчеству Хаксли можно считать его «Смеющегося Пилата» (1926), «Делай, что хочешь» (1929), «Вордсворта в тропиках» (1929), где находит идейное оформление занятая Хаксли 1920-х гг. позиция «абсолютного сомнения». Соответственно в качестве такого рода ключа к его творчеству второй половины 1930-х гг. можно рассматривать его трактат «Цели и средства» (1937), где декларируется принятый Хаксли в это время идеал «освобождения от индивидуальности». Поздний Хаксли с его идеалом синтеза разных начал, подходов, видений мира непосредственно — в форме теоретических выкладок — изложил свою концепцию «спасения человечества», к которой пришел к концу жизни, в своем лекционном цикле «Человеческая ситуация» (1959), прочитанном студентам Калифорнийского университета в городе Санта-Барбара; художественное воплощение эта концепция нашла в его утопическом романе «Остров» (1962).

Фактически в конце творческого пути Хаксли произошло возвращение к началу, только на качественно ином уровне: от бесконечного множества равноправных взглядов на мир, жизненных философий, идей и ценностей, объединенных позицией авторского абсолютного сомнения, — через выход к определенному кругу ценностей как истинных и соответственно разрушение полифонического художественного мира — к идее уже с и н т е з а разных правд, жизненных философий, идей и ценностей как ценности высшей. Для О. Хаксли

последних лет жизни эти правды, жизненные философии, идеи и ценности объединены уже не равноценностью в их ограниченности и относительности, но тем общим, и действительно ценным, что их объединяет. Именно поэтому, очевидно, не вполне корректны зачастую встречающиеся утверждения о полном приятии Хаксли в конце 1950-х — начале 1960-х гг. какой-либо конкретной системы ценностей (например, ценностей индийской культуры). Как явствует из теоретических постулатов «Человеческой ситуации», равно как и из утопической практики «Острова», для Хаксли конца 1950-х — начала 1960-х гг. приемлемы лишь определенные элементы индийской культуры, учитывающие те элементы реальности, которые не учитываются культурой европейской.

Во вступительной лекции к «Человеческой ситуации» («Интегрированное образование») Хаксли формулирует свою главную задачу как интегрирование разных уровней мировосприятия, разных подходов, разных ценностей на основе того общего, что их объединяет,— отношения к сущностным проблемам человеческого бытия.

При этом основой несовершенства современной ему культуры Хаксли последних лет жизни считал именно разделенность человеческого взгляда на мир, когда бытие осваивается с разных сторон — через научное познание, через непосредственный чувственный опыт, через художественную символику, через нравственную оценку, но при этом разные способы освоения бытия и разные подходы к нему существуют изолированно, вне какой-либо взаимной связи. В поисках синтеза Хаксли ввел в свой лекционный цикл понятие «понтифика» — т. е. древнеримского жреца, который рассматривался как «строитель моста» — «строитель моста между землей и небом» [Huxley, 1981, p. 10]. Именно строительство мостов между разными аспектами видения мира и считает Хаксли теперь основной задачей дальнейшего развития культуры.

В свое время автобиографический герой «Контрапункта» (1928) Филип Куорлз высказал свою мечту «взглянуть на жизнь всеми глазами сразу... глазами верующего, глазами ученого, глазами экономиста, глазами обывателя» [Хаксли, 1936, с. 217]. В «Человеческой ситуации» (конец 1950-х) запечатлелось уже стремление Хаксли не просто «взглянуть на жизнь всеми глазами сразу», но о б ъ е д и н и т ь и взгляд верующего, убежденного (без логических доказательств) в определенных ценностях, и взгляд ученого, требующего абсолютных доказательств, и взгляд человека искусства, и непосредственный опыт восприятия жизни просто человека («обывателя»), и множество других возможных взглядов и уже на основе этого синтеза найти наиболее адекватные варианты ответов на сущностные проблемы бытия и разрешения «человеческой ситуации». Примечательно, что Хаксли теперь не разделяет познание бытия, его оценку и его действенное совершенствование; вопросы «каков мир?» (чисто гносеологического характера) и «каким он должен быть?» (ценностного характера) теперь рассматриваются Хаксли в единстве (примечательно в этой связи, что пятнадцатью годами ранее, в романе «Время должно остановиться», молодой интеллектuala Поль де Врие, носитель идеи «мостов», призванных связать искусство, науку, религию и нравственность, изображен сатирически).

«Полюса», между которыми Хаксли выстраивает «мосты» в своей «Человеческой ситуации», можно условно причислить к трем наиболее общим парадигмам:

- 1) собственно уровни мировосприятия;
- 2) сущностные проблемы бытия;
- 3) собственно ценности.

Собственно уровни мировосприятия, формы отражения бытия

В рамках этой парадигмы Хаксли рассматривает ряд исторически сложившихся дихотомий и «многополюсных» противостояний, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

• **П о з и т и в н ы е** науки, дающие объективное знание, — **г у м а н и т а р н ы е** науки, оценивающие бытие с точки зрения «человеческой ситуации» (факт — ценность). Хаксли в этой связи говорит об изначальной ущербности как «позитивного» знания, оторванного от гуманитарных проблем, так и голословных рассуждений гуманитарного характера, не опирающихся на реальные факты. Рассматривая историю такого рода дихотомии, Хаксли тем не менее выделяет уже в прошлом элементы движения навстречу, запечатлевшиеся, с одной стороны, в предисловии В. Вордсворта к его «Лирическим балладам», где поэт «говорит, что самые отдаленные открытия химика, ботаника, специалиста по минералам станут предметом, не менее подходящим для поэзии, чем что-либо иное, — при условии, что эти предметы будут интересны людям и смогут рассматриваться в контексте того, что они есть для людей как «радующихся и страдающих существ» [Huxley, 1981, p. 11], а с другой стороны — в размышлениях ученого-биолога Т. Гексли, родственника Хаксли, «включавшего дополнительные «кусочки» гуманитарной информации в специализированную научную информацию» [Ibid., p. 9] и вышедшего в конце концов от науки — к религии: «Наука, как мне кажется, в высшей и сильнейшей степени обучает той высшей правде, которая воплощена в христианской концепции полной покорности воле Бога» [цит. по: Life and Letters...].

Посредником же между двумя этими полюсами предстает у Хаксли ученый и философ Френсис Бэкон, который, с одной стороны, порицал античных ученых Платона и Аристотеля за презрение к факту, за то, что они «выдвигали положения относительно вселенной, не доставляя себе труда поинтересоваться реальными фактами» [Huxley, 1981, p. 15], но, с другой стороны, «никогда не уставал говорить, что знание без любви может быть глубоко порочным — и даже Злом» [Ibid., p. 17], и упрекал Платона и Аристотеля «не только в том, что им не хватало смирения изучать объективные факты и строить на них свои рассуждения, но и в том, что они стремились к знанию исключительно во имя интеллектуального удовлетворения, но не по мотивам любви и не во имя помощи людям» [Ibid.]. Таким образом, Хаксли считал задачу синтеза «позитивного» и гуманитарного знания, факта и оценки исторически сформировавшейся — и ждущей непосредственного разрешения.

- **Научное знание** — непосредственный чувственный опыт. В этой связи Хаксли рассматривает противоречие между познанием и восприятием через ощущения, не поддающиеся логическому познанию.

Размышляя об ограниченности человеческого словаря в силу его расчлененности на изолированные составляющие и продолжая тем самым линию, идущую от романа «После многих лет умирает лебедь», где «герой-резонер» мистер Проптер размышляет об ограниченности человеческого словаря, Хаксли пишет: «Чего мы не имеем в данный момент, так это словесной формы, которая могла бы выразить единство научного факта и научной теории, с одной стороны, и непосредственного опыта - с другой» [Huxley, 1981, p. 12].

Идея ограниченности только логического восприятия бытия при бездействии других каналов восприятия нашла свое наиболее концентрированное отражение в работе О. Хаксли «Врата восприятия», посвященной уже непосредственно поиску путей выхода к иным, «внелогическим» путям восприятия мира. О. Хаксли — автор «Врат восприятия», соглашаясь с интуитивистской концепцией А. Бергсона, пишет об изначально «ограничительной» роли мысли и языка: «...Каждый из нас — это потенциально Великий Разум. Но поскольку все мы животные, то наша задача состоит прежде всего в выживании. А для того чтобы сделать биологическое выживание возможным, необходимо пропустить Великий Разум через ограничительный клапан мозга и нервной системы. С противоположной стороны клапана вытекает жалкая струйка сознания, которая и помогает нам выжить на поверхности этой планеты. Чтобы сформулировать и выразить это суженное сознание, человек изобрел и непрерывно развивал те системы символов и подразумеваемых понятий, которые мы называем языками...» [Хаксли, 1995, с. 344].

В то же время это вовсе не означает неприятия со стороны Хаксли сознания логического, тем более научного: здесь для Хаксли также особенно важен синтез разных форм видения мира, разных «врат восприятия».

- Различные способы видения мира, запечатлевшиеся в разных «позитивных» науках.

Сущностные проблемы бытия

- Проблема происхождения добра и зла в человеческой душе в контексте дихотомии: **изначальная предопределенность — зависимость от воспитания, обстоятельств и свободной воли самого человека.**

В лекции «Насколько первороден первородный грех?» Хаксли рассматривает историю проблемы прежде всего в контексте двух направлений в мировой философии, одно из которых берет начало от святого Августина, убежденного в изначальной, врожденной порочности человека, а другая — от Пелагиуса, который «был убежден, что человек может усовершенствовать себя — как через индивидуальные усилия, так и через создание достойных, социальных институтов» и соответственно отрицал первородность греха Адама, «отрицал, что грех Адама отразился на ком-либо, кроме самого Адама» [Huxley, 1981, p. 65–66]. Далее Хаксли рассматривает продолжение обеих ли-

ний. Линия человека как изначально «чистого листа» — в трудах Гельвеция, считающего, что «любой ребенок-пастух из Саванны может превратиться в Исаака Ньютона при соответствующем образовании» [Huxley, 1981, p. 67], равно как и других просветителей XVIII в., в марксистской теории, в биологических трудах Ламарка и Лысенко, считавшего, что «можно модифицировать вид растения через изменение окружающей среды таким образом, что изменения в рамках отдельного растения могут быть унаследованы» [Ibid.]. Идея врожденной предопределенности в трудах генетиков. В то же время, синтезируя разные подходы к проблеме, Хаксли выходит к идее органического единства в человеке врожденного и сформированного средой, воспитанием, обстоятельствами и свободной волей самого человека. Врожденное, предопределенное изначально, с точки зрения Хаксли, задано физиологией, которая, уже в свою очередь, оказывает обратное влияние на психологию, разум, душу. В самом деле: «Ни один драматург не может быть таким идиотом, чтобы поместить характер Фальстафа в тело Кассия; ни один повествователь не поместит характер Пиквика в тело Скруджа» [Ibid., p. 72]. Проблема зависимости самых высших проявлений человеческой души от физиологической основы вообще была одной из центральных для Хаксли начиная с 1920-х гг.; в целом ряде его произведений присутствуют идеи ограниченности психологизма русской литературы XIX в. именно отсутствием даже упоминаний о физиологическом состоянии героев. Еще мистер Кардан из романа «Эти бесплодные листья» (1927) приходит к страшному для него выводу о существовании в жизни ситуаций, когда сам высокий дух оказывается целиком подчинен презренному телу: «Трагедия телесного страдания и угасания не имеет катарсиса. Она пунктуально делает свое скучное, убивающее дело акт за актом — к развязке. Она не облагораживает ни страдающего, ни зрителей. Только трагедия духа может обогатить и поднять. Но величайшая трагедия духа рано или поздно покорится плоти. Рано или поздно каждая душа подавляется больным телом; рано или поздно — уже не остается мыслей, но только боль, и рвота, и ступор» [Huxley, 1947, p. 308]. А в утопический мир последнего романа Хаксли «Остров» входят воспоминания рефлектирующего героя Вилла Фарнеби (по ряду качеств — продолжателя галереи автобиографических героев) о том, как на его глазах вместе с мучительным угасанием тела угасла и душа в близком ему человеке — тетушке Мэри: «Какая ирония судьбы! Перед нами душа, источающая доброту, любовь и героическую благотворительность. И вдруг, по непонятным причинам, все идет кувырком. Вместо прозрения эта небольшая часть ее тела подчинилась второму закону термодинамики. А когда сломалось тело, душа стала терять свои достоинства, самую свою суть» [Хаксли, 1995, с. 273]. В «Человеческой ситуации» в рамках лекции «Я» Хаксли проводит достаточно детальный анализ взаимосвязи между телесной оболочкой и душой и обращается, в частности, к классификациям людей, данным Л. Ростаном и В. Г. Шелдонном, уподобившись в чем-то «автобиографическому герою» из романа «Контрапункт» Филипу Куорлзу с его подходом «зоолога-специалиста, который в свободное время пишет роман» [Хаксли, 1936, с. 361]. В рамках этой лекции Хаксли размышляет об особенностях душевного устройства людей трех типов —

«пищеварительного» (по Шелдону — эндоморфы), «мускульного» (по Шелдону — мезоморфы) и «мозгового» (по Шелдону — интраверты, которые обычно презирают вульгарных «эндоморфов», но которых «ужасает энергия мезоморфов») [Nuxley, 1981, p. 95–96]. На основе этой классификации Хаксли даже рассматривает конкретных, исторических личностей (Хрущев, например, в рамках этой классификации соединяет в себе черты «пищеварительного» и «мускульного» типов), а также эволюцию общественных представлений об идеале.

Итак, физиология — это и есть то, что зависит не столько от свободной воли человека, воспитания и обстоятельств, сколько от факторов, наследственно предопределенных; это и есть — «первородное». А далее уже, с точки зрения Хаксли, включаются факторы, определяемые воспитанием, обстоятельствами и свободной волей человека. В этой связи Хаксли вводит впервые употребленное французским философом Жюлем Голтье понятие «боваризма», т. е. человеческого свойства под воздействием социальных требований преодолевать свою природную («первородную») предопределенность: «Мы все имеем тенденцию пытаться быть тем, кем мы не являемся, в соответствии с требованиями общества, в котором мы воспитаны» [Nuxley, 1981, p. 76].

Таким образом, с точки зрения Хаксли конца 1950-х гг., именно соотношение «природного» (прежде всего физиологического) фундамента и соответствующего «самопреобразования» под давлением общественных требований и есть соотношение между предопределенным и зависящим от воспитания, среды и свободной воли личности.

- Проблема соотношения между жизнью человека и степенью ее «вписанности» в историю (жизнь частная — жизнь историческая). Здесь Хаксли ищет точки соприкосновения между законами, по которым живут отдельные люди и по которым живет общество как целое, одновременно принимая за аксиому наличие коренных расхождений: «Жизнь личности, которая есть жизнь самосознания, жизнь чувства, жизнь воли, жизнь побуждений и намерений, не относится к обществу» [Ibid., p. 111]. С точки зрения Хаксли, жизнь отдельной личности в целом течет параллельно жизни общественной, что, с его точки зрения, нормой, и он рассматривает как деформацию стремление тоталитарных режимов, как нацистского, так и коммунистических, целиком соединить жизнь отдельных людей с жизнью общественной, лишить их права на частную жизнь.

Хаксли скрупулезно анализирует, какая часть человеческой жизни, «биографии», автоматически выпадает из жизни общественной, «истории»: в этой связи он учитывает и сон, и детство, и старость, и периоды болезни, и частную жизнь, в том числе духовную. И далее, опираясь на «принцип вычитания», Хаксли выявляет тот «остаток» человеческой жизни, который при определенных обстоятельствах может принадлежать и биографии, и истории. Таким образом, Хаксли строит своего рода «мост» между двумя полюсами дихотомии, выводя идею неизбежности определенного соотношения между частной жизнью человека — и его жизнью в истории. Человек не может принадлежать истории целиком, но отчасти (и это величина переменная) может.

- Проблема сущности человеческой природы. В этом контексте Хаксли рассматривает многочисленные концепции, в рамках которых деклари-

ровались разные степени соотношения между телом — и душой, равно как и между тем, что является частью самого «я», — и чем-либо внешним, чем человек может быть одержим. При этом Хаксли декларирует ограниченность каждой из этих концепций. Обратившись к гомеровским поэмам, Хаксли рассматривает, в частности, проходящий через всю «Илиаду» мотив одержимости чем-то внешним, чему человек не может противостоять. В качестве примера Хаксли приводит самооправдание гомеровского Агамемнона, посягнувшего на наложницу Ахилла Брисею [см.: Huxley, 1981, p. 125].

В этом же контексте Хаксли рассматривает мотивы Божественной и демонической одержимости в «Одиссее» и, далее, зарождение именно в античной Греции идеи демона, способного управлять человеком, и сократовскую классификацию безумия.

Отдельно Хаксли рассматривает явление массовой одержимости как неотъемлемую часть средневековой жизни, апеллируя к собственной книге «Дьяволы Лудена», где описывается своего рода эпидемия массовой одержимости, охватившая целый приход; отдельно — ритуальные празднества, в ходе которых люди вводят себя в безумие, у ряда современных африканских и индейских народов. Эта линия в истории человеческой культуры (как на уровне практики, так и на уровне ее отражения в литературе и философии) рассматривается Хаксли как своеобразное проявление идеи подверженности человека воздействию непреодолимых темных или светлых «сверхразумных» сил извне. По мнению Хаксли, такое понимание человеческой природы неотделимо от расчленения человека на множество составляющих без единого центра, «единой управляющей души» [Huxley, 1981, p. 130], так что поведение человека в разные моменты может определяться одной из этих составляющих, равно как и какой-либо внешней силой. Признавая некоторые неоспоримые данности, определяющие подобный подход, Хаксли последних лет своей жизни, в отличие от Хаксли 1920-х гг., чей автобиографический герой сомневается даже в наличии собственного, истинного «я», видел ограниченность подобного подхода, равно как и его нравственную ущербность (поскольку в последние годы фактическую данность и ее ценностное содержание рассматривал в единстве). И примечательно, что в своих обновленных в 1960 г. «Текстах и предисловиях» Хаксли подвергает критической оценке блейковское положение о том, что нет отдельного человека как целого, есть лишь его состояния, «когда отдельная индивидуальность сведена только к пространству, занимаемому отдельными состояниями» [Huxley, 1962, p. 45]. Критически оценивая подобное абсолютное расщепление личности с точки зрения соответствия объективной реальности, рассматривая всевозможные свидетельства наличия у отдельного человека определенной, пусть даже размытой, сущности, Хаксли одновременно оценивает такое толкование человеческой природы в ценностном аспекте, и рассматривает его как ценностно неприемлемое, поскольку оно предполагает абсолютное отрицание личной ответственности.

Кроме того, Хаксли рассматривает другую линию в развитии мировой культуры — линию признания существования «единой человеческой души» — души, определяющей сущность человека и противопоставленной телу. Своего рода

вершинным проявлением идеи единой сущностной души Хаксли считает Ветхий Завет, где, впрочем, даже физиология в отдельных случаях оказывается одушевленной.

Но, отталкиваясь уже от этой линии, Хаксли видит ограниченность и такого подхода, поскольку не все проявления человеческой природы могут быть объяснены закономерностями, в соответствии с которыми живет «единая душа» (в этой связи можно вспомнить трактат О. Хаксли «Делай что хочешь», написанный еще в 1929 г., где, явно полемизируя с Д. Г. Лоуренсом, он провозглашает так называемую «цельную личность» мифологической фигурой).

Фактически Хаксли, исследуя историю проблемы, идет по пути последовательного рассмотрения тезиса, антитезиса и их синтеза:

Тезис — гомеровская идея человека как суммы не связанных между собой элементов (в сочетании с подверженностью внешним «вторжениям»).

Антитезис — характерная для поздней Античности и для Библии идея единой сущностной души, противопоставленной телу.

Синтез — более характерная для современности точка зрения, в соответствии с которой сущность человека определяется сложными взаимодействиями тела и души, между которыми есть связи, но не настолько тесные, чтобы можно было рассматривать душу и тело как нечто абсолютно единое. Отдельное «я» со своей сущностью наличествует с неизбежностью все же многочисленных отступлений от этой сущности, когда человек «выходит из себя».

Таким образом, рассматривая проблему определяющего начала в человеческой природе, Хаксли выходит к синтезу разных толкований и к идее разнородных определяющих элементов, связанных между собой.

• **Проблема будущего человечества.** В качестве отправных ориентиров Хаксли берет три закрепившиеся в культуре модели движения во времени.

1. Модель бытия как вечного круговорота, в рамках которого все повторяется с определенной цикличностью (модель, закрепившаяся, в частности, у древних греков).

2. Модель бытия как поступательного однонаправленного движения в сторону развития и совершенствования и связанная с этим идея прогресса как неизбежности.

3. Христианская модель, в рамках которой время на земле значения не имеет.

Хаксли каждый из этих подходов считает по-своему ограниченным, а последние два подхода из вышеперечисленных могут, с точки зрения Хаксли, оправдывать принесение в жертву людей во имя Высшего: в одном случае — принесение в жертву еретиков во имя спасения их же душ в загробном мире, в другом случае — «преследования и ликвидации... не во имя Бога, но во имя необычайно прекрасного времени, которое наши праправнуки застанут в двадцать втором веке... если мы ликвидируем достаточно людей сейчас, то тогда настанет два столетия спустя это великолепное время, которое пребудет вечно, становясь все лучше и лучше» [Huxley, 1981, p. 95–96]. Что касается идеи круговорота и идеи поступательного прогресса, то, с точки зрения Хаксли,

каждая из них предполагает и определенную модель будущего человечества: в одном случае — тот или иной вариант апокалипсиса, ставшего с 40-х гг. XX в. реальной возможностью (один из вариантов апокалипсиса запечатлелся в «Обезьяне и сущности» О. Хаксли); в другом случае — построение «рая на земле». С точки зрения Хаксли, подобные варианты развития общества — это два крайних «полюса», а реальное будущее зависит от соотношения множества разных факторов, и можно лишь смоделировать множество возможных вариантов, закладывая разные условия и возможные случайности. При этом Хаксли стремится к синтезу двух «полюсных» концепций («круговорот» — поступательный прогресс). Возвращения к «началу цивилизации» (в соответствии с моделью «круговорота») Хаксли не исключает и выстраивает возможную модель: продолжение неразумной жизни → истощение ресурсов → голод → гибель цивилизации → новый подъем... и так до бесконечности, с постоянным чередованием «золотых» и «железных» веков.

Другой вариант гибели цивилизации, с точки зрения Хаксли, рассмотрен Б. Расселом и связан с возможной ядерной войной, которая может привести как к гибели человечества вообще (что, с точки зрения Хаксли, маловероятно), так и (что значительно более вероятно) к возвращению в эпоху варварства, поскольку устройство современной цивилизации настолько тонко, что даже уничтожение какого-то одного элемента неизбежно приведет к разрушению системы в целом. Неизбежный итог — возвращение к варварству.

Не отрицает Хаксли в лекционном цикле «Человеческая ситуация» (в отличие от «Обезьяны и сущности») и идеи прогресса, но он не считает человечество обреченным на прогресс, считает последовательное прогрессивное развитие человечества возможным при определенных условиях, в идеале — при условии превращения человечества из множества конфликтующих между собой сообществ в единое мировое сообщество, скрепленное единым мировым государством. В то же время Хаксли считает такое «идеальное» развитие человечества практически нереальным в силу огромного количества частных национальных интересов («Несомненно, наилучшим для создания мирового правительства стало бы вторжение с Марса. К сожалению, это маловероятно» [Nuxley, 1981, p. 104]), хотя допускает возможный «компромиссный» вариант, когда единого мирового государства не будет, но люди осознают висящую над человечеством как целым угрозой и объединятся в решении хотя бы общих для человечества проблем. Только в этом случае, в случае общечеловеческого синтеза, и возможно, с точки зрения Хаксли, в целом прогрессивное развитие человечества.

Антиутопический роман Хаксли «О дивный новый мир» создан как своего рода полемический ответ Г. Уэллсу, автору романа «Люди как боги», где изображено утопическое общество, объединенное общими целями и общим управлением — на основе научной целесообразности. В глазах Хаксли начала 1930-х гг., такое «научное» общество неизбежно обрекало на уничтожение личность, ибо личность не может существовать без страстей, без колебаний и сомнений, без Шекспира. В конце 1950-х гг., ужаснувшись возможным последствиям «хаоса» в ядерный век, Хаксли приходит к почти полной апологии уэллсовского

«научного общества», объемлющего все сферы бытия, не оставляющего даже «резерваций» (которые сохранились в антиутопическом «дивном новом мире» по модели Хаксли). Прямой переключкой с Уэллсом звучат слова Хаксли: «Более пятидесяти лет тому назад Толстой говорил, что в обществе, которое плохо организовано — подобно нашему, — каждое научное открытие и каждая победа над природой усиливают меньшинство против большинства. Нам надо решать, быть этим победителем над природой и достижениям знания использованными для ужасных и бесчеловечных целей или же — для того прогресса, о котором мы мечтали, более того — прогресса, о котором никто даже и не мечтал, потому что возможности, которые открываются перед нами, еще не открывались в мировой истории» [Huxley, p. 109].

Собственно ценности

• Подчинение личности единому упорядоченному целому — свобода личности. Для Хаксли начиная с 1920-х гг. существовала альтернатива: либо хаос взаимодействия относительно свободных личностей (в варианте современного ему западного общества), либо всеобщая безличностная гармония, основанная на «научном» манипулировании основной массой людей со стороны немногих правящих интеллектуалов. Этот мотив в его творчестве идет от рассуждений мистера Скоугена в «Желтом Кроме» о делении человечества на «правлящих интеллектуалов», «людей веры» и «стадо» через антиутопическую модель мироустройства в романе «О дивный новый мир», где напрямую и весьма декларативно выдвигается возможность выбора: либо свобода, нравственность (неотделимая от свободного выбора, вины и страдания), страсти, вдохновенные взлеты разума, искусство, Шекспир, либо абсолютный порядок, гармония, всеобщее счастье в обществе, где люди «не могут вести себя иначе, чем так, как им следует» [Huxley, 1968, p. 149] и где нет места Шекспиру, через готовность признать мироустройство в варианте прежде антиутопического для Хаксли «дивного нового мира» как единственный путь спасения от разрушения цивилизации — к постепенно сформировавшейся в сознании Хаксли еще к концу 1930-х гг. идее синтеза максимально возможной свободы личности от внешних посягательств и в то же время подчинения личности (в идеале — добровольного, но принятого осознанно и свободно) принципам общественной целесообразности. Это проявилось уже в романах «Слепой в Газе» (1936) и «После многих лет умирает лебедь» (1939), где «герой-резонер» мистер Проптер декларирует идеал «освобождения от индивидуальности», осуществимый лишь в условиях максимально возможной внешней свободы, избавляющей человека от необходимости постоянно защищать границы своего «я» от внешних посягательств. В лекционном цикле «Человеческая ситуация» (лекция «Насколько первороден первородный грех?»), с одной стороны, человеческий «боваризм» (т. е. свойство человека быть не тем, кто он есть по своей природе, а быть в соответствии с требованиями общества) рассматривается как неотъемлемое условие существования человеческого общества (любое воспитание неотделимо от формирования определенного «угла боваризма»), но, с другой сто-

роны, критерием культурной развитости общества Хаксли считает наличие достаточно высоких степеней свободы отдельной личности и возможность относительно свободного самовыявления множества разных личностей, что невозможно без принятия обществом в целом терпимости как фундаментальной ценности. Таким образом, для позднего Хаксли уже не существует абсолютно и непреодолимого противоречия: либо свобода, либо гармоническая упорядоченность бытия; теперь Хаксли декларирует идеал компромисса между свободой и терпимостью, с одной стороны, и «достойной жизненной средой, одинаковой для всех», с другой стороны [Ibid., p. 77]. Апеллируя к авторитету философа Чарльза Морриса, Хаксли в конечном счете видит в качестве идеала «открытое общество, состоящее из открытых личностей».

В своем последнем утопическом романе «Остров» Хаксли предпримет попытку создать живую модель общества, построенного на синтезе крайне высокой степени общественной упорядоченности и крайне высокой степени личной свободы.

- **Традиция — прогресс.** Еще в конце 1940-х гг. («Обезьяна и сущность») Хаксли считал саму идею прогресса изначально губительной для человечества и в конечном счете оправдывающей любые жертвы во имя «рая на земле». В лекционном цикле «Человеческая ситуация» отразилось в большей степени компромиссное отношение к проблеме. С одной стороны, Хаксли видит, что именно благодаря прогрессу (прежде всего технологическому) человеческая цивилизация оказалась перед угрозой уничтожения, но, с другой стороны, этот же прогресс (именно через опасность всеобщего уничтожения при отсутствии победителей) способен положить конец войне как норме жизни (а именно такой подход к войне был закреплен многотысячелетней традицией) и в конце концов привести к объединению человечества на основе решения глобальных жизненно важных проблем, порожденных все тем же прогрессом.

- **Внешние условия, удерживающие от Зла, — свободный нравственный выбор.** Для мировой литературы XIX в. (прежде всего русской) характерно жесткое противопоставление внешних регуляторов человеческого поведения и свободного нравственного выбора (это противопоставление, в частности, является одним из определяющих для нравственно-философского содержания романов Ф. М. Достоевского, для которого само переустройство мира в сторону создания внешних условий, не позволяющих творить зло, в известной степени унижительно для человека, ибо лишает его свободного нравственного выбора, т. е. свободы согрешить и одновременно свободы совершить духовный подвиг). Для произведений Хаксли 1920-х — начала 1930-х гг. такое противопоставление весьма характерно: либо внешние условия, лишаящие человека возможности посягать на себе подобных, но лишаящие нравственного выбора; либо нравственные взлеты дикаря, ненужные во внешне упорядоченном мире, где просто «не возникает соблазнов, чтобы им сопротивляться» [Huxley, 1968, p. 161].

Далее, в конце 1930-х гг., в поисках «ключа от Абсолюта» Хаксли выходит к идее личного нравственного совершенствования людей как единственного средства совершенствования мироустройства. К концу 1950-х гг., в подходе

к этой проблеме, он и выходит к идее синтеза. С одной стороны, Хаксли признает, что массовое самосовершенствование немислимо без каких-либо внешних стимулов. Таким стимулом он считает прежде всего возникновение угрозы самому существованию цивилизации. Но, с другой стороны, он считает возможным и вариант, когда даже такая угроза не остановит человечество, не побудит хотя бы к отказу от войны как приемлемой формы решения межнациональных проблем. И поэтому важнейшим фактором спасения мира и его совершенствования Хаксли считает изменение сознания множества отдельных людей, прежде всего формирование более высокой «нравственной чувствительности» [Huxley, 1981, p. 90] и, как результат, общественное неприятие человеческих жертвоприношений во имя каких бы то ни было целей.

Последнему роману Хаксли «Остров» (1962) суждено было стать художественным воплощением идеала синтеза разных начал бытия: на утопическом Острове Хаксли синтетическое единство образуют западные ценности индивидуализма и личных свобод, восточные ценности «слияния с бесконечностью» и даже некоторые из базовых атрибутов смоделированного Хаксли тридцатью годами ранее антиутопического «дивного нового мира» (только в определенной пропорции, во взаимосвязи и взаимодополнении).

Хаксли О. Врата восприятия // Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1995. 446 с.

Хаксли О. Контрапункт. М., 1936. 472 с.

Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1995. 446 с.

Huxley A. Brave New World. N. Y., 1968. 177 p.

Huxley A. The Human Situation. Triad ; Granada, 1981. 256 p.

Huxley A. Texts and pretexts. N. Y., 1962. 326 p.

Huxley A. Those Barren Leaves. L., 1947. 352 p.

Life and Letters of Thomas Henry Huxley. N. Y. ; Appleton, 1900. Vol. 1. P. 235.

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81:1 + 81'22 + 81'27

М. Н. Гафурова

О ПОНЯТИИ НОМИНАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Обосновывается необходимость исследования номинативной деятельности как одной из основных лингвистических техник, с помощью которой происходит освоение окружающего мира и индивидуальное проявление субъекта, вводится понятие номинативной личности. Описывается ономазиологический исследовательский контекст, в рамках которого возникает необходимость смены доминанты изучения номинативного акта, перехода к именуемому человеку. Рассматриваются возможные единицы анализа номинативной личности, как актуальный для начального этапа предлагается экспериментальный материал. Выделяются и иллюстрируются уровни описания номинативной личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая личность; ономазиология; номинация; лингвистический эксперимент.

В последнее время отмечается усиление интереса ученых к языку, исследуемому в его действии, что обуславливает антропоцентрический подход, а также учет всего многообразия лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на процессы коммуникации. В центре внимания многих исследователей оказался носитель языка, что отразилось в многоаспектной разработке понятия языковой личности в рамках ряда лингвистических направлений.

Отправной точкой в формировании понятия языковой личности можно считать работу В. В. Виноградова «О художественной прозе», в которой использован этот термин. В качестве двух возможных путей изучения был предложен анализ личности автора и персонажа, а также создан своеобразный реестр сложностей исследования, среди которых названы неполнота фактов речепотреблений, неполнота экстралингвистических данных, неясность в психологической мотивировке [Виноградов, с. 259–333].

В лингвистике понятие языковой личности прочно закрепилось и стало активно разрабатываться в 80-е гг. XX в. благодаря исследованиям Ю. Н. Караулова. Языковая личность, с его точки зрения, «это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной

целевой направленностью» [Караулов, с. 3]; другими словами, это личность, выраженная в языке и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Ю. Н. Караулов, которого по праву можно назвать основателем современной концепции языковой личности, выделил исторический, системно-структурный, социальный и психологический аспекты и предложил теоретико-гносеологическую модель, в которой определяются вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни.

Многогранность определения языковой личности, сочетание целого комплекса факторов собственно лингвистических (языковые знания и умения, лексикон) и экстралингвистических (социальные, психологические и др.), обуславливающих ее деятельность, наконец, разнообразие сфер проявления личности в языке (текст, повседневное общение, языковая игра, словотворчество и т. д.) усложняют исследовательскую задачу. Несмотря на то, что представлена теоретическая модель, многоплановость необходимых характеристик и при этом отсутствие достаточно устойчивых формальных коррелятов в лингвистической деятельности говорящего приводят к разноаспектному компонентному описанию этого научного концепта.

Так, социологический аспект реализуется в характеристике объектов исследования как представителей профессиональной среды, или, шире, социальной страты, в рамках лингвокультурологического подхода внимание акцентируется на особенностях речевого поведения и языкового сознания в межкультурной коммуникации. Коммуникативно-функциональное направление изучения предполагает выявление характеристик, связанных с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов; в целом, происходит фокусировка на особенностях сообщения или получения информации индивидом. Тесно связан с коммуникативным прагмалингвистический аспект, касающийся проблемы речевого воздействия языковой личности на других участников общения: исследовательский вектор направлен от анализа постановки целей общения к характеристике средств и результатов коммуникативных удач и неудач [см.: Васильева, с. 38–42]. В рамках лексикографического подхода описываются языковые особенности конкретных диалектоносителей или небольшого коллектива, объединенного родственными связями, и составляются словари языка писателей (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. И. Цветаевой и др.).

Рассматриваемая нами научная категория трактуется как идиостиль, языковая манера, описывается в терминах языковой компетентности и компетенции, уравнивается с языковой способностью. Вариативность определений ведущего понятия сочетается с широкими возможностями в отборе типа анализируемого материала и соответствующих методик. Исследователи не только высвечивают те или иные аспекты теоретической модели, но и предлагают новые соответствующие понятия, такие, например, как *коммуникативная личность*. Для нее определяющими становятся мотивационный, когнитивный и функциональный параметры, пересекающиеся с характеристиками языковой личности, но занимающие различное место в структуре языковой и коммуникативной личностей и лишь частично совпадающие в содержательных

характеристиках. Так, мотивационный параметр, определяемый коммуникативными потребностями, занимает центральное место в структуре коммуникативной личности. Данное понятие может выступать также и в роли типологической характеристики языковой личности [см.: Иванова, с. 222–231].

Несмотря на широкий спектр описаний различных реализаций языковой личности, мы не находим исследований, посвященных номинативному аспекту. При этом к номинативной деятельности способна каждая языковая личность, более того, в этом особом виде лингвистической активности так или иначе проявляет себя любой человек: роль номинатора привычна и не осознаваема. В системе номинаций отражаются результаты познавательной и классифицирующей деятельности индивида, направленной на закрепление и передачу информации. Таким образом, номинативный аспект позволяет рассматривать разнообразные качественные признаки языковой личности в рамках трех существенных характеристик: 1) когнитивной, 2) собственно языковой и 3) коммуникативно-прагматической.

Тем не менее до сих пор не предпринимались исследования на пересечении ономазиологии и лингвоперсонологии. Существенной проблемой в данном случае является некоторая лапидарность материала. С одной стороны, традиционной единицей изучения являются речевые произведения, тексты, анализ которых дает возможность рассматривать перечисленные выше аспекты, с другой — возникает сложность сбора необходимого и достаточного материала: он не просто принципиально в полном объеме не может быть собран, но и не может в достаточной степени аспектуально отбираться исследователем. В частности, анализ номинативной деятельности языковой личности возможен в тех случаях, когда в тексте описываются соответствующие ситуации номинативной активности субъекта или создание языкового произведения невозможно без интенсивного авторского словотворчества.

Признавая важность номинативной деятельности языковой личности, мы должны констатировать принципиальную особенность этого «точечного» материала, не претендующего на всеохватную языковую характеристику, но и представляющего своеобразный вид сведений. Слово несет не только основную предметную информацию, но и имплицитное содержание о своем создателе: «Все означенное словом всегда тянет за собой бесконечно его превышающий груз невобранного в речь» [Из научного наследия Рубинштейна, с. 148]. Не только в предложении, тексте, но и в одном слове отражаются когнитивные и лингвистические характеристики говорящего. Таким образом, особенности принимаемой нами единицы анализа обуславливают необходимость поиска модели описания номинативной личности.

Логика развития ономазиологии также обуславливает обращение к исследованию номинации в разрезе деятельности именуемого субъекта, «движущей силы процесса создания слова» [Голев, с. 58]. Положение о ведущей роли номинатора в ходе всего номинативного процесса считается общепризнанным с момента становления этой особой лингвистической области: еще И. С. Торопцев указывал на то, что «возникновение лексических единиц в ономазиологии рассматривается с точки зрения их творца» [Торопцев, с. 4]. Тем не менее

основной пласт работ был посвящен исследованию общих законов номинации. Разрабатывались проблемы становления наименования (Р. М. Исаева, М. М. Копыленко и З. Д. Попова, В. М. Никитевич), словопроизводственный процесс был описан в его составных частях и переходах (О. А. Габинская, В. Г. Гак, В. А. Губанова, Е. С. Кубрякова, Л. В. Сахарный, И. С. Торопцев, Э. А. Харитончик, Л. А. Шкатова). Кроме того, предпринимались попытки типологического описания синтаксической и лексической объективации, что привело к дифференциации преддеривационных и собственно деривационных процедур (С. Ю. Адливанкин) и разграничению типов словообразования (Е. С. Кубрякова). Выявлены и типологически классифицированы принципы лексической объективации (О. А. Габинская). Исследовалась роль мотивировочного признака (В. Г. Гак, О. П. Ермакова, Т. Р. Кияк, И. С. Торопцев) и особенности номинации в различных формах существования языка: в молодежном жаргоне (М. М. Копыленко), в разговорной речи (Л. К. Павлова), в просторечии (Л. А. Шкатова), в говорах (Л. М. Майданова). Изучены проблемы образной номинации как особого типа имен, позволяющих реконструировать народную модель мира (М. Э. Рут), отмечены некоторые закономерные связи номинативных моделей с классами слов (Т. А. Боброва), предложены типологии номинаций и способов именования в русском языке (О. И. Блинова, В. Г. Гак, Н. Д. Голев, М. В. Голомидова, А. Ф. Журавлев, Н. Б. Ковалева, М. В. Федорова, Н. Д. Шмелев).

В рамках ономазиологии, таким образом, встречаются многие направления теории языка. Вместе с тем антропологизм и функционализм современной лингвистики, а также тесная связь сущности номинативной функции с коммуникативным и когнитивным аспектами, которую обнаруживают ономазиологические исследования Г. В. Колшанского, Н. Д. Голева, Б. А. Серебренникова, М. Э. Рут и др., провоцируют смену доминанты в описании номинативного акта. Рассмотрение субъекта в качестве центрального компонента номинативного акта, каждый из этапов которого неразрывно связан с лингвистической деятельностью говорящего, позволяет ставить вопрос об изучении языковой личности в ономазиологическом аспекте.

Для характеристики номинативной личности, с нашей точки зрения, важен не только тип материала, но и способ его получения. Так, словарные данные не могут рассматриваться как адекватные объекту исследования, подбор соответствующего задаче текста, как уже отмечалось выше, становится отдельной исследовательской проблемой, а ономастические материалы обычно недостаточны в плане набора необходимого количества единиц для анализа. Кроме того, все перечисленные источники не предоставляют возможности рассматривать контекст, влияющий на номинативный результат. Одним из вариантов формирования базы является ономазиологический эксперимент. Наблюдаемый номинативный акт не только позволяет набрать необходимое количество номинаций одного субъекта, но и, в отличие от других источников, обеспечивает учет экстралингвистических факторов, фиксацию всех вариантов языковой актуализации фрагмента действительности. Кроме того, ономазиологический эксперимент принципиально отличается от ассоциативного, ассоциативно-словообразовательного, интроспективного и других видов психолингвистических экс-

периментов функционированием не во внеязыковой сфере и не только внутри языка, а их объединением. Он отвечает на вопрос о связи сознания и языка¹.

Специфика анализируемого материала состоит не только в обеспечении возможности векторизации исследования, регуляции процесса его проведения, сбора необходимого и достаточного количества единиц, наблюдения за номинативным воплощением, но и в особом статусе такой номинации. Обращаясь к соотношению естественной и искусственной номинации, противопоставленных, в частности, как стихийный процесс и намеренное называние, мы можем сказать, что в экспериментальной ситуации в общем случае отмечается ненаправленный характер лингвистической деятельности: номинатор не ориентируется (по меньшей мере сознательно) на существующие модели, не задумывается о дальнейшем функционировании наименования. «Ориентации на априорную узуализацию» [Голев, с. 45], которая является признаком искусственной номинации, не характеризует номинативную единицу, полученную в результате ненаправленного (без специально сформулированного прагматического условия) ономаσιологического эксперимента. Далекое не всегда материалы эксперимента отвечают требованиям эстетики, оригинальности, явно соответствуют называемому объекту, традициям именования, сложившимся в данном обществе и культуре. В то же время при моделировании экспериментальной ситуации в плане общего формирования задачи проявляется принцип искусственной, а не естественной номинации. Мы имеем дело не со «стихийным выбором языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации» [Там же], а с осознанным индивидуализированным процессом, протекающим здесь и сейчас. Таким образом, экспериментальная номинация занимает промежуточное положение между естественной и искусственной номинациями. Статус ее может уточняться при характеристике номинативного поведения субъекта, при описании особенностей номинативной личности.

Номинативная личность не только проявляет себя в особом виде лингвистической деятельности, но и должна изучаться через призму специально подбираемых параметров, коррелирующих, однако, с выделяемыми в лингвоперсонологии значимыми аспектами. Одним из субстанциональных признаков языковой личности является многоуровневость. С точки зрения Ю. Н. Караулова, анализ подразумевает «характеристику семантико-строевого уровня организации, реконструкцию личностной модели мира, или тезауруса данной личности (на основе текстов или тестирования), и выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих выражение в процессах порождения текстов» [Караулов, с. 42]. По мнению ряда исследователей, такое описание является трудноосуществимым, тем не менее подход к языковой личности как к «сложной многоуровневой функциональной системе» [Сухих, с. 85] сохраняется в аспектуальных работах. Так, например, А. А. Пушкин выделяет

¹ Подробнее роль данного метода для субъектной характеристики и процедура проведения рассматриваются в более ранней работе автора статьи [см: Гафурова, с. 283–286].

формально-семиотический, когнитивно-интерпретируемый, социально-интерактивный уровни [Пушкин, с. 50–59], соотносимые с характеристиками, предложенными Ю. Н. Карауловым. В рамках коммуникативных исследований выделяются «уровни владения языком (языковая компетентность), владения способами осуществлять речевое взаимодействие (коммуникативная компетенция), знания мира (тезаурус)» [Сухих, с. 85]. Определяя параметры для описания номинативной личности, мы ориентируемся на то, что «активность отражающего и именуемого субъекта по отношению к объекту проявляется в трех аспектах: в формировании объема значений языковых единиц, т. е. элементов плана содержания, в образовании способов выражения этих значений, т. е. элементов плана выражения, в способе обозначения референтов в конкретных речевых актах» [Гак, с. 78].

В структуре номинативной личности, с нашей точки зрения, выделяются когнитивно-вербальный и коммуникативно-прагматический уровни. Опираясь на предпринятое нами исследование, приведем примеры, иллюстрирующие возможности применения предлагаемой нами модели.

К когнитивно-вербальному уровню относится характеристика выбора мотивационных признаков. Номинатор может преимущественно обращать внимание на видимые качества, приоритетным становится наблюдение: *клык, пуля* (пуговица продолговатой заостренной формы), *колесо* (плоская круглая пуговица), *серп* (изогнутый полукругом сухоцвет). В другом случае важными являются признаки, выделенные на основе ощущений, например звук: *маракас, погремушка* (стручок перца), запах: *ароматизатор, вонючка* (пустой флакон); или же преобладает функциональная оценка предмета: футляр для медали называется *подставкой*, а металлическое колесо с зубчиками — *зубочисткой*. Предпочтение отдается тактильному контакту, демонстрации возможностей применения предмета, название строится на этой основе.

Целесообразно описание субъектов номинации с точки зрения количественного отбора номинативных признаков. Один вычленяет важное для него качество и на его основе создает простую номинацию, другой прибегает к синтезу характеристик, выделяя целый комплекс: форма + изображение — *печать старинная, монета* (пуговица с изображением герба), цвет + изображение — *ночной лес* (двухцветная пуговица с абстрактным рисунком), форма + цвет + положение в пространстве + физические свойства вещества — *груда камней* (несколько твердых темных засушенных ягод шиповника).

Следующим параметром является степень опосредованности отражения мотивационного признака. Для одной номинативной личности характерны прямые номинации: *звездочка* (предмет с треугольными выступами по окружности), *призма* (металлический многогранник с боковыми гранями-параллелограммами), *лодочка* (узкий вытянутый сухой листочек). Для другой — основанные на нетривиальных ассоциативных цепочках точные образные номинации: *надежда и опора* (карабин 'защелка страховки альпиниста': предмет можно взять в руку → держаться → испытывать чувство уверенности), *мамина радость* (лавровый лист: пряность → используется для улучшения вкусовых свойств → пища, приготовление которой — женская прерогатива → мама).

Интересной представляется и более общая характеристика номинативной тактики. Ряд номинаторов отличает привлечение релятивных (на основе нахождения связей между разными объектами) номинаций: *стакашечка* и *фужер* появляются не только на основе формального сходства, но и в силу того, что субъект пытается их сравнить между собой. Также может присутствовать общая номинативная установка: определяется ведущее понятие, а номинации иллюстрируют его различные аспекты. Например, номинатор выбирает «водную тему»: *водная стихия, морской еж, сайра, дельфин, морская звезда, коралл, лодочка, весла*. Предложенные предметы могут сопоставляться, образуя своего рода пары: *каракатица большая — каракатица маленькая, графиня — королева — шамаханская царица — женщина*. Наиболее распространены случаи, когда каждый объект воспринимается изолированно.

Дифференцирующим становится описание формальной составляющей, собственно лингвистической «техники», в разной степени соответствующей языковому номинативному стандарту. Для предметной номинации наиболее характерны по структуре однословные названия, по частеречной принадлежности — субстантивные номинации, по характеру исходной семантики — обозначение объектов конкретными существительными, по степени генерализации — слова с индивидуализирующей семантикой (гипонимы). Номинатор может предлагать соответствующие обычной модели единицы (*зонтик, саркофаг, амфора*) либо отступающие в плане одного или нескольких параметров (*ночь на красном поле, была кошка, жестокость*). Субъекты номинации различаются и в отношении словообразовательной техники в плане выбора соответствующих единиц или создания новых. Может быть использовано неизменяемое слово (*торпеда, папуас*), выбран вариант с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*пальмочка, сундучок, курганчик*) либо предложено новообразование (*чебурекорежка, крысомор, гербарина*).

Наконец, анализируя номинативную личность, проявляющую себя в рамках ономазиологического эксперимента, мы можем характеризовать особенности номинативного поведения: контакт и порядок работы с предметами, особенности «знакомства» с номинатами, проявленность языковой рефлексии, например, посредством предлагаемых вариантов.

Содержание коммуникативно-прагматического уровня номинативной личности составляет общая интенциональная характеристика субъекта. Абстрактная фигура реципиента подразумевается как в случае ориентации на фокусную группу при наименовании нового товара, так и в ситуации эксперимента с неназванным адресатом. Для последнего варианта важной становится степень информативности номинации: во-первых, мера совпадения достигнутого результата с намеченной целью, т. е. возможность соотнесения готовой номинации с объектом; во-вторых, возможность/невозможность воссоздания облика объекта по лексическому воплощению. Например, *бублик неправильной формы* легко соотносится реципиентом с тонким овальным железным предметом, также соответствует номинату даваемое по названию описание: *смешная форма, круглая, но не очень*. С другой стороны, номинации в меньшей степени ориентированных на гипотетического адресата субъектов,

практически не репрезентируют номинат. Например, *холод*: наименование возникает по ассоциации с серо-белым цветом пуговицы, реципиент дает полностью неверное описание предмета: *синяя пуговица с неровной поверхностью*. Интенциональные характеристики, очевидно, зависят от выбора способа связи содержания с формой при назывании, т. е. коррелируют с параметрами первого уровня.

Для коммуникативно-прагматического описания важно, с нашей точки зрения, также наличие выраженной аксиологической позиции номинатора. В целом, проявление какой-либо оценки в номинации не является стандартом, тем не менее встречается интерпретация признаков предмета как отрицательно его характеризующих: *акулий гнилой* (отверстия на пуговице воспринимаются как дыры в зубе, появление которых — результат гниения, в целом оценивает предмет как плохой, испорченный), *вонючка* (какой-либо запах вообще не присущ данному предмету, признак приписан самим номинатором). С другой стороны, может преобладать положительная оценка: *красивый хвост* (изогнутый желтый сухоцвет), *цветочек* (тупой железный стержень со шляпкой), *натуральная ягодка* (небольшая красная пуговица).

При описании данного уровня также показательным является поведение номинатора в ходе эксперимента: мы можем охарактеризовать его контактность, коммуникабельность. Например, субъекты номинации сознательно манифестируют свои размышления о предмете, без дополнительных просьб поясняют мотивы номинации того или иного объекта, номинативную деятельность сопровождают комментариями о сложности/легкости задания. Частотны вопросы об источниках номинативного материала, также встречаются оценки собственных номинаций, которые мы относим к фактам проявления рефлексии. С другой стороны, данная лингвистическая деятельность может не сопровождаться никакими комментариями, во всяком случае, некоторые испытуемые не инициативны в этом плане.

Таким образом, в рамках сложившейся тенденции аспектуального изучения языковой личности можно выделить еще одну научную категорию — *н о м и н а т и в н у ю л и ч н о с т ь*, проявляющую себя в одном из основных видов лингвистической деятельности. Особенностью исследования становится сочетание ономаσιологических и лингвоперсонологических подходов, на основе которых формируется методика сбора необходимого материала, разрабатываются модели анализа и представления данного научного концепта. На начальном этапе формулировки основного понятия и выявления сущностных характеристик номинативной личности оптимальным методом получения материала, с нашей точки зрения, является ономаσιологический эксперимент, позволяющий параметризовать исследование и рассматривать сочетания лингвистических и экстралингвистических факторов. Особый статус экспериментальных единиц, в частности их промежуточное положение между естественной и искусственной номинацией, также позволяет фокусировать работу на компонентном (в данном случае номинативном) изучении языковой личности. Несмотря на достаточно необычный тип материала, характеристика номинативной личности является поуровневой, что соотносится с принципами, постулируемыми в ряде

исследований языковой личности. Предлагаемые нами когнитивно-вербальный и коммуникативно-прагматический уровни также коррелируют с традиционно выделяемыми параметрами описания, однако в данном случае происходит поправка на специфику исследования. Последовательная характеристика номинативной личности на каждой из выделяемых нами ступеней позволит в конечном итоге приблизиться к одной из актуальных проблем лингвоперсоналогии, определению организующего начала, ключевой черты, определяющей речевое поведение личности.

Васильева О. М. Языковое поведение как базовая характеристика личности в процессе ее социализации // Сб. науч. тр. докторантов, аспирантов и соискателей. Казань, 2004. С. 38–42.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. 656 с.

Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 73–91.

Гафурова М. Н. Эксперимент как способ диагностики субъекта номинации // Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы междунар. науч. конф., Самара, 12–14 мая 2011 г. Самара, 2011. С. 283–286.

Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. 249 с.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. 225 с.

Иванова Е. Н. Языковая личность XVIII в.: Акинфий и Прокофий Демидовы // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 13. С. 222–231.

Из научного наследия С. Л. Рубинштейна : Мышление, язык и речь // Вопр. психологии. 1979. № 5. С. 140–150.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.

Пушкин А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность : межвуз. сб. науч. тр. Тверь, 1990. С. 50–59.

Сухих С. А. Черты языковой личности // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц : сб. науч. тр. Тверь, 1993. С. 85–90.

Торопцев И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономастиологии // Проблемы ономастиологии : науч. тр. Курск. гос. пед. ин-та. 1974. Т. 21 (114). С. 3–75.

Статья поступила в редакцию 20.03.2012 г.

УДК 811.111'27 + 811.111'366 + 81:1

Е. А. Нильсен

ОТРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается факт субъективного восприятия времени и его отражения в английском языке. Анализируются различные точки зрения лингвистов на классификацию времени, предлагается авторская модель субъективной перцепции темпоральности, включающая динамичное и условно статичное восприятия времени человеком.

Ключевые слова: концепт; субъективная темпоральность; классификация восприятия времени; время условно статичное; время динамичное.

Время, будучи одним из базовых концептов [см.: Степанов], или, как называют его другие исследователи, суперконцептов [см.: Гафарова, Кильдибекова; Разлогова], является одним из краеугольных камней познания человеком мира и своего места в этом мире. Время является объективной характеристикой мира [см.: Ньютон; Эйнштейн]. В то же время не вызывает сомнения факт существования субъективной временности, или темпоральности [см.: Кант; Фихте; Хайдеггер], субъективного восприятия времени человеком. Исследователи подчеркивают, что наличие субъективного времени является одним из важнейших факторов, позволяющих говорить о принципиальном отличии сознания человека от психики животных. Именно субъективное время дает человеку возможность воспринимать объективно-реальную действительность в ее временной протяженности, направленной из прошлого в будущее, а также выявлять и осознанно учитывать причинно-следственные связи, существующие между прошедшими, текущими и предстоящими событиями [см.: Хасанов, с. 5].

Д. Р. Хапаева полагает, что формирование идеи субъективного внутреннего времени, субъективной непрерывности, лежащей в основе человеческой личности, ее глубокая философская разработка в трудах Анри Бергсона, Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера привели к проблематизации идеи объективного времени [см.: Хапаева, с. 209]. Вынесение объективного времени «за скобки», своего рода «феноменологическая редукция», положение, что темпоральность сознания по своей природе субъективна и имеет мало общего с объективным временем мира (а это была одна из центральных идей феноменологии Гуссерля) — все это создало основу для переоценки значимости объективного времени мира. Согласно данной концепции темпоральные акты сознания соотносятся с абсолютным потоком сознания или с «абсолютной субъективностью сознания». Тем самым время интерпретируется как конст р у к т с о з н а н и я, а не отражение внешнего времени объектов [см.: Там же].

Многие ученые подчеркивают, что возникновение субъективного пространства и субъективного времени — необходимое условие становления и развития

полноценного человеческого сознания. Таким образом, правомерно говорить о необходимости более детального изучения системы языковых экспликаций субъективной перцепции темпоральности.

На сегодняшний день существуют работы, посвященные концептуализации времени [см., например: Чугунова; Evans, 2004; 2006; и др.], рассмотрению концептуальных метафор времени в английском языке [см.: Коннова; Нильсен; Lakoff, Johnson; Lakoff, Turner; и др.], темпоральных когнитивных карт [см.: Honig; Staley; Wood], описанию структуры понятия времени [Гак] и т. п., в которых представлены различные классификации времени, его восприятия и оязыковления. Остановимся на тех из них, которые являются наиболее важными для настоящего исследования.

В. Г. Гак выделяет внутреннюю и внешнюю структуру ноэтического поля времени. Внешняя структура поля определяется его связями с другими семантическими полями. Внутренняя структура включает внешнее и внутреннее время. Внутреннее время выражается наречиями, глаголами, категорией вида и зачастую включает оценочный элемент. Внешнее время делится на хронографию, хронометрию и хронологию. *Хронография* указывает на время события, его дату; *хронометрия* определяет длительность события; *хронология* устанавливает последовательность событий [см.: Гак].

В. Я. Мыркин пишет о том, что для лингвистических исследований наиболее характерным является разграничение трех основных интерпретаций времени: хронологическое, релятивное и эгоцентрическое. Первое понимание времени выражается в датах и фиксации временных интервалов на некоторой принятой в обществе шкале. Второе выражается в понятиях «раньше — одновременно — позже», точкой отсчета является произвольно выбранный момент. Третье понимание связано с осознанием времени как настоящего, прошедшего и будущего [см.: Мыркин].

Э. Холл описывает две классификации времени. В первую входят 1) биологическое, 2) личностное, 3) физическое, 4) метафизическое, 5) микровремя, 6) синхронное, 7) священное и 8) профанное время [см.: Hall, 1989]. Во второй он выделяет три различных временных системы: 1) неформальное, 2) формальное и 3) техническое время [см.: Hall, 1990].

Основываясь на теории пространственных зон Э. Холла, Н. Хенли предположила наличие четырех темпоральных зон: 1) общественное время (*Public Time*), 2) социальное время (*Social Time*), 3) личное время (*Personal Time*) и 4) интимное время (*Intimate Time*) [см.: Henley].

В. Эванс выделяет следующие лексические концепты *time*: длительность (*Duration Sense*), момент (*Moment Sense*), инстантность (*Instance Sense*), событие (*Event Sense*), матрица (*Matrix Sense*), понимаемая автором как бесконечность, агентив, или деятель (*Agentive Sense*), система измерения (*Measurement-system Sense*), ресурс (*Commodity Sense*). Первичным концептом, послужившим базой для развития всех остальных перечисленных выше концептов, В. Эванс считает *длительность*, под которой он понимает интервал, связывающий последовательные события. Автор подчеркивает, что благодаря субъективности восприятия человеком времени временные отрезки одинаковой

продолжительности могут восприниматься как длинные или короткие в зависимости от точки зрения говорящего, от его индивидуального отрицательного или положительного опыта, связанного с тем или иным отрезком времени [см.: Evans, 2004; 2006].

Проводя анализ субъективного восприятия темпоральности, также необходимо принять во внимание дискретность и структурированность знания, о которых пишут многие лингвисты [см., в частности: Звегинцев; Chafe; и др.]. Особое значение при этом имеет высказанная Г. Гийомом идея «спасиализации» (опространствливания), заключающаяся в необходимости трансформации ментальных сущностей (включая такие непространственные динамические сущности, как время) в форму пространственных репрезентаций-схем [Гийом, 1992]. Как отмечает В. Я. Шабес [1992, с. 26], пространственная репрезентация находит у Г. Гийома логическое завершение в модели бинарного тензора, являющегося, по существу, способом континуально-дискретной векторной репрезентации динамики ментальных единиц. По мнению Г. Гийома, наиболее важной из основных и потенциальных мыслительных операций является та, которая относится к двойному движению мысли в сторону единичного и в сторону всеобщего. Это движение видно и в операции спасиализации времени во всей глагольной систематике, где постоянно происходит переход от широкого времени к узкому времени, которым является настоящее, и от настоящего, узкого времени, — к широкому времени. Это прошедший и будущий временные планы. Иными словами, от дискретности, конечности времени к его недискретности, бесконечности [цит. по: Шабес, 1992, с. 26].

Переходя от конечности времени к бесконечности и обратно, сознание совершает некие трансформационные шаги. Принимая во внимание метод трансформационного учета сходства, основанный на предположении, что любая ментальная репрезентация может быть трансформирована в любую другую путем реализации определенного количества дискретных трансформационных шагов [Hahn et al.], можно предположить, что любой отрезок времени может быть разложен сознанием на более короткие дискретные отрезки. Так, например, год вместе со всеми событиями, произошедшими в течение этого отрезка времени, можно разложить на месяцы, месяцы — на недели, недели — на дни и т. д., вплоть до мельчайших единиц времени, которые могут быть представлены, с одной стороны, как элементы временного континуума, а с другой — как отдельные дискретные единицы, обладающие индивидуальными характеристиками и вмещающие определенные события, действия и т. п.

К времени может быть применен градуальный эталон. В. Я. Шабес относит линейное время к открытым монопараметрическим градуальным эталонам, поскольку оно репрезентирует единичную характеристику предмета или явления (продолжительность его существования или протекания) и не имеет границ ни в прошлом, ни в будущем. В то же время, как и любой открытый эталон, время имеет лингвистические пределы дискреции. Оно ограничено номинациями типа «в незапамятные времена» и «в отдаленном будущем» [Шабес, 2008, с. 39–40]. Оценка частоты события, относимая нами на материале английского языка к концепту «time», трактуется В. Я. Шабесом как закры-

тый монопараметрический градуальный эталон, ограниченный абсолютными пределами «всегда» и «никогда» [Шабес, 2008, с. 39].

Обобщив опыт вышеупомянутых лингвистических исследований и основываясь на изучении фактического материала, предлагаем свою схему субъективного континуально-дискретного восприятия времени человеком.

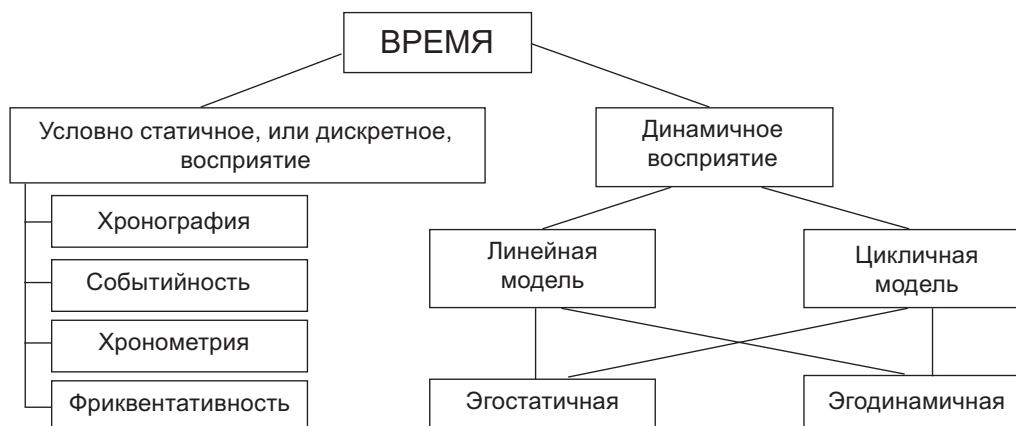

Схема субъективного континуально-дискретного восприятия времени человеком

Эксплицируемое в английском языке субъективное континуально-дискретное восприятие времени человеком в первую очередь можно подразделить на динамичное восприятие, фиксирующее континуальность времени, и условно статичное, или дискретное, восприятие. Динамичное восприятие времени подразумевает ощущение его непрерывного движения, направленного из прошлого в будущее. Это движение может носить как линейный (*time flies like an arrow, time and tide wait for no man*), так и циклический (*time is like a circle, a circle of life*) характер. При этом позиция наблюдателя (говорящего) может быть статичной или динамичной. В первом случае речь идет об эгостатичной модели восприятия времени: человек статичен, он не движется во времени, время же является движущимся объектом, т. е. будущее воспринимается как движущееся по направлению к индивиду (*take each day as it comes*). В таком случае можно говорить о наличии во фразах, эксплицирующих эту модель восприятия темпоральности, метафоры «время — это движущийся объект», а именно «время — путник», о которой писали Дж. Лакофф, М. Джонсон и М. Тернер [см.: Lakoff, Johnson; Lakoff, Turner].

В примерах, эксплицирующих эгодинамичную модель, время предстает в образе дороги, пути, по которому движется человек (*time is like a road, race against time*). Здесь время статично, оно определяет направление движения человека, который постепенно перемещается из настоящего в будущее, пока последнее не станет для него настоящим и впереди не возникнет новое будущее, к которому человек будет стремиться, и так будет продолжаться до тех пор, пока человек не достигнет конечной точки своего пути — смерти.

Под условно статичным, или дискретным, восприятием времени подразумеваются случаи упоминания в речи отрезка времени или точки на временной оси безотносительно темпоральной динамики. Сознание как бы «выхватывает» событие из временного континуума и фиксирует его в качестве некоего дискретного объекта, привязанного к определенной точке на оси времени. Такие примеры можно разделить на 4 группы: хронография, событийность, хронометрия и фриквентативность. Под хронографией мы, вслед за В. Г. Гаком [Гак], понимаем указание времени события, его даты (*he was born in 1886, we met at 5 p. m.*). Событийность включает случаи указания в тексте на определенное событие вместо упоминания даты или времени, когда что-либо произошло (*they got married after the war*). Хронометрия представляет собой экспликацию определенного временного отрезка (*they were dating for two months*). Фриквентативность говорит о частотности действия, явления, события и т. п. (*I've seen her twice, sometimes we meet*).

Остановимся на соотношении предлагаемого терминологического аппарата с некоторыми терминами, используемыми другими лингвистами в работах, посвященных описанию структуры времени.

Трактовка хронографии и хронометрии в представленной выше схеме схожа с пониманием соответствующих терминов В. Г. Гаком. Хронология (в терминах В. Г. Гака) может выражаться, в соответствии с нашей схемой, с помощью хронографии, событийности, хронометрии (в случае условно статичного восприятия времени), линейной или циклической модели времени (в случае динамичного восприятия времени) в зависимости от контекста. Приведем несколько примеров, содержащих, исходя из концепции В. Г. Гака, хронологию и передающих, с нашей точки зрения, различные виды субъективного восприятия времени человеком:

1. *She was born in 1975 and went to school in 1982.*
2. *They got married when they graduated the University.*
3. *He had lived in Paris for two years before he moved to London.*
4. *Spring always comes after winter.*
5. *She'd passed her childhood and youth and was approaching the age which she called «maturity».*

В первом примере хронология сочетается с хронографией, поскольку в предложении приводятся конкретные даты описываемых событий. Во втором помимо хронологии присутствует событийность, т. к. в тексте речь идет о последовательности событий. В третьем примере можно выделить как хронометрию (указание на отрезок времени, равный двум годам), так и событийность (переезд в Лондон). В четвертом речь идет о динамичном восприятии времени, а именно о циклической эгостатичной модели (весна всегда, ежегодно следует за зимой); при этом человек, наблюдающий за сменой времен года, статичен, а время динамично. В пятом примере мы сталкиваемся со случаем хронологии, передаваемой посредством эгодинамичной линейной модели. Здесь человек движется по дороге жизни, проходя обусловленные природой ступени онтогенетического развития и минуя на своем пути соответствующие жизненные вехи, эксплицирующие хронологию.

Релятивное и эгоцентрическое время [см. об этом: Мыркин] также могут соответствовать различным моделям восприятия времени, отраженным в нашей схеме. Обратимся к примерам.

1. *When he moved to London she had already been living there for six months.*
2. *Winter is approaching.*

В первом примере присутствуют событийность (переезд в Лондон) и хронометрия (6 месяцев жизни в Лондоне), а также, в терминах В. Я. Мыркина, релятивное время (она приехала в Лондон раньше, чем он) и эгоцентрическое время (оба события относятся к прошедшему времени по отношению к моменту говорения). Во втором реализуется динамическое восприятие времени, а именно линейная эгостатичная модель (наблюдатель статичен, а отрезок времени — зима — динамичен). В то же время можно говорить о наличии в этом предложении релятивного времени (зима наступит позже) и эгоцентрического (зима наступит в будущем по отношению к моменту говорения, а ее приближение чувствуется уже в настоящем).

Очевидно, что в обоих примерах, исходя из концепции В. Я. Мыркина, можно констатировать наличие как релятивного времени, так и эгоцентрического, что затрудняет проведение лингвистического анализа. Предложенная нами схема, напротив, позволяет провести более детальный анализ и специфицировать присутствующие в приведенных примерах номинации событий и временных отрезков.

Обратимся к сопоставлению предлагаемых в данной работе терминов с терминологией В. Эванса. Выделяемая им длительность (*Duration Sense*) в зависимости от контекста может отражать динамичное или условно статичное восприятие времени. Так, в приводимом ученым примере (*The relationship lasted some time* [Evans, 2004, p. 6]) присутствует хронометрия, а в *Time drags when you're bored* [Ibid., p. 7] эксплицируется линейная эгостатичная динамичная модель восприятия времени. Момент (*Moment Sense*) также может реализовываться посредством линейной эгостатичной модели, как в *The time for a decision is approaching* [Ibid., p. 6], либо событийности при условно статичном восприятии времени: *Doctors had warned that Daniel, five, of Sinfin, Derby, could die at any time* [Evans, 2006, p. 123]. Инстантность (*Instance Sense*) совпадает с фриквентативностью, а событие (*Event Sense*) — с событийностью. Матрица (*Matrix Sense*) передается линейной эгостатичной динамичной моделью: *Time flows on forever* [Evans, 2004, p. 16]. Система измерения (*Measurement-system Sense*) выражается через хронометрию, как в *Don't forget to move the clocks forward with the start of Summer Time* [Ibid., p. 13], или хронографию, как в *The time is approaching 11 p.m.* [Ibid., p. 14]. В последнем примере также присутствует линейная эгостатичная динамичная модель восприятия времени. Термины В. Эванса «агентив» (*Agentive Sense*) и «ресурс» (*Commodity Sense*), с нашей точки зрения, отражают репрезентацию в английском языке таких когнитивных метафор, как «время — высшая сила» / «время — господин» и «время — ценность» / «время — деньги» соответственно.

Таким образом, учитывая результаты проведенных исследований фактического материала и сопоставительного анализа предлагаемого в работе терминологического аппарата и терминологии, присутствующей в научных трудах

ряда лингвистов, занимающихся исследованиями структуры концептов «время» и «time» и их оязыковления, представляется, что приведенная в данной статье схема позволяет наиболее точно классифицировать и описать разнообразные случаи репрезентации в английском языке субъективного континуально-дискретного восприятия времени.

Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время : посвящ. светлой памяти Н. И. Толстого / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 122–130.

Гафарова Г. В., Кильдибекова, Т. А. Когнитивные аспекты лексической системы языка. Уфа, 1998. 180 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики : пер. с фр. / под ред. и с предисл. Л. М. Скредлиной. М., 1992. 224 с.

Звегинцев В. А. Язык и знание // Вопр. философии. 1981. № 1. С. 71–78.

Кант Э. Критика чистого разума. М., 1994. 591 с.

Коннова М. Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 260 с.

Мыркин В. Я. Вид и время глагола в русском и немецком языках (сопоставительный анализ). Л., 1989. 126 с.

Нильсен Е. А. Концептуальная метафора времени в сказках Л. Кэрролла [Электронный ресурс]. URL: <http://cognitive.rggu.ru/article.html?id=1696002> (дата обращения: 28.10.2011).

Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. А. Н. Крылова. М., 1989. 688 с. (Сер. «Классики науки»).

Разлогова Е. Э. Семантические инварианты. Логико-когнитивный анализ лексики естественного языка. М., 1998. 84 с.

Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.

Фихте И. Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии : сочинения : в 2 т. СПб., 1993.

Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2011. 460 с.

Ханаева Д. Р. Время собственное // Герцоги Республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 204–215.

Хасанов И. А. Антропосоциогенез и происхождение сознания: некоторые методологические вопросы. М., 2006. 70 с.

Чугунова С. А. Концептуализация времени в разных культурах : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2009. 44 с.

Шабес В. Я. Речь и знание : учеб. пособие к спецкурсу «Основы речевой деятельности учителя». СПб., 1992. 83 с.

Шабес В. Я. Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева. Вып. 11 : Языковая вариативность. Пермь, 2008. С. 30–43.

Эйнштейн А. Сущность теории относительности. М., 1955. 157 с.

Chafe W. L. Repeated Verbalization as Evidence for the Organization of Knowledge // Papers of the XIY-th International Congress of Linguists. Berlin, 1987. P. 88–110.

Evans V. How We Conceptualise Time: Language, Meaning and Temporal Cognition. Sussex, 2006. 32 p.

Evans V. The Structure of Time. Language, Meaning and Temporal Cognition. Amsterdam ; Philadelphia, 2004. x, 286 p.

Hahn U., Chater N., Richardson L. V. Similarity as Transformation // Cognition 87. 2003. P. 1–23.

- Hall E.* The Dance of Life: The Other Dimension of Time. Garden City ; N. Y., 1989. 250 p.
Hall E. The Silent Language. Garden City ; N. Y., 1990. XII, 209 p.
Henley N. Body Politics: power, sex, and nonverbal communication. N. Y., 1986. ix, 214 p.
Honig W. K. Working Memory and the Temporal Map // Information Processing in Animals: Memory Mechanisms / ed. by N. E. Spear, R. R. Miller. Hillsdale ; N. Jersey, 1981. P. 167–197.
Lakoff G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. 242 p.
Lakoff G., Turner, M. More than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago, 1989. 230 p.
Staley D. J. Finding Narratives of Time and Space // Understanding Place: GIC and Mapping across the Curriculum / ed. by Diand S. Sinton, Jennifer J. Lund. Redlands, 2007. P. 35–47.
Wood D. Rethinking the Power of Maps / with John Fels and John Krygier. N. Y., 2010. X. 355 p.

Статья поступила в редакцию 20.01.2012 г.

УДК 811.511.142'366.58

Г. Л. Нахрачёва

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЪЕКТ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дается классификация лексической и синтаксической семантики глаголов со значением деструкции в хантыйском языке на материале шурышкарского диалекта. Объектом исследования являются материалы газеты «Луңх авт» (Салехард, 2001–2009) и записанные автором тексты на шурышкарском диалекте хантыйского языка, привлечены также материалы диалектологических и этимологических словарей хантыйского языка, представляющие собой уникальные образцы хантыйской речи.

Ключевые слова: хантыйский язык; шурышкарский диалект; семантика; глаголы деструкции; классификация.

Деструктивная деятельность является неизбежной для человечества в объективной реальности и характерной не только для человека: этот вид деятельности в человеческом понимании свойствен абсолютно всем одушевленным и неодушевленным предметам, которые способны воздействовать на какой-либо объект, вызывая изменение его качественных и количественных характеристик [см.: Султанова, с. 11].

К глаголам деструкции мы относим широкий спектр понятий от незначительного повреждения субъекта или объекта до их полного уничтожения. Глаголы с семантикой деструкции в хантыйском языке охватывают обширную область слов, характеризующихся большим структурным и содержательным разнообразием. По наиболее общим семантическим признакам глаголы деструкции относятся к категориальным классам действия, свойства и состояния.

Глаголы с семей «разъединить»

Глаголы с семей «разъединить» различаются между собой по следующим параметрам:

Способ совершения действия

- ударяя: *sewəg-* ‘рубить’, *sewəgmə-* (мгнов.) ‘разрубить’ [Steinitz, S. 1322; Вальгамова, с. 121], *aja sewəg-* ‘мелко разрубить’, *aja sewəgmə-* (мгнов.) ‘разрубить’, *welək-* ‘обрубать (ветки)’, *kātna sewəg-* ‘разрубить пополам, *kātna sewəgmə-* (мгнов.) ‘разрубить’, *horət-* ‘отколоть’ — отделять (отделить) часть от чего-либо целого, ударяя обо что-либо или отсекая с помощью острых колющих предметов (лом, топор, специальные инструменты);

- разрезая: *ewət-* ‘резать, пилить’, *aja ewət-* ‘мелко разрезать, распилить’, *aga ewət-* ‘разрезать на мелкие кусочки’, *kātna ewət-* ‘распилить, разрезать’, *wańś-* ‘разрезать, рассечь, стричь, кроить’, *kātna wańśmə-* 1) распластать на две части, 2) раскроить (разрезать ткань, мех, кожу) на две части’, *šuməl-* ‘делать поперечные надрезы на рыбе (при приготовлении *šoməx* — копченой рыбы). *Xūlən wańśi, solijə* ‘Рыбу распластай, посоли’ [Вальгамова, с. 27]; *Aŋkeł sāx nórəłəw kātna wańśməši* ‘Мамину шкуру для шубы разрезала на две половинки’ [Там же. 27]; *Xuł šuməłti* ‘Приготовить рыбу для *šoməx*’;

- разрезая грубо, неаккуратно: *āŋli-*, ‘резать неровно (обкорнать), кромсать’. — *Šaškan atməs āŋliməl* ‘Ткань плохо обрезала’; *Ņańt āŋliməl* ‘Хлеб искромсала’;

- раскалывая: *loŋxi-* ‘колоть’, *aga loŋxi-* ‘расколется’, *aga loŋxitemə-* (мгнов.) ‘расколоть’ [Соловар, с. 22], *xälət-* ‘колоть, раскалывать’ — делить (разделить) что-либо твердое на куски, обычно чем-либо острым или тяжёлым. — *Xotxäri soxəñal aga loŋximeł* ‘Доски пола раскололись=оказывается’ [Там же]; *Nāŋ jūxlan sora loŋxitemaŋi pa juwa* ‘Ты дрова расколи быстро и приходи’ [Там же]; *Jūxem ši loŋxijəs* ‘Полено=моё наконец расколосось’ [Там же, с. 125]; *Tūt jux xälətti mənəs* ‘Пошел колоть дрова’ [Вальгамова, с. 135].

Объект совершения действия (деформировать что?)

Объект понятийной ситуации, связанной с осуществлением конкретного физического воздействия, может быть определен как пассивная субстанция, на которую направлено воздействие и которая в результате него претерпевает определенные качественные изменения [см.: Скребцова, с. 66].

- резать пищевые продукты (хлеб, мясо, рыбу и т. д.), пилить дерево, металл: *ewət-* ‘резать, пилить’, *wańś-* разрезать, рассечь — *Āŋkem nāñ kešijən ewətłələ* ‘Мама моя хлеб ножом режет’; *Xūləm wańśsəm* ‘Я рыбу разрезала’; *Panne xūl aja ewətłələ* ‘Налима разрезают на куски’; *Tut jūx ewtəl* ‘Пилит дрова’;

- кромсать ткань, хлеб, бумагу: *āŋli-* ‘резать неровно, обкорнать, искромсать’. — *Šaškan atməs āŋliməl* ‘Ткань плохо обрезала’; *Ņańt āŋliməl* ‘Хлеб искромсала’;

- рубить дерево, ветки: *welək-* ‘обрубать ветки’, *sewəg-* ‘рубить, косить’. — *Łepəs weləkl* ‘Он обрубает ветки’; *Tūt jūx kātna sewərti mosł* ‘Дрова надо разрубить’; *Pōxem tōrn sewəgəl* ‘Мальчик косит сено’; *Ma sorəm jūx sewəgəłəm*. ‘Я сухие дрова нарубил’; *Tūt jūx aja sewərsəli, jōxi jūwətsəli* ‘Дрова мелко нарубил, домой

закинул'; *Łarət ǫxpi mek iki ǫxləʔ atəʔ sewərsajət* (фольк.) 'Семиголового Менка головы отдельно отрубили' [Steinitz, S. 214];

- рвать ткань, бумагу, верёвку, шкуру животного: *mānš-*, 'рвать, разорвать', *tox-* 'порваться', *toxnəm-* (мгнов.) '1) рваться (одежда), 2) трескаться (кожа)'. — *Peshi (wanši) mānši* 'Осоку (траву) рвёт'; *Kimət karti sesin makła woj sǫx mānšəs* 'Во втором капкане сова шкуру зверя разорвала'; *Aŋkem śaśkan kātna mānšiis* 'Мама=моя материал разорвала на две части'; *Nepəkəʔ mānšəməšli, jira wǫškəšli* 'Бумагу порвала, выбросила'; *Kelem kātna toxnəməs* 'Веревка=моя разорвалась на две части'; *Jǫʔər xoʔər ʔutlǫw, katra xoʔrew toxmaʔ* 'Купим новую сеть, старая сеть=наша порвалась' [Вальгамова, с. 127];

- колоть дрова: *xǫʔit-* 'колоть, раскалывать' — делить (разделить) что-либо твердое на куски, обычно ударяя и надавливая чем-либо острым или тяжёлым. — *Jǫx xǫʔit* 'Он дрова рубит'; *Jǫx šup lakki xǫʔiti!* 'Расколи полено!'

Средство (инструмент) осуществления действия (чем?)

Под инструментом в настоящем исследовании понимается как специально созданные человеком орудия труда, так и (в случае отсутствия последних) части тела субъекта, с помощью которых он совершает непосредственное воздействие на объект:

- резать ножом: *Aŋkem ńań kešijən ewətǫʔə* 'Мама=моя хлеб ножом режет';
- пилить пилой: *Pawərt kartijən kātna ewətǫʔə* 'Бревно пилой пилят' [Вальгамова, с. 54];
- рубить топором: *Łǫjəmn sewəʔ* 'Топором он рубит';
- кромсать, обрезать ножом, ножницами: *Śaśkanʔ kǫtjǫʔlǫp kešijən atməs ǫŋʔimaʔ* 'Ткань ножницами плохо обрезала';
- разорвать руками: *Aŋkem śaśkan kātna mānšijəs* 'Мама=моя материал разорвала на две части';
- разорвать когтями, клювом: *Kimət karti sesin makła woj sǫx mānšəs* 'Во втором капкане сова шкуру зверя разорвала'.

Если действие осуществляется без применения специальных инструментов, частями тела субъекта, в этом случае подлежащее может выражать инструментальное значение.

Субъект действия (кто? что?)

Субъектом действия преимущественно является человек: *Aŋkem śaśkan kātna mānšijəs* 'Мама=моя материал разорвала на две части'.

В тех случаях, когда выполнение действия не требует применения орудия труда, в качестве субъекта может выступать животное: *Kimət karti sesin makła woj sǫx mānšəs* 'Во втором капкане сова шкуру зверя разорвала'; *Luk pǫka ńǫxtǫʔ eʔti ara pǫxnəs* (фолькл.) 'Глухаринный зуб от смеха лопнул'.

Результат осуществления действия

Результатом воздействия, который предполагается для глаголов с семой «разъединить», является «увеличение составных частей предмета, разделение на части».

Глаголы с семой «нанести повреждение»

Глаголы с семой «нанести повреждение» различаются между собой по следующим параметрам.

Способ действия (как?)

- раздробляя /бить/: *ñuł-* ‘молот, размельчать, раздавить, растереть в порошок’. — *Nāj xuñan ñuñtali* ‘Рыбу ты раздави в порошок’ [Соловар, с. 199];
- ломая, разрезая /поранить/: *morət-* ‘ломать’ [Вальгамова, с. 78], *aja morət-* ‘ломать’, *wañs-* ‘порезаться (случайно)’. — *Ñañ ara morətsəli* ‘Хлеб разломил’; *Ma nāj xōsajəna ānt māñləm, kurŋəlam morətləm* ‘Я к тебе не пойду, тут ногу сломаешь!’ [Там же]; *Łūw jošəl ewtəs* ‘Он руку=свою порезал’; *Łujem kešijən wañssəm* ‘Палец ножом порезала’;
- разбивая /колотить/: *seŋk-* ‘бить’, *napra seŋk-* ‘разбивать’ (от *naprəg* ‘мусор, пыль’). — *Kükkük imi tixlət eñti pošxət napra seŋksəli* (фольк.) ‘Кукушка из гнезда яйца разбивала’;
- разрубая /рубить/: *napra sewər-* ‘разрубить на мелкие кусочки’ — *In ĩw aŋkəł napra sewərələl* ‘Сейчас он пень разрубил на мелкие кусочки’;
- разбирая /разобрать, разрушить/: *losət-* ‘разбирать, разрушить’ [Там же, с. 62], *lakki losət-* ‘разобрать, разорить, развалить’, *nōx losət-* ‘разбирать’. — *Iket māšjājn mołtıləl werlət, mašinajləl losətləl* ‘Мужчины молча что-то делают, машины разбирают’; *Tāmpuš rinkev nōx losətti wuśila* ‘В этом году собираются рынок разобрать’; *Eł xotew nōx losətti pitsew* ‘Дальний дом стали разбирать’; *Katra łopasəl ĩw losətsałli* ‘Разобрал он свой старый амбар’ [Там же]; *Xot nōx losətti tumpijn, neməłt ānt xāsəs* ‘Ничего не оставалось делать, кроме как разобрать чум’ [Вальгамова, с. 62];
- кусая /изъедать, грызть/: *xəl ĩgr-* ‘изъесть’ — нарушать целостность чего-либо, повреждать что-либо, грызя, кусая или подтачивая в разных местах (о насекомых-вредителях, грызунах, о собаке), *pōr-* ‘кусать, грызть’ [Там же, с. 104], *pelki pōr-* ‘прогрызть’ — портить что-либо, сделав зубами дыру, отверстие. — *Tāxtət xomləxləln xəl ĩōrsajət* ‘Шкуры съедены жуками’; *Owem leŋkərn pelki pōrsa* ‘Дверь=мою мыши прогрызли’; *Amp ĩw pōrəl* ‘Собака кость грызет’ [Там же].

Объект действия (что?)

Объекты действия различаются между собой по своим масштабам. Ср.:

- рушить дом, строение, сооружение: *Xot, wəlpəs xot lakki losətti* ‘Разобрать дом, охотничье сооружение’, *Katra xotət lakki losətlajət* ‘Старые дома разрушают’;
- рушить крышу дома: *Xot loŋəl losətti* ‘разобрать крышу дома’;
- грызть дверь: *Owem leŋkərn pelki pōrsa* ‘Дверь=мою мыши прогрызли’;
- ломать ветки деревьев: *Nawremət jūx nūwət morətləl* ‘Дети ломают ветки деревьев’;
- изъедать, стричь волосы, шерсть шкуры оленя: *Tāxtət xomləxləln xəl ĩōrsajət* ‘Шкуры съедены жуками’ и т. д.

Субъектом воздействия в данном случае может выступать и животное, и концентрированная физическая сила: *Karti xop jeŋk losətl* ‘Ледокол ломает льды’;

Тăхтэт хомлэхлэхлн хдӱ лӱрсајэт 'Шкуры съедены жуками'; Owem leŋkærn pelki pӱrsa 'Дверь=мою мыши прогрызли'.

Результат осуществления действия

Общими для семантики указанных глаголов являются предполагаемые результаты дефектности объекта или его уничтожение.

Глаголы с семой «делать углубление»

Глаголы с семой «делать углубление» различаются между собой по следующим параметрам:

Способ совершения действия

- копая, роя /копать, рыть/: хиг- 'копать, рыть', караӱ- 'ковырять, раскапывать'. — Мӱw wӱs рӱти хигэм 'Яма вырыта' [Вальгамова, с. 137]; Мӱw wӱs хирӱ 'Копает яму' [Соловар, с. 288]; Ӗxsar unši iŋrijӱn uŋx хирмӱ 'Лиса под сосной нору вырыла';

- ударяя /долбить/: рихӱ- 'колоть, долбить' — ударять кого-либо, что-либо по чему-либо или во что-либо длительно, однообразно, упорно; рихӱтӱ- 'ткнуть, наколоть'. — Јеŋк рихӱтӱ 'Лёд долбят'; Potӱm wӱj kešijӱn рихӱтӱ 'Застывший жир ножом откалывают' [Вальгамова, с. 107]; Panne jušӱn рихӱтӱмӱшӱ, хора wӱškӱшӱ 'Налима на гарпун наколол, в лодку бросил' [Там же];

- вращая: роӱт- 'сверлить' — делать в чем-либо углубления, дырки, используя для этого специальный инструмент, вращением которого получают отверстие в чем-либо. — Uxӱ рӱти рӱгӱn роӱтӱ ritӱs 'Полоз нарты стал сверлить сверлом' [Там же, с. 104].

Субъект действия (кто? что?)

Субъектом действия является преимущественно человек, но также в качестве субъекта может выступать животное. — Ӗxsar unši iŋrijӱn uŋx хирмӱ 'Лиса под сосной нору вырыла'.

Объект совершения действия (что?)

Действия, обозначаемые основными ЛСВ глаголов деструктивного действия, существенно различаются между собой по количеству типов объектов, на которые они могут быть направлены. Некоторые действия имеют лишь один типовой объект, например: хиг- 'копать, рыть, рыхлить' — делать яму, углубления (лопатай или другим орудием) с целью её разрыхления предполагает обычно один и тот же объект действия, копать и рыть можно только почву (как типовой объект она включает в себя грунт, песок, землю и т.д.). — Ӗxsar unši iŋrijӱn uŋx хирмӱ 'Лиса под сосной нору вырыла'; Karsӱrn mӱw хирӱ 'Копает землю лопатой'.

Глагол 'долбить, колоть' предполагает более разнообразные объекты воздействия: лёд, дерево, сердце человека и т. д.: Хојатӱ Asӱn jeŋк рихӱтӱ 'Люди на Оби лёд долбят'; Sӱmem рихӱтӱ 'Сердце болит (сердце=моё колет)'.

Средство осуществления действия

Глаголы 'копать' и 'долбить' всегда предполагают использование какого-либо инструмента: *xirti karsärn* 'копать лопатой', *porlijən puxəlti* 'долбить пешней'. Глагол *xir-* выражает действие, при котором может осуществляться более широкий диапазон воздействия (как непосредственное воздействие на предмет, так и использование какого-нибудь технического устройства). — *Ōxsar unši iŋrijən uŋx xirməł* 'Лиса под сосной нору вырыла'; *Traktorān lońšləl pūŋla xirlajət, lojti jūxləl ił ewətlajət* 'Трактором снег в сторону убирают, стоящие деревья спиливают'; *Xojatət Asən jəŋk porlijən puxəltət* 'Люди на Оби лёд пешней долбят'.

Данные глаголы содержат в своей семантике указание на характер нарушения целостности объекта. Воздействие, которое они обозначают, имеет локализованный характер.

Позиция орудийного дополнения обычно остается незамещенной, реализуется лишь тогда, когда на него надо обратить внимание. В позиции инструмента употребляются имена в местно-творительном падеже, которые дополняют семантику предиката, они обозначают: орудие, предмет, материал, часть тела человека, вещество.

Глаголы с семой «очищение, удаление, обработка объекта»

Глаголы с семой «очищение, удаление, обработка объекта» различаются между собой по следующим параметрам.

Способ действия (как?)

- с помощью трения: *per-* 'тереть, мазать, красить' [Steinitz, S. 1012]; *loxət-* 'точить, наточить, шлифовать — обрабатывать с помощью трения обо что-либо режущую или колющую часть чего-либо, тем самым делать ее острой', *tatəl-* 'разминать кожу при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять' [Вальгамова, с. 126]. — *Säməm nerla* 'Сердце=моё ноет (букв. сердце=моё трёт)' (в переносном значении); *Kešem loxətlem* 'Точу нож=свой'; *Kepləm tatləm* 'Шкуру мне (обрабатываю)';

- сжимая: *ňörət-* 'давить, с силой нажимать, налегать всей массой', *pəšər-* 'давить, выдавливать (руками)' — жать с силой, налегая тяжестью на кого-либо (обычно о действии, имеющем одностороннюю направленность, исполнителем которого является целостный предмет, какое-либо живое существо) [Steinitz, S. 1256]. — *In xüt xüjem in misəl wantəti pitsəl pa šaš pałatija rōxańləl* — *xułam xüjn el pelak elti tāllā, xułam xüjn jōlta ełli ŋörətla* 'Сейчас шесть человек ведут корову и бьют по спине — три мужчины тянут впереди, три мужчины сзади подгоняют (букв.: дают)' (фольк.) [Газета «Луңх авт», 2006]; *Luw manem ŋörətsəłli* 'Он меня придавил'; *Imel taŋreməšli-pašərməšli, šepa ponsałli* 'Жену=свою сжал-скомкал, в карман положил (фольк.)' [Там же, 2007];

- очищая — удаляя верхний слой объекта или продукта питания (кожурю с овощей, фруктов, чешую с рыбы, оперение с птиц), приготавливая их для переработки или употребления в пищу: *suxət-* 'дергать, выдергивать, ошипать' [Вальгамова, с. 119]; *ňaxəs-* 'чистить (рыбу от чешуи, овощи от кожур), скоб-

лить' [Steinitz, S. 1038]; хӱг- '1) драть, ободрать, разделывать, снимать бересту, шкуру (зверя, рыбы)' — обрабатывать (обработать) что-либо каким-либо образом, приготавливая для использования; '2) приносить жертву, совершать обряд жертвоприношения'; '3) забивать (на мясо)'. — Wasi suxətlem 'Утку ощипываю от перьев'; Ма хӱл h̄axəslem 'Я рыбу чищу'; Kutəp jajl̄ xotxarn̄ h̄uxəs̄ x̄orman oməs̄l̄ 'Средний из братьев, сидя на полу, снимает шкуру с соболя'; Jam wulet̄ h̄oxijā x̄orsajət 'Хороших оленей на мясо забивают';

- сцарапывающая, отскребающая: нӱх хорит- 'соскабливать', нӱх ӯш- 'соскоблить, отчистить', w̄öšəm- 'снимать кору, соскабливать, скрести, отскребать', х̄хərmə- (мгнов.) 'скоблить, скрести, х̄хəрт- 'скоблить, скрести. — Хӱл som ełtī n̄ox ūšila 'Рыбу отчищают от чешуи'; Јенк ux̄l̄ ełtī n̄ox хоритsem 'Лёд от саней соскоблил'; Јӱхлən w̄öšəm̄l̄ 'Он снимает кору с деревьев';

- выравнивающая поверхность: w̄öjx- 'тесать', w̄öjxət- 'строгать, обтёсывать', wolt- 'строгать, тесать'. — Soxəlał̄ wonxəl̄ 'Он доски тесал'; Šī wonxantəl̄ 'Обтёсывает доски'.

Объект действия (что?)

- точить нож: Кеšem̄ loxətlem 'Точу нож=мой' [Steinitz, S. 745]; Кеšī loxətsəlī pā j̄ux̄ šup̄ h̄oxərtī pitəs̄ 'Нож наточил и стал строгать полено';

- чистить рыбу, птицу, овощи, фрукты: Ма хӱл h̄axəslem 'Я рыбу чищу'; Wasi suxət̄l̄ 'Ощипывает утку';

- снимать шкуру зверя, кору дерева, совершать жертвоприношение. — Tontə x̄orlem 'Бересту снимаю с березы'; Woj̄ s̄ox̄ x̄ore! 'Сними шкуру у оленя!'; Šitā kuł̄ sumtət̄ lojlat̄, jam̄ tontə̄ x̄ortī raxəl̄ 'Там толстые березы стоят, хорошую бересту можно снять'; Torum̄ ašel̄ ūltī kum̄ mijmał̄ saxət̄, arat̄ wojl̄-x̄ulał̄ saxət̄ — jir̄ x̄orlet̄ 'Приносят жертву Богу для того, чтобы жилось хорошо, чтобы зверей-рыб было в достатке'; Un̄ хожат̄uw̄ ох̄ рөнлат̄, jir̄ x̄orlet̄ 'Мудрые люди молятся, приносят жертву'; Jam̄ wulet̄ h̄oxijā x̄orsait̄ 'Хороших оленей на мясо забивают'.

Средство осуществления действия (чем?)

Действия, обозначаемые глаголами очищения, удаления и обработки объекта, выполняются человеком с помощью специальных орудий или вручную.

Всегда предполагается использование какого-либо инструмента, в основном это, например, следующий:

- нож: Woj̄ s̄ox̄ x̄ore! 'Сними шкуру у оленя!';

- топор: Јӱхлən w̄öšəm̄l̄ 'Он снимает кору с деревьев'; Јерəs̄ wəfək̄l̄ 'Он обрубаёт ветки';

- рубанок: Soxəlał̄ wonxəl̄ 'Он доски тесал'; Šī wonxantəl̄ 'Обтёсывает доски';

- напильник: Кеšem̄ loxətlem 'Точу нож=свой' [Вальгамова, с. 745]; Кеšī loxətsəlī pā j̄ux̄ šup̄ h̄oxərtī pitəs̄ 'Нож наточил напильником и стал строгать полено'; Јајəm̄ loxəttī omsəs̄ 'Он сел точить топор' [Вальгамова, с. 67];

- руки человека: tātəl̄- 'разминать кожу при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять' [Вальгамова, с. 126], p̄ásəg- 'давить'. — Imel̄ taŋreməs̄lī-p̄ásərməs̄lī, šerā ponsał̄lī 'Жену сжал-скомкал, в карман положил'; P̄öxen̄ mol̄saŋs̄ox̄lał̄ tātəlsajət̄ 'У сына=твоего шкуры на малицу помяли (обработали)' [Там же].

Субъект действия (кто?)

Исходя из приведенных выше примеров глаголов, относящихся к группе глаголов с семей «очищение, удаление, обработка объекта», можно сделать вывод о том, что субъектом действия всегда выступает человек.

Глаголы с семей «изменение состояния»

Характер субъекта/объекта разрушения

- глаголы, обозначающие разрушение конкретных неодушевленных предметов: *xišilə*- ‘покрыться плесенью (о продуктах питания)’, *xärjät*- ‘ржаветь (об изделиях из железа)’, *arkər*- ‘рухнуть’. — *Ñañəl pa xišiləm* ‘Хлеб тоже заплесневел’; *Karti xärjätse* ‘Коса заржавела’; *Katra хотət arkəpsət* ‘Старые дома рухнули’;

- глаголы, обозначающие гибель живых существ или изменение состояния субъектов: *xötəs jü*- ‘умереть (букв. что-то случилось)’, *xäl*- ‘сдохнуть,дохнуть,погибнуть’ — прекратить существование кого-либо, чего-либо. — *Łuw numaslat, ma xötəs jisəm, pärsəm* ‘Они думали, что со мной что-то случилось, умерла’ [Газета «Луңх авт», 2009]. Семантика предиката *xäl*- зависит от типа субъекта: *As xälti pitəs* ‘Обь осталась без кислорода, начался загар на Оби (букв.: Обь сталадохнуть)’; *Апреу хäləs* ‘Собака сдохла’;

- глаголы, обозначающие естественные природные процессы увядания, порчи, гниения, разложения, присущие растениям, предметам растительного происхождения: *lij*- ‘гнить’ — стать гнилым (испорченным или разрушенным действием микроорганизмов), подвергаясь органическому разложению, *ñäxij*- ‘стать несвежим от долго лежания (рыба в тепле)’ — от лежания становится мягкой, утратить свою свежесть [Вальгамова, с. 87], *soɣ*- ‘1) сохнуть, 2) вянуть’ — терять свежесть, увядать (о растениях) [Там же, с. 117]. — *Xülem xölti lijəs* ‘Рыба сгнила’; *Ñuñməñ lijəs* ‘Рана сгнила’; *Xülem ñäxijmal* ‘Рыба стала несвежей’ [Steinitz, S. 1030]; *Töɣən soɣəs* ‘Сено высохло’; *Rüw röɣajñ xül soɣa ñäxijəl* ‘Во время жары рыба быстро теряет свежесть (становится мягкой)’ [Вальгамова, с. 87];

- глаголы, характеризующие изменения состояния субъектов: *šäk*- ‘испортиться, становиться плохим, портиться (зрение, настроение, погода)’, *xäl*- ‘сдохнуть,дохнуть,погибнуть, умереть’ — прекратить существование чего-либо, кого-либо. — *Turmew šäkəs* ‘Погода испортилась’ [Соловар, с. 308]; *Nömpsem šäkəs* ‘Настроение испортилось (букв.: мысль=моя испортилась)’; *Łipem malı wöñi šäkəs* ‘Настроение=мое испортилось (букв.: душа=моя испортилась)’; *As xäləs* ‘Начался замор на Оби’ (букв.: Обь сдохла); *Pirəs amp ikew xälti kema jis, neməñti äñt xüləl* ‘Старая наша собака совсем состарилась (букв.: пришла к состоянию умирания), ничего не слышит’ [Вальгамова, с. 137].

Необходимо отметить, что зачастую бывает сложно однозначно отнести рассматриваемые глаголы к тому или иному типу.

Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой / авт.-сост. С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург, 2011. 208 с.

- Лух* авт. 2001—2009. Вып. 1—30.
- Скребцова Т. Г.* Семантика глаголов физического действия в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 23 с.
- Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. СПб., 2006. 336 с.
- Султанова А. П.* Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук: Казань. 2008. 317с.
- Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprachen. Berlin, 1960—1993.

Статья поступила в редакцию 15.04.2012 г

ИСТОРИЯ

УДК 94(495) + 94(4)“375/1453” + 35.073.52

А. С. Мохов

«СТРАЖ» ИЛИ «КАЗНАЧЕЙ»? СОСТАВ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ СВИТЫ ПО ДАННЫМ ВОЕННЫХ ТРАКТАТОВ*

На материалах византийских военных трактатов 2-й половины X в. рассматривается состав походной свиты византийского императора. В частности, на основании трактата «De castrametatione» установлено, что в число сопровождавших императора должностных лиц входил *φύλακχος* («казначей»). В конце X — XI в. *филак* являлся чиновником из ведомства *идика* (императорских имуществ), что подтверждается свидетельствами нарративных и сфрагистических источников.

Ключевые слова: Византия; византийские военные трактаты; Василий II; финансовая система; *филак*; *сигиллография*.

Во второй половине X — начале XI в. в Византии было создано несколько практических военных руководств, которые в историографии принято называть военными трактатами. В эту группу источников обычно включают сочинения «*Praecepta militaria*», «*De velitatione*», «*De castrametatione*» и «*Taktika*» Никифора Урана [Dain, p. 369—373]. Почти одновременное появление данных текстов обусловлено тем, что к середине X в. византийскими военачальниками был накоплен значительный опыт ведения боевых действий против арабов и болгар — возникла необходимость его обобщения. Кроме того, активизация византийской внешней политики привела к увеличению численности вооруженных сил и формированию новых подразделений. Высший и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

средний командный состав императорской армии необходимо было готовить к новым войнам, и военные трактаты были незаменимы при обучении и подготовке войск [см.: McGeer, 1991, p. 129–140].

Авторы военных трактатов второй половины X — начала XI в. не стремились охватить все аспекты стратегии и тактики. Напротив, в этих сочинениях рассматривается достаточно узкий круг вопросов, связанных с боевым применением императорских вооруженных сил. В «Praecepta militaria» основное внимание уделено подготовке армии к большому походу против арабов. Автором подробно рассмотрено множество связанных с этим вопросов — от индивидуальной подготовки рядовых солдат до организации религиозной службы во время военной экспедиции [см. об этом: Стратегика императора Никифора; McGeer, 1995, p. 3–78]. Трактат «De velitatione» посвящен особенностям ведения боевых действий против арабов. В нем анонимный автор обобщил уникальный опыт, накопленный несколькими поколениями византийских военачальников, руководивших фемными контингентами в «малой» пограничной войне на восточной границе империи [Three Byzantine Military Treatises, p. 137–239; Le traité sur la guérilla; Два византийских военных трактата, с. 7–230]. В сочинении «De castrametatione» основное внимание уделено организации крупного похода против болгар, обустройству походных военных лагерей, разведке и осаде городов [см.: Incerti scriptoris byzantini; Кулаковский, с. 63–90; Three Byzantine Military Treatises, p. 241–335].

«Taktika» в значительной степени отличается от практических военных руководств, перечисленных выше. Автором этого сочинения являлся магистр Никифор Уран, служивший в 997–1007 гг. на высших военных должностях доместика схол Запада и дуки Антиохии [Мохов, 2011а, с. 41–49]. Известно также, что «Тактика» была написана им по указанию императора Василия II (976–1025). В итоге Никифор Уран составил объемную компиляцию из военных трактатов IX–X вв., но добавил к ней несколько оригинальных глав, обобщающих военный опыт, накопленный за годы правления Василия II [см.: Dain, p. 371–373; Foucault, p. 281–312; McGeer, 1995, p. 79–167].

Военные трактаты второй половины X — начала XI в. неоднократно публиковались, но издатели, как правило, отказывались от подробного комментирования греческих текстов, ограничиваясь лишь объяснением наиболее важных терминов. А. Дэн указывал, что, в трактатах содержится множество специальных военных терминов, которые использовались исключительно в армейской среде [Dain, p. 378]. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, анонимных авторов «Praecepta militaria» и «De velitatione» сложно сравнивать с Михаилом Пселлом или Иоанном Мавроподом. Однако трактат «De castrametatione» создавался не в «армейской среде», а в ближайшем окружении Василия II (976–1025). Автор «Тактики» Никифор Уран являлся учеником Симеона Метафраста, его следует считать одним из наиболее ярких представителей византийской интеллектуальной элиты конца X — начала XI в. [см.: Darrouzès, p. 45–48].

Необходимо признать, что специальная терминология военных трактатов исследована в недостаточной степени. В первую очередь это касается названий

должностей, воинских формирований, служб тылового обеспечения и органов гражданского управления. Данная статья посвящена уточнению ряда терминов, использованных анонимным автором «*De castrametatione*».

Трактат был написан в последние годы X в. Фактически в это время Василий II управлял Византией из армейского лагеря. Он годами не возвращался в Константинополь и лично командовал полевой армией, проводившей военные операции на Балканах, в Северной Сирии или Закавказье. При императоре постоянно находились чиновники из императорской канцелярии (протоасикрит, каниклий), ведомства императорских имуществ (препозит идика), судебного ведомства, военной логифесии и т. д. Они принимали активное участие в разработке внутривосточного курса Василия II, вели переписку со столичными и провинциальными органами управления, выполняли разнообразные поручения.

С середины 90-х гг. X в. император начал уделять особое внимание скорости перемещения войск. Быстрая передислокация больших армейских контингентов с одного театра военных действий на другой стала основной тактической установкой Василия II. В течение нескольких лет была проведена реорганизация ряда гражданских ведомств, отвечавших за снабжение войск. В результате регулярные тагмы получили возможность совершать длительные переходы, не обременяя себя большими обозами. Все необходимое они получали по пути следования в митатах, аплектах или императорских кураториях. В приграничных районах необходимое для войск продовольствие приобреталось за деньги. Поставки необходимых материальных ресурсов должны были обеспечить гражданские чиновники, сопровождавшие армию [см.: Мохов, 2011б, с. 314–315]. Значительных проблем при общении с местным населением они не испытывали. Полновесная золотая монета отодвигала этнические, религиозные или политические разногласия на второй план.

Для создания эффективной системы материального обеспечения полевой армии потребовались долгие годы и значительные денежные средства. Между тем сам Василий II вел аскетический образ жизни. Михаил Пселл писал, что к придворной роскоши император относился с презрением, а сам довольствовался лишь самым необходимым [Michele Psello, vol. 1, p. 12.4.1–4; p. 47.32.1–14]. Численность личной прислуги василевса также была невелика. В источниках сохранилось множество упоминаний о расчетливости и бережливости этого императора. Василий II не был скуп: на армию, бюрократический аппарат и монументальное строительство расходовались огромные суммы. В частности, возрождается старая традиция награждать отличившихся воинов значительными денежными суммами [Michele Psello, vol. 2, p. 244.52.1–10; Lemerle, p. 80–83; Cheynet, 1983, p. 456–457].

В «*De castrametatione*» особое внимание исследователей привлекает первая глава, в которой содержится подробная инструкция по обустройству походного лагеря. В ней говорится о том, как выбирать место для стоянки войска, как возводить полевые укрепления, в каком порядке армейские подразделения должны располагаться на территории лагеря и т. д. [см.: Кулаковский, с. 78–83]. Значительное внимание автор уделяет размещению императора и его свиты.

Для этого в центральной части лагеря выделялся особый сектор. Царская палатка устанавливалась посередине свободного ровного пространства, все подходы к ней хорошо просматривались и тщательно охранялись. В целях обеспечения безопасности по периметру центрального сектора размещались палатки императорской этерии и тагмы «бессмертных» (βασιλικὴ ἑταιρεία, τάγμα τῶν ἀθάνατων) [см: Кулаковский, с. 80–81; Glykatzi-Ahrweiler, p. 27–28]. Судя по тому, как в трактате описывается система охраны лагеря, противник мог добраться до его центральной части только в одном случае — при полном разгроме византийских войск.

В военном походе императора сопровождали гражданские чиновники и придворные. Об их размещении в полевом лагере в источнике говорится: «ἐκτὸς δὲ τοῦ τοιοῦτου χωρίου κατὰ τὸ εὐώνυμον μέρος πηγνύσθω ἡ τοῦ πρώτοβεστιαρίου σκηνή, κατὰ δὲ τὸ δεξιὸν τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης ὄπισθεν δὲ τοῦ πρώτοβεστιαρίου ἡ τοῦ φύλακος καὶ καθεξῆς κοιτωνιτῶν καὶ εβδομαρίων καὶ λοιπῶν τῶν διακονούντων οκκείως τῇ βασιλικῇ ὑπηρεσίᾳ...» [Incerti scriptoris byzantini, p. 5.14–19]. При публикации первых восьми глав трактата «De castrametatione» Ю. А. Кулаковский перевел данный отрывок следующим образом: «Вне такового плаца, налево следует разбить палатку протовестиария, а направо — столыника; позади протовестиария — палатку начальника стражи и затем — китонитов, эвдомариев и прочих личных слуг царя...» [Кулаковский, с. 81]. Специально о должностных лицах, сопровождавших императора в походе, Ю. А. Кулаковский не пишет, ограничиваясь замечанием: «Позади (т. е. к западу) от первого (протовестиария. — А. М.) располагается страж (φύλαξ), за ним — к северу, западу и югу — ставятся палатки царских слуг: китониты, эвдомарии и остальная челядь» [Кулаковский, с. 70].

Дж. Деннис, опубликовавший перевод трактата «De castrametatione» на английский язык, перевел этот фрагмент так: «За пределами этого пространства слева должна быть поставлена палатка для протовестиария, а направо палатка для *epi tes trapezes*. За палаткой протовестиария должна быть палатка стража, а затем, по порядку, палатки управляющих, секретарей и прочих из личной прислуги императора» [Three Byzantine Military Treatises, p. 251]. В комментариях американский исследователь, ссылаясь на известные работы Р. Гийана и Н. Иконоmidиса, пишет о должностных обязанностях протовестиария, *epi tes trapezes* и эвдомариев [см.: Ibid., p. 255–256, n. 9–10; Guiland, 1967, p. 216–241, 252; Oikonomidis, 1972, p. 130, 305–306].

В 2002 г. В. В. Кучма опубликовал перевод на русский язык всего текста трактата «De castrametatione». О переводе Ю. А. Кулаковского волгоградский византист писал: «Качество перевода... представляется достаточно высоким; тем заметнее некоторые погрешности и несообразности, все-таки встречающиеся в переводе». Интересующий нас отрывок В. В. Кучма перевел так: «Снаружи этого пространства, с левой стороны, должна быть размещена палатка протовестиария, справа — столыника. Позади палатки протовестиария — палатка начальника стражи, а затем последовательно размещаются палатки койтонитов, эвдомариев и других состоящих в личном услужении императору...» [Два византийских военных трактата, с. 326–327]. Принципиальной разницы между

двумя переводами, как мы видим, нет. Отметим также, что использованное Ю. А. Кулаковским и позаимствованное у своего предшественника В. В. Кучмой слово «стольник» не подходит для обозначения византийской придворной должности ἐπι τῆς τραπέζης¹. По мнению В. Зайбта, она происходила от от позднеантичной *sacri castrens palatii*. Функции ἐπι τῆς τραπέζης в IX—X вв. известны из «Книги церемоний» Константина Багрянородного. Они состояли в организации и проведении праздничных трапез в императорском дворце (обеда во время пасхальной недели, встречи василевса с титулованными особами, военачальниками и духовенством, приемы иностранных послов). Во время военного похода ἐπι τῆς τραπέζης ведал обеспечением императора и его свиты продовольствием [см.: Seibt, S. 34—38].

В специальной литературе неоднократно предпринимались попытки на основании текста «De castrametatione» реконструировать план византийского полевого лагеря [Кулаковский, с. 75, рис. 1; Three Byzantine Military Treatises, р. 334—335, fig. 10(e—f); Два византийских военных трактата, с. 295, черт. 1]. На этих схемах хорошо видны основные элементы лагерного устройства: полевые укрепления, ворота, дороги, места размещения отдельных фем или тагм, императорская ставка [см.: Grosse, S. 113]. Лагерь имел правильную квадратную форму. «Царская палатка» располагалась на пересечении линий симметрии этого квадрата. Другие объекты, расположенные к северу, востоку, югу или западу от нее, также были симметричны друг другу. Принцип симметрии нарушался только в одном случае. В центральном секторе лагеря, вплотную примыкая к императорскому шатру с левой стороны, находились две палатки — протовестиария и филака. Напротив, с правой стороны, устанавливалась только одна палатка, предназначенная для ἐπι τῆς τραπέζης.

Должностные обязанности большинства гражданских чиновников и придворных евнухов, составлявших походную свиту императора (βασιλικῆ ὑπηρεσία), хорошо известны [см.: Беляев, т. 1, с. 155—156; т. 2, с. 7—11; Guiland, 1944, р. 202—220; Guiland, 1945, р. 179—187; Oikonomidis, 1972, р. 130, 305—306]. Исключение составляет филак (ἡ φύλακος, ὁ φύλαξ). Выше уже упоминалось, что издатели «De castrametatione» переводили этот термин как «страж», «guard», «начальник стражи». Примечательно, что дальше в тексте трактата об этом должностном лице не упоминается. Не говорится о φύλακος и в других военных руководствах второй половины X — начала XI в. Более того, выделение специальной палатки для некоего «стража» представляется бессмысленным. Во время похода византийского императора охраняли десятки хорошо обученных и специально подготовленных воинов. Они входили в состав императорской этерии (βασιλικῆ ἑταιρεία), командовал ими великий этериарх (μέγας ἑταιρειάρχης). Личные телохранители императора — это малая, или третья, этерия (τρίτη ἑταιρεία, μικρά ἑταιρεία) под руководством ἑταιρειάρχης μικρά ἑταιρεία [см.: Вуру, р. 106—108; Glykatzi-Ahrweiler, р. 27; Oikonomidès, 1972, р. 327—328, 340—341]. За охрану лагеря во время похода отвечал друнгарий

¹ «С толь н и к; на Руси до XVII в. — придворный, прислуживающий за княжеским или царским столом» [Ожегов, Шведова, с. 770].

вила или его заместитель, топотирит арифмов (δρουγγάριος τῆς βίγλας, толотηρητῆς τοῦ ἀριθμοῦ) [Kühn, S. 243–246]. Сложно представить, чтобы при столь серьезной системе охраны и таком большом числе ответственных за это командиров потребовался еще один «страж».

Слово φύλαξ многозначное. Большинство его значений связано с военной сферой: «дозорный, стражник, караульный», «резервный», т. е. солдат из второй или третьей шеренги, который в сражении должен заменить воина из первого ряда. В текстах эллинистического и римского времени слово φύλαξ могло означать: «смена ночной стражи», «дозорный отряд из четырех воинов», «тыловое охранение» [Sophocles, p. 1153]. В более позднее время, в частности в «Тактике Льва» (конец IX в.), φύλακος обозначало «дозор», «охрана обоза», «телохранитель» [Leonis VI *Tactica*, p. 52.4.81; 194.11.13–14; 604.20.984–985]. Однако у этого слова есть целый ряд значений, не связанных с военной сферой: «ангел-хранитель», «смотритель, хранитель», «казначейство, хранилище» [Sophocles, p. 1153].

По нашему мнению, под ἡ τοῦ φύλακος следует понимать «хранитель казны». В этом случае, рассматриваемый отрывок из «De castrametatione» переводится: «...слева следует разбить палатку протовестиария, справа — ἐπὶ τῆς τραπέζης; позади протовестиария — палатку филака и затем — китонитов, эвдомариев и прочих слуг из императорской ипересии». Слова τῆ βασιλικῆ ὑπηρεσία переводить также не следует. Этот термин неоднократно встречается в «Книге церемоний» Константина Багрянородного (913–959) и обозначает совокупность лиц, обслуживавших императора во время похода. Общая численность βασιλικῆ ὑπηρεσία достигала 200 человек [см.: Seibt, S. 37–38; Constantine Porphyrogenitus, p. 98, 113, 167].

Размещение палатки филака рядом с императорской представляется вполне обоснованным. Вне всякого сомнения, во время военного похода были необходимы значительные денежные средства. Когда войско разбивало лагерь, ценности хранились в наиболее защищенном месте — возле императорской палатки. Охрана здесь была постоянная, и любые попытки посягательства на войсковую казну были равнозначны попытке совершить нападение на императора. Кроме того, ни в «De castrametatione», ни в других военных трактатах ничего не говорится о каком-либо специальном хранилище денежных средств на территории лагеря.

В значении «казна, казначейство» слово φύλαξ появляется в источниках с середины X в. В хронике Продолжателя Феофана, когда речь идет о приходе к власти Василия I (867–886), дважды упоминается о том, что его предшественник Михаил III (842–867) потратил все «императорские сокровища» и оставил пустым «хранилище императорской казны» (τῶν βασιλείων θησαυρῶν φύλακα, τῷ φύλακι τῷ βασιλικῷ) [см.: Theophanes Continuatus, p. 253.8, 255.16]. Известно также, что один из залов Большого дворца в Константинополе назывался Филаком (Φύλαξ). Здесь была размещена специальная императорская казна, из которой выплачивалась руга титулованным особам сенаторского звания (анфиаты, патрикии, протоспафарии). Кроме того, в комнатах, примыкавших к Филаку, хранились другие ценности: золотая и серебряная посуда,

церемониальные одежды, произведения искусства и пр. [Беляев, т. 1, с. 31–33; Janin, p. 116; Hendy, p. 310–311, n. 262].

Личное императорское казначейство входило в состав ведомства императорских имуществ (εἰδικόν). Главой идики являлся препозит (πραιπόσιτος τῶν εἰδικός, ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ λόγου) [Oikonomidès, 1972, p. 316–318; Мохов, 2011б, с. 310]. В «Книге церемоний» сохранились упоминания о том, что во время военных походов императора сопровождали должностные лица из ведомства идики. Для перевозки денег и другого ценного имущества им предоставлялось не менее 40 вьючных животных [см.: Constantine Porphyrogenitus, p. 118.374–375]. Охрана «походной» императорской казны была обязанностью евдомариев идики (ἐβδομάριοι τοῦ εἰδικοῦ) [Ibid., p. 128.536–539]. По мнению Дж. Хэлдона, эти свидетельства относятся к периоду правления Романа I Лакапина (920–944), когда византийские войска предприняли несколько военных походов в Северную Сирию [Ibid., p. 54–56].

Таким образом, во второй половине IX – первой половине X в. личная императорская казна (филак) входила в состав ведомства императорских имуществ (идика). Однако в правление Василия II секрет ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ λόγου был реформирован. С этого времени его главной задачей стало управление императорской собственностью в провинциях. Императорское казначейство было преобразовано в новое финансовое ведомство – секрет филака [см.: об этом: Dölger, S. 36–37; Oikonomidès, 1996, p. 276–277]. В хрисовулах XI в. идик и филлак упоминаются как отдельные, не зависимые друг от друга структуры (εἰδικῶν, ἐπὶ τοῦ θείου ἡμῶν ταμείου τοῦ φύλακος) [см.: Actes de Lavra, p. 194.45–46].

Наиболее весомым аргументом, подтверждающим существование в конце X – XI в. секрета филака, являются данные сфрагистики. Опубликовано несколько печатей должностных лиц данного ведомства:

1. Г е о р г и й, примикирий, китонит и филлак (πριμικηρίῳ ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος καὶ φύλακι). Издатель датировал печать концом X – первой половиной XI в. [Zacos, p. 254, n. 474].

2. Ф е о ф а н, протоспафарий, китонит и филлак (πρωτοσπαθαρίῳ κοιτωνίτη καὶ φύλακι). Датировка моливдовула: конец X – первая половина XI в. [Ibid., p. 354, n. 756].

3. Х р и с т о ф о р, примикирий, китонит, филлак и анаграфевс Армениака. По сфрагистическому типу печать датируется первой половиной XI в. [Catalogue of Byzantine Seals, 2001, p. 54–55, n. 22.2].

4. К о н с т а н т и н, протоспафарий, китонит и филлак. Вторая половина XI в. [Zacos, p. 372, n. 805].

5. К о н с т а н т и н, патрикий, препозит ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος и филлак. Середина XI в. [Йорданов, с. 31–32, № 15].

Необходимо отметить, что все владельцы этих печатей были придворными евнухами. Об этом свидетельствуют их титулы: примикирий, китонит. Моливдовул 3 примечателен тем, что его владелец служил не только при императорском дворе, но и в ведомстве логофета геникона. До середины XI в. анаграфевсы фем (в данном случае Армениака) приезжали в провинции из Константино-

поля и занимались составлением или уточнением налоговых кадастров [Dölger, S. 79, 82–84]. Печати 4 и 5 могли принадлежать одному человеку, так как изображения Богоматери Оранты на лицевой стороне булл идентичны.

К сожалению, современное состояние источников не позволяет полностью восстановить структуру секрета филака. Неизвестно даже, как именовался глава «императорской сокровищницы»: логофет или препозит? Кроме филаков («казначеев»), по сфрагистическим данным известны также: Л е в, протоспафарий и императорский нотариус филака [Laurent, p. 347–348, n. 673]; Н и к и ф о р, императорский нотариус филака [Ibid., p. 348, n. 674]; М и х а и л, *μετροῦτῆ τοῦ φύλακος* [Ibid., p. 348, n. 675; Catalogue of Byzantine Seals, p. 68–69, n. 27.1]. Эти печати В. Лоран датировал второй половиной XI в. Нотариусы филака, как и нотариусы других столичных ведомств, выполняли разнообразную канцелярскую работу. О функциях *μετροῦται τοῦ φύλακος* в источниках ничего не сообщается, но можно предположить, что они мало отличались от *μετροῦται τοῦ σακέλλη* («счетоводы государственного казначейства») [см.: Dölger, S. 73].

В заключение следует упомянуть еще об одном моливдовуле. Он принадлежал И о а н н у, вестарху, племяннику филака (*τῷ ἀνεψιῷ τοῦ φύλακος*) [Spreck, S. 232, n. 171]. П. Шпек датировал печать X–XI вв., но, по мнению Ж.-Кл. Шене, булла относится ко второй половине XI в. [Cheynet, p. 1987, 274]. Владелец печати был вестархом. Во второй половине XI в. этот титул уже не относился к числу высших, но и незначительным его считать нельзя. Тем не менее Иоанн специально подчеркивал, что он является родственником некоего филака, по всей видимости — человека известного и влиятельного. Вряд ли он стал бы гордиться своим родством со «сторожем». Гораздо больше на эту роль подходит чиновник из личного императорского казначейства.

Исследование византийских военных трактатов второй половины X в. позволяет выявить не только военную, но и административную терминологию. В частности, в результате анализа текста трактата «De castrametatione» установлено, что среди гражданских должностных лиц, сопровождавших императора во время похода, находился «казначей» (филак), который являлся должностным лицом ведомства императорских имуществ. Перевод слова *φύλακος* как «страж» или «начальник стражи» является неправильным. Такой должности — ни военной, ни гражданской — в Византии X–XI вв. не существовало.

Беляев Д. Ф. Byzantina : очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1891. Кн. 1. 200 с.; 1893. Кн. 2. 308 с.

Два византийских военных трактата конца X века / изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2002. 412 с.

Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993. 266 с.

Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века // Византийский временник. 1903. Т. 10. С. 63–90.

Мохов А. С. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран // Урал. ист. вестник. Екатеринбург, 2011а. № 3 (32). С. 41–49.

Мохов А. С. Эволюция ведомства императорских имуществ (идика) в Византии X–XI вв. // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011б. Вып. 9. С. 309–315.

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. 944 с.
- Стратегика* императора Никифора / изд. Ю. А. Кулаковский // Зап. Имп. Академии наук. Сер. 8, Ист.-филол. отд-ние. СПб., 1908. Т. 8, № 9. 59 с.
- Actes de Lavra*. Pt. 1 : Des origines a 1204 / ed. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou // Archives de l'Athos. Т. 5. P., 1970. 447 p.
- Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. 179 p.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art* / ed. by E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Vol. 4 : The East. Washington, 2001. 235 p.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art* / ed. by E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Vol. 5 : The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings. Washington, 2005. 199 p.
- Cheyne J.-Cl.* Dévaluation des dignités et dévaluation monétaire dans la seconde moitié du XIe siècle // Byzantion. 1983. Т. 53. P. 453–477.
- Cheyne J.-Cl.* [Rev.]. Paul Speck. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West) // Revue numismatique. 1987. N. 29. P. 273–274.
- Constantine Porphyrogenitus.* Three Treatises on Imperial Military Expeditions / ed. by J. F. Haldon // Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 28. Wien, 1990. 342 p.
- Dain A.* Les stratégistes byzantins // Travaux et mémoires. 1967. Т. 2. P. 317–392.
- Darrouzou J.* Épistoliers byzantins du Xe siècle // Archives de l'Orient chrétien. Vol. 6. P., 1960. 431 p.
- Dölger Fr.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig ; Berlin, 1927. 165 S.
- Foucault J.-A.* Douze chapitre inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos // Travaux et mémoires. 1973. Т. 5. P. 281–312.
- Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe — XIe siècles // Bulletin de correspondance hellénique. 1960. Vol. 84. P. 1–111.
- Grosse R.* Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4. — 10. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift. 1913. Bd. 22 S. 90–121.
- Guilland R.* Fonctions et dignités des eunuques : II. Le Protovestiaire // Études byzantines. 1944. Т. 2. P. 185–225.
- Guilland R.* Fonctions et dignités des eunuques: III. Le maître d'Hôtel de l'empereur // Études byzantines. Bucarest, 1945. Т. 3. P. 179–214.
- Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin ; Amsterdam, 1967. Т. 1. 607 p.
- Hendy M. E.* Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450. Cambridge, 1985. 773 p.
- Incerti scriptoris byzantini saeculi X.* Liber de re militari / rec. R. Vári. Lipsiae, 1901. 90 p.
- Janin R.* Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950. 482 p.
- Kühn H.-J.* Das byzantinische Heer im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. 326 S.
- Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Т. 2 : L'Administration centrale. P., 1981. 740 p.
- Le traité* sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phokas (963–969) / ed. par G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986. 358 p.
- Lemerle P.* «Roga» et rente d'état aux Xe — XIe siècles // Revue des études byzantines. 1967. Т. 25. P. 77–100.
- Leonis VI* Tactica / ed. G. T. Dennis // Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 49. Washington, 2010. 690 p.
- McGeer E.* Tradition and Reality in the Taktika of Nikephoros Ouranos // Dumbarton Oaks Papers. 1991. Vol. 45. P. 129–140.

- McGeer E. *Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century*. Washington, 1995. 405 p.
- Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* / introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comm. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. Fondazione Lorenzo Valla, 1984. Vol. 1. 403 p.; Vol. 2. 474 p.
- Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. P., 1972. 403 p.
- Oikonomidès N. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance IXe — XIe siècles*. Athènes, 1996. 319 p.
- Seibt W. *Über das Verhältnis von κηνάριος bzw. δομέστικος τῆς τραπέζης zu den anderen Funktionären der βασιλική τραπέζα in mittelbyzantinischer Zeit* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1979. Bd. 72. S. 34—38.
- Sophocles E. A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods: from B. C. 146 to A. D. 1100*. L., 1914. 1188 p.
- Speck P. *Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West)* // *Ποικιλὰ Βυζαντινά*. Bonn, 1986. Bd. 5. 261 S.
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker // *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Vol. 45. Bonnae, 1838. 951 p.
- Three Byzantine Military Treatises* / ed. by G. T. Dennis // *Corpus fontium historiae Byzantinae*. Vol. 25. Washington, 1985. 380 p.
- Zacos G. *Byzantine Lead Seals* / ed. by J. Nesbitt. Berne, 1984. Vol. 2. 543 p.

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

УДК 94(495) + 94(54)“647/1453”

Н. Г. Пашкин

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ ИМПЕРСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА НА ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ*

Анализируется реакция Латинского Запада на гибель Византийской империи в 1453 г. с позиций двух его институтов — церкви и империи, претендовавших на вселенский характер. Папский престол сделал попытку консолидации Европы. Напротив, Священная Римская империя не последовала принципам христианского универсализма, фактически разорвав со средневековой концепцией «translatio imperii».

Ключевые слова: Византия; Священная Римская империя; папство; турки; имперский универсализм.

Среди множества последствий, вызванных в западном мире падением Константинополя и гибелью Византийской империи в 1453 г. в результате турецкого завоевания, отдельного анализа заслуживают те явления и события, которые лежали в плоскости политической идеологии. Несмотря на сложную и полную драматизма историю взаимоотношений Византии и Запада, на протяжении всего Средневековья сохранялись идейные стереотипы, хранившие

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФПЦ «Научные и научно-образовательные кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

память об их общем историческом прошлом, уходившем своими корнями к античным временам. Именно там брал свое начало один из стереотипов, известных под названием *translatio imperii* («перенос империи»). На нем, как известно, основывалось представление об исключительном праве византийских государей как правопреемников старого Рима на императорское достоинство, претендовавшее на универсальный характер. Появление империи на Западе во времена Карла Великого (768–814), а затем при Оттоне I (936–973), хотя и вызвало острую реакцию на Востоке, не разрушило этот стереотип. Священная Римская империя претендовала на тот же источник правопреемственности [см.: Kienast, S. 30]. Не случайно даже в 1415 г. германский император Сигизмунд Люксембург (1410–1437) напоминал византийскому правителю Мануилу II (1391–1425), что традиция сосуществования двух императоров (на Западе и на Востоке) берет свое начало в римскую эпоху [см.: Engels, S. 375]. В Средние века идея универсальной империи существовала вместе с родственной ей идеей вселенской христианской церкви. Разобщение между православием и католицизмом с обеих сторон представлялось противоестественным. Последней безуспешной попыткой преодолеть его стала церковная уния, провозглашенная на Флорентийском соборе 1439 г.

Завоевание Константинополя турками поставило вопрос о дальнейшем существовании этих стереотипов, которые в поствизантийской реальности приобретали значение мобилизующих идеологем, позволяющих Западу глубоко осознать и защитить как свою идентичность, так и само существование перед лицом турецкого нашествия. Таким образом, должна была непременно проявить себя и реакция их носителей — империи и церкви. Хотя крушение Византии вызвало противоречивые отклики на Западе (оно воспринималось как тяжелая для христиан утрата и как закономерное наказание грекам-схизматикам), было очевидно, что христианский мир вернулся к изначальному моноцентризму. Итальянский гуманист Эней Сильвий Пикколомини писал по этому поводу, что «из двух глаз один закрылся, из двух рук одна оторвана» («Nonne ex duobus oculis alterum erutum, ex duabus manibus amputatam dicere possumus?») [Enea Silvio Piccolomini, 1967, p. 679]. У христиан снова был только один император. Согласно идеологии римского универсализма, на него теперь и возлагалась роль их главного защитника.

Однако в политической действительности универсализм императорской власти на Западе был чистой идеей. По-видимому, последним императором, пытавшимся всерьез реализовать этот идеал в политической практике путем возвышения церковного собора и императора над папой, был Сигизмунд Люксембург. В этом ему способствовал кризис западной церкви, начавшийся с «великой схизмы» 1378 г. и вылившийся затем в движение за ее реформу на соборах первой половины XV в. — Констанцском (1414–1418), Павийско-Синенском (1423–1424) и Базельском (1431–1449) [см.: Angermeier, S. 552]. Несмотря на приобретенный им размах, соборное движение потерпело крах, так и не сумев разрушить папский абсолютизм. После многолетних переговоров о церковной унии с Византией папа Евгений IV (1431–1447) получил возможность в 1438 г. созвать свой независимый собор, вошедший в историю как Ферраро-

Флорентийский. Это позволило ему формально закрыть последний реформаторский собор в Базеле. Но так как поначалу действия папы не получали признания за пределами Италии, Базельский собор продолжался. После смерти императора Сигизмунда сменивший его Альбрехт Габсбург (1438–1439) и немецкие курфюрсты в обстановке церковного раскола объявили нейтралитет, хотя при этом склонны были принять постановления Базельского собора, как сделал, например, французский король Карл VII (1422–1461) [см.: Konzilien, Kirchen- und Reichsreform, S. 79–84]. В обоснование нейтралитета они выразили опасение, что вслед за церковью раскол может поразить и империю [см.: Angermeier, S. 569]. От папы князья впоследствии потребовали созыва нового собора в одном из германских городов. Таким образом, у империи еще сохранялся шанс принять активное участие в реформе церкви. Однако новый император Фридрих III (1440–1493), усмотрев в поведении курфюрстов посягательство на свои права, начал принципиальный разворот этой политики. Ставший его секретарем Эней Сильвий Пикколомини, впоследствии вошедший в историю не только как гуманист, но и как папа Пий II (1458–1464), был противником нейтралитета. Он сумел убедить императора вступить в переговоры с Римом. В результате в 1448 г. между ним и папой Николаем V (1447–1455) был заключен Венский конкордат, который отменял многие постановления недавних соборов и предоставлял папскому престолу значительные права в области немецкой церкви. Спустя год Базельский собор, лишенный последних шансов на поддержку, закрылся.

Эпоха соборов закончилась, не позволив империи выступить верховным арбитром в ходе церковного кризиса и усилить свое влияние на Рим, чтобы тем самым поднять свое международно-политическое значение на Западе и получить какие-либо привилегии для своей церкви по образцу французской Прагматической санкции 1438 г. Венский конкордат был подготовлен и заключен лично императором без участия курфюрстов, и Фридрих III мог рассматривать его как свой личный успех во внутриимперских делах [см.: Angermeier, S. 569; Meuthen, S. 634]. В 1452 г. успех был закреплен тем, что император был наконец коронован папой. Между тем обратной стороной этого процесса было восстановление авторитета папского престола, который не позволил поставить себя под контроль соборов, управляемых светской властью. Однако прежнее средневековое восприятие папства на пороге Нового времени тоже стремительно менялось. Привыкая строить отношения с формирующимися национальными монархиями (после провала соборной доктрины это происходило не через механизм соборов, а через двусторонние конкордаты), папский Рим все сильнее становился символом Италии, отчужденным от заальпийских «nationes ultramotanes». В сознании многих итальянских гуманистов это стимулировало патриотические чувства в политически раздробленной стране [Wallach, S. 33–37]. На практике же наблюдалось абсолютное преобладание итальянцев в персональном составе курии. Причем по относительным меркам численность кардиналов немецкого происхождения была минимальной [Meuthen, S. 635]. Нить, связывающая курию со Священной Римской империей, в действительности становилась все тоньше.

Ситуация, сложившаяся после крушения Византии, поставила вопрос о более тесном взаимодействии для мобилизации сил против наступавших на континент турок. Призывы церкви к единству христиан и проповедь крестового похода требовали адекватного ответа со стороны политического носителя универсализма на Западе — империи. Насколько ее политический потенциал был пригоден для этого, говорит тот факт, что за организацию конкретных мер взялся не сам император, а вышеупомянутый Эней Сильвий, который в тот момент возглавлял императорскую канцелярию в австрийском Граце. О взглядах этого гуманиста на империю можно судить по его сочинению «De ortu et auctoritate imperii Romani», написанному еще в 1445 г. [см.: Тоews, p. 480—481], в котором он отстаивает в традиционном духе идею универсальности императорской власти, возвышающейся над властью остальных государей как призванную служить общему благу. В вопросе ее отношения к власти духовной автор утверждает принцип взаимозависимости двух властей и невмешательства их в дела друг друга. Как известно, реальный характер императорской власти был, однако, очень далек от этого идеала. Через четыре месяца после падения столицы Византии Эней Сильвий, терзаемый сомнениями в авторитете этой власти, писал своему соотечественнику из Сиены Леонардо Бенвольенти: «At cesar ipse, ut tibi fatear, quod in re est, etsi Christiane religionis clade invitus audit, non tamen id est, qui tam potenti hosti resistere possit, neque Christianitas ea est, que unius capitis subire iudicium velit. Non est, cur ceteras nationes referam. Germania suo regi minime obsequitur. <...> Parum est, quod cesar per se potest, nisi Christiani principes in unum conveniant et unitis viribus sevissimum hostem a nostris finibus amoveant. Sed neque reges hi sunt, qui vocatu cesaris comparere velint. Nescio, quantum Romani pontificis voces audiant...» [Deutsche Reichstagsakten, S. 38]¹.

Замысел Энея сводился к организации общеевропейского политического конгресса для обсуждения военных мероприятий против турецкой угрозы. Разумеется, председательствовать на нем полагалось императору Священной Римской империи, выступавшему как «defensor religionis Christianæ», поэтому для самого конгресса лучше всего подходила форма имперского собрания (рейхстага) с приглашением ведущих западных государей. Скорее всего, Эней лично склонял императора Фридриха III к мысли о его необходимости. В августе 1453 г. гуманист сообщил папе, что после многочисленных переговоров нашел понимание со стороны монарха, но возможности его находил недостаточными и просил святой престол первым подтолкнуть его к действиям своими предложениями и помощью. Одновременно сам Фридрих III, побуждаемый своим секретарем, просил папу помочь призвать светских правителей принять учас-

¹ «Сам Император, — чтобы тебе было понятно, как обстоят дела, — не тот, кто может противостоять мощи врага, если все христиане не изъявят готовность подчиниться власти одного вождя. Нет надобности говорить о других народах. Меньше всех Германия подчиняется своему королю. Кесарь же мало что может сделать сам, если христианские государи не объединятся и общими силами не отбросят врага от наших границ. Но князья не те люди, которые захотели бы явиться по зову кесаря, и не знаю даже, послушают ли они главу римской церкви...» (здесь и далее перевод с латинского автора статьи. — *Ред.*).

тие в имперском съезде [см.: *Deutsche Reichstagsakten*, S. 31—35]. Какое значение он лично придавал этому конгрессу, показали позднейшие события.

В декабре 1453 г. созрело решение провести намеченный рейхстаг на берегах Дуная в Регенсбурге. Приглашения на него были разосланы европейским монархам, в том числе королям Франции, Англии, Польши, Шотландии, Дании [см.: *Ibid.*, S. 95]. Все они впоследствии проигнорировали конгресс. Но настоящим конфузом стал отказ от личного прибытия самого императора, о котором внезапно было объявлено весной 1454 г., когда до съезда оставался один месяц. Поводом для этого послужили напряженные отношения с венграми, заставившие Фридриха III беспокоиться за безопасность своего австрийского домена. Такое решение, характер вызвавших его причин подрывали саму идею форума и дискредитировали империю в роли основного защитника христианства. Эней Сильвий Пикколомини как главный вдохновитель рейхстага напрасно доказывал, что миссия императора выше любых местных интересов: «*Nisi enim tu iveris, neque principes, electores atque ceteri proceres eo venient neque oratores mittent ad tantas res idoneas. Ridiculum concilium erit. <...> Si tu absis, omnes tuam negligentiam incusabunt, quia tantum negotium, quantum est Christianitatis defensio, parvipenderis. <...> Quis enim tuam invadere terram presumpserit, dum te reipublice operam prebeas? <...> Quo ausu tuos subditos infestent Hungari, dum tu queris, ne ipsi amplius infestentur a Turchis?.. Nam, dum te Austria sive Styria tenet, ea estimatio de te est, que de duce vel Austrie vel Styrie haberi potest. Cum vero apud electores moram trahis, omnes te veluti cesarem recognoscunt et venerantur» [*Deutsche Reichstagsakten*, S. 128—130]². Зная реальный авторитет императора, гуманист убеждал его в том, что лишь забота об империи заставит князей изменить свое отношение и к самому ее главе: тогда, по его словам, «*intelligent, quantum sit dedecus, cum ceterarum nationum reges mirifice abundant, egere suum*» [*Ibid.*, S. 129]³. Впрочем, реакция на все эти доводы выглядела окончательной профанацией имперского форума. Император ответил Энею, что, хотя и подобает трудиться на общее благо, ему не известно, чтобы кто-то был готов ради него пренебречь своим собственным благом [см.: *Ibid.*, S. 131].*

Несмотря ни на что рейхстаг в Регенсбурге все же открылся в апреле 1454 г., но представительным так и не стал. Из крупных фигур империи прибыли лишь герцоги Бургундии, Баварии и маркграф Бранденбургский. В вопросе турецкой угрозы собрание в основном ограничилось риторическими заклинаниями о борьбе с турками и обсуждении туманных перспектив крестового похода.

² «Если там не будет тебя, то ради такого достойного дела не придут и не отправят посольства ни курфюрсты империи и никто из благородных. Смешным будет такое собрание. <...> За отсутствие все обвинят тебя в беспечности, ибо ты пренебрежешь защитой христианской веры. <...> К тому же кто вознамерится беспокоить твои владения, пока ты будешь трудиться ради общего дела? Отважатся ли венгры напасть на твоих подданных, пока ты будешь искать способ их самих наилучшим образом защитить от турок? ...Ведь пока тебя держат Австрия со Штирией, то по ним о тебе и судят как о герцоге Австрии и Штирии. Но когда ты проводишь время с курфюрстами, то тогда все признают и почитают в тебе цезаря».

³ «Они [князья] поймут, что недостойно принижать своего правителя, когда остальные народы своих государей превозносят».

Фактически по такому же сценарию через несколько месяцев прошел еще один рейхстаг, созванный во Франкфурте и точно так же не удостоенный личного присутствия императора. На обоих съездах его полномочным представителем снова был Эней Сильвий. Отношение формального главы государства к тем обязанностям, которые вытекали из идеальных представлений о нем, стало дополнительным фактором, пробудившим на рейхстагах голоса о необходимости имперской реформы. По свидетельству гуманиста, некий франконский рыцарь обратился к собранию в Регенсбурге со следующей речью: «...Nescio, quinam homines Theutones sumus. Iuris certe nostri atque communis boni desertores sumus. Omnes, que sua sunt, querunt. Nos regni nostri fines ac iura negligimus. Gallici pro iure corone sue pugnant; Anglici mori malunt, quam de corone debito quicquam dimittant; Hungari bellum assiduum pro corona gerunt; Bohemi cum Saxonibus de limitibus corone litigant; Poloni ad coronam suam spectare Prusciam dicunt. Et quid nos de nostra corona dicimus? Nemo corone nostre curam gerit. Corona excellens est, sublimis est; sed nemo eam respicit; indefensa desertaque manet» [Deutsche Reichstagsakten, S. 280]⁴. Известный немецкий философ и кардинал римской церкви Николай Кузанский, присутствовавший на Регенсбургском рейхстаге, утверждал там же: «Licet dolere, licet flere nostre nationis statum. Nescimus more hominum vivere, neque caput nostrum in honore habemus» [Ibid., S. 280]⁵.

В приведенных суждениях обращает на себя внимание соотношение представлений об империи с немецким народом. На самом деле, когда антитурецкая пропаганда апеллировала к идее европейского единства, ей необходимо было, с одной стороны, поддерживать идею универсализма империи, олицетворявшей весь христианский мир, а с другой — считаться с разделением христиан на множество государств и народов⁶. Выход из этого противоречия, очевидно, заключался в том, чтобы одному из них приписать особую миссию и ответственность за судьбу Европы как общего дома. После падения Константинополя понятие Империи (*Imperium*) начинает устойчиво фигурировать вместе с упоминанием о немецком народе (*natio Germanica, natio Theutonica*) как носителе имперского достоинства [Sieber-Lehmann, S. 566]. В контексте такого употребления за ним еще сохранялся универсальный смысл, не позволявший трактовать империю как национальную государственность. Решения Регенсбургского рейхстага, преподносившиеся от имени всех христиан, были провозглашены

⁴ «Не понимаю, что за народ мы — немцы. Мы отвергаем как свои права, так и общее благо. Преуспевают все те, кто живут по своим законам, а мы не ценим ни законов, ни границ своего государства. Французы во имя своей короны бьются с оружием в руках; англичане предпочитают скорее смерть, чем потерпят какой-либо урон своей короне; венгры дерутся за права своей короны, чехи спорят с саксонцами о границах между коронами; поляки требуют для своей короны Пруссию. А что нам сказать о нашей короне? Никому нет дела до нее. Корона величественна и прекрасна, но никто не заботится о ней. Пребывает она без попечительства и защиты».

⁵ «Можно только сожалеть о положении нашего народа. Мы не умеем жить по человеческим законам и не чтим своего правителя».

⁶ Эней Сильвий так выразил идею, объединяющую всех христиан Европы на Франкфуртском рейхстаге: «Если прежде мы терпели поражения в Азии и Африке, в странах чужих, то теперь повержены и теснимы в Европе, в своем Отечестве, в собственном доме, в родном пристанище» [Enea Silvio Piccolomini, 1967, p. 678].

«в честь Римской Империи, во славу германской нации» (*pro honore Romani Imperii, pro gloria nationis Germanicæ*) [Deutsche Reichstagsakten, S. 268]. Таким же смыслом Эней Сильвий усиленно старался связать эти понятия в своей знаменитой речи «De Constantinopolitana clade et bello contra Turcos» («О Константинопольской катастрофе и войне против турок»), произнесенной на Франкфуртском рейхстаге осенью 1454 г. В ней, обращаясь к немцам и выделяя их из остальных наций, он замечает: «Nam qui vobis imperium dedit, is vos omnibus populis, gentibus, nationibus praetulit» [Enea Silvio Piccolomini, 1967, S. 683]⁷. Но имперское достоинство означало в словах автора именно универсальную миссию, имеющую вненациональный смысл: «Et vos ergo, Theutones, si quemadmodum spero, sapientes eritis, maiores vestros imitabimini, qui remota semper a domo bella gerere, ac vicinorum fines non minus quam suos tueri consueverunt. Quod si vos, Germani, hoc tempore Ungaros neglexeritis, non erit denique, cur vos ex Gallis auxilia praestolemini, nec rursus illi apud Hispanos opem invenient. <...> Vos igitur magni, vos inclyti Germani, quibus tanta dignitas credita est curare prae ceteris debetis, ne vobis imperantibus Christiane religionis maiestas intereat» [Enea Silvio Piccolomini, 1967, S. 683–684]⁸.

Речь Энея явно указывала на то, что недопустимо оценивать немецкий народ и его корону так же, как другие нации. Но реальность все-таки была иной, о чем свидетельствовала политика самого носителя данной короны. Результаты Франкфуртского рейхстага оказались такими же ничтожными, как и результаты предыдущего собрания в Регенсбурге. Сомнения, которыми поделился Эней Сильвий в первом письме к Леонардо Бенвольенти, через год в очередном послании превратились для него в горькое убеждение: «Christianitas nullum habet caput, cui parere omnes velint; neque summo sacerdoti neque imperatori, que sua sunt, dantur. <...> Suum queque civitas regem habet. Tot sunt principes, quot domus. Quomodo tot capitibus, quot regunt Christianum orbem, arma sumere suadebis? Age dicito concurrere in bellum cunctos reges. Cui ducatum dabis? Quis ordo in exercitu erit? <...> Quis intelliget varias linguas? Quis reget diversos mores? Quis Anglicos amicabit Gallicis? Quis Januenses coniunget Arragonensibus? Quis Theutones Ungaris Bohemisque conciliabit?» [Enea Silvio Piccolomini, 1960, S. 454–456]⁹. Итак, мы имеем здесь дело с осознанием того, что христианский Запад

⁷ «Тот, кто вручил вам Империю, поставил вас впереди всех народов и племен».

⁸ «И если вы, тевтоны, возьмете мудрость, то последуете примеру своих предков, которые всегда вели войны за пределами своей страны и охраняли границы соседей не меньше, чем свои собственные. Если сейчас, германцы, вы оставите погибать венгров, то не сможете впредь положиться на французов, как и те, в свою очередь, не найдут помощи у испанцев. <...> Чтобы не померк свет веры Христовой, надлежит вам, так как вы владеете империей, защитить остальные народы, именно вам, великие и славные германцы, которым вверено это достоинство».

⁹ «У христиан нет вождя, за которым все желали бы следовать. Ни императору, ни понтифику не подчиняются, как положено. <...> В каждом городе свой государь. Количество князей сравнимо с количеством домов. И как такое число тех, кто правят христианским миром, ты призовешь к оружию? Предположим даже, что все короли соберутся в поход. Кому ты поручишь руководить ими? Какой порядок будет в этом войске? <...> Кто уразумет множество языков и кто обуздает разнообразие нравов? Кто помирят англичан с французами, соединит генуэзцев с арагонцами, а немцев — с чехами и венграми?»

не имеет универсальной политической силы, способной и стремящейся возглавить его. Гуманист больше не полагался на авторитет империи. Последним оплотом европейского универсализма в его глазах оставалось папство. В 1458 г. Эней сам становится понтификом под именем Пия II и уже в следующем году созывает еще один «антитурецкий» конгресс в Мантуе — светский конгресс под председательством папы [см.: Pastor, S. 46—81]. Результаты оказались почти такими же, как итоги предыдущих рейхстагов. Несмотря на это, идея крестового похода не покидала Энея, и до последнего дня жизни он питал надежду лично возглавить его.

Примечательно, что вскоре после конгресса в Мантуе из-под пера папы-гуманиста вышло одно из самых известных его сочинений, имевшее форму письма к турецкому султану Мехмеду II (1451—1481), завоевавшему Константинополь. Центральной темой послания являлась попытка убедить правителя исламского Востока принять христианскую веру. Со стороны автора, убежденного противника турок, поступок выглядел неожиданным. У исследователей и сегодня нет единого мнения о мотивах появления данного текста, как нет доказательств того, что он был вообще отправлен адресату. Но в свете изложенных выше фактов многое в нем объяснимо. Во-первых, в обращении к Мехмеду Завоевателю снова поднимается тема единства Запада: «Nec Christiana discidia desiderio tuo conducere putes aut in his confidas: unientur Christiani omnes, si quando audient interiora Christianitatis accedere» [Pius II, 5.11]¹⁰. С другой стороны, по его словам, хватит и четверти христиан, чтобы дать отпор туркам. Этим мощным оплотом является Италия, которая вместе с Римом и есть центр христианства. «Sed una ex quattuor nationibus, — грозит автор письма султану, — satis fuerit superque satis tuas copias profligare. Atque, ut de aliis taceamus, complures esse in tuo palatio arbitramur, qui terram Italiam lustraverunt et vires et ingenia noscunt. Ipsos audi atque interroga, an aequari tuis viribus Italia possit, an vinci tuis armis, an tuo imperio subici. Plus negotii Romanis fuit Italiam acquirere quam orbi reliquo frena imponere» [Pius II, 5.18]¹¹. За этим следует красноречивое описание военной и духовной мощи итальянских городов и государств, и в нем со всей очевидностью выступает контраст по сравнению с выступлениями того же автора на минувших рейхстагах, в которых главная роль все-таки отводилась германцам. Намек на превосходство итальянцев слышится и в утверждении гуманиста, что в этом народе никогда не охладевала тоска по Римской империи (*Nondum amor imperii Romani in mentibus Italis refriguerat*) [Pius II, 3.3]. Однако, обещая правителю турок в случае принятия им христианства провоз-

¹⁰ «Не верь, что разъединение христиан пойдет на пользу твоим желаниям, не полагайся на это: все христиане объединятся, едва услышат, что ты угрожаешь поразить самое сердце христианского мира».

¹¹ «Из четырех наций будет более чем достаточно одной, чтобы разбить твои армии. И чтобы не говорить о всех, мы полагаем, при дворе у тебя немало людей, которые видели Италию, знают ее силы и дух. Именно этих людей послушай и спроси, по силам ли тебе Италия, можно ли ее победить твоим оружием и подчинить твоей власти. Для римлян завоевать Италию было труднее, чем остальную часть мира».

гласить его восточным императором, Эней уже ничего не говорит о том, кто на Западе будет разделять с ним императорское достоинство.

Из двух столпов средневековой западнохристианской идентичности, какими являлись империя и церковь, лишь церковь в лице папства отреагировала на крушение Византии в духе своей универсальной миссии [см.: Brandmüller, S. 21]. Падение Константинополя обнаружило, что Римской империи на Западе как воплощения принципа универсализма больше нет. Император вел себя как обычный национальный правитель. Когда религиозная антитурецкая пропаганда, в том числе и на рейхстагах, подчеркивала связь империи с немецкой нацией, то при этом еще срабатывал древний стереотип об универсальности империи. Но когда политическая реальность окончательно превратила ее в *Sacrum Imperium Romanum nationis Germanicæ*, то в этой формуле *natio Germanica* значилась уже не как носительница универсальной имперской миссии, а как признак национальной принадлежности государства. Все свидетельствовало о том, что после падения Византии история мифа *translatio imperii* на Латинском Западе закончилась.

Angermeier H. Das Reich und der Konziliarismus // Historische Zeitschrift. 1961. Bd. 192. S. 529—583.

Brandmüller W. Die Reaktion Nikolaus' V auf den Fall von Konstantinopel // Römische Quartalschrift. 1995. S. 1—22.

Deutsche Reichstagsakten unter dem Kaiser Fridrich III, 1453—1454. Göttingen, 1969.

Aeneas Sylvio Piccolomini. Papst Pius II. Ausgewählte Texte aus seinen Schriften / hrsg. von B. Widmer. Basel ; Stuttgart, 1960.

Aeneas Sylvio Piccolomini. Oratio de Constantinopolitana clade et bello contra Turcos // Aeneas Sylvii Piccolominei Senensis... opera quae extant omnia : Reprint. Frankfurt a/M, 1967. S. 678—689.

Engels O. Der Reichsgedanke auf dem Konstanzer Konzil // Das Konstanzer Konzil / hrsg. von R. Вдumer. Darmstadt, 1977. S. 369—403.

Kienast D. Auf dem Wege zu Europa. Die Bedeutung des römischen Imperialismus für die Entstehung Europas // Europa — Begriff und Idee : historische Streiflichter / hrsg. von H. Hecker. Bonn, 1991. S. 15—31.

Konzilien, Kirchen- und Reichsreform (1410—1495) / hrsg. von H. Boockmann und H. Dormeier. Hannover, 2005.

Meuthen E. Reiche, Kirchen und Kurie im späteren Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1997. Bd. 265. S. 597—637.

Pastor L. Geschichte der Päpste im Zeitalter des Renaissance. Freiburg, 1925. Bd. 2 : Von der Thronbesteigung Pius' II bis zum Tode Sixtus IV.

Pius II. Papa. Epistola ad Mahumetem : Einleitung, kritische Edition, Übersetzung / hrsg. von R. F. Glei und M. Köhler. Trier, 2000.

Sieber-Lehmann C. «Teutsche Nation» und Eidgenossenschaft. Der Zusammenhang zwischen Türken- und Burgunderkriegen // Historische Zeitschrift. 1991. Bd. 253. S. 561—602.

Toews J. B. The View of Empire in Aeneas Sylvius Piccolomini (Pope Pius II) // Traditio. Studies in ancient and medieval History, Thought and Religion. 1968. Vol. 24. P. 471—487.

Wallach R. Das Abendländische Gemeinschaftsbewusstsein im Mittelalter. Leipzig, 1928.

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

УДК 94(44) + 94(470)“1812”

В. Н. Земцов

**ФРАНЦУЗСКИЙ ИЕЗУИТ АББАТ АДРИАН СЮРЮГ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

Предлагается исторический портрет члена ордена иезуитов аббата Адриана Сюрюга, сыгравшего видную роль в формировании французской версии объяснения пожара Москвы в 1812 г. Воссоздаются основные вехи биографии Сюрюга. На основе его писем и «Исторического журнала», который он вел в 1812 г., прорисованы основные черты его личности — священнослужителя, педагога, администратора, общественного деятеля и историка. Сюрюг смог решить грандиозную задачу создания исторического мифа, существующего почти 200 лет, — французской версии московского пожара 1812 г.

Ключевые слова: аббат А. Сюрюг; «Россика»; московский пожар 1812 г.; Французская революция конца XVIII в.; Наполеон I; исторический миф; идеокартография; семиотика; культурно-историческая антропология.

Аббат А. Сюрюг, покинувший Францию в результате революции и осевший в конечном итоге в России, стал одним из родоначальников французской версии московского пожара 1812 г. В сущности, именно эта версия, превратившаяся в устойчивый миф, с удивительным постоянством воспроизводится французскими авторами в течение уже 200 лет. В своем стремлении понять механизмы формирования этого мифа мы обратились к личности кюре французской католической церкви в Москве аббата А. Сюрюга [см. об этом: *Lettres sur la prise...; Surrugues...; Surugue...; Frappaz...; 1812 год...; источниковедческую характеристику писем и «Журнала» Сюрюга см.: Земцов].*

Будущий аббат Адриан Сюрюг родился 31 ноября¹ 1753 г. в селении Кламси, вошедшем позже в департамент Ньевр. Его отец, Франсуа Сюрюг, владел судами, которые перевозили по р. Ионне разные грузы. 3 февраля 1739 г. 34-летний Франсуа Сюрюг вторично женился на Барбаре Кокиль, 20-летней дочери уважаемого местного купца Николая Кокиля. Начиная с 1740 г. Барбара почти каждый год рожала по ребенку. Адриан оказался одиннадцатым! [см.: *Mirot*, p. 1–2]. Нам ничего не известно о детстве Адриана Сюрюга, не знаем даже, когда именно он появляется в парижской Сорбонне, которая была в те годы теологическим факультетом. Известно только, что его отец имел в Париже многочисленные дела, а одна из сестер Адриана, Барбара, вышла замуж за Франсуа Моро де Шарни, проживавшего в столице. В Сорбонне Адриан получил степень доктора теологии и, вероятно, некоторое время (видимо, с 1783 г.) преподавал в коллеже Св. Варвары. Именно здесь завязались у него тесные дружеские связи с некоторыми священнослужителями, составлявшими профессорский состав и в большинстве своем принадлежавшими к бывшему орде-

¹ Даты, кроме особо оговоренных случаев, даются по новому стилю.

ну иезуитов, деятельность которого на территории Франции в начале 60-х гг. XVIII в. была запрещена. Наиболее известным деятелем ордена иезуитов, с которым Адриан стал дружен, был Шарль Николь (1758–1835), преподававший в коллеже Св. Варвары с 1782 г. Позже он будет наставником детей графа Шуазель-Гофье, эмигрантом, основателем знаменитого пансиона в С.-Петербурге, где будут обучаться дети Голицыных, Нарышкиных, Гагариных, Меншиковых, Орловых, Кочубеев и Любомирских, а затем — основателем еще более известного Ришельевского лицея в Одессе. Покинув Россию вместе с иезуитами в 1820 г., он станет заметным деятелем Франции времен Реставрации, духовником короля Карла X, ректором Парижской академии и руководителем родного коллежа Св. Варвары. Нет сомнений, что и Адриан Сюрюг также становится в парижские годы членом запрещенного, но реально существующего братства ордена Иисуса.

В 1785 г., уже будучи аббатом, Адриан Сюрюг становится директором (принципалом) королевского коллежа в Тулузе. Сюрюгу пришлось не просто. Во-первых, коллеж был в трудном материальном положении, имея дефицит финансового баланса в 50 тыс. ливров! Во-вторых, между местным правительством и персоналом коллежа возникали постоянные конфликты. В-третьих, не были упорядочены вопросы прав и обязанностей между дирекцией коллежа и профессорским составом. Вскоре Сюрюг увидел, что и вопросы обучения были совершенно запущены. Сюрюг окунулся в дела коллежа с головой. Благодаря систематической напряженной работе он добился изменения системы классных экзаменов, усилил принципы состязательности между учениками, разграничил функции административного и преподавательского персонала, сгладил противоречия с местными властями, повысил доходность владений коллежа. Сюрюг пришел к выводу о недостаточном количестве кафедр в коллеже, открыл ряд новых, среди которых была кафедра химии и экспериментальной физики. По мнению директора, эти науки, «которые ранее не были разрешены по невежеству», «в свете новых открытий, которыми они обогатились, привлекли к себе большое количество сторонников просвещения» [цит. по: Migot, p. 5]. Сюрюг добился того, чтобы штаты Лангедока взяли на себя значительную часть расходов по сооружению и организации физического кабинета; найден был и руководитель физического кабинета — профессор химии из Монпелье Шапталь, применявший с успехом начала этих наук на практике.

Первые события Французской революции имели слабое влияние на королевский коллеж в Тулузе. Однако когда с июня 1790 г. начался процесс огосударствления церкви и были приняты декреты о присяге священнослужителей Конституции, этими обстоятельствами воспользовался ряд профессоров коллежа, составлявших оппозицию Сюрюгу. Они донесли на директора как на человека, который не склонен давать гражданскую присягу. В мае 1791 г. Директория дистрикта Тулузы потребовала от Сюрюга дать ответ по поводу гражданской присяги. На это Сюрюг заявил, «что гражданская присяга в отношении гражданской Конституции со стороны клирика несовместима с религиозными принципами» и что он, Сюрюг, упорствует в своем отказе дать такую присягу. Тем не менее, благодаря важной роли, которую Сюрюг играл в Тулузе,

репрессии против него были применены не сразу. Только 2 октября, когда члены Директории департамента отправились в коллеж для открытия классов и их должен был встречать директор, период неопределенности закончился. 26 октября было объявлено, что место директора коллежа вакантно. Сюрюг выступил 14 ноября на заседании административного совета коллежа с впечатляющей речью, в которой заявил о невозможности идти против своей совести и выразил признательность коллегам за ту поддержку, которую ощущал в тяжелые для него последние месяцы пребывания на посту директора [см.: Mirot, p. 9–11].

Сюрюг возвратился в родной Кламси, увозя с собой горечь человеческой обиды и горечь расставания с тулузским коллежем. Он смутно представлял свою дальнейшую судьбу. С собой из Тулузы он увозил большую библиотеку, которую смог собрать за годы жизни в Париже и Лангедоке. Через несколько месяцев он и вовсе покинет Францию. Библиотека осталась, вероятно, в Кламси, и судьба ее неизвестна.

Поторопиться с отъездом за границы Сюрюга заставили новые декреты законодательного собрания против не принявших присягу священников, принятые в мае — августе 1792 г. Но, видимо, Сюрюг ко времени отъезда уже представлял свою будущую миссию: он должен был отправиться на Восток Европы, в края, которые назывались Польшей, а именно — в Вильно. Регион Польши, или бывшей Польши, оказался в те годы в Европе чуть ли не единственным, где могли практически свободно действовать иезуиты. Теперь в этих краях оказался французский эмигрант иезуит аббат Сюрюг.

Нам хорошо известно, какие впечатления производила Литва в те годы на западноевропейских путешественников. «Каждая деревня являет картину беспорядка и разрушения», а все литовцы имеют «восточный вид», — отмечал в 1793 г. в своем путевом журнале И. К. Шульц [цит. по: Вульф, с. 488]. Чуть раньше, зимой 1790/91 г. проезжал по этим местам французский эмигрант Ш.-М. Маркиз де Салаберри. Современный историк Л. Вульф, как думается, точно охарактеризовал его чувства: «Он оставил старый режим в руинах и с горечью цеплялся за ощущение превосходства собственной цивилизации» [цит. по: Там же, с. 88]. Жаль, очень жаль, что замечательная библиотека Сюрюга, собранная им при старом порядке, исчезла. Мы могли бы более или менее точно сказать, что именно Сюрюг читал ранее о России и Польше, какие из работ Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, Л. де Жакура, а то и П.-Ш. Левека, Ж.-Б. д'Анвилля, аббата Шапп д'Атроша он держал в руках и перелистывал. Много бы стало тогда очевидным и в его последующих действиях, и в том, что он сам напишет о событиях в России в 1812 г. И все же выскажем предположение, что аббат Сюрюг, выезжая в Вильно, а затем в Москву, уже имел некоторое представление о поляках и русских, Литве и России, основанное на западноевропейской литературе XVIII в. То, что он увидел сам и с чем столкнулся, казалось бы, только укрепляло сложившиеся в голове европейца стереотипы.

В Литве Сюрюг по меньшей мере три года прослужил каноником коллегии местечка Пильзен (Pilten или Pilsen), которое входило в диоцез Вильно. Но уже в 1796 (или 1797) г. он, вероятно по рекомендации аббата Николая, стал наставником детей графа А. И. Мусина-Пушкина — великого историка, архео-

графа и издателя. Алексей Иванович, выйдя в 1799 г. в отставку, окончательно осел в Москве, поселившись в огромном доме на Разгуляе. Аббат Сюрюг должен был заботиться о воспитании и образовании сразу нескольких детей графа. Есть свидетельства, что ему пришлось даже разработать учебники по истории, французской литературе и мифологии. Особенно сильным оказалось влияние Сюрюга на второго сына Мусина-Пушкина — Александра, родившегося в 1789 г. и подававшего большие надежды в качестве будущего наследника исторических изысканий графа Алексея Ивановича. Александр пристрастился к переводам с французского на русский и с русского на французский, прекрасно овладел картографией. Не исключено, что аббат Сюрюг, пробывший в семье графа 12 лет, имел возможность общаться и с блестящим окружением графа — Н. М. Карамзиным, Н. Н. Бантыш-Каменским и др. Сам Алексей Иванович, известный борец против «вредной галломании», видя успехи детей, проникся к эмигранту искренней симпатией. Особенно была расположена к Сюрюгу супруга Алексея Ивановича графиня Мусина-Пушкина.

В конце XVIII — начале XIX в. в некоторых высокопоставленных семействах проявился интерес к римско-католической церкви (к примеру, в семьях Голицыных и Долгоруких). И в этой обстановке иезуиты-эмигранты решили не упускать возможностей и обратить в католичество нескольких представителей русской аристократии. Особенно интересен факт перехода в католическую веру Екатерины Петровны Ростопчиной. Началось с того, что родная сестра Екатерины Петровны, Александра Петровна, схоронив в 1802 г. своего мужа А. А. Голицына, шталмейстера и сенатора, приняла католическую веру благодаря аббату де Бийи (по другим сведениям, благодаря шевалье д'Огарду). Именно у нее Екатерина Петровна познакомилась с аббатом Сюрюгом. В конечном итоге Сюрюг убедил Екатерину Петровну в необходимости перемены веры, принял ее тайное отречение от православия и ввел ее в лоно новой церкви [Ростопчина, с. 105—126; Narichkine, p. 99—100; Tolstoy, p. 78—80, 195—196; Pingaud, p. 315; Морозкин, т. 1, с. 493; т. 2, с. 493, примеч. 456].

В 1808 г. Сюрюг становится настоятелем церкви Св. Людовика. Это назначение состоялось вновь благодаря аббату Николю, который обратился с письмом к архиепископу Могилевскому в декабре 1807 г. Когда долгие формальности вступления в должность были утрясены, в начале ноября 1808 г. Сюрюг сообщил о своем уходе семейству Мусиных-Пушкиных. Расставание было горестным, по крайней мере для детей и их матери. Мусина-Пушкина, испытывая чувство признательности к аббату, взяла на себя большую часть расходов по внутреннему обустройству церкви.

Благоприятно для Сюрюга развивались и отношения с семейством Ростопчиных. Екатерина Петровна часто приводила детей, воспитателем которых был аббат де Бийи, на службу в церковь Св. Людовика. Удивительно, но и граф Федор Васильевич Ростопчин был там также несколько раз.

Когда Ростопчин был назначен в 1812 г. московским главнокомандующим, Сюрюг стал частым гостем в его доме на Лубянке, который находился в непосредственной близости от церкви Св. Людовика. Нередко прямо в доме главнокомандующего, прогуливаясь после обеда по анфиладам комнат или по дорожкам

сада, он исповедовал Ростопчину. Для того чтобы тайно причащать ее, аббат завел специальный серебряный ящичек-дароносицу, которую надевал на шею своей спутнице. Роль дарохранительницы играло специальное пространство одного из шкафов черного дерева, инкрустированного слоновой костью.

С началом военных действий Наполеона против России положение иностранцев в Москве заметно осложнилось. Ростопчин, ранее предлагавший вообще очистить Москву от иностранцев, что не было поддержано Александром I, теперь не просто усилил за ними общий надзор, но и начал в своих знаменитых «афишках» возбуждать против них русское население.

Накануне сдачи первопрестольной русскими войсками по Москве упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город (не исключалось даже, что он намеревался сделать это не только по своей инициативе, но и с благословения стоявших выше него); что в подмосковном имении строится неким Шмитом летательный аппарат, с помощью которого можно будет то ли уничтожить неприятеля, то ли сжечь Москву; что московская чернь с попустительством, а то и при поощрении городского начальства, собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев; и т. д. Наконец, накануне вступления войск Наполеона в город по Москве поползли слухи, что Ростопчин выпустил из тюрем колодников, которые начали поджоги и бесчинства. Именно эти настроения (отнюдь не беспочвенные) московских иностранцев, многие из которых были прихожанами церкви Св. Людовика, и стали источником главных сведений командования и солдат великой армии о зловещих замыслах Ростопчина и русского правительства уничтожить Москву вместе со всей армией неприятеля.

Начавшиеся уже 14 сентября пожары и грабежи стали для московских иностранцев подлинной катастрофой. Не только для французской солдатни, но и для офицеров они были не более чем презренными и недобитыми эмигрантами, а значит, должны были испить горькую чашу московских погорельцев до дна. Единственной их опорой в первые дни пожаров оказался только аббат Сюрюг. Актриса Л. Фюзиль, чьи воспоминания вышли в Париже уже в 1814 г., писала: «Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, где бедные иностранцы находили во всякое время приют. Пока город горел, солдаты грабили его. Все женщины, дети и старики попрятались в церкви. Когда появились солдаты, аббат Сюрюг открыл двери и в полном облачении с распятием в руках, окруженный этими несчастными, единственной опорой которых был он, с уверенностью предстал перед озверелыми солдатами, которые с уважением попятнулись перед ним». Далее Фюзиль пишет: «Аббат Сюрюг попросил стражу для охраны несчастных семей, и ему ее тотчас же дали. Наполеон хотел его видеть и всячески убеждал вернуться во Францию. «Нет, — отвечал тот, — я не хочу бросать свое стадо, которому могу быть еще полезен». Хотя в съестных припасах уже чувствовался недостаток, их все-таки посылали аббату, и он делил их, как добрый пастырь» [Фюзиль, с. 144]. В одном из писем самого Сюрюга говорится, что никакой встречи с Наполеоном у него не было: «В течение шестинедельного пребывания здесь французов я не видел даже тени Наполеона и не стремился увидеть его. Говорили, что он собирается позвать меня, и это сообщение меня испугало; к счастью, оно не

оправдалось. Он не посетил нашу церковь и, вероятно, и не думал об этом» [Surrugues..., p. 10]. Из писем Сюрюга, в особенности к аббату Николю от 10 ноября (ст. ст.), достаточно точно можно установить, с кем именно из высших чинов великой армии и французской администрации он встречался. Первой была встреча с Э. Ж.-Б. Мийо, дивизионным генералом и военным комендантом Москвы, затем с маршалом Э.-А.-К. Мортье, назначенным генерал-губернатором провинции, потом с генерал-интендантом великой армии М. Дюма. Была встреча и с гражданским губернатором М. М.-П.Лессепсом [1812 год, с. 202–204].

11 октября (ст. ст.), когда французы ушли из Москвы, вблизи церкви Св. Людовика появились русские казаки, которые к радости Сюрюга взяли только часть серебряной посуды, сукно, вино, рыбу и овощи. После перенесенных бедствий аббат Сюрюг был физически и нравственно истощен. Несмотря на это, он продолжал вести церковную службу, заботился о судьбе беженцев, размещенных в строениях церкви, посещал раненных и больных французских солдат, оставленных в Москве. Когда в Москву возвратился Ростопчин, Сюрюг поспешил встретиться с ним. Однако аббата ждал суровый прием. Как оказалось, Екатерина Петровна все же поведала мужу о переходе в католичество. «Ты совершил подлый поступок», — бросил аббату Ростопчин и более не принимал его у себя. Все попытки Сюрюга объясниться только усугубляли ситуацию [см.: Tolstoy, p. 80; Mirot, p. 40].

21 декабря (ст. ст.) аббат Сюрюг скончался. Согласно одной из версий, когда он сопровождал тело умершего в госпитале французского солдата на кладбище, его остановила, ограбила и, видимо, избилла группа казаков. Брошенный на снегу, он с трудом смог добраться до дома и уже более не поднимался на ноги [Mirot, p. 40].

Такова была судьба аббата Сюрюга, одного из главных прародителей французской версии московского пожара. И все же его внутренний мир, система духовных и интеллектуальных принципов, ставших тем котлом, в котором рождался великий исторический «миф» (в сущности, неотделимый от исторической правды), остались для нас ясными отнюдь не до конца. Между тем в нашем распоряжении имеется огромный пласт материалов, вышедших либо из-под пера самого Сюрюга, либо со стенографической точностью зафиксировавших его устные выступления в период деятельности в Тулузе [см., например: Surrugues...; 1812 год, с. 196–204; Surrugue..., p. 64–71; Mirot, p. 8–11, 22, 27; Tolstoy, p. 80, 196, 199]. На основе этих материалов попытаемся набросать картину, которую можно было бы сравнить с «духовной картографией», состоящей из своеобразных интеллектуальных, культурных и мировоззренческих срезов личности нашего героя, дополненных штрихами картины его характера. Такого рода «идеокартография» в разных вариантах широко практиковалась в семиотике, лингвистике, культурно-исторической антропологии, а особенно в «новой биографической истории» и «персональной истории».

По-видимому, будет правильным начать реконструкцию внутреннего мира Сюрюга с того, что характеризует его образование и в целом сферу духовной культуры этого человека. Письма (но только те, которые были отправлены его братьям — аббатам Николю, де Бийи и отцу Буве) насыщены аллюзиями и

реминисценциями образов и фрагментов античной литературы. «...Fuimus Trajani, fuit Pium, ingens Gloria Moscoviae!» — восклицает он в письме Николу (вместе с которым, без сомнения, знакомился с Вергилием в одних стенах, стенах коллежа Св. Варвары), используя строки из «Энеиды». У Вергилия первую часть этой фразы произносит троянский жрец Панфой, наблюдавший горящую Трои:

Venit summa et ineluctabile tempus
Dardaniae, Fuimus Troes, fuit Ili(um) et ingens
Gloria Tencrorum [Вергилий, с. 324–326]².

Gloria Tencrorum заменена на Gloria Moscoviae. Что ж! Аббат Сюрюг действительно был свидетелем грандиозной трагедии и ясно чувствовал сопричастность к великой истории, объединившей пожар Трои и пожар Москвы.

В письме Буве, с которым он, видимо, был не в столь давних и тесных отношениях, как с аббатом Николем, Сюрюг также прибегает к латыни, характеризуя величие перенесенных потрясений: «Sic tamen quasi per ignem» («Вот так мы словно прошли сквозь огонь»). И далее, предвидя еще многие трудности в разоренной Москве: «Usque quo, Domine?» («До каких пор, Господи?»). Возможно, эти фразы также должны были вызывать в человеке, воспитанном в атмосфере античной литературы, определенные аллюзии. Но какие? Как трудно переместиться в культурный пласт образа мыслей иезуитского аббата второй половины XVIII — начала XIX в.!

Письмо архиепископу Сестрэнцевичу было полностью написано по-латыни, которая для людей круга Сюрюга была, без сомнения, живым языком. В послании Николу, переходя с французского на латынь («Quand omnia licent, etiam post omnia expediunt» — «Когда все продается, не все рассказывают»), наш герой многозначительно намекает на невозможность рассказать все то, что реально произошло и происходит в Москве.

В текстах, написанных по-французски, Сюрюг нередко также использует патетический слог, характерный для античной литературы. «Москвы уже нет! Обширный очаг пепла на месте этого прекрасного города. Несколько строений, пощажённых пламенем, виднеются кое-где и свидетельствуют о его прежнем величии; да высокие кремлевские соборы указывают еще место древней столицы России» (Письмо Николу). Волны пламени Сюрюг сравнивает с «волнами морскими».

Весьма тонко демонстрирует Сюрюг и свое знание французской истории: в письме де Бийи он сравнивает графиню Ростопчину, надеясь на ее влияние на мужа, выгодное для иезуитов, с Бланкой Кастильской, французской королевой, матерью Людовика IX Святого. Формально вступив на престол в 1226 г., Людовик находился под регентством своей мудрой матери, советы которой с благодарностью принимал и много лет позже. Напомним, что московская церковь была освящена в честь Людовика Святого.

² «День последний пришел, неминуемый срок наступает / Царству дарданскому! Был Илион, троянцы и слава / Громкая тевкров была...» (пер. С. А. Ошерова).

Духовный мир, контуры которого стали формироваться в парижской Сорбонне (а может быть, и раньше), у Сюрюга был абсолютно слит с римско-католической религией, в лоне которой он пребывал. Когда во время Великой Французской революции Сюрюг оказался перед выбором принять ли гражданскую присягу и остаться директором коллежа, которому он посвятил тяжкие труды, либо отказаться от присяги и покинуть коллеж, он решительно избрал последнее. Объясняя свои действия, он заявил, что не уступит «человеческой слабости», «идя против воли своей совести», так как есть «более великий принцип — подумать о своей душе». «Я доказываю своими действиями, что подлинный патриотизм не может быть несовместимым с обязанностями, которые накладывает религия; поэтому передо мной не возникает вопрос о том, стыдиться ли принципов, которые я исповедую; и мое поведение не может оскорбить меня в собственных глазах... Если однажды моя теперешняя твердость станет причиной сожалений, я найду в глубинах моего сердца более веские причины, чтобы утешиться» (из выступления перед администрацией тулузского коллежа 26 октября 1791 г.).

Религиозные принципы, которыми руководствовался Сюрюг в жизни, сопрягались с убежденностью в силе Божественного Провидения. Чудесное спасение деревянной церкви Св. Людовика во время пожара он приписывает «явному чуду благодати Божией» (в письме аббату Николю) либо «чудесному покровительству Провидения» (в «Журнале» и в письме отцу Буве). Правда, в письме к своему непосредственному начальнику митрополиту Сестренцевичу (с которым, как представляется, отношения были не всегда простыми ввиду борьбы последнего с иезуитским влиянием), количество упоминаний «милосердия Всемогущего», «великой милости Господа», «ниспосланного небесного благословения» и т. п. заметно возрастает. Сюрюг подлинный там, где он пишет аббату Николю и вносит записи в «Журнал» для истории: он твердо верит в Господа, но эта вера лишена слащавости и позерства, она служит основой для рационально продуманных волевых поступков самого человека.

Для Сюрюга религиозные принципы также лежат в основе самоуважения и чувства человеческого достоинства, и, конечно, неразрывно соединены с ощущением пастырского долга. «С самого начала я объявил, — пишет он аббату Николю, своему другу, позерство в общении с которым было невыносимо, — что ничто не вырвет меня из среды моей паствы, что угрожающие ей бедствия служат для меня побудительной причиной быть верным ей, дабы оказать ей единственную действительную помощь, которая остается для несчастных, подвергшихся стольким ужасам. [Они], казалось, были удивлены тем, что они называли моим мужеством, а между тем ничто не должно представляться более естественным тому, кто понимает служение пастырское». Когда маршал Мортье предложил Сюрюгу возвратиться во Францию и занять более заметное место, чем должность кюре, аббат ответил: «Господин маршал, религиозные принципы, удалившие меня из Франции, все еще удерживают меня здесь; впрочем, я вижу ясно то небольшое добро, которое я делаю, будучи только приходским священником в Москве, и не совсем предвижу то добро, которое я мог бы сделать, будучи во Франции более чем приходским священником».

Религия стала для Сюрюга и главным нравственным мерилем оценки поведения и наполеоновской армии в Москве, и действий русских властей и православного духовенства. 19 октября (ст. ст.) 1812 г. он пишет отцу Буве о наполеоновских солдатах так: «...В церкви почти никто из французской армии не появлялся, за исключением 4 или 5 офицеров из старых фамилий Франции, двое или трое исповедались. Кроме того, ты можешь судить о христианстве этой армии, когда я скажу тебе, что в армии в 400 тыс., которая пересекла Неман, даже не было ни одного капеллана. Среди более 12 тыс. умерших здесь я не похоронил с обычными церемониями никого, за исключением одного офицера и одного слуги генерала Груши, все остальные, офицеры и солдаты, были зарыты своими в первом же близлежащем саду. Они даже не предполагают возможности обретения другой жизни. Я имел случай посетить палату с ранеными офицерами; все мне говорили о своих физических страданиях и никто не упомянул о душевных, а тем временем третья часть из них была при смерти. Я окрестил нескольких солдатских детей; это единственная вещь, которую они все же хотят, и со мной обошлись с почтением. В остальном религия для них не более чем пустой звук».

Но строки, посвященные отношению русских к религии, звучат еще более жестко и, можно сказать, обличающе жестоко. «Церкви, — пишет Сюрюг аббату Николю, — оставленные своими настоятелями, были превращены в караульни. Служители, поставленные на стражу Израиля, скрылись или бежали». «Церкви были покинуты, — пишет автор в «Журнале», — я не знаю, по какой-то политической причине или по ослеплению. В течение целых двух недель ни один звук колокола не прозвучал в городе, в котором храмы были в таком изобилии. Не встретилось ни одного попа, не было каких-либо признаков отправления службы; люди среди ужаса страшного бедствия не имели возможности излить свою душу у алтаря своего Бога и воспользоваться этой последней возможностью, которая была у несчастных». «Сами французские власти, — пишет аббат, — пытались организовать религиозную службу, но попы уклонялись... Решились только трое или четверо к концу третьей недели». Реально же, как сообщал Сюрюг в «Журнале», начал службу только один, в церкви Св. Евпла. «Это иностранный священник, — с удовольствием констатировал наш герой, — духовник полка кавалергардов».

В целом, именно религиозное начало было для Сюрюга своего рода стержнем, вокруг которого вращались представления о революции, Наполеоне и его армии, о человеческом достоинстве, величии духа и стойкости, об отношении к русским, их культуре и религии.

Характеристика Наполеона и его армии определялась двойственным положением самого Сюрюга как эмигранта. Правда, в беседе (которая скорее походила на допрос с точным фиксированием ответов Сюрюга секретарем!) с маршалом Мортье в ответ на вопрос последнего аббат несколько иначе определил свой собственный статус. «Как вы покинули Францию?» — задал вопрос Мортье. — «Я оставил Францию 21 год тому назад вследствие требования присяги от лиц, занимавших общественные должности». — «А, понимаю, господин аббат — эмигрант?» — «Нет, господин маршал, я ссыльный».

«Изгнанник порядка» — так он назвал себя в письме графине Ростопчиной [см.: Tolstoy, p. 199].

Наполеон для Сюрюга — опасный тиран, обладающий чудовищной силой, всколыхнувшей все худшее в человеческой природе. «Манера, которой этот человек овладел духом солдат и начальников армии, — пишет Сюрюг Буве, — дает ему чудовищную власть. Ни один из его генералов, тем более тех, кто стоит ниже их, не имеет своего мнения; никто даже не думает противоречить, и говорят, что слово *невозможно* для него не существует». С явным удовлетворением пишет Сюрюг о том, что, хвала господу, ему не довелось лично встретиться с Наполеоном. И вместе с тем Наполеон — человек европейской культуры. Он не мог даже допустить мысли о том, что русские станут поджигать Москву. Прибыв 3 сентября (ст. ст.) в Москву, Наполеон был «удивлен значительным пожаром, и удивление (именно удивление! — В. З.) его еще более усилилось, когда он узнал, что не осталось никаких средств остановить огонь» (Письмо Николю). Наполеон, как писал Сюрюг в «Журнале», был просто растерян. Аббат считает совершенно естественным, что этот злобный тиран сразу же после прекращения пожара отдал приказ открыть приюты для погоревших, распорядился организовать раздачу продовольственных раций, приказал подготовить отчет о состоянии госпиталей и о числе больных. Далее Сюрюг описывает, как «Наполеон отправился в воспитательный дом, поблагодарил управляющего Тутолмина как за его усердие, так и за то, что он остался на своем месте». С искренней благодарностью пишет аббат и о том, что французское командование сразу же по вступлении в город приказало организовать охрану церкви Св. Людовика. В письме Николю Сюрюг не скрыл, что именно благодаря «милости неустрашимой стражи» здание церкви осталось не подвергнутым разграблению. Отмечает аббат (в письме Буве) и то, что власти даже попытались организовать отправление в Москве национального религиозного культа, но из-за уклонения русских попов этого сделать не удалось.

Значительно в более жестких выражениях описывает Сюрюг французскую армию как таковую. Она для него не иначе как «банда грабителей», которая «не уважала ни стыдливости робкого пола, ни невинности ребенка в колыбели, ни седых волос стариков» («Журнал»). «Видели, как эти святыни (иконы. — В. З.) использовались для разделки мяса... Солдат не проявлял никакой щепетильности, отправляя свои обычные дела светского характера, и поэтому он считал возможным делать все [в любых] зданиях, которые были либо покинуты, либо пощажены огнем. Наконец, была нарушена неприкосновенность святых гробниц! Никогда захваченный приступом город не был свидетелем подобных крайностей, и французский офицер сам сознавался, что после эпохи революции французская армия никогда не становилась виновницей столь страшного беспорядка, при этом сваливая вину на иностранные войска, в особенности на поляков, уверяя, что они имели особые причины для такой мести» («Журнал»). Это «враг», констатирует Сюрюг в письме к Сестренцевичу; «враги страны», как пишет он Буве.

Однако строки, посвященные поведению русских — как простонародью, так и властям, звучат еще более обличительно. «Население Москвы сыграло

главную роль в грабежах: это оно начало грабеж лавок; это оно показывало наиболее скрытые подвалы французским солдатам...» — пишет Сюрюг Буве. «Вообще, грабеж начала московская чернь и жители соседних деревень», — повествует он в письме к аббату Николю, — они руководили солдатами при открытии секретных складов, они же вводили казаков в дома для довершения грабежа. Я не видел людей неблагодарнее и преступнее этой толпы». «Двери и подвалы кабаков, — повествует «Журнал» о часах сразу после выхода русской армии, — были разнесены, и водка лилась по улицам». С предельной точностью описывает Сюрюг глумление толпы над телом купеческого сына М. Н. Верещагина, убитого как пособника французов по приказу Ростопчина перед уходом из Москвы: «...Его ноги были охвачены длинной веревкой и его окровавленный труп таскали по всем улицам посреди оскорблений со стороны населения» («Журнал»).

Констатирует Сюрюг и животное безразличие, с которым русское командование и русские власти отнеслись к судьбе своих раненых. После окончания первых пожаров, когда Наполеон возвратился в Кремль из Петровского и потребовал информацию о местных госпиталях, ему доложили, что они «находятся в очень плачевном состоянии»; у больных «нет необходимой помощи», они «без врачей, без лекарств, без присмотра; что найдено множество уже умерших, что из более чем 15 тыс. раненых, привезенных недавно армией (имеется в виду русская армия. — В. З.), половина погибла, одни от огня, другие от отсутствия помощи, а оставшиеся находятся между нуждой и смертью» («Журнал»). При этом изверг и тиран Наполеон «немедленно отдал приказ всем хирургам французской армии организовать помощь всем больным, разместить их по удобным домам и представить рапорты о состоянии этих несчастных» («Журнал»).

Обращение же русских с оказавшимися в их руках больными французами было, напротив, самым бесчеловечным. В письме аббату Николю Сюрюг написал, что крестьяне истребили тех больных, которые попытались следовать за отступившей французской армией. В «Журнале» он еще более сгустил краски этого эпизода. Следовало, что несчастные, оставленные Наполеоном на милость русских, предчувствуя свою судьбу, напились, были «захвачены врасплох крестьянами, устроившими избиение».

Кто же, по мнению Сюрюга, поджег Москву и обрек тысячи жителей и раненых на смерть и страдания? Непосредственных «поджигателей», тех, которые исполняли, Сюрюг сам не называет. Он только констатирует в «Журнале», что обвиненных французскими властями в поджоге стали расстреливать и что расстрелянные были «большой частью чины полиции, переодетые казаки, солдаты, сказавшиеся ранеными, и лица при духовных школах (надо понимать, семинаристы. — В. З.), которые расценивали это дело как угодное Богу (!)». Это варварское понимание «поджигателями» богоугодности поджогов и последующих грабежей было следствием инициативы самих властей, готовых принести в жертву не только богатства своей страны, но и жизни тысяч несчастных подданных, в числе которых были женщины, старики, дети, раненые и убогие. Как в «Журнале», так и в письмах отцу Буве Сюрюг утверждал, что система войны, ставившая целью превращение страны в «континентальную пустыню», что в совокуп-

ности с голодом и климатом должно было погубить неприятельскую армию, была одобрена самим русским правительством. Спаление же Москвы вместе с французской армией, как можно понимать, было частью общего проекта. Поджог должен был осуществить проявивший в этом деле особый энтузиазм Ростопчин. Из письма Николю, где описывается встреча с Дюма, можно понять, что кюре церкви Св. Людовика состоял в переписке с Ростопчиным, в ходе которой обсуждалась «теперешняя война» и способы ее ведения! Таким образом, Сюрюг задолго до начала пожаров был осведомлен о истинных намерениях московских властей. Как знать, может быть иезуит и сам способствовал укреплению Ростопчина в его намерениях... Тем не менее он не преминул информировать французское командование о причинах московских пожаров.

В «Журнале» Сюрюг записал, что в течение многих недель в имении Воронцово, в 6 верстах от города, накапливался арсенал средств для выполнения «великого проекта». 2 сентября (ст. ст.) в 6 утра Ростопчин дал в своем доме на Лубянке инструкции полиции по поджогу города, организовал освобождение заключенных, среди прочих использованных для исполнения проекта (были оставлены только двое заключенных — Верещагин и француз Мутон — для публичной расправы и возбуждения тем самым населения), вывезены из города насосы. Пожар должен был быть дополнен грабежами, «как необходимою частью действий» в целях разорения города и разложения противника.

Как можно понять из письма к близкому другу аббату Николю, в котором описывалась беседа с Дюма, состоявшаяся «на третьей неделе», Сюрюг пытался оправдать действия Ростопчина по организации поджогов: «Эта мера военная, которая ему показалась верным средством к удалению неприятеля из страны». Что это? Заявление для цензуры, в руки которой могло попасться письмо? Желание оправдать свою переписку с «главным поджигателем», в которой, возможно, аббат так и не решился осудить этот проект? Как многолик был этот иезуит!

Сюрюг утверждал, что и московские власти, и русское командование проявили чрезвычайное коварство по отношению к собственному населению. В письме к аббату Николю Сюрюг отметил, что русская армия, которая вначале объявила, что «будет защищать город даже в том случае, если бы пришлось сражаться в стенах его, оставила Москву», и это не могло не дезориентировать совершенно жителей и вызвать среди них панику. Хотя в «Журнале» вопрос о том, был ли пожар «мерой абсолютно необходимой», Сюрюг предлагал «отнести на беспристрастный суд потомства», его отношение к русским как к народу и к его правительству достаточно прозрачно: их образ мыслей и действий он оценивает как варварские, как противостоящие высшим понятиям человечности и Бога.

Чем же руководствовался аббат в своем собственном отношении к людям? Это отношение четко определялось тем своеобразным кругом, в который помещался Сюрюгом человек. Первый, своего рода внешний, круг состоял из людей как таковых, вне национальной, религиозной и прочей принадлежности. Отношение к этому абстрактному человеку угадывается в письменном наследии Сюрюга с большим трудом. В сущности, кроме упоминания о страданиях «несчастных» жителях Москвы во время пожаров и грабежей, а также согласия

с тем, что люди (без разбору — «француз и русский») были охвачены страстью к грабежам, нет ничего.

Но вот следующий круг очерчен более четко, и отношение к людям, его заполняющим, видится вполне явственно. Это паства церкви Св. Людовика. Именно о них идет речь, когда аббат начинает более предметно говорить о страданиях московских погорельцев. Как в «Журнале», так и в письме к Николю кюре поведал, что жители «этого квартала» (или «слободы»), имея в виду иностранное, в основном французское, население Мясницкой части, и тех из Немецкой слободы, которые прибегли к помощи Сюрюга, были гонимы пожаром «с одного места на другое» и в конечном итоге «принуждены были удалиться на наше кладбище» (имеется в виду то, которое будет названо в дальнейшем Введенским). «Лица этих несчастных выражали ужас и отчаяние, они блуждали среди могил, освещенные отблесками пламени; они были похожи на привидения, вышедшие из гробов». Именно к ним пришел на помощь неаполитанский король (И. Мюрат), да и поддержка Наполеона распространялась прежде всего на них. Это был, как можно понять из текста Сюрюга, естественный акт человеколюбия в отношении «своих», хотя в письме к Сестренцевичу, официальному представителю русских властей, аббат пишет о наполеоновской армии как об армии «врагов».

Близки к этому кругу, удостоившемуся сочувствия Сюрюга, и некоторые русские — те, с которыми аббата связывали длительные личные отношения и на которых он по крайней мере смог благотворно повлиять, внушив им собственные представления о жизни и передав им тем самым часть своей культуры. Строки из письма племяннику, в которых Сюрюг описывает прощание с семьей Мусина-Пушкина в ноябре 1808 г., когда он принимал на себя обязанности кюре, кажутся поначалу даже трогательными: «Невозможно расставаться с безразличием после того как прожил в доме более 12 лет... Дети и их папа не могли высказать мне всех бесконечных сожалений, а я не мог отказаться от того, чтобы не дать несколько уроков самым младшим из детей... чтобы не допустить с ними болезненного разрыва». Но далее: «Таким образом, я покинул место с жалованьем 2 тыс. рублей и дом, где я нашел для себя все равно что собственную семью... и который удовлетворял мои материальные потребности...»

Привязанность к другой русской семье — Ростопчиных — в еще большей степени оказалась связана с той практической пользой, которую можно было из этой дружбы извлечь. При этом Сюрюг отплатил своему благодетелю Ростопчину самой черной неблагодарностью, добившись тайного перехода Екатерины Петровны Ростопчиной в католичество. К тому же аббат, надеявшийся сохранить с Ростопчиным самые лучшие отношения после возвращения последнего в разоренную Москву, тем более планируя представить дело так, что именно он сохранил губернатору дом на Лубянке, не считал для себя подлым при любом случае возлагать главную ответственность за пожары именно на Федора Васильевича.

Третий круг лиц — это коллеги Сюрюга, отношение к которым было самым предупредительным. Это относится как к коллегам по тулузскому коллежу,

с которыми ему пришлось расстаться (в прощальной речи аббата к ним 26 октября 1791 г. нет и намека на какие-либо обиды и укоры), так и к собратьям из среды католического духовенства в России. Когда некоторые из числа католического причта, покинувшие при начале военных действий места своего пребывания в западных частях Российской империи, оказались в Москве, они нашли в лице Сюрюга своего защитника и благодетеля.

Вместе с тем Сюрюг не был склонен прощать своим коллегам (католическим священникам) таких шагов, которые носили недружественный по отношению к нему характер и не свидетельствовали о рвении к исполнению долга. Именно это явствует из письма племяннику от 21 февраля 1809 г., где Сюрюг пишет о французских священниках, не оказавших ему помощь в организации церкви Св. Людовика в течение зимы 1808/09 г.

Наконец, был человек (аббат Николь), с которым Сюрюга связывала длительная искренняя дружба. Она покоилась не только на памяти о годах, проведенных в коллеже Св. Варвары и на взаимной поддержке в течение многих лет, но и, видимо, на полном совпадении главных жизненных принципов. «Мой дорогой и достойный друг! ...Я пользуюсь первой свободной минутой, чтобы уведомить Вас о том, что я жив. Сколько предметов, о которых я желал бы Вам рассказать...» — пишет Сюрюг Николу 10 ноября (ст. ст.) 1812 г. Многие, очень многие в ходе своего общения два аббата понимали без слов.

Таким образом, отношение Сюрюга к людям четко определялось принадлежностью или непринадлежностью их к тем культурно-религиозным сферам, в которых формировался сам аббат и принципам которых он следовал. Все, что не принадлежало к западноевропейскому католическому миру, могло вызвать в Сюрюге в лучшем случае только слабое сочувствие. Двадцатилетнее пребывание в России не только не привело к деформации первоначальной сетки ценностей аббата Сюрюга, но даже более укрепило его во взглядах на мир, Бога и человека, сформировавшихся у него еще во времена дореволюционной Франции. Вообще, деятельность и взгляды Сюрюга могут представлять классический образец поступков и мировоззрения иезуита, нашедших отражение в исторической и художественной литературе XIX—XX вв. О принципах своих действий сам Сюрюг писал так: «Я знаю страну (Россию. — В. З.), и я не действую в такой манере, которая могла бы скомпрометировать дело Бога и дело изгнанника Порядка. Вот почему я избегаю того, чтобы демонстрировать слишком большое рвение; я ограничиваюсь тем, что [только] направляю, и это всегда приводит к тому, что человек, получив таким образом направление, сам достигает желаемой цели» (письмо де Бийи).

Смена стилей и интонаций в письмах Сюрюга, предназначенных разным людям, не может не восхитить. В послании к Сестренцевичу, главе католиков Российской империи, с которым, как мы уже отмечали, у Сюрюга были непростые отношения из-за принадлежности последнего к ордену иезуитов, адресант приторно благочестив. В каждой фразе он вспоминает «великую милость Господа», Божественное Провидение и пр., благодаря которым, как он пишет, есть возможность «сохранить невредимой веру, питаемую к нашим законным начальникам и властям». Он заверяет, что в самых трудных условиях, находясь

среди «врагов империи», он не совершил ничего, что было бы способно поставить его в конфликт «с верой, нашим министерством и нашей совестью». Умоляя Сестренцевича на пастырское благословение, Сюрюг уверяет, что «в числе желаний и просьб, с которыми мы обращались к Нему [Господу] от глубины сердца, наиболее горячей была та, чтобы он соблаговолил сохранить надолго здоровье и невредимость достойному понтифику, которого Святой Дух поставил во главе нашей церкви».

Не менее щедро, как можно почувствовать, Сюрюг льстил Ростопчину и его супруге. К началу войны 1812 г. аббат был убежден, что смог обеспечить себе безусловное покровительство московского главнокомандующего. «Смена губернатора нам выгодна. Враги не имеют никакого влияния на его дух», — пишет он аббату де Бийи. Главным инструментом влияния на Ростопчина была его супруга Екатерина Петровна, которая, как полагал аббат, находилась под его полным контролем. Тем большим ударом стало для Сюрюга известие, что она открыла мужу свой переход в католичество. Думается, что злые пассажи, обличавшие Ростопчина как главного виновника пожара, и фактически открытое предание гласности в последние месяцы 1812 г. содержания писем Сюрюга отцу Буве о роли Ростопчина могли быть своего рода мстью бывшему благодетелю, который отказался от общения с обманщиком-иезуитом.

Образ Сюрюга как интеллектуала и как личности в более широком смысле можно описывать и далее, анализируя, к примеру, особенности его характера, честолюбие и личную храбрость, деловые стороны его натуры, его представления о праве, государственном управлении и т. д. Поразительно, как много можно почерпнуть из писем одного человека!

Итак, подытожим, какую роль сыграл аббат Сюрюг в становлении французской версии московского пожара. Конечно, не один Сюрюг оказался у истоков этой версии, но вклад его в ее создание, кажется, был решающим. Человек, получивший классическое иезуитское образование при «старом порядке», поразительно проницательный, знакомый с традициями французской «Россики» XVIII в., прекрасно знавший Россию сам; человек, близкий к русской аристократии, ставший «своим» в семье Ростопчина и одновременно остававшийся глубоко враждебным ко всему русскому, в том числе и к своим благодетелям, — поистине, это была уникальная личность, призванная решить грандиозную задачу рождения исторического «мифа». Несмотря на то, что французская версия вобрала в себя впечатления и суждения множества других авторов, их описавших, очевидно одно: Сюрюг был наследником и талантливым интерпретатором традиций старой «Россики», оформившейся во Франции в XVIII в. В сущности, наполеоновские авторы только воспользовались «русскими» работками эпохи «Старого порядка», одним из носителей которых и был аббат Сюрюг.

Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. С. А. Ошерова. М., 1971. 447 с.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.

- Земцов В. Н.* Аббат А. Сюрюг о московском пожаре 1812 года // Вопр. истории. 2004. № 11. С. 137–143.
- Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1867. Т. 1. 301 с. Т. 2. — 528 с.
- Ростопчина Л.* Семейная хроника (1812 г.). М., [1912]. 256 с.
- 1812 год.* Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // Рус. архив. 1882. № 4. С. 196–204.
- Фюзиль.* Записки актрисы Фюзиль // Де ла Флиз. Поход Наполеона в Россию. М., 2003. 168 с.
- Frappaz, l'abbé.* Vie de l'abbé Nicolle. P., 1857. 307 p.
- Lettres sur la prise de Moscou, en 1812 (par l'abbé Surugue).* P., 1821. 44 p.
- Mirot L.* L'Abbé Adrien Surugue. Un témoin de la campagne de Russie. P., 1914. 43 p.
- Narichkine M-m (née comtesse Rostopchine).* Le comte Rostopchine et son temps. St. Pétersbourg, 1912. 267 p.
- Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. 508 p.
- Surugue A.* Mil huit cent douze. Les Français a Moscou / publ. par le R. P. Libercier. M., [1909]. 72 p.
- Surrugues.* Létres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P.Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, a Moscou. P., 1823. 48 p.
- Tolstoy D. A.* Le Catholicisme Romain en Russie. T. 2. P., 1864. 536 p.

Статья поступила в редакцию ...2012 г.

УДК 94(470)“16/18” + 94(477)“16/18”

Я. А. Лазарев

КИЕВСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ГЕТМАНСКАЯ УКРАИНА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ГУБЕРНСКИХ РЕФОРМ ПЕТРА I*

Рассматривается проблема соотношения правового статуса Гетманской Украины (Гетманщины) и Киевской губернии в годы губернских реформ Петра I. На основе анализа практик управления Малой России демонстрируется ограниченный характер полномочий царской администрации в регионе к началу XVIII в. Доказывается, что создание Киевской губернии не затрагивало территорию Гетманской Украины и не ограничивало украинской автономии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Гетманская Украина; гетман; Киевская губерния; губернские реформы Петра I; И. С. Мазепа.

Одними из крупнейших преобразований Петра I являлись первая и вторая губернские реформы, давшие Российскому государству новое территориально-административное устройство. Исследователям XVIII в. прекрасно известны классические монографии дореволюционных историков, в которых были освещены

* Исследование проводилось при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», 2009-1.1-301-072-017.

различные аспекты данных реформ [см.: Богословский, 1902; Готье; Милуков; Морочек-Дроздовский]. Для дореволюционных авторов в некоторой степени был характерен генерализирующий подход при изучении губернских реформ Петра I, в рамках которого могло произойти нивелирование региональных особенностей.

Одной из таких региональных особенностей Российского государства начала XVIII в. было существование в рамках его территории т. н. Гетманской Украины — автономного государственного образования, находившегося под властью гетмана и генеральной старшины и обладавшего собственной административной, налоговой и правовой системами. Что произошло с данным регионом во время губернских реформ Петра I? Какой статус был у Гетманской Украины по отношению к созданной в результате 1-й губернской реформы Киевской губернии и как они соотносились между собой?

Дореволюционные российские историки, изучавшие губернские реформы Петра I, специально не исследовали вопрос об особенностях Киевской губернии и о ее соотношении с Гетманской Украиной. На основании ограниченного объема информации некоторые из этих исследователей включали Гетманскую Украину в состав Киевской губернии. Следует отметить, что их формулировки носили расплывчатый характер (П. Н. Мрочек-Дроздовский, М. М. Богословский) либо имели ряд оговорок (Ю. В. Готье) [см.: Богословский, 1902, с. 48; Мрочек-Дроздовский, с. 182, 211—213; Готье, с. 107—109].

В советское время губернские реформы Петра I на монографическом уровне не исследовались. Как правило, эта тема поднималась в работах обобщающего характера. На этом фоне единственным исключением можно признать статью Е. Г. Авшарова, в которой разбирались особенности первой губернской реформы. Тем не менее это исследование и работы обобщающего характера объединял общий взгляд на проблему соотношения Киевской губернии и гетманской Украины. По мысли советских историков, Гетманская Украина в ходе губернских реформ Петра I была включена в состав Киевской губернии. Такие выводы делались без каких-либо пояснений, т. е. отмеченный процесс «включения» Гетманской Украины рассматривался как реальное историческое событие [Слицан, с. 338; Борисенко, с. 267; Ткач, с. 157; Авшаров, с. 95, 98]. Это своеобразное «наследие» советской исторической науки перешло и в современную российскую историографию.

В современной российской историографии тезис о «включении» Гетманской Украины в состав Киевской губернии транслировался на страницах не только обобщающих работ, но и получил дальнейшее развитие в специальных исследованиях [Маньков, с. 74—75; Киевская..., с. 47]. В этой связи, подробно остановимся на исследованиях С. А. Седова и Т. Г. Таировой-Яковлевой.

В 1996 г. С. А. Седовым была защищена кандидатская диссертация, посвященная государственной и общественно-политической деятельности Д. М. Голицына, в т. ч. на посту киевского губернатора [см.: Седов, с. 93—136]. Историк утверждал, что власть главы Киевской губернии распространялась «на все население Украины», что привело к столкновению интересов центральной и местной властей. Последнее стало одной из причин измены гетмана Мазепы.

В годы правления преемника Мазепы И. И. Скоропадского (1708–1722) Д. М. Голицын «выполнил поставленную ему задачу: отстранить гетмана от ведущих функций управления». В результате этого киевский губернатор «полностью распоряжался в городах Украины», а все «налоги с Малороссии проходили через канцелярию Киевской губернии». Следовательно, автором регион рассматривался как часть губернии [см.: Там же, с. 254–255].

В своей книге 2011 г. известный биограф гетмана Мазепы Т. Г. Таирова-Яковлева напрямую связала административно-территориальные преобразования Петра I с изменой Мазепы. Эти преобразования были выражены в концепте «реформ 1707 г.» [см.: Таирова-Яковлева, с. 322]. Из наблюдений исследователя следовало, что в результате масштабных преобразований начала XVIII в. «Петр принял решение о включении значительной части Украинского гетманства в состав России на общих условиях» [Там же, с. 324].

Таким образом, в приведенных исследованиях сохраняется представление о Гетманщине как части Киевской губернии, вошедшей в состав последней после 1-й губернской реформы Петра I. Однако из приводимых авторами аргументов также не совсем ясно, как соотносились Гетманская Украина и Киевская губерния. Вне внимания исследователей остались весьма важные вопросы по истории Киевской губернии: управленческий штат, категории податного населения и перечень налогов. Следовательно, вопросы о том, что представляла собой Гетманская Украина до губернских реформ Петра I и как она соотносилась с Киевской губернией остаются открытыми.

До гетманства И. С. Мазепы (1687–1708) российское правительство четко отделяло области Войска Запорожского во главе с гетманами от Малой России. Это выражалось в понимании соглашений («статей») с Войском как «прав войсковых», а также в практике выдачи царским правительством отдельных жалованных грамот на права казакам, городам, православной церкви и, до определенного момента, православной шляхте. Согласно текстам этих соглашений царю отводилась роль суверена над этими сословными группами. Для него Войско Запорожское и население Малой России выступало в качестве подданных, а с неказацкого населения (мещан и крестьян) предполагалось собирать налоги в царскую казну.

Однако в связи со сложной военно-политической обстановкой в регионе к рубежу 60–70-х гг. XVII в. сложился неформальный «пакт» между московским правительством и казацкой верхушкой, вызванный стремлением сохранить лояльность последней. Данный «пакт» заключался в фактическом признании российской стороной за административно-судебными структурами Войска Запорожского главенствующего положения в отношении остального населения Малой России. Дополнительно московское правительство было вынуждено отказаться от сбора податей в царскую казну, жесткой регламентации размера реестра Войска Запорожского и расширения присутствия царской администрации в малороссийских городах. В этой связи определенное исключение составляли сильные городские корпорации Киева, Нежина, Чернигова, Переяславля, обладавшие царскими жалованными грамотами на самоуправление

по магдебургскому праву. На территории крепостей этих городов находились анклавные царской администрации в лице воевод. Отмеченные обстоятельства городские корпорации использовали для сохранения независимого положения от гетманской власти [см.: Романовский, с. 44–45]. В этой связи гетманы по отношению к указанным городам смогли добиться только статуса своеобразного покровителя. Это выражалось в выдаче универсалов, дававших дополнительные гарантии сохранения прав, указанных в царских жалованных грамотах на самоуправление, временный налоговый иммунитет, землевладения [Универсали..., с. 156–157, 300–301, 321, 342–343, 360–361, 495–497, 534–535, 623–624, 643–645]. Дополнительно глава Войска Запорожского выступал в роли посредника при подтверждении прежних жалованных грамот царским правительством [Генеральное..., с. 95–96; Щербина, 1926, с. 23, 34]. Вероятно, в целях сохранения определенной лояльности сильных городских корпораций гетманы предоставляли им дополнительные земельные пожалования, торговые привилегии, а также подписывали специальные оборонные универсалы, защищавшие города от злоупотреблений полковой верхушки и казаков [см. подробнее: Универсали...].

Несмотря на наличие определенной опоры в лице привилегированных самоуправлявшихся городов, права царя как суверена были существенно ограничены. Об этом писал еще во второй половине XVIII в. известный малороссийский публицист и историк Г. А. Полетика (1725–1784) [см.: Утвенко, с. 157–161]. При этом в тексте «статей» гетман по-прежнему фигурировал как глава Войска Запорожского, а сами соглашения регулировали отношения царского правительства только с казацким населением Малой России. Например, в «статьях» гетмана Д. И. Многогрешного 1669 г. подчеркивалось, что царю били челом «гетман и все войско сей стороны Днепра», а государь жаловал «гетмана и все войско при нем будущее» [ПСЗРИ, с. 807–808.]. На местном уровне гетманы также оставались главами Войска Запорожского и принимали решения на основании войсковых прав. Однако де-факто почти вся территория Малой России находилась под властью войсковой казацкой администрации. Именно эту подчиненную войсковой казацкой администрации во главе с гетманом часть и можно определить как Гетманская Украина. В ее состав на территории Малой России не входили лишь 4 города: Киев, Переяславль, Чернигов и Нежин; крепости этих городов находились под управлением царской воеводской администрации, а мещане этих городов были под властью магистратов, функционировавших на основании подтвержденных царских жалованных грамот.

Наличие такого политического микроклимата в сочетании с высоким кредитом доверия со стороны царской власти способствовали тому, что уже гетман И. С. Мазепа предпринял попытку официально утвердить за собой не только статус главы Войска Запорожского, но и главы и выразителя интересов всего малороссийского народа. В «статьях» 1687 г. гетман выступил не только в роли просителя от лица Войска Запорожского, но и «народа малороссийского» [Источники..., ч. 1, с. 308]. По «статьям» 1689 г. претензии на эту символическую роль были одобрены Петром I [см.: Там же, с. 320; Таирова-Яковлева, с. 493–499]. К концу правления И. С. Мазепы статус гетмана как главы Войска

Запорожского и выразителя интересов малороссийского народа полностью признавался со стороны российского монарха [Письма и бумаги императора..., т. 8, вып. 1, с. 153–154]. Таким образом, царское правительство дало санкцию на постепенное «признание» за главой Войска Запорожского верховенства практически над всей Малой Россией. Этот процесс не прервался и после измены Мазепы в 1708 г.

Из универсала 1709 г. нового гетмана — И. И. Скоропадского (1708–1722) мешанам Чернигова на село Петрушино следовало, что глава Войска Запорожского «по милости монаршой» имел «зуполную мощь и власть всякие в Малой России устроить порядки» [Генеральное следствие..., с. 367]. В документе четко акцентировалось верховенство гетманской власти в регионе, закрепленное царской властью, и это было отнюдь не случайной прихотью гетмана. В жалованной грамоте начала 1710 г. на «уряд гетманский» И. И. Скоропадскому предписывалось «всякия воинские и гражданские в Малой России дела управлять по войсковым правам, по прежним обыкновениям и по постановленным пунктам, на которых приступил под високодержавнейшую руку... гетман Богдан Хмельницкой со всем войском Запорожским и народом малороссийским», а также по царским указам «без нарушения прав и вольностей стародавних народа малороссийского». На этом основании гетман должен был служить «верно и постоянно» со всем «под ригиментом своим обретающимся подданным нашим войском Запорожским и народом малороссийским» [Письма и бумаги императора..., т. 10, с. 9–12]. Таким образом, за правами войсковыми закреплялся смысл прав всей Малой России, а сам регион стал пониматься в т. ч. как «гетманский регимент», главой которого официально становится гетман. Свой статус главы Малой России И. И. Скоропадский акцентировал в официальных бумагах на протяжении всего своего правления [см.: Источники..., ч. 2, с. 262–266; 275, 279, 281–282, 292–294]. Данный статус сохранился и в титулатуре последующих гетманов — Д. П. Апостола (1727–1734) и К. Г. Разумовского (1750–1764). В качестве примера отметим универсал гетмана Д. П. Апостола 1728 г., подтверждавший царские жалованные грамоты на магдебургское право и некоторые землевладения. Из текста универсала следовало, что гетман «по силе данной... високомонаршой его императорского величества жалованной грамоти» имел «власть всякие в Малой России и воинские и гражданские устроить порядки» [Генеральне слідство..., с. 331].

Дополнительную выгоду от отмеченной нами символической «санкции» казацкая верхушка попыталась извлечь из кодификации т. н. малороссийских прав и масштабной переписи замели, закончившейся составлением «генеральных следствий». В ходе первой акции, стимулировавшейся царским правительством, была предпринята попытка утверждения на пространстве всей Малой России норм Литовского статута. Внедрение в судопроизводство данного законодательного памятника подразумевало утверждение господствующего положения для землевладельцев в регионе, т. е. казацкой старшины, а также введение в юридический лексикон категории зависимого населения. На практике процесс кодификации растянулся до 40-х гг. XVIII в. [Лазаревский, с. 788–789; Василенко, 1911, с. 108–126; Петрухинцев, Смирнов, с. 89–93].

Окончательное «завоевание» казацкой элитой Малой России формально было закреплено на рубеже 20–30-х гг. XVIII в. в результате составления т. н. генеральных следствий, т. е. переписи всех землевладений в регионе. Она была начата по требованию российского правительства [ПСЗРИ, т. 8, № 5324, с. 79]. Ее организацией занимались представители генеральной и полковой старшины, которые использовали результаты переписи 1726 г., проводившейся чиновниками Малороссийской коллегии. По итогам этой переписи практически все земли Малой России признавались войсковыми маетностями, подразделявшимися на несколько категорий («статей»). Исключение составили города Киев, Переяславль, Чернигов и Нежин, которые обладали подтвержденными царскими грамотами на магдебургское право и, следовательно, формально не подчинялись казацкой администрации и не могли быть чьими-либо «маетностями». Более того, принадлежащие им «маетности» составили особую категорию «ратушных» землевладений [см.: Генеральное следствие..., 1901, с. 64; с. 78–81; Генеральное следствие..., 1896, с. 37–38; Генеральное следствие..., 1908, с. 184–185].

В этом отношении примечательна судьба городов Стародуба, Мглина, Погара и Козельца. Эти города в XVII в. получили от царя Алексея Михайловича подтверждение на «магдебургии» [см.: Кісіль, с. 215–217]. Однако они не смогли отстоять свое право на магдебургское самоуправление перед войсковой администрацией. По результатам «генерального следствия» Козелец «со всем своим посполством городовым» получил статус «свободного войскового» владения. Также согласно «генеральному следствию» Стародубского полка в тексте итогового экстракта была исключена категория «ратушных» маетностей. Вместо нее составители выделили категорию «маетностей свободных войсковых в уездах города полкового Стародуба, тако ж сотенных городов и местечок обретаючи ся». Каких-либо пояснений относительно статуса Стародуба, Мглина и Погара не было сделано. Более того, в равном положении с ними были поставлены города, не получавшие в свое время царских жалованных грамот — Баклан и Новгород-Северский [Генеральне слідство..., 1929, с. 80–81]. Таким образом, Стародуб, Мглин, Погар и Козелец фактически были обозначены как «войсковые маетности», а не как независимые самоуправляющиеся города.

Малороссийские города, не обладавшие царскими жалованными грамотами на «магдебургии» и не имевшие владельцев, были сгруппированы в одну общую категорию — «маетности войсковые свободные» или «маетности свободные», т. е. были поставлены наравне с селами и деревнями [Генеральне слідство..., 1931, с. 53–56; Генеральное следствие..., 1893, с. 63–64; 1901, с. 81–84; 1896, с. 42–44; 1908, с. 185–187]. Следовательно, могли быть розданы за «службы войсковые» и на «уряды». Жители таких городов должны были нести различные повинности в гетманскую казну (например, ежегодно платить специальный налог — стацею). Как показал украинский историк И. Н. Кисиль, такие города постепенно становились объектом частной собственности [Кісіль, с. 82–97]. Незаконный характер этого процесса отмечал еще историк-публицист Г. А. Полетика [Возражения депутата..., с. 84–85].

Таким образом, в результате составления «генеральных следствий» окончательно за институтами Войска Запорожского была закреплена монополия на

власть во всей Малой России, за исключением четырех городов с магдебургским правом.

Однако, учитывая историографический обзор, не избежать закономерного вопроса, как соотносилась отмеченная эволюция Малой России с территориально-административными реформами Петра I, прежде всего с 1-й губернской, когда возникла Киевская губерния.

По имеющимся документам можно судить, что к 1707 г. крепости Киева, Нежина, Чернигова и Переяслава находились в ведении Малороссийского приказа, куда назначались царские воеводы [см.: Богословский, с. 277]. Воеводы не имели права вмешательства в городское (мещанское) самоуправление. С территории Малой России на 1707 г. в царскую казну поступали только некоторые сборы с городов, обладавших жалованными грамотами на магдебургское право [см.: Экстракт из указов, с. 191–201; Романовский, с. 44–45]. Кроме указанных сборов, в царскую казну поступала половина доходов с днепровского перевоза «судами», в то время как другая половина отходила «мещанам в ратушу». Об этом, к примеру, свидетельствует царская жалованная грамота Киеву 1699 г. В документе также отмечалось, что представители великороссийской администрации могли навести «под Киевом на Днепре мост». В этом случае «мостовщина», т. е. сбор за проезд по мосту, полностью шла в царскую казну, «понеже тот мост и мостовые припасы строят наши Ц. В-ва ратные люди и Нашего Ц. В-ва казною» [Щербина В. И., с. 31–32]. Местопребыванием воевод служили городские крепости («города»), территорией которых ограничивалась компетенция царских администраторов. При этом царские воеводы должны были оберегать мещан от вмешательства в их права со стороны казачьей администрации [см.: Акты..., т. 6, с. 55–56; Там же, т. 10, с. 387, 391; ПСЗРИ, т. 1, № 447, с. 818–820; Щербина В. И., с. 31]. Наглядно о строгом разграничении прерогатив царской и местной (городской) администраций свидетельствует жалованная грамота Киеву 1700 г. В этом документе российским «ратным людям» и купечеству строго запрещалось вести какую-либо торговлю на территории Подола (Нижнего города), которая находилась под властью магистрата [см.: Андреевский, 1892, с. 171–189].

В 1700 г. на смену институту воевод в Киеве Петр I ввел должность губернатора, еще до начала 1-й губернской реформы (1707–1711). Первыми киевскими губернаторами стали Г. фон Менгден¹ (1700–1703) и А. А. Гулиц (1703–1706). Эти губернаторы по своим полномочиям практически ничем не отличались от своих предшественников-воевод, оставаясь в ведении Малороссийского приказа, через который осуществлялись их назначения. Подобно «последнему» киевскому воеводе князю П. И. Хованскому (1696–1700), Г. фон Менгден и А. А. Гулиц были главными перед воеводами Нежина, Чернигова, Переяслава, иногда определявшиеся в источниках как «коменданты» [Щербина В. К., с. 303–306; РГАДА, ф. 210, д. 39, л. 46; Письма и бумаги..., т. 5, с. 581–582]. Крепости четырех малороссийских городов представляли собой своеобразные

¹ В русских источниках — Юрий Андреевич Фамендин.

«островки» царской военной администрации в Малой России. Вслед за П. Н. Милюковым отметим, что данные крепости фактически образовывали особый Малороссийский военный округ, который впоследствии станет частью Киевской губернии [Милюков, с. 259–260].

Управление этим военным округом не было лишено определенной громоздкости, когда царские воеводы для принятия решений должны были сноситься с приказами, в т. ч. в обход киевского губернатора. Например, в указе от 15 января 1707 г. из Малороссийского приказа описывался следующий порядок действий для нежинского воеводы: «Естли к нему будут присылати в Чернигов о чем его великого государя указы за рукою губернатора князя Александра Даниловича Меншикова или от иного кого именным его великого государя указом, и по тем указом исполняти оныя без отлагательства, не описываясь в Приказ Малыя Росии; а буде присланы будут ево ж великого государя указы из Правянского Приказу или из Походной Правянской канцелярии о строении житниц из нежинских доходов и о иных делех не гораздо нужных, и ему без послушных его великого государя грамот их Приказу Малыя Росии ничего не чинить, а писать о том в Приказ Малыя Росии» [Акты..., с. 68–70].

Финансирование и снабжение боеприпасами великороссийских гарнизонов осуществлялось либо из центра, либо из пограничных городов (например, Смоленска или Севска). Царские войска, находившиеся в «малороссийских» крепостях, были довольно малочисленны (например, в Чернигове насчитывалось меньше 100 человек), а также слабо вооружены [Письма и бумаги..., т. 7, вып. 1, с. 48, 561; Северная война..., с. 199]. Следовательно, своих трудовых и материальных ресурсов эти крепости, кроме гарнизонов, не имели. Скорее всего, слабость Малороссийского военного округа на фоне приближавшейся шведской армии послужила важным стимулом для создания в регионе крупного военно-территориального объединения, способного решать серьезные военные задачи. Как писал Петр I еще 15 марта 1706 г. Ф. А. Головину, «извольте осторожность иметь о Киеве, куда (как мы думаем) не без намерения неприятельского будет» [Северная война, с. 277].

На наш взгляд, царское правительство имело по крайней мере 2 варианта организации обороны региона от шведской опасности. Первый вариант был обозначен в письме Петра I князю Д. М. Голицыну от 29 января 1707 г.: «Понеже вас сказано в Белгород, и ныне мы приказали вам ведать к Белугородскому розряду Киев и все замки в Черкасских городех, в которых Руския люди». В связи с этим Д. М. Голицыну следовало находиться в Киеве «и к будущему лету всякое приготовление учинить, и к нам писать, а имянно во управлении артиллерии и магазейнов» [Письма и бумаги императора, т. 5, с. 56]. Схожим образом Петр I написал в тот же день главе разряда Т. Н. Стрешневу: «Киев, также и протчия замки в Черкасских городех, в которых наши воеводы, припишите к Белугороду». При этом Петр I отмечал, что Д. М. Голицын к весне должен быть в Киеве, «где много исправления требует». Петр I указал на ресурс для «исправления»: «Для того надлежит ему Белогородским розрядом то исправлять» [Там же]. Таким образом, Петр усиленно готовил Малороссию к обороне. Именно для этого ему понадобилось «приписать» малороссийские

крепости с российскими гарнизонами к Белгородскому разряду. Не случайно Д. М. Голицын сохранял чин воеводы до 1711 г., хотя ради «чести места» стал именоваться киевским воеводой [Там же, т. 5, с. 107; т. 11, вып. 1, с. 133].

Подобные действия были довольно логичны: своих трудовых и финансовых ресурсов малороссийские крепости, кроме гарнизонов, не имели, в связи с чем пришлось бы обращаться к соседнему белгородскому воеводе и тратить драгоценное время на переписку, а также возможные ведомственные конфликты. Однако в опубликованных бумагах Петра I сохранились собственноручные черновые «пункты» гетману Мазепе, датируемые 25 апреля 1707 г. В 3-м пункте этого документа говорилось, что «Севскому розряду надлежит быть при гетмане всему, также и офицеров несколько прислано будет» [Там же, т. 5, с. 189]. По нашему мнению, уточнение относительно Севского разряда было сделано не случайно. К этому времени И. С. Мазепе уже доводилось командовать силами данного разряда [см.: Лазаревский, с. 247]. На этом основании можно предположить, что Петр I рассматривал Мазепу в качестве кандидата на пост главы крупного военного объединения, которое могло включать и «малороссийские», и «великороссийские» подразделения. К сожалению, не представляется возможным уточнить, в этой же редакции были переданы «пункты» гетману в Жолке или нет. Очевидно только то, что Петр I по невыясненным причинам решил придерживаться первого варианта. В результате «замки» Малороссийского военного округа вошли в состав объединенного Белгородского разряда с центром в Киеве. Характер сделанной передачи крепостей подтверждает вывод П. Н. Милюкова о «централизации военного управления». Как показывают документы, глава этого объединенного разряда занимался исключительно вопросами обороны края от угроз со стороны шведской армии и повстанцев К. Булавина, а не реализацией неких «реформ», о которых утверждает Т. Г. Таирова-Яковлева [Письма и бумаги императора, т. 7, вып. 1, с. 81, 153, 155; Северная война, с. 347; Седов, с. 95–102]. В этой связи, вслед за И. В. Курукиным [см.: Курукин, с. 194], заметим, о каких «реформах» Гетманской Украины мог думать Петр I, когда даже Москву готовили к обороне.

Если Петр I и планировал какую-либо реформу в таких сложных условиях, то ею стала 1-я губернская реформа (1707–1711), которая должна была решить прежде всего военно-фискальные задачи. Начало реформе было положено указом от 18 декабря 1707 г., согласно которому следовало «расписать города частми», находившиеся в радиусе 100 верст, к Москве, Киеву, Смоленску, Азову, Казани, Архангельску. В копии этого указа были добавлены Санкт-Петербург и «Сибирь» [Там же, т. 6, с. 191, 550]. Однако процесс составления списков городов по губерниям затянулся до февраля 1709 г. [см.: Там же, т. 9, вып. 1, с. 67–72]. В указе 18 февраля 1709 г., направленном всем губернаторам, выражалась надежда, что «даст Бог, 1710 году все вам принять безспорно и делам безостановочно было» [Там же, с. 91]. В специальном указе Д. М. Голицыну от того же числа указывалось, чтобы он по присланной «росписи» принял новые города, а «которые города прежде у вас ведомы были, и те ведай по-прежнему» [Там же, с. 94]. Таким образом, Белгородский разряд с включенным

в него Малороссийским военным округом должен был стать частью новой Киевской губернии.

Список «прежних» и «новых» городов губернии подробно проанализировала Т. Г. Таирова-Яковлева. Из ее анализа следовало, что в ходе 1-й губернской реформы Петра I в состав Киевской губернии были включены «замки» четыре малороссийских городов — Киева, Чернигова, Переяславля, Нежина — и по реке Самаре (Самара, Новобогородицк, Сергиевск) [см.: Таирова-Яковлева, с. 327, 332]. Выше мы указали, что подразумевалось под этими «замками». В дальнейшем к отмеченным выше крепостям были добавлены фортеции Полтавы и Переволочны. Введение в эти города великороссийских гарнизонов было мотивировано военной обстановкой [Письма и бумаги..., т. 9, вып. 1, с. 323]. Измена Мазепы не повлекла расширение полномочий царской администрации в отношении местного населения. По переписи Киевской губернии 1710 г. в Киеве, Нежине, Чернигове, Переяславле, Полтаве и Переволочне не значилось ни одной категории податного населения [ПСЗРИ, т. 5, с. 706]. Это вполне объяснимо тем фактом, что, кроме гарнизонов и администрации, великороссы в данных городах на постоянной основе не находились, а малороссийские жители находились в ведении либо казацкой, либо магистратской администрации.

Анализ прерогатив киевского губернатора показывает, что он не мог вмешиваться в полномочия казацкой администрации. Например, на строительство Киево-Печерской крепости люди «гетманского регимента» могли привлекаться только в случае нехватки рабочих рук и «с общего согласия» с гетманом, т. к. в основном там трудились однодворцы и гарнизонные солдаты [Доклады и приговоры..., т. 3, кн. 1, с. 178; т. 4, кн. 1, с. 445—446; т. 5, кн. 1, с. 459; кн. 2, с. 968—969]. Юрисдикция главы губернии была строго очерчена пределами крепостей определенных малороссийских городов. Кроме того, киевской губернатор, будучи представителем российского монарха в регионе, сохранил некоторые функции в отношении городов, обладавших подтвержденными царскими жалованными грамотами на магдебургское право, — Киева, Переяславля, Чернигова и Нежина. В частности, в его ведении сохранялись сборы с этих городов [А. А., с. 26—33]. Также он должен был выступать в качестве покровителя этих городов, охраняя их права от посягательств со стороны казацкой администрации [ПСЗРИ, т. 11, с. 934; т. 15, № 11133, с. 553]. Будучи гарантом царской жалованной грамоты, он мог выступить в качестве арбитра в спорах мещан и духовенства Киева [Исторические материалы..., с. 17—18]. Показательны жалобы архимандрита Киево-Печерской лавры в Военную коллегия и Сенат от 1726 г. на незаконный характер построенных «около печерской крепости за фортециею» «домов и огородов» гарнизонных офицеров и семейных солдат, т. к. они находились на монастырской земле. Для улаживания конфликта было принято компромиссное решение платить уже поселившимся в монастырскую казну «за ту их землю наем или оклад», а также запретить возведение новых дворов [см.: Там же, с. 19—24].

Тот факт, что полномочия киевского губернатора не распространялись на Гетманскую Украину, дополнительно демонстрирует казус с назначением в гу-

бернию провинциал-фискала. В 1727 г. во время поиска кандидатуры на должность провинциал-фискала из Киевской губернской канцелярии в Главную фискальную канцелярию сообщалось, что «в Киеве и в приписанных к нему городах, в Нежине, Чернигове, Переяславле, Полтаве и в Переволочной, в которых точною одни командированные из киевских гарнизонных полков обер и ундер офицеры и солдаты, да малороссийские обыватели, которые во всяком ведомстве остаются в Малороссийской Коллегии, кого б определить в помянутые города в провинциал-фискалы, ни одного человека... из великороссийских людей... не имеется» [Экстракт из указов..., с. 83].

Указанный факт ограниченных полномочий у киевского губернатора в отношении Гетманской Украины на 1726 г. зафиксировал ученый-географ И. К. Кирилов в сочинении «Цветущее состояние Всероссийского государства». Он отмечал, что губернаторы «пребывают в Киеве в столице малороссийской и команду имеют над гварнизонном киевском и некоторых крепостей, а до дел малороссийских не касаются» [Кирилов, с. 160]. При этом в разделе «О полках малороссийских» он указывал, что в Переяславль, Полтаву, Переволочну и Нежин назначались солдаты и/или коменданты «ис Киева» [Там же, с. 160, 164, 166–167].

В качестве некоторого исключения из определенных нами ограниченных полномочий губернатора можно признать раскольничьи слободы в Гетманщине, которые с 1718 г. составляли специфичную административную единицу в ведении Киевской губернской канцелярии — «государевы описные малороссийские раскольничьи слободы». Специфика новых единиц была в том, что они изымались из налоговой системы Гетманщины, находясь на ее территории [см.: Новые материалы для раскола, с. X—XI, 115—123; Волошин, с. 57—66].

Отмеченные нами особенности демонстрируют специфику соотношения «границ» Киевской губернии и Гетманской Украины (Гетманщины). Данная специфика осталась незамеченной для дореволюционных историков, специально занимавшихся историей создания губерний. Несмотря на это дореволюционные исследователи не придерживались жесткой позиции в плане включения Гетманщины в состав губернии.

Ситуация несколько изменилась в советский период. На этом этапе развития отечественной исторической науки иллюзия «включенности» Гетманской Украины в состав Киевской губернии обрела черты реального исторического факта. Такое искаженное представление уже перешло в современную российскую историографию.

В реальности в регионе Малой России во второй половине XVII — первой половине XVIII в. полномочия царских воевод и киевских губернаторов были весьма ограниченными. Юрисдикция царской администрации в регионе была первоначально ограничена четырьмя крепостями городов Киева, Нежина, Чернигова и Переяславля, к которым затем добавятся крепости по р. Самара, а затем крепости Полтавы и Переволочны. В ходе губернских реформ Петра I территория Гетманской Украины за небольшими исключениями не была затронута, сохранив прежние границы и статус. Скорее, важные изменения в официальных полномочиях в отношении Малой России в 1710—1730-е гг. произошли

у Войска Запорожского, когда при символической «санкции» царского правительства малороссийские гетманы смогли официально закрепить свой статус главы Малой России, а институты Войска Запорожского формально получили под свою власть практически всю территорию этого региона.

А[ндреевский] А. Днепровский перевоз // Киевская старина. 1897. № 7/8.

Андреевский А. А. Несколько данных о великороссийском купечестве в Киеве в прошлом столетии и об отношении к нему местного магистрата // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 6. Отд. 2. Киев, 1892.

Авшаров Е. Г. К истории областной реформы (1707—1709 гг.) // Русский город: исследование и материалы / под ред. В. П. Янина. Вып. 5. М., 1982.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 6, 10. СПб., 1869, 1878.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / под ред. Н. Калачова. Т. 3. СПб., 1884.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: провинция (1719—1727). М., 1902.

Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 5. М., 1948.

Борисенко В. И. Административное устройство Левобережной Украины, Слобожанщины и Запорожья // История Украинской ССР : в 10 т. Т. 3. Киев, 1983.

Василенко Н. П. Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII—XVIII вв. // Український археографічний збірник . Т. 1. Київ, 1926.

Василенко Н. П. Прикрепление крестьян в Малороссии // Великая реформа 19 февраля (1861—1911) / под ред. А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. Т. 1. М., 1911.

Возражение депутата Григория Полетики на наставление Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских. Кн. 3. Отд. 5. М., 1858.

Волошин Ю. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. М., 2005.

Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку / упор. К. Лазаревської // Український архів. Т. 4. Київ, 1931.

Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку / упор. К. Лазаревської // Український архів. Т. 1. Київ, 1929.

Генеральное следствие о маетностях Киевского полка (1729—1730 гг.) / Сообщ. Н. П. Василенко // Чтения в Ист. О-ве Нестора-летописца. Кн. 7. Отд. 3. Киев, 1893.

Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729—1730 г. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко. Вып. 1. Чернигов, 1901.

Генеральное следствие о маетностях Переяславского полка (1729—1731г.). / изд. В. А. Мякотиним. Харьков, 1896.

Генеральное следствие о маетностях Черниговского полка 1729—1730 гг. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко. Вып. 3. Чернигов, 1908.

Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1 : Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. М., 1913.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. В. Калачова. Т. 3—5. СПб., 1887—1892.

Исторические материалы архива Киевского губернского правления / сост. А. Андреевский. Вып. 7. Киев, 1884.

- Источники* Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским. Ч. 1—2 // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских. Кн. 1. Отд. 2. М., 1858—1859.
- Кісіль І.М.* Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII — друга половина XVIII ст.) : дис. ... канд. іст. Наук. Київ, 2006.
- Киевская губерния* // Губернии при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы). М., 2008.
- Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / ред. кол.: Б. А. Рыбаков и др. М., 1977.
- Курукин И. В.* Образы и трагедия гетмана Мазепы // Артамонов В. А., Кочегаров К. А., Курукин И. В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.: образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб., 2008.
- Лазаревский А.* Универсал Скоропадскаго о переводе «книг правних» на малорусский язык // Киевская старина. 1887. № 4.
- Манько А.* Блостители верховной власти: институт губернаторства в России. М., 2004.
- Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великаго. СПб., 1905.
- Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1 : Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708—1719). М., 1876.
- Новые материалы для раскола на Ветке и Стародубе* / собр. М. И. Лилеевым. Киев, 1893.
- Петрухинцев Н., Смирнов А.* Уложение для Украины // Родина. 2003. № 2. С. 89—93.
- Письма и бумаги императора Петра Великого.* Т. 5—7, 9. М. ; СПб., 1907—1950.
- ПСЗРИ. Собр. 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830.
- РГАДА. Ф. 210 (Киевский стол).
- Романовский В. А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967.
- Северная война 1700—1721 гг. : к 300-летию Полтавской победы : сб. док. / сост. Р. Е. Альтшуллер и др. Т. 1 : 1700—1709.* М., 2009.
- Седов С. А. Д. М. Голицын (1663—1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность : дис. ... канд. ист. наук / Ин-т рос-й истории РАН.* М., 1997.
- Слищан Б. Г.* Реформы местного управления // Очерки истории СССР. Т. 7. М., 1954.
- Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. М. ; СПб., 2011.
- Ткач А. П., Кульчицкий В. С.* Общественно-политический строй и право на Украине в период усиления феодально-крепостнического гнета (вторая половина XVII — XVIII в.) // История государства и права Украинской ССР : в 3 т. / ред. кол.: Б. М. Бабий и др. Т. 1. Киев, 1987.
- Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657—1687).* Київ ; Львів, 2004.
- Утвенко В. В.* Формування української фіскальної системи в добу Гетьманщини (друга половина XVII — початок XVIII ст.) : дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.
- Щербина В. І.* Документи до історії Києва 1494—1835 рр. // Український археографічний збірник . Т. 1. Київ, 1926.
- Щербина В.* К истории воеводскаго правления в Киеве // Киевская старина. 1893. № 8.
- Щербина В.* О назначении в Киевскую губернию провинциал-фискала // Киевская старина. 1898. № 9.
- Экстракт* из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям, на двенадцать частей 1786 г. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко Чернигов, 1902. Вып. 2.

Статья поступила в редакцию 18.01.2012 г.

УДК 94(470.5)“1941/1945” + 355.6(470.5)

А. В. Сперанский

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБОРОННО-ИНДУСТРИАЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА НА УРАЛЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

Излагается история эвакуации на Урал промышленных предприятий из западных районов СССР и формирования в регионе оборонно-индустриального комплекса. Анализируются процессы милитаризации уральской промышленности. Характеризуются источники воспроизводства трудовых ресурсов. Вскрываются причины повышения производительности оборонных предприятий. Определяется соотношение вклада в военно-промышленное производство патриотического движения рационализаторов и принудительного труда спецконтингента.

Ключевые слова: война; эвакуация; тыл; Уральский регион; оборонно-индустриальный комплекс; промышленное предприятие; трудовые ресурсы; патриотический подъем; внеэкономическое принуждение; трудовая армия.

В годы суровых испытаний решающая роль «опорного края державы» по праву принадлежала Уральскому региону. Будучи мощной индустриальной базой, он на протяжении всех военных лет представлял собой «становой хребет» государства, победившего «коричневую чуму».

Эта роль Урала в возможном столкновении с агрессором была предопределена сталинским руководством еще задолго до начала военных действий. Большевистские лидеры прекрасно понимали риск основного сосредоточения военной промышленности в западных районах страны. Поэтому на необходимость размещения оборонного потенциала в безопасном в стратегическом отношении Уральском регионе неоднократно указывали на крупных партийных форумах В. В. Куйбышев, В. Н. Андронников, Р. И. Эйхе, Г. М. Кржижановский и др. Важно отметить, что эти указания, как правило, становились руководством к действию. Для создания мощной военной промышленности в 1920–1930-е гг. на Урале были развиты базисные отрасли, обслуживающие нужды оборонных производств (химическая, топливная, металлургическая, машиностроительная, электроэнергетическая), освоены резервные природные ресурсы (новые рудные и угольные месторождения). За 1928–1937 гг. основные фонды уральской промышленности возросли в 12 раз, а ее валовая продукция — в 7 раз. Уральская металлургия давала 18,1 % общесоюзного производства чугуна, 21,4 % стали, 21,2 % проката. В области машиностроения Урал занимал четвертое место после Московского, Ленинградского и Украинского промышленных районов [см.: Сперанский, Корнилов, с. 107].

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук, проект «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы», № 12-Т-6-1003.

И все же основная задача превращения Урала в оружейный арсенал осталась неосуществленной. К июню 1941 г. более 80 % производства военной продукции по-прежнему размещалось на территории так называемого военно-промышленного пояса СССР, расположенного в европейской части страны, в полосе между 30 и 40 градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград — Киев на западе и Ярославль — Воронеж — Донбасс на востоке. Здесь располагались 85 % мощностей авиационной промышленности, все танковые заводы, 97 % предприятий Наркомата вооружения, 85 % мощностей Наркомата боеприпасов; выплавлялось 68 % чугуна, 58 % стали; производилось 57 % проката, 74 % кокса, 64 % алюминия; добывалось 63 % каменного угля, 71 % железной руды; вырабатывалось 42 % электроэнергии от объемов общесоюзного производства [см.: Гаврилов, с. 56]. На Урале находились лишь отдельные военные предприятия, хотя по мобилизационным планам при необходимости многие уральские заводы, выпускавшие мирную продукцию, могли перейти на выпуск военной.

В частности, к выпускавшим тяжелые и средние танки «Северному» (ленинградский Кировский завод) и «Южному» (Харьковский завод им. Коминтерна) заводам, а также к Московскому и Подольскому заводам, производившим легкие танки, предполагалось подключить производственные мощности Уралмаша и ЧТЗ. В целом же военно-индустриальный комплекс Урала к началу сражений не был возведен до конца, что объясняется огромными временными затратами, связанными с созданием его промышленного базиса и острым недостатком денежных средств.

Кроме того, сказалось и влияние субъективных факторов. Военно-политическое руководство СССР во главе со Сталиным, плохо представляя себе характер современной войны, было убеждено, что возможный противник, наступая с западного направления даже с массированным применением танков и авиации, в худшем случае сумеет продвинуться не более чем на 200—300 км. В лучшем же случае удар противника будет отражен в пограничных сражениях и Красная армия сразу же перенесет военные действия на его территорию, т. е. сталинская военная доктрина не предполагала возможности глубокого вторжения неприятеля, а следовательно, и потери западных промышленных районов страны. Отсюда, несмотря на правильную оценку возможностей Уральского региона, его тотальная милитаризация не форсировалась, а основной упор по-прежнему делался на более дешевый путь расширения уже существовавших военных заводов или строительство новых как можно ближе к предполагаемому главному — западному — театру военных действий.

Война показала полную несостоятельность таких расчетов. В приграничных сражениях Красная армия была полностью разбита, потеряв около 1 млн солдат убитыми; 3,8 млн были взяты в плен; потеряно 3,5 тыс. самолетов, 9,5 тыс. орудий, 6 тыс. танков. Немецкая армия, стремительно наступая, к осени 1941 г. продвинулась вглубь советской страны на 700—1000 км, оккупировав Прибалтику, Белоруссию, Украину, Донбасс, Подмосковье, часть Ленинградской области. В результате большая часть западного военно-промышленного пояса СССР была захвачена неприятелем, а оставшаяся часть оказалась

в зоне действия вражеской фронтовой авиации. Советский Союз оказался на грани военно-экономической и политической катастрофы, и спасти его теперь могло только чудо. Это была неминуемая расплата за невнимание к геополитическому фактору, за роковые геополитические и стратегические просчеты «отца народов» и его окружения, выразившиеся в недальновидном сосредоточении почти всей оборонной промышленности в уязвимых в военном отношении западных районах. Однако чудо произошло, и грозящая стране грандиозная трагедия была предотвращена благодаря самоотверженности и титаническому труду населения восточных регионов, где в конце 1941 — начале 1942 г. на основе местных и эвакуированных предприятий была создана практически новая военно-промышленная база. Важнейшим звеном формирования этого не имевшего аналогов в мировой истории оборонно-индустриального комплекса, вне всякого сомнения, являлся Уральский регион.

Передислокация основных производительных сил с театра военных действий, вызванная необходимостью их сохранения и дальнейшего использования в войне с Германией, осуществлялась в районы Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии. Под руководством Совета по эвакуации (председатель Н. М. Шверник, зам. председателя А. Н. Косыгин), созданного 3 июля 1941 г., была проведена грандиозная операция, равная по своей значимости величайшим битвам Второй мировой войны. За 1941—1942 гг. на восток была перемещена целая индустриальная держава, включавшая в себя 2 593 промышленных предприятия [Великая Отечественная война, с. 802].

Крупнейшим пунктом промышленной эвакуации являлся Уральский регион, разместивший к осени 1942 г. на своей территории оборудование и рабочую силу более 830 предприятий, 212 из которых приняла Свердловская область, 200 — Челябинская, 124 — Пермская, 90 — Оренбургская, 172 — Башкирская АССР, 34 — Удмуртская АССР [см.: Урал — фронту, с. 45; Футорьянский, с. 95; Удмуртия в период Великой Отечественной войны, с. 32, 33]. Заводы и фабрики, прибывшие на Урал, использовали три основных варианта своего обустройства. Одни занимали помещения родственных по профилю предприятий, другие вынуждены были осваивать мало приспособленные к промышленному производству площади; третьи располагались на пустошах и сами возводили цеха и административно-управленческие корпуса.

В Свердловской области прибывшие в эвакуацию заводы или полностью сливались с однопрофильными, значительно усиливая их производственную мощность, или начинали самостоятельную деятельность, становясь основоположниками новых отраслей уральской промышленности. Уралмаш, разместив на своих площадях Ижорский завод и еще несколько оборонных предприятий, превратился в колоссальную мастерскую по производству бронетехники. На территории Уралвагонзавода разместились Харьковский завод им. Коминтерна и Мариупольский завод, образовав Уральский танковый завод. Серовский металлургический завод принял основное оборудование Краматорского и Сталинского металлургических заводов, Кировградский медеплавильный — оборудование Невского химического завода [см.: Свердловская область за 50 лет, с. 55, 56]. Заметно увеличился выпуск реактивных минометов в результате

соединения производственно-технических потенциалов Уралэлектроаппарата и воронежского завода «Коминтерн». Уральский турбомоторный завод, объединившись с пятью эвакуированными заводами, стал крупнейшим в стране производителем дизель-моторов.

Киевский завод «Большевик», прибывший в Свердловск в августе 1941 г. и первоначально размещенный в помещениях гаража и производственной артели, стал фундаментом будущего гиганта химического машиностроения — Уралхиммаша. На базе оборудования Охтинского химического комбината был создан Свердловский завод пластмасс, являвшийся в годы войны единственным поставщиком смол, шедших на изготовление дельта-древесины, авиафанеры и бакелитированной фанеры для понтонов. Киевский «Красный резинщик» и московский «Каучук» составили основу Свердловского шинного завода и завода резинотехнических изделий, начавших производство всех видов резиновых деталей для боевой техники [см.: Сперанский, с. 169, 170]. Крепким фундаментом в строительстве мотоциклетного завода в Ирбите стали эвакуированные производства Московского мотоциклетного завода, механосборочного цеха моторов ЗИЛа и цеха коробок передач Московского автосборочного завода им. КИМа. Созданный при слиянии этих производств Ирбитский мотозавод стал основным поставщиком на фронт тяжелых военных мотоциклов М-72, использование которых в боевой обстановке полностью лишило моторизованную немецкую пехоту преимуществ, имевших место в начале войны [см.: Пермякова, Пермяков, с. 45].

Схожие процессы происходили и на других территориях Урала. В Челябинской области в результате объединения производственных мощностей Челябинского тракторного, ленинградского Кировского и Харьковского дизельного заводов возник настоящий танкоград, взявший на себя решение трудной задачи по обеспечению фронта тяжелыми и средними танками. Военные автомобили начал выпускать созданный на базе московского автомобильный завод в Миассе [Очерки истории Челябинской областной партийной организации, с. 318–320]. В целом, из 200 предприятий, эвакуированных на Южный Урал, 113 разместились на территории действовавших заводов, 58 восстановлены на новых площадях, остальные полностью потеряли самостоятельность. Из 124 предприятий, эвакуированных в Пермскую область, 64 обосновались в областном центре (Харьковский металлообрабатывающий, Ленинградский приборостроительный и др.). На площадях Чусовского завода установили оборудование однопрофильных с ним Енакиевского, Константиновского, Нижнеднепровского и Косогорского металлургических комбинатов. Химические производства разместили в Соликамске и Березниках, целлюлозно-бумажные — в Красновисерске, Краснокамске и Соликамске. Кизел принял Киевский станкостроительный завод [см.: Урал — фронту, с. 45; Наумова, с. 33]. К середине 1942 г. завершился процесс монтажа и освоения большей части эвакуированных заводов в Оренбургской области. Здесь продолжили свою производственную деятельность московский «Фрезер», великолужский, воронежский, ворошиловградский паровозостроительные, тульский оружейный, днепропетровские металлургический и коксохимический, ново-краматорский машиностроитель-

ный заводы, московская текстильная, гомельская трикотажная, днепропетровская швейная фабрики и другие промышленные предприятия [см.: Безверхний, с. 21, 22; Футорянский, с. 94, 95]. Стала пристанищем для вывозимых из прифронтовой полосы промышленных объектов и удмуртская земля. В Ижевске разместились Московский завод им. С. Орджоникидзе и подмосковный завод электроприборов, был преобразован в уникальное оборонное предприятие Харьковский велосипедный завод, приступивший к выпуску шарнирно-роликовых цепей, необходимых для боевых машин. На базе Воткинского машиностроительного завода произошло объединение киевского «Арсенала», Сталинградского и Новочеркасского заводов. В Сарапуле слились воедино местная обувная фабрика и прибывшие из Харькова, Орла и Торжка родственные предприятия. Здесь же оформился производственный альянс Сарапульского лесозавода с Бобруйским лесокombинатом и Прилукской мебельной фабрикой [см.: Удмуртия в период Великой Отечественной войны, с. 11, 12, 33]. Большинство промышленных мощностей, вывезенных из западных районов в Башкирию, также размещались и объединялись на площадях однопрофильных объектов. Прибывшие в Белорецк московский завод «Серп и молот» и Одесский канатный завод воспользовались гостеприимством местных предприятий металлургического и сталепроволочного производств. Стали осуществлять совместную производственную деятельность на площадях Уфимского паровозоремонтного завода предприятия, эвакуированные из Гомеля, Запорожья и Изюма. Соединив свой индустриальный потенциал, образовали новый Уфимский кабельный завод предприятия, приехавшие из Москвы, Подольска и Одессы. Московская, серпуховская и раменская ткацкие фабрики, объединив усилия, основали Уфимский хлопчатобумажный комбинат.

Великое передвижение на восток предполагало не только оперативное перемещение промышленного оборудования. Важнейшими задачами стали прием, размещение и трудоустройство эвакуированного населения. За период с июля 1941 по декабрь 1942 г. Уральский регион принял 2 млн 127 тыс. человек (Свердловская область — 719 тыс., Челябинская — 500 тыс., Пермская — 315 тыс., Оренбургская — 240 тыс., Башкирская АССР — 278 тыс., Удмуртская АССР — 75 тыс.), что составило более четверти от числа эвакуированных в Российской Федерации [см.: Свердловская область за 50 лет, с. 125; Наумова, с. 33; Очерки истории Челябинской областной партийной организации, с. 322; Безверхний, с. 25; Удмуртия в период Великой Отечественной войны, с. 11]. К концу 1942 г. удельный вес эвакуированных среди населения Урала достиг 9,7 %. Местная политика размещения эвакуированных была достаточно дифференцирована: женщины, дети, престарелые располагались в сельской местности, квалифицированные рабочие, служащие и члены их семей — в городах. Причем процентное соотношение расселения приезжих различалось в зависимости от степени промышленного развития областей и республик. Так, если в индустриально развитой Свердловской области 77,7 % эвакуированных были оставлены в городах, то в аграрных регионах Оренбуржья и Башкирии соответственно 51,6 % и 58,4 % были направлены в деревню. В целом, к концу 1942 г. из переехавших на Урал людей 51,7 % разместились в городе, 48,3 % — в сельс-

кой местности [см.: Палецких, с. 135]. Масса переселенцев, прибывших в уральские города, значительно усилила плотность проживания в них. Так, численность жителей (в тыс. человек) Свердловска выросла с 423 до 620; Уфы — с 258 до 380; Ижевска — со 184 до 205,9; Нижнего Тагила — со 160 до 239; Орска — с 66 до 99; Сарапула — с 41,2 до 55; Воткинска — с 40,5 до 52,8 [см.: Великая Отечественная война, с. 635, 751; Удмуртия в период Великой Отечественной войны, с. 46; Зинич, с. 84]. Увеличение населения Урала за счет прибывших в эвакуацию имело очень противоречивые последствия. С одной стороны, повысился удельный вес интеллигенции и квалифицированных рабочих, что самым положительным образом отразилось на экономическом и культурном развитии региона. С другой стороны, попытка властей решить объективно возникшую жилищную проблему за счет уплотнения и строительства временного, упрощенного жилья приводило к чрезмерной скученности, антисанитарным условиям проживания, способствовало возникновению бытовых конфликтов и социальных неурядиц. Бараки, полуподвальные помещения, землянки стали обычным явлением в жизни горожан. К примеру, в Челябинской области в первый период войны было вырыто 184,3 тыс. кв. м земляных помещений. В районе железнодорожного вокзала Воткинска был возведен поселок, где в десяти мало приспособленных к нормальной жизни бараках ютилось 2,5 тыс. человек. Фактическая обеспеченность жильем на Урале по разным ведомствам, территориям, типам жилья колебалась от 0,8 до 4,0 кв. м [см.: ЦГАУР, ф. Р-551, оп. 2, д. 349, л. 168, 169; д. 375, л. 11; Палецких, с. 119, 124]. Напряженность в обеспечении трудящихся жильем стала ослабевать лишь по мере освобождения оккупированных территорий, в связи с процессом реэвакуации. К концу войны в западные и центральные районы с Урала возвратились более 80 % эвакуированных, их численность в регионе составила всего 361 тыс. человек.

Урал был тыловым регионом, где наиболее интенсивно шло наращивание оборонного потенциала, требующего использования значительного количества трудовых ресурсов. Мобилизация трудящихся на фронт первоначально значительно обгоняла их восполнение, что порождало острую нехватку производственного персонала. Решение этой проблемы в значительной мере облегчила эвакуация. Из всех трудоспособных людей, прибывших в регион, 55 % активно включились в работу на промышленных предприятиях. В связи с этим большинство уральских заводов подверглось не только технической, но и кадровой реконструкции. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Урала к концу 1942 г. составила 31%. На некоторых объектах она достигала 50–75 %, что фактически приводило к формированию нового трудового коллектива [см.: Сафронов, с. 166]. Одной из мер по восполнению трудовых ресурсов было привлечение на производство пенсионеров. Однако военный режим индустриального труда был под силу далеко не всем пожилым людям. Поэтому доля вернувшихся на промышленные предприятия рабочих в возрасте 55 лет и старше была невелика и составляла всего 4,3 %. Более массовым было участие пожилых людей в сельскохозяйственных работах — 14,8 %. Значительно вырос количественный показатель детского и женского

труда. В составе уральских рабочих подростковая группа в возрасте от 14 до 16 лет увеличилась по сравнению с 1940 г. более чем вдвое. В сельскохозяйственном производстве — на 15–20 % [см.: Антуфьев, с. 257; Палецких, с. 10; РГАЭ, ф. 7486, оп. 1, д. 3320, л. 152]. В результате кампании, целенаправленно проведенной властями под лозунгом «Заменим уходящих на фронт мужчин!», к производственной деятельности были привлечены сотни тысяч женщин. Их доля в промышленности Урала составила 47,7 % (в Курганской области — 58,8 %, Оренбургской — 49,7 %, Пермской — 50 %, Свердловской — 50,1 %, Челябинской — 41,5 %, Башкирии — 52,4 %, Удмуртии — 55,9 %) [см.: Антуфьев, с. 250], а в сельском хозяйстве — 74,6 % (в Курганской области — 76 %, Оренбургской — 72,4 %, Пермской — 78 %, Свердловской — 74,9 %, Челябинской — 71 %, Башкирии — 73,3 %, Удмуртии — 77,6 %) [см.: Корнилов, с. 39, 40].

Проблема трудовых ресурсов решалась и за счет подготовки новых квалифицированных кадров в системе трудовых резервов. К сожалению, выпускники трудовых резервов не всегда находили должное применение полученным знаниям и навыкам. Только 25 % молодых рабочих получали работу по специальности, а остальные вынуждены были переквалифицироваться или выполнять подсобную низкооплачиваемую работу. Значительное место в решении проблемы кадров занимали индивидуальное и бригадное ученичество непосредственно на производстве, работа курсов техминимума, стахановских и технологических школ, обучение вторым и смежным профессиям. Этой цели во многом был подчинен и патриотический подъем трудящихся. Известные всей стране трудовые инициативы И. Сорокового, Н. Базетова, Д. Босого, И. Янкина, В. Тарасова, П. Поджарова, П. Спехова, Е. Агаркова, Т. Абраменко, М. Попова, С. Погорелова, породившие различного рода соревнования, движения двухсотников и трехсотников, тысячников, комсомольско-молодежных фронтовых бригад, также умело использовались государственными структурами в производственном процессе для повышения производительности труда и экономики рабочей силы.

Разрыв между потребностями уральской промышленности и ее обеспеченностью рабочей силой в значительной мере преодолевался методами милитаризации и внеэкономического принуждения. Первым по времени проявлением военизированного подхода в решении этой проблемы стало введение трудовой повинности, которая давала военной экономике сезонную рабочую силу. С первых дней войны она стала активно применяться на лесозаготовках, в железнодорожном и жилищном строительстве, торфодобыче и т. п. Используемые по этой разнарядке жители сельской местности и эвакуированные за невыполнение норм или уклонение от работы привлекались к уголовной ответственности.

Более широкими по охвату населения были трудовые мобилизации. Мобилизованные направлялись в первую очередь на предприятия авиационной, металлургической, химической, топливной промышленности, оборонного машиностроения и сельскохозяйственные работы. Наряду с общегражданскими мобилизациями имело место и создание трудовой армии, включавшей в себя стройбатальоны и рабочие колонны. В эти подразделения направлялись люди, признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблаго-

надежными по социальному и национальному признакам. Трудармейцы прикомандировывались к предприятиям и выполняли в основном подсобные работы. К январю 1942 г. на Урале насчитывалось около 290 тыс. бойцов трудовой армии, среди которых 96 тыс. чел. составляли мобилизованные в Средней Азии и Казахстане [Палецких, с. 16]. В большинстве своем это были пожилые, с ослабленным здоровьем люди, не знавшие русского языка. Трудились они непроизводительно, поэтому отношение к ним местных властей сводилось к администрированию, граничащему с произволом. Пренебрежение национальными традициями, отсутствие какой-либо заботы о бытовых условиях, массовые отдачи под суд порождали массовые побег, самопорчу, невыходы на работу, высокую смертность и делали трудовое использование этого контингента крайне неэффективным [см.: Дементьев, с. 121, 122].

Лагерные формы функционирования трудовой армии распространялись и на советских немцев, государственная политика в отношении которых в годы войны имела явные признаки геноцида. Так называемая «трудовая мобилизация немцев» сводилась к созданию лагерей в Соликамске, Перми, Ивделе, Нижнем Тагиле, Краснотурьинске, Уфе, Челябинске, Копейске, Орске и других населенных пунктах. «Лагерники» использовались на промышленных стройках, в шахтах, рудниках, на лесоповале и строительстве железных дорог. Голод, холод, униженное положение, адский труд способствовали массовой гибели людей. Так, в лагерях «Челябметаллургстроя НКВД» состав немецких бригад численностью в 50 тыс. человек только за 1942 г. обновлялся по 2–3 раза. Подобная картина наблюдалась в Молотовлаге, Ивдельлаге и других спецпоселениях.

Для обеспечения производственных мощностей региона достаточным количеством рабочих рук использовался труд и других групп «спецконтингента» — заключенных, военнопленных, спецпереселенцев. В довоенный период на территории Урала насчитывалось более 30 лагерей и исправительно-трудовых колоний, содержащих десятки тысяч заключенных. В начале войны часть из них (кроме политзаключенных) была освобождена и направлена в штрафные батальоны действующей армии, оставшиеся переведены на усиленный режим содержания со значительной интенсификацией производственного труда.

Неоплаченный труд заключенных использовался практически во всех сферах военной экономики, но особенно активно — в традиционно трудоемких процессах: в добывающей промышленности, на лесоповале и т. п. К примеру, только в Кизеловском угольном бассейне 40 % подземных рабочих составлял «спецконтингент». Суммарная выработка норм в системе уральского ГУЛАГа увеличилась в 2 раза, а условия содержания намного ухудшились. Вследствие этого вырос процент смертности (18,5 % от общего числа заключенных). Только в лагерях, находившихся на территории Коми АССР, в 1941 г. от голода и болезней погибло более 100 тыс. осужденных, т. е. каждый 15-й [см.: Палецких, с. 25; Смыкалин, с. 117].

Несмотря на естественную убыль, связанную с мобилизацией на фронт и гибелью от невыносимых условий труда, спецконтингент уральского ГУЛАГа не имел серьезной тенденции к уменьшению, ибо постоянно пополнялся за

счет военнопленных и интернированных иностранных граждан, а также депортированных представителей национальностей СССР, обвиненных в пособничестве немецким оккупантам [см. об этом: Мотревич, с. 98, 99].

Конечно, милитаризованный труд, основанный на внеэкономическом принуждении, составлял заметную долю в производственном процессе, осуществлявшемся на Урале в годы войны, однако он был далеко не единственным и уж тем более не определяющим фактором его развития. Отдавая ради исторической справедливости должное стараниям и страданиям «спецконтингента», подчеркнем при этом, что данная категория рабочей силы использовалась главным образом во вспомогательных сферах производства и отличалась слабой производительностью труда. Решающая же роль в основных отраслях экономики Урала, вне всякого сомнения, принадлежала местным и эвакуированным специалистам, самоотверженно выполнявшим свой патриотический долг.

Оценивая в целом политику властей Урала в решении возникших в начальный период войны социально-экономических проблем, отметим, что в первую очередь она была направлена на максимальное расширение промышленного потенциала и трудовых ресурсов региона. В результате комплексных мер, осуществленных государственными структурами, значительно увеличенное уральское индустриальное производство не испытывало в годы войны хронического дефицита рабочей силы. Поэтому в экстремальных условиях, порожденных вражеским вторжением, громадный промышленный комплекс региона был быстро переведен в суровый режим военного времени и полностью задействован в интересах укрепления обороноспособности страны. При этом максимальное напряжение инженерной мысли, организационных способностей, трудовых усилий уральцев и эвакуированных обеспечило быстрое преодоление объективного спада производства при освоении новых видов продукции и налаживание ритмичного выпуска практически всех видов вооружений и боеприпасов.

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. 337 с.

Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Уфа, 1984. 280 с.

Безверхний А. З. В едином боевом лагере. Челябинск, 1965. 86 с.

Великая Отечественная война : энциклопедия. М., 1985. 831 с.

Гаврилов Д. В. Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 55–62.

Дементьев Б. П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. 150 с.

Зинич М. С. Война и жизненный уровень населения // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 81–85.

Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Свердловск, 1990. 221 с.

Наумова А. Г. Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1960. 108 с.

Мотревич В. П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 97–101.

- Очерки истории Челябинской областной партийной организации, 1917—1967 гг.* Челябинск, 1967. 500 с.
- Палецких Н. П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. 242 с.
- Пермякова Н. П., Пермяков П. Н.* Организация производства тяжелых мотоциклов в г. Ирбите в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 154—158.
РГАЭ. Ф. 7486.
- Сафронов А. А.* Перераспределение трудовых ресурсов между западными регионами страны и Уралом в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 165—167.
- Свердловская область за 50 лет.* Свердловск, 1984. 256 с.
- Смыкалин А. С.* Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 117—122.
- Средний Урал в Великой Отечественной войне.* Свердловск, 1978. 159 с.
- Сперанский А. В., Корнилов Г. Е.* Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. 624 с.
- Сперанский А. В.* Работник и воин // Екатеринбург. Исторические очерки (1723—1998). Екатеринбург, 1998. 227 с.
- Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).* Ижевск, 1996. 308 с.
- Урал — фронту.* М., 1985. 344 с.
- Футорянский Л. И.* Размещение эвакуированных предприятий на Южном Урале // Урал в Великой Отечественной войне Екатеринбург, 1995. С. 93—97.
ЦГАУР. Ф. Р-551.

Статья поступила в редакцию 20.03.2012 г.

УДК 778.5 + 325.111

Л. Н. Мазур

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КИНО И СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются информационные возможности советских художественных кинофильмов как исторического источника, позволяющего раскрыть такие сюжеты, которые не доступны для изучения с помощью традиционных письменных источников: мотивы сельской миграции, стратегии адаптации в городе, модели миграции и отношение к ней общества. Особенностью советского кино была преимущественная установка на отражение социального заказа. Это определяло его функции агитатора и мифотворца, что было особенно характерно для периода 1920–1940-х гг. Кинематограф 1960–1980-х гг. ориентирован в большей степени на познание реальности и содержит объективную информацию о характере миграционных процессов и их трансформациях.

Ключевые слова: сельская миграция; советская деревня; советское кино; сюжеты о миграции и мигрантах.

Изучение миграции предполагает понимание ее причин, и не только объективных, но и субъективных. Переезд всегда связан с принятием решения человеком, его мотивацией. Причем в зависимости от исторической, социально-экономической и политической ситуации она может существенно различаться, формируя специфические направления и варианты миграции. Мотивы переезда и его причины не равнозначны: причины отражают действие внешних факторов и позволяют судить об общих тенденциях процесса перемещения больших групп людей; мотивы характеризуют личный выбор мигранта и потому сугубо персонифицированы; с одной стороны, они являются отражением причин, с другой — дают представление об индивидуальных предпочтениях мигранта.

Следует отметить, что в экономико-географической науке прежде всего изучались мотивы миграции, связанные с реализацией экономических потребностей на макро- и микроуровне, являющиеся отражением закономерностей развития рынка труда [см., например: Бадыштова; Флоринская]. Социология в свое время привлекла внимание к социокультурным факторам (образ и уровень жизни, удовлетворение потребностей в получении знания, приобщения к культурным практикам и пр.) [см.: Корель; Миграции сельского населения...]. В последние годы серьезно продвинулось вперед изучение политических факторов и мотивов миграции, связанных в истории нашей страны с государственной политикой репрессий, депортаций народов, беженцами и т. д. [см., например: Бугай; Горбачев; Земсков; Массовые аграрные переселения...; Полян]. Таким образом, имеется обширная научная литература, где проведен тщательный анализ основных факторов миграции на макроуровне. Опираясь на эти разработки, мы можем проранжировать причины миграции, характерные для каждого исторического этапа, выделить приоритетные и соотнести их с направлениями

и формами миграции. Однако и в этом случае в тени остаются личные мотивы и судьбы мигрантов.

Изучение личной мотивации сельских мигрантов в ретроспективе наталкивается на необходимость расширения традиционной источниковой базы. Причины сельской миграции начинают изучаться только в 1960-е гг., когда она превращается в одну из важнейших проблем развития сельской местности. Основными способами сбора информации стали социологические исследования и отчасти анализ статистического учета, т. е. источники, отражавшие поздний этап урбанизации. По отношению к более ранним периодам ситуация с источниками еще более сложная, так как отсутствовала налаженная системы учета внутренних перемещений; вплоть до 1960-х гг. не проводились статистические исследования по этой проблеме; вопросы миграции были включены в программу переписей только в 1970 г. Делопроизводственная документация районного и областного уровней позволяет выделить лишь общие моменты, предлагая свои «бюрократические» объяснения и оценки миграции. Личностные мотивы, как правило, остаются в тени, как и процессы адаптации на новом месте.

Для изучения этих вопросов необходимо привлекать источники личного характера: письма, воспоминания, дневники. Но их плохая сохранность и труднодоступность осложняет задачу использования. Кроме того, воспоминания чаще всего отражают жизненные коллизии тех людей, которые достигли определенного успеха и общественного признания, поэтому возникает проблема их репрезентативности.

Наибольший информационный потенциал для изучения мотивации имеют методы устной истории (интервьюирование и анкетирование бывших мигрантов). Наряду с ними могут быть привлечены кинофотодокументы. Эти аудиовизуальные источники выделяются в особую категорию документов, пока еще мало изученных и редко используемых исследователями. Кинематограф (документальный и художественный) выступает в качестве специфического средства отражения исторической реальности, в котором преломляются идеологические заказы власти, авторский опыт и представления, а также общественные ожидания и мифы. Все это в известной степени влияет на подачу материала, однако кино позволяет выделить и некоторые общезначимые факты и образы, необходимые для понимания изучаемых процессов.

Художественные фильмы сегодня все чаще привлекают внимание исследователей, и не только культурологов-киноведа, но и историков, социологов [см.: Евграфов; Баталин; Кабанов; Источниковедение...; и др.]. Появляются труды, ориентированные на изучение отдельных художественных произведений, их историческую интерпретацию [см.: Дашкова, 2004; Димони; История страны...; и др.]. Прежде всего в них реализуется ценностный подход к отбору кинодокументов, основанный на признании их значимости как произведения искусства. В защиту такого варианта исследования приводится тезис, что в высоких произведениях искусства автор достигает такого же уровня обобщения и абстрагирования (формирования образа), как и в науке. Важно правильно интерпретировать созданный образ. С другой стороны, при изучении фильмов

всегда присутствует угроза субъективного восприятия кинематографического материала.

Другая стратегия исследования кинодокументов опирается на восприятие кино в качестве массового источника, где в явном и неявном виде присутствует социально значимая информация, отражающая историческую реальность.

В нашем случае для изучения сельской миграции был использован комбинированный подход: прежде всего были выделены фильмы, снятые в 1920—1991 гг., в которых проблема миграции выступает в качестве основной (27 кинопроизведений). В дополнение к этому массиву были отобраны кинопроизведения, отражающие проблемы миграции в качестве фона, второстепенного сюжета. В них прослеживаются судьбы мигрантов, адаптационные стратегии, проблемы колхозной жизни и события, повлиявшие на развитие миграционных настроений (например, сселение деревень), и т. д. Таким образом, выборка фильмов носит целевой характер. Дополнительный принцип отбора кинодокументов — характер отражения информации: они должны повествовать о современных авторам фильма событиях, т. е. отражать их в режиме реального времени. Ретроспективные фильмы (о прошлом) к изучению не привлекались.

Следует подчеркнуть, что отдельные аспекты миграции и сюжеты о мигрантах влетают в контекст многих (если не большинства) художественных кинокартин советского времени, особенно по сельской тематике. И это неудивительно, учитывая маргинальную природу советского общества — результат комплексных модернизационных трансформаций. По данным электронной «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия» (2003), в 1920—1991 гг. всего в СССР было снято 6 426 фильмов¹. С учетом заявленных принципов на основе изучения аннотаций для анализа было выделено 124 кинодокумента — вполне представительный массив, который позволяет охарактеризовать миграционные процессы как в динамике, так и с учетом структуры мотивации.

С учетом распределения по темам структура изучаемого массива выглядит следующим образом:

- возвращение мигранта на родину — 48 фильмов (38,7 %);
- проблема миграции — 28 (22,6 %)²;
- проблемы колхозной и сельской жизни (сселение, обезлюдение деревни, переселение, отходничество и проч.) — 28 (22,6 %);
- адаптация (судьба мигрантов) — 16 (12,9 %);
- внешняя миграция — 4 (3,2 %).

Следует подчеркнуть известную условность представленного выше распределения, т. к. есть фильмы, где эти темы туго переплетены. Именно такова культовая картина 1960-х гг. «Председатель» (1964, реж. А. Салтыков). Глав-

¹ Приведенный показатель не является исчерпывающим. В энциклопедии нашли отражение подавляющее большинство снятых кинокартин, однако говорить об исчерпывающей полноте все же не приходится. Коэффициент погрешности не превышает допустимых пределов.

² В данную группу были отнесены фильмы, в которых вопросы миграции и сам миграционный цикл были выделены в качестве главной темы.

ный герой Егор Трубников, покинув родной дом в юности и пройдя все военные кампании 1930-х гг., а также Великую Отечественную войну, вернулся в свое село и стал председателем колхоза (тема возвращения). Снятый на волне оттепели фильм очень реалистично, без приукрашиваний показывает колхозный быт послевоенной деревни и те вопросы, которые пришлось решать председателю: проблема отходничества, низкий уровень жизни, бегство колхозников из нищей деревни, уход молодежи в город, благоустройство деревни. Трудовоспособное население (мужчины, молодежь) покидает деревню, и его нужно вернуть во что бы то ни стало, иначе сельское хозяйство не поднять. Правда, рецепты, предложенные героем фильма, вполне в духе времени: он сам определяет, кого отпускать в город, а кого нет, т. е. все решение проблемы — в мудром руководителе. Однако такой способ контроля над миграцией работал только в условиях беспаспортной колхозной деревни.

Тематическое распределение фильмов позволяет судить в первую очередь о социальном заказе, который выступал в качестве важнейшего фактора развития кинопроизводства. В числе лидеров по частоте встречаемости оказались фильмы о возвращении бывших мигрантов на родину, причем возвращении не только физическом, но и нравственном, связанном с пересмотром всех своих жизненных приоритетов и целей. Фактически в этих фильмах идет речь о возвращении к собственным истокам.

Сюжеты о возвращении впервые появляются в 1920-е гг., но основным рефреном деревенского кино они становятся в 1950—1980-е гг. В них нашло отражение современное прочтение библейской притчи о возвращении блудного сына. Один из позднесоветских фильмов, снятый в 1984 г., так и назывался — «Блудный сын» (реж. М. Гедрис). Было ли это социальным заказом? Или агиткой, призывающей выходцев из деревни вернуться к своим корням? А может быть, отражением внутренней рефлексии создателей фильмов — творческой интеллигенции, большинство из которых были либо сельскими мигрантами, либо городскими жителями во втором поколении, до конца еще не утратившими связи с деревенским миром? Скорее всего, в этом сюжете слились воедино и идеологический заказ, и внутренние сомнения «новых» горожан, придав кинематографическим текстам философские черты. Призыв к возвращению к своим корням, истокам народной нравственности можно рассматривать как основную мифологему деревенского кинематографа.

В 1950—1980-е гг. сюжет о «возвращенцах» тиражировался десятки раз в различных интерпретациях («Отчий дом», 1959, реж. Л. Кулиджанов; «Дело было в Пенькове», 1957, реж. С. Ростоцкий; «Домой», 1960 г., реж. А. Абрамов; и др.), но с одинаковым финалом: бывший сельский мигрант, когда-то покинувший свою родину по своей или чужой воле, возвращается в родную деревню и переживает нравственное возрождение, находит любовь, смысл и свое место в жизни. Следует подчеркнуть особый колорит этих фильмов, в которых видна поэтизация деревни, ее природы, людей, подчеркивается искренность отношений и цельность характеров. В них даже бытовые неудобства и проблемы окрашены романтическим восприятием деревенской жизни. Картины о возвращенцах

в большей степени, чем все остальные деревенские фильмы, способствовали созданию мифологического образа деревни как особого гармоничного, чистого, естественного мира, который формируется во второй половине XX в., придя на смену образу угнетенной, эксплуатируемой, темной деревни.

Собственно миграции посвящена каждая пятая картина в изучаемом массиве. В них обыгрываются различные модели миграции, представленные через судьбы героев. Их можно условно разделить, прежде всего с позиций деревенского сообщества, на две группы: осуждаемые и неосуждаемые. К числу неосуждаемых вариантов миграции относился уход из деревни на учебу (в контексте массовой практики) либо для того, чтобы стать артистом, ученым, военным, т. е. получить профессию отнюдь не в сельской среде (индивидуальный выбор). Примером такой модели может служить фильм «Приходите завтра...» (1964, реж. Е. Ташков), героиня которого Фрося Бурлакова приехала в город, чтобы стать певицей. Аналогичные сюжеты представлены в фильмах «Большой концерт» (1951, реж. В. Строева), «Песня табунщика» (1956, реж. А. Фролов), «Я хочу петь» (1979, реж. В. Жереги) и др.

Другой вариант миграции связан с погоней за длинным рублем, легкой жизнью или же с легкомысленным решением. Такое поведение в кино не только осуждалось общественным мнением, но иногда даже каралось изгнанием. В фильме «Две жизни» (1956, реж. А. Фролов) рассказывается о судьбе двух сестер, одна из которых в молодости уехала из деревни в поисках легкой доли и, вернувшись через двадцать лет погостить, подвела неутешительный итог своей пустой и никчемной жизни. В конце фильма она вынуждена покинуть родной дом тайно, через окно, спасаясь от позора.

Примерно каждая пятая картина в изучаемом массиве презентует различные проблемы сельской и колхозной жизни, так или иначе связанные с миграцией. В зависимости от времени создания содержание фильмов может меняться. Так, например, в 1930-е гг. — это преимущественно борьба с кулаками, в результате которой герой уходит из деревни. В 1950-е г. первоочередное внимание уделяется материальным условиям жизни колхозников, а также крупным кампаниям (например, освоению целины). В 1960—1970-е гг. возникает тема выселения сельских жителей в результате строительства ГРЭС, поглощения городом, сселения неперспективных деревень. Так изменяются условия исторической макросреды, которые ставили сельских жителей перед выбором, а в некоторых случаях в ситуацию вынужденной миграции.

В особую группу можно выделить фильмы, где поднимаются вопросы адаптации мигрантов в условиях города. Преимущественно они относятся к 1960—1980-м гг. и связаны с попыткой понять истоки социальных болезней советского общества (в том числе пьянства, преступности и пр.). Так, например, проблемы непутевого сантехника Афони из одноименного фильма реж. Г. Данелия (1975) авторы склонны рассматривать как результат неприкаянности героя, бесцельности его существования, что оттеняется его возвращением на родину в конце фильма. К слову сказать, в фильмах чаще всего представлен проблемный вариант адаптации, что в известной степени диктуется спецификой кинодраматургии.

Картина более разнообразных адаптационных стратегий прослежена в фильме В. Шукшина «Ваш сын и брат» (1965), где представлены как минимум четыре варианта судеб деревенских жителей. У героя фильма Ермолая Воеводина четыре сына: два из них живут в городе, один оказался в тюрьме, и еще один сын плотничает в деревне, не помышляя искать в счастья в городе, в полной гармонии с собой и окружающим миром. Старший давно уехал в Москву, стал цирковым борцом, легко пустил корни и прекрасно себя чувствует (модель полной адаптации). Характерно, что авторы фильма его не то что осуждают, а скорее высмеивают, что формирует негативное восприятие этого образа. Самый младший сын подался за ним в город, на стройку по лимиту, но не прижился (модель неполной адаптации). Будущее этого героя неизвестно: либо он решит вернуться на родину, сохранив себя, либо будет притираться к городскому миру путем неизбежных в таком случае потерь и компромиссов. Стратегии адаптации анализировать наиболее сложно, поскольку для поддержания зрительского интереса художественный кинематограф склонен к презентации пограничных моделей поведения.

Распределение фильмов о миграции по времени создания позволяет оценить внимание к этой проблеме на разных этапах существования советского общества. В 1920–1953 гг. было снято 13 фильмов; в 1953–1964 гг. — 28; в 1965–1985 гг. — 73; в 1986–1991 гг. — 10 кинокартин³.

Хотя фильмы с миграционной тематикой появляются уже в 1920-е гг., их общее количество вплоть до середины 1950-х гг. было очень незначительным. Как правило, сюжеты этих картин были связаны с презентацией исторически значимых явлений, прежде всего коллективизации. Миграция в них выступает как фоновое событие. К 1920-м гг. относится всего два фильма. В фильме «Серп и молот» (1921, реж. В. Гардин, В. Пудовкин) речь идет о судьбе крестьянской семьи, которая в довоенный период переезжает в Москву, но в послереволюционные годы под давлением голода решает вернуться в деревню. Эта бытовая драма разворачивается на фоне революции, гражданской войны, борьбы с кулачеством и повествует об идейном росте героев, попавших в рабочую среду.

Схожая мысль прослеживается в другом фильме 1920-х гг. — «Катька — бумажный ранет» (1926, реж. Э. Иогансон, Ф. Эрмлер), где рассказывается о деревенской девушке, приехавшей в Ленинград в середине 20-х гг. для того, чтобы заработать на покупку коровы, и попавшей в среду обитателей «дна». Оба фильма — на тему отходничества. Решение о миграции принято героями под влиянием экономических мотивов. Интересен образ города как места сосредоточения разных возможностей. Здесь герои: 1) идейно растут и превращаются в сознательных борцов за революцию; 2) в связи со своей несознательностью подвергаются опасности поглощения мелкобуржуазной, уголовной или религиозной средой. Последний вариант представлен в фильме реж. И. Берхина «Человек за бортом» (1931): приехавший из деревни парень устраивается на завод и попадает в секту.

³ Подсчитано по: [Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия].

В 1930-е гг. появляется достаточно много фильмов, снятых преимущественно в жанре агитки, где миграция в город так или иначе связана с коллективизацией («Саша», 1930, реж. А. Хохлова; «Степной цвет», 1931, А. Ляшенко; «Шакир», 1932, реж. Л. Эсакия; «В поисках радости», 1939, реж. Г. Рошаль, В. Строева; и др.). Сюжеты в них однотипны: под влиянием агитации кулаков или в результате столкновений с ними герой (героиня) уезжает в город, там приобщается к пролетарским ценностям и, став сознательным борцом, возвращается в деревню, чтобы включиться в колхозное строительство.

Особое место среди фильмов 1930-х гг. занимает картина «Учитель», (1939, реж. С. Герасимов). Этот фильм фактически открыл серию картин о возвращенцах, которые, покинув деревню в молодости, получили образование, организаторские навыки и с этим багажом вернулись на родину, чтобы здесь строить светлое будущее и устраивать личную жизнь.

В период послевоенного «малюкартинья» отмечено всего три фильма, в которых обыгрываются сюжеты о миграции. Два из них о судьбе мигрантов, оба сняты в 1948 г. и презентуют варианты успешной адаптации. Деревенские девушки попадают в город, делают успешную по советским меркам карьеру, превращаясь из неграмотных работниц в передовиков производства («Путь славы», реж. Б. Бунеев; «Страницы жизни», реж. Б. Барнет, А. Мачерет).

Анализируя динамику производства фильмов о миграции, следует подчеркнуть, что до 1950-х гг. данная тема находилась на периферии общественного интереса. Негативные последствия сельской миграции начинают ощущаться в 1950-е гг., тогда же предпринимаются первые попытки ее серьезного осмысления и поиски путей решения проблемы, что находит отражение в кинематографе. Максимальный же интерес к проблематике приходится на 1965–1985 гг. — время наиболее интенсивного оттока сельского населения в города. Более разнообразными становятся сюжетные линии, усложняются характеры героев и мотивация их поступков, расширяются жанровые варианты подачи кинематографического материала. Интерпретации миграционной темы носят более критический и аналитический характер. Прежние пропагандистко-агитационные приемы подачи материала заменяются стремлением выстроить психологически достоверный образ героя. Кино перестает быть только средством агитации и осваивает функции познания и отражения реальной жизни.

Теме миграции посвящено 12 фильмов хрущевского периода (42,8 %) («Две жизни», 1956, реж. К. Воинов; «Половодье», 1962, реж. И. Бабич; «Артист из Кохановки», 1961, реж. Г. Липшиц; и др.). Серьезное обсуждение проблемы миграции открыл фильм «Судьба Марины» (реж. И. Шмарук, В. Ивченко), появившийся в 1953 г. Герой фильма едет учиться на агронома в Киев, а вернувшись, упрекает жену в необразованности, разводится с ней и уезжает в город. Поступок героя, человека ничтожного и никчемного, воспринимается как двойное предательство: и по отношению к семье, и по отношению к родине.

Фильм «Судьба Марины» стал первым, в котором миграция в город оценивается негативно. Он стал индикатором того, что сельская миграция стала восприниматься в качестве серьезной социальной проблемы. Массовое бегство из деревни в город, расцвет отходничества как способа выживания

сельской семьи — все эти проблемы послевоенной деревни получили яркое художественное отражение и, что важнее, объективную оценку в деревенских фильмах 1960—1980-х гг. В 1950-е гг. причины бегства из деревни воспринимались упрощенно и объяснялись личными качествами людей, покидающих деревню в поисках более благополучного существования. Отсюда стремление к морализаторству, жестким этическим оценкам, назидательности, свойственное многим фильмам этого времени.

Характерным примером презентации мотивов ухода из колхоза и отношения к этому односельчанин служит фильм «Артист из Кохановки» (1961, реж. Г. Липшиц). Сюжет комедии разворачивается вокруг решения героя — демобилизованного солдата — уехать вслед за невестой в город. Его девушка была направлена колхозом на учебу в сельхозинститут, и ее отъезд рассматривается как важное для колхоза дело. Герой фильма всеми осуждается, так как в городе он готов на любую работу, лишь бы быть рядом с любимой девушкой. Поочередно он становится то строителем, то уборщиком в цирке, не находя своего места. В финале фильма, вернувшись в село, герой понимает, что «у каждого человека должна быть своя Кохановка, свой уголок в жизни, где он может быть счастливым».

Выбор демобилизованного солдата в качестве главного героя достаточно показателен. Служба в армии давала возможность устроиться после демобилизации на любом месте. Солдатам не требовалась справка из сельсовета, без которой уехать из деревни было сложно. В результате в числе наиболее активных мигрантов оказывались молодые парни. Собственно, с них во второй половине 1940-х — 1950-е гг. и началось массовое бегство из деревни, что нашло опосредованное отражение в кино. В 1950-е гг. было снято сразу несколько фильмов про демобилизованных воинов («Солдат Иван Бровкин», 1955; «Иван Бровкин на целине», 1958, реж. И. Лукинский; «Максим Перепелица», 1955, реж. А. Граник), которые стали очень популярны благодаря актерской игре, веселой и задорной манере повествования. Фильмы должны были убедить солдат вернуться в деревню либо уехать туда, где нужны крестьянские руки, например на целину.

Художественные фильмы этих лет предлагают свои способы преодоления последствий сельской миграции, которые также отражают упрощенное ее восприятие. Так, например, в фильме «В один прекрасный день» (1955, реж. М. Слуцкий) председателя колхоза убеждают в необходимости создания симфонического оркестра, с появлением которого культурная жизнь села станет такой же интересной и разнообразной, как в городе. В целом, идея организации культурной жизни села по образцу городской — с оркестрами, кино, театрами и библиотеками — была очень популярной, поскольку в «нехватке культуры» виделась основная причина бегства молодежи из села.

Как ответ на вызовы сельской миграции в хрущевский период появляется все больше картин, в которых обыгрываются сюжеты о возвращении —

⁴ См., например: «Крутые горки», 1956, реж. Н. Розанцев; «Дело было в Пенькове», 1957, реж. С. Ростокский; «Председатель», 1964, реж. А. Салтыков; и др.

возвратной миграции (12 фильмов). В них появляются новые мотивы. Если в фильмах 1950-х гг. возвращение героя было его сознательным выбором⁴, то в 1960-е гг. появляются кинокартины, где оно приобретает поистине библейский смысл, подразумевающий покаяние и прощение. В 1960 г. реж. А. Абрамов выпускает кинокартину «Домой», в которой герои (семейная пара) после долгого отсутствия приезжают в отпуск в родной колхоз, где их встречают неприветливо. Но проходит время, отпуск заканчивается, и герои понимают, что не хотят уезжать, и остаются в колхозе. Так они получают прощение. Именно этот сюжет становится рефреном для десятков фильмов о «возвращенцах», снятых в 1970–1980-е гг. Тиражирование картин, в центре повествования которых находится библейская идея возвращения, можно рассматривать как проявление «социального заказа на сказку», которая должна была убедить сельских жителей в том, что город не является гарантом счастья и, более того, может разрушить судьбу. Мелодраматический характер подачи материала стимулировал зрительский интерес к подобным картинам и создавал эмоционально окрашенные образы, способствующие мифологизации сознания и формированию антиурбанистических установок среди деревенских жителей.

В дополнение к картинам о «возвращенцах» в хрущевский период появляются фильмы, где в качестве героев выступают горожане, приехавшие в деревню для работы и оставшиеся в ней навсегда. Так, в фильме Л. Кулиджанова «Отчий дом» (1956) основной сюжет связан с историей героини, приехавшей из Москвы в деревню к своей матери, о которой она и не знала. В деревне она встретила с интересными людьми и решила, что после окончания института вернется сюда работать и жить. Основную сюжетную линию дополняют параллельные повествования о горожанах (председатель колхоза, учительница), приехавших из Ленинграда и Москвы, чтобы поднять деревню, построить здесь новую жизнь. Аналогичные сюжеты встречаются во многих других фильмах этого времени⁵.

Образы обратной миграции (из города в село) были отражением реальных процессов, имевших, однако, не естественную, а политическую подоплеку. 25 марта 1955 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Обращение и Постановление «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами» [см.: КПСС в резолюциях..., с. 59–65], в котором партийным и советским организациям предлагалось подобрать не менее 30 тыс. добровольцев для руководящей работы в колхозах. На призыв партии и правительства откликнулось более 100 тыс. человек. В дальнейшем укрепление колхозов специалистами из города, в том числе путем распределения выпускников вузов, рассматривалось как важная задача аграрной политики. В этом выражалось шепство города над деревней.

Создание положительной мотивации для переезда у горожан требовало применения других средств и способов презентации сельской жизни. Они были связаны с идеализацией деревенского мира, приданием ему особых духовных и

⁵ См., например: «Простая история», 1960, реж. Ю. Егоров; и др.

нравственных качеств. Пропаганда этого идеального мира стала основной задачей деревенского кино второй половины XX в., где широко использовались музыка, видовые съемки сельских пейзажей, лирические сюжетные линии, особое внимание уделялось деревенским типажам. В совокупности этот киноязык должен был способствовать созданию у зрителей представлений о деревне как особом мире — естественном, гармоничном и нравственно чистом, противопоставляемом суетному городу.

По мере нарастания потока сельских мигрантов в города, несмотря на развернувшееся в селе строительство и рост материального благосостояния колхозников, приходило понимание сложности проблемы миграции. На исходе хрущевского десятилетия одна за другой появляются серьезные киноленты, в основе сюжета которых лежит моральный выбор героев, связанный с миграцией, как, например, в кинокартине «Половодье» (1962, реж. И. Бабич). Главная героиня, выйдя замуж, вступает в конфликт с мужем, который мечтает переехать в город. Фильм завершается тем, что она с ребенком на руках остается в деревне ждать уехавшего мужа. Так происходит окончательное утверждение представлений о миграции как форме нравственного предательства.

Таким образом, на рубеже 1950–1960-х гг. кинематограф становится одной из форм изучения миграции, ее причин и направлений. Одновременно кино выполняет воспитательные функции и пытается воздействовать на миграционные настроения сельского населения, создавая галерею мифологических образов и сюжетов, основным из которых был сюжет возвращения блудного сына.

Последующие годы стали временем дальнейшего осмысления и изучения миграции как социального явления во всей его сложности и полноте. В многочисленных фильмах 1965–1985 гг. присутствует рефлексия на тему сельской миграции и ее последствий как для села, так и для города. Новый уровень восприятия проблемы виден в расширении круга тематики. По-прежнему лидерами проката оставались фильмы о «возвращенцах». За 20 лет была снята 31 картина на эту тему («Долги наши», 1976, реж. Б. Яшин; «Встреча с прошлым», 1966, реж. С. Долидзе; «Возвращение чувств», 1979, реж. М. Осипьян; «Дорога домой», 1969, реж., А. Сурин; «Родное село», 1979, реж. А. Ефремов; и др.). Названия этих фильмов говорят сами за себя и презентуют устоявшийся образ, связанный с осознанием неправильности выбранного в молодости пути, образом покаяния.

В 17 фильмах этого времени (23, 3 % от числа отобранных) в основе сюжета лежат события, связанные с миграцией. Одним из заметных кинопроизведений на эту тему стала картина «Дом и хозяин» реж. Б. Метальникова, снятая в 1967 г. в жесткой реалистичной манере. Авторы фильма попытались понять причины раскрестьянивания деревни, ослабления связи с землей. В числе основных причин ими была выделена антикрестьянская политика сталинского времени. В основе сюжета — судьба фронтовика, который, вернувшись с фронта, мечтает работать на земле, жить в семье. Но колхоз прокормить его семью не может. Тогда в поисках заработка он подается сначала

на строительство железной дороги, потом на лесоповал, в рыболовный флот и т. д. Стремление заработать на корову постепенно перерастает в погоню за рублем, и его связь с семьей и деревней становится все слабее и слабее. Опомнившись и приехав домой через 20 лет, герой не находит никого из близких. Дети выросли, обзавелись семьями и уехали, дом стоит заколоченным. Таков неутешительный итог крестьянской истории, хотя он мог быть другим, если бы герой вовремя остановился и задумался о главном. В фильме явственно звучит мысль об ответственности за свои поступки и неизбежности расплаты.

Совсем другой вариант миграционной мотивации поведения нашел отражение в фильме «Здравствуй и прощай» (1972, реж. В. Мельников). Муж героини, отец трех детей, считает, что «имеет право» жить как ему удобно. Он уезжает в город, работает на заводе и не думает возвращаться, пока не осознает, что перестал быть нужным своей семье. Этот фильм отражает уже реалии 1970-х гг., когда уход из деревни начинает оцениваться на обыденном уровне как норма. Даже претензии на красивую жизнь мужа-горожанина показаны в ироническом плане и не воспринимаются как что-то однозначно отрицательное. Трагичность в рассматриваемом сюжете в большей степени связана с несовпадением жизненных планов героев. Фильмы о миграции тем самым приобретают более философский, мировоззренческий смысл, становятся более спокойными и грустными, так как приходит понимание необратимости происходящего.

Деревня меняется, и это ощущение уходящего крестьянского мира становится основной болью как для писателей-деревенщиков, так и для авторов «деревенского кино». Среди фильмов этого периода в особую группу выделяются те, которые зафиксировали самые болезненные тенденции развития села, связанные с обезлюдением, исчезновением деревень и их сселением (13 фильмов). В них, вопреки официальным установкам, нашел отражение другой взгляд на происходящие в деревне события — человеческий, неявно осуждающий решения, которые заставляют людей отказаться от своей родины, земли предков («Крутое поле», 1979, реж. Л. Саков; «Прости-прощай», 1979, реж. Г. Кузнецов; «Прощание», 1979, реж. Л. Шепитько, Э. Климов; и др.). Фильмы вызывают тем больший эмоциональный отклик, чем беспощаднее и реалистичнее представлен сюжетный материал. В числе героев фильмов выступают, как правило, старики, для которых вынужденное расставание с родным домом равноценно смерти. Несмотря на тягу к широкому осмыслению проблем бытия, продиктованную жанровыми особенностями художественных произведений и характером отражаемого материала, следует подчеркнуть общественную значимость этих фильмов, которые наряду с произведениями о деревне Ф. Абрамова, В. Распутина и других писателей смогли в конце 1980-х гг. приостановить бессмысленное сселение малых деревень.

В отличие от более раннего периода, кино 1960—1980-х гг. не давало готовых рецептов выхода из создавшегося кризисного положения, связанного с обезлюдением деревни. Фильмы этого периода чаще задают вопросы, чем предлагают ответы. Только в трех фильмах были обозначены меры по борьбе

с м и г р а ц и е й, направленные на ее снижение. Все они сняты в 1985 г. Среди них выделяется картина «Вот моя деревня» реж. В. Трегубовича, в которой молодой председатель пытается найти возможности спасения деревни в условиях индустриального наступления. По его мнению, они связаны с необходимостью отказа от привычных условий существования. Деревня должна вписаться в новую индустриальную среду — вот, собственно, основная идея фильма.

Если 1960—1970-е гг. были временем вторичной мифологизации и идеализации деревни, то в годы перестройки на волне гласности происходит развенчание многих мифов, в том числе представлений о гармоничности сельского мира в сравнении с городом. Это время общественной рефлексии и п е р е о с м ы с л е н и я с о в е т с к о й и с т о р и и, общества, его социальной природы и проблем. Кинематограф активно включился в этот процесс самопознания, предоставив творческой интеллигенции возможность свободно высказаться на интересующие их темы. Всего с 1986 по 1991 г. в стране было снято рекордное количество картин — 1 494, из которых только 64 фильма с сельскими сюжетами. Сельская проблематика, несмотря на активно обсуждаемые и проводимые аграрные реформы, померкла, отошла на второй план на фоне более значимых социально-экономических и политических процессов, захвативших страну.

Для кинематографа этого времени характерно постепенное погружение в проблемы деревни, развенчание мифов о селе как нравственном заповеднике современного мира, осознание к а т а с т р о ф и ч н о с т и тех негативных процессов, которые захватили деревню. Это заметно прежде всего по фильмам о «возвращенцах», которые по инерции еще продолжают снимать, но уже с другим концом. Так, например, в фильме реж. Н. Орлова «Призрак» (1991), созданном в жанре триллера, возвращение героя на родину связано со стремлением отомстить браконьерам за смерть брата. Всего в 1986—1991 гг. было снято 4 фильма о возвращении бывших сельских мигрантов (например, «Скакал казак через долину», 1986, реж. В. Кольцов; «Возвращение», 1987, реж. А. Буковского; и др.). Видимо, их можно рассматривать как отзвук прошедшей эпохи.

В центре внимания кинематографистов этого периода оказываются преимущественно семейные и нравственные проблемы села, в том числе проблемы пьянства, наркомании, супружеских отношений и взаимоотношений поколений, среди них, например, фильм «Рой» реж. В. Хотиненко (1990), в котором прослежена история распада сибирского рода Заварзиных, живущих пчелиным промыслом: пчелы заболели, сыновья начали уезжать в город, семья распадается.

Сохранился незначительный интерес к вопросам с с е л е н и я и в ы м и р а н и я деревень. Этим проблемам посвящены 3 фильма, которые можно рассматривать как своеобразный итог борьбы «деревенщиков» за сохранение российской деревни. Если в начале перестройки еще сохраняются иллюзии о возможности возрождения деревни (в 1986 г. реж. А. Ниточкин снимает фильм «Земля моего детства», в котором герои пытаются возродить заброшенную и распаханную 20 лет назад деревню), то совсем обратный настрой заметен в кинокартине И. Добролюбова «Осенние сны» (1987), которая рассказывает об одиноких стариках, живущих в заброшенной деревне.

Характерно, что из 10 фильмов, отобранных для анализа по изучаемой теме, ни в одном миграция не рассматривалась в качестве основного сюжета. Исход из деревни завершился, началась новая страница жизни советского общества, в которой сельская миграция уже не играла той роли, как в прошлом. Перестал существовать и тот культурный разрыв, который был свойственен городу и деревне более раннего времени, а значит, изменились и причины, и мотивы, связанные со сменой места жительства. В урбанизированном обществе миграция уже не предполагает изменение образа жизни, она представляет собой процесс только физического перемещения, целями которого могут быть любопытство, скука или просто желание показать себя.

Эта новая ситуация получила отражение в фильме реж. А. Карпыкова «Влюбленная рыбка», снятом в 1989 г. Картина в перестроечной манере отстраненного наблюдения фиксирует ленивый интерес героя к окружающему миру. Здесь он не чувствует себя чужим, он современен, органичен, без комплексов провинциала, а тем более уж сельского жителя. И становится очевидным, что сельская миграция перестала быть актом смены культур, придававшим трагизм и противоречивость процессам адаптации в прошлом.

Подводя итог характеристике художественных фильмов, в которых нашли отражение различные аспекты миграции, следует отметить их значительный информационный потенциал для более глубокого понимания миграционных процессов в антропологическом контексте, не как глобального явления, а как события, меняющего жизнь человека. Кино может быть использовано для изучения мифологических представлений, сложившихся в общественном сознании по данному вопросу, и господствующих стереотипов, авторских представлений и оценок, а также исторической реальности, поскольку кино есть процесс отражения реальных явлений и процессов. В задачи исследователя входит разделение этих пластов информации и их корректная интерпретация.

Бадыштова И. М. Трудовая миграция как средство выживания семьи в России // Миграция населения. Вып. 2 : Трудовая миграция в России : прил. к журн. «Миграция в России». М., 2001.

Баталин В. Н. О некоторых приемах внешней критики кинодокументов // Сов. архивы. 1986. № 1. С. 23–28

Бугай Н. Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». М., 1992.

Горбачев О. В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е гг. // Вопр. истории. 2003. № 2.

Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М., 1998.

Дашкова Т. Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 — начала 1950-х гг. // История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М. 2004.

Дашкова Т. Визуальная интерпретация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11/12.

Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // Отеч. история. 2003. № 6. С. 91–100.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.

Евграфов Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник. М., 1973.

История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М., 2004.

Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997.

Корель Л. В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982.

КПСС в резолюциях. 8-е изд. Т. 7. М., 1971. С. 59–65.

Массовые аграрные переселения на Восток России (конец XIX – середина XX в.) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2010.

Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. М., 1977.

Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Флоринская Ю. Ф. Новые формы занятости населения малых российских городов // Миграция населения. Вып. 2 : Трудовая миграция в России : прил. к журн. «Миграция в России». М., 2001.

Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия. М., 2003.

Статья поступила в редакцию 15.05.2012 г.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 711(4/9) + 712.01:321.6

Е. С. Соколова

САКРАЛИЗАЦИЯ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В МОНАРХИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рассматривается сущность природного ландшафта, которая целенаправленно использовалась политиками Античности и раннего Нового времени для создания визуально-мнемонических сценариев, транслирующих идею Божественного происхождения монархической власти. На основе комплексного исследования политико-правовых текстов, материалов античной историографии, нарративных источников географо-ботанического содержания, архитектурных трактатов периода эллинизма, практических руководств XVII–XVIII вв. по садово-парковому искусству, эпистолярных, публицистических и литературных памятников раннего Нового времени утверждается активное использование мемориального компонента в утверждении социально-политических позиций единой державной верховой власти.

Ключевые слова: садовое искусство; дворцово-парковое пространство; визуально-мнемонические коды; Александрия Египетская; Вечный Рим; Версаль; Петербург; неограниченная монархия; суверенитет.

В период эллинизма технология моделирования политико-правового мифа, предназначенного для разработки зрелищных форм трансляции идеи Божественной природы монархических институтов власти, осуществлялась на основе активизации пространственно-образного мышления подданных. Необходимые для этого мнемонические коды конструировались при помощи наглядных образов, свидетельствующих о сакральном значении ландшафтного пространства, и отличались ярко выраженной тенденцией к диахронности. В раннее Новое время поиск идеологического политико-правового абсолюта с целью закрепления в массовом правосознании принципа легитимности неограниченной монархии был завершён разработкой ряда семантических конструкций

визуально-мнемонического характера, основанных на реминисценции наиболее знаковых текстуальных стратегий античной политической и правовой культуры.

Исследование семантического языка садово-паркового искусства составляет особое направление изучения истории отечественной и зарубежной культуры. В современной историографии сады и парки справедливо оцениваются как комплексный репрезентативный объект научного исследования, позволяющий понять «ментальный климат» ушедших времен. Приоритетным направлением является реконструкция социокультурных аспектов образа усовершенствованной людьми природы, свойственного картине мира «утраченного» исторического времени. [см., например: : Регель, с. 7–15 и след.; Лихачев, 1981; 1991, с. 5–49 и след.; Дубяго, с. 4–11; Вергунов, Горохов, с. 8–14 и след.; Дмитриева, Купцова; Свирида, 1994, с. 5–11; 2006, с. 5–41; Зюилен; Каптерева, с. 13–44 и далее; Курбатов; Черный, с. 35–63; Hadfield M, p. 13–27; Hunt, Willis, p. 7–45 etc; Hunt, p. 6–29; Mc Key; Percival].

Значительно меньше внимания уделено вопросу специфики идеологического воздействия садово-парковых топосов на правосознание и политическую культуру персонажей истории. Как и мы, человек из страны прошлого неизбежно идентифицировал себя не только с определенной социальной средой, но и с особым политико-правовым пространством, зачастую имевшим определяющее значение для формирования многочисленных реалий частной жизни индивида. В качестве отправной точки моделирования своих действий, суждений и опосредованных ими эмоциональных переживаний он нередко избирал элементы культурно-исторической традиции, «малосущественные» для отдаленных поколений. В этом неизбежном противоречии и следует искать истоки темпоральности мышления людей прошлого. Оно всегда складывается из множества непривычных для нас аллюзий, несущих в себе осязаемый отпечаток субъективизма вопреки кажущейся универсальности их морфологической природы.

Знаковая сущность любого исторического источника приобретает свою образность за счет многочисленных реминисценций. Их текстовые стратегии, вероятно, когда-то обладали широким диапазоном социального воздействия, а с течением времени приобрели тенденцию к синтезу разных смысловых уровней. Семиотическая природа культуры опредмечивается не только в научном мышлении историка, но и является приоритетной чертой повседневного восприятия окружающей реальности в обыденном сознании большинства людей, склонных к поиску самоидентичности. Семантика невербальных текстов всегда отличается многообразием визуально-мнемонических кодов, рассчитанных на восприятие широкой аудитории. В ней могут быть отражены индивидуальные черты современников и последующих поколений людей, уже по-своему интерпретирующих первоначальный авторский замысел. В целом, исследовательская стратегия выявления семантического смысла «остатков прошлого» отличается универсальностью и повышает методологическую значимость любого гуманитарного дискурса, что позволяет сделать вывод об обоснованности ее применения в исследовании историко-правовых и историко-теоретических дисциплин юридического цикла.

Экстраполяция специальных методов текстового анализа на изучение проблем, связанных с реконструкцией ценностных ориентиров людей прошлого по отношению к правовой реальности, способна дать интересные результаты в области выявления коммуникативной функции правовой культуры и отраженных в ней концептов дискурсивной практики. Мемориальный компонент любого дискурса, в том числе и юридического, способствует возникновению потребности всех его участников отграничить свое персональное «я» от семантических кодов, либо присутствующих в тексте изначально, либо привнесенных многочисленными интерпретациями. В результате одним из наиболее значимых с культурно-исторической точки зрения аспектов семиозиса является его насыщенность многомерными образами коллективной и индивидуальной памяти. Использование знаковой формы их передачи с последующей корреляцией мнемонических кодов «образцового автора» и не менее «образцового читателя», способного в любую минуту взять на себя роль соавтора, превращает текстуальную стратегию в объект исторического и историко-юридического исследования [см.: Эко, с. 5–49; Соколова, 2009б, с. 84–103; Соколова, 2009а, с. 311–333].

Неутихающая дискуссия последних лет о способах обретения национальной идентичности выводит на качественно новый уровень осмысление роли политико-правового компонента в процессе формирования образов исторической памяти и опосредованных ими визуальных «сценариев власти», рассчитанных на массовое восприятие. Технологии моделирования политического мифа, предназначенного для создания наглядных форм трансляции представления о легитимности властно-управленческих институтов в обыденном сознании широких слоев населения, прочно вошла в повседневную практику уже на ранних этапах истории.

В античной нарративной традиции содержатся подробные историко-топографические сведения об изящных садово-парковых ансамблях Персии и Вавилона, где преобладал пейзажный стиль планировки ландшафта с использованием геометрически правильной разбивки отдельных участков, отведенных под экзотические растения. Многие образованные греки получили представление о восточных парадизах из произведений Ксенофонта Афинского, неплохо знакомого с военной организацией и политическими реалиями Персидского государства.

Изысканная роскошь восточных садов несла в себе смысловую нагрузку, не вполне привычную для греков, воспитанных на полисных традициях общегражданского единства. Политическим центром персидских городов был дворец царя или сатрапа, окруженный неприступной стеной. Внутренние помещения этой официальной резиденции органично дополнялись пространством сада, декорированным зелеными насаждениями и многочисленными летними павильонами. Особым размахом отличались загородные дома царя и знатных вельмож, окруженные охотничьими угодьями и тенистыми рощами с экзотической флорой и фауной. Царящая здесь прохлада создавала ощущение земного рая, созданного не для простых смертных, а тихое журчание воды в изящных фонтанах напоминало о бесконечности времени и пространства, в котором обитали земные боги.

Ксенофонт получил возможность познакомиться с эстетикой восточных садов, участвуя в походе греческих наемников в Переднюю Азию под предводительством персидского царевича Кира Младшего, организованном им с целью свержения своего брата Артаксеркса II (401 г. до н. э.). Этот молодой и родовитый лидийский сатрап потерпел сокрушительное поражение в династической борьбе и был убит приближенными царя в битве при Кунаксе [см.: Тронский, с. 174–175, 182; Максимова, с. 234–235]. Благодаря Ксенофону, он навсегда вошел в историю античной политической литературы как прообраз идеального монарха, использующего неограниченную власть ради общего блага.

Кир был умен, хорошо образован и симпатизировал греческой культуре, однако вел привычный для него образ жизни знатного представителя династии Ахеменидов, окружая свой быт знаковым обрамлением, традиционным для двора персидского принца. Например, по свидетельству Ксенофонта, Кир имел в пределах отведенной ему сатрапии несколько дворцов с большими охотничьими парками, где в мирное время он проводил немало времени в боевых упражнениях и травле диких зверей. Когда к нему в Сарды приехал с дипломатическим поручением известный спартанский полководец Лисандр, Кир любезно принял его как будущего союзника и показал ему дворцовый сад. Обычно сдержанный спартанский аристократ не смог скрыть восхищения умелой планировкой ландшафта, в которой явно присутствовали черты регулярности. Позже он рассказывал, что деревья в этом саду «...красивы, посажено все на одинаковом расстоянии, ряды деревьев прямые, все... расположено под прямыми углами, благоухания разного рода сопровождают... при прогулке» [см.: Ксенофонт Афинский, с. 266].

По свидетельству Феофраста, многие видные политики Античности испытывали большой интерес к садово-парковому искусству стран Востока. Александр Македонский, например, явно рассчитывал использовать его секреты в целях моделирования визуально-репрезентативных «сценариев власти». Он даже приказал своему другу детства Гарпалу, выходцу из знатной македонской семьи, заняться акклиматизацией растений в царской резиденции Вавилона, провозглашенной новой столицей ойкумены.

Не все ботанические эксперименты бывали удачными. Привезенные из Эллады растения, например, с трудом приживались в новых условиях. Македонцам не хватало горных ландшафтов их родины, и они пытались высадить в вавилонских парках самшиту и липы, для которых климат Передней Азии оказался слишком засушливым и солнечным. Местным садовникам приходилось затрачивать много усилий для ухода за этими капризными деревьями. Не рос там и плющ, успешно культивируемый в те времена только на азиатском побережье Понта. Гарпал посадил его в самых прохладных и тенистых уголках вавилонских парков, «всячески за ним ухаживая», но ничего не добился. В отличие от других эллинских растений, плющ оказался более требовательным к температурному режиму и не смог выжить в новых условиях произрастания [см.: Феофраст, с. 63; Страбон, кн. 15, с. 663].

Пристальное внимание Александра Македонского и его сподвижников к растительному миру вавилонских парадизов объяснялось, конечно, не только

тоской по родным местам. Приоритетная роль в решении вопросов садоводства все же принадлежала соображениям политической конъюнктуры. Стремление македонского царя к заимствованию внешних атрибутов власти, свойственных древневосточной деспотии, влекло за собой необходимость разработки соответствующих репрезентативных сценариев театрализованного типа.

Интерес Александра к поиску эффективных способов политизации традиционных мифов во многом объясняет смысл его настойчивого начинания по выращиванию плюща в царских резиденциях Вавилона. Наряду с виноградной лозой, которой приписывалось экстатическое воздействие на человека, плющ считался неотъемлемым атрибутом дионисийских праздников, символизируя жизненную силу и душевную гармонию. Эти два растения приводили в равновесие противоположные свойства друг друга и дважды спасли Диониса от превратностей судьбы. Заросли плюща служили ему естественным укрытием от зноя и непогоды в младенчестве. Позже юному Дионису удалось избежать продажи в рабство только благодаря тому, что мачта корабля, куда его приковали морские разбойники, внезапно покрылась плющом и виноградом [см.: Аполлодор, с. 52–53; Лосев, с. 142–182].

Подобно непризнанному сыну Зевса Дионису, Александр был вынужден годами доказывать свое Божественное происхождение, усиленно подражая Персею и Гераклу. Разыгранные с этой целью официальные политические спектакли, вызывали недоверие и резкую критику со стороны самых видных представителей македонской знати и эллинских интеллектуалов. Некоторые из них даже поплатились жизнью за свое нежелание участвовать в столь непривычных для греческого мира визуально-мнемонических «сценариях власти». В I в. до н. э. знаменитый античный географ Эратосфен из Кирены высказал мнение, что значительная часть ближайшего окружения Александра все же приняла предложенные македонским царем правила игры. Многие стали активно содействовать политическому мифотворчеству, чтобы польстить своему повелителю и возвеличить его облик в глазах новых подданных на Востоке. В качестве примера Эратосфен привел баснословные рассказы некоторых образованных македонцев о путешествиях Геракла на Кавказ, который был сознательно помещен ими в земле индов с целью прославить деяния Александра, сумевшего превзойти своей доблестью классических богов и героев [см.: Арриан, с. 112, 146–148, 149, 172; Квинт Курций Руф, с. 177–179]. Ту же цель, вероятно, преследовал и Гарпал, увлеченно культивируя в вавилонских садах липы и самшиты из Македонии в надежде, что успех его начинания продемонстрирует всем античным народам сакральную силу власти нового повелителя мира над природой.

Ярко выраженная монархическая направленность садово-парковой семантики Востока не соответствовала ценностной установке классической Греции на формирование политико-правового идеала сельской простоты патриархального быта гражданина-земледельца. Тем не менее стремление гражданской элиты к максимальному выявлению практических преимуществ естественного пейзажа в утилитарных целях содействовало возникновению ее интереса к исполь-

зованию визуальных особенностей природной среды для идеологического обоснования полисной демократии. Публичные начинания некоторых афинских политиков в указанной сфере отличались тягой к возведению архитектурных ансамблей в гармонии с местным пейзажем.

Разработка семантики городского ландшафта в идеологических целях являлась действенным средством укрепления имиджа властных структур и успешно внедряла в общественное сознание намеренно мифологизированные представления об их социально-политических возможностях. Возведение монументальных сооружений репрезентативного значения считалось общим делом всех граждан и ставилось под контроль тех политических лидеров, которые пользовались доверием большинства. Например, в Афинах первая обширная программа строительства общественных зданий была разработана при Перикле. Он привлек к организации работ над архитектурным ансамблем Акрополя и окружающих его районов города знаменитого скульптора Фидия и профинансировал это грандиозное начинание денежными средствами Делосского союза. Притязания афинян на роль ведущей морской державы в эллинском мире обрели политическую реальность после разгрома персидского флота при Саламине (480 г. до н. э.) и требовали достойного воплощения в наглядно-репрезентативных образах [см.: Woodford, p. 13–92; Плутарх, с. 294–298; Павсаний, т. 1, с. 48, 51–55 и след.; Суриков, с. 195–202].

Садоводческие начинания по окультуриванию азиатской флоры в климатических условиях Греции требовали больших финансовых вложений, много свободного времени и дорогостоящих систем орошения. Не удивительно, что элитные слои греческого полиса нередко избирали иные репрезентативные средства для укрепления политического имиджа и религиозно-культурного значения своих городов. Приоритетная роль в моделировании визуальных форм полисной идеологии принадлежала различным способам театрализации политического пространства, разработанным с целью укрепления общегражданского единства.

В условиях функционирования античной демократии строительство представительных правительственно-административных комплексов наряду с формированием крупных религиозных центров и организацией спортивно-музыкальных состязаний всеэллинского значения служило прекрасной альтернативой масштабным мероприятиям по превращению природы в главный семантический элемент политического сценария. Иным было отношение к визуально-репрезентативным возможностям природного ландшафта в тех регионах греческого мира, где прочные социально-политические позиции сохраняли за собой тиранические режимы. Например, Дионисий Старший разбил по примеру азиатских царей огромный парк в Регии (Нижняя Италия) и приказал высадить там большое количество платанов, которые из-за недостатка влаги медленно росли и не давали тени [см.: Феофраст, с. 128, 133].

Более успешным оказался опыт использования текстового потенциала природной среды в эллинистических городах Востока, основанных при Александре Македонском и его ближайших преемниках. В античном мире репутация наиболее красивой столицы, органично сочетающей визуально-мнемонические

возможности ландшафтного пейзажа с архитектурным ансамблем, принадлежала Александрии Египетской. Этот город был основан македонцами с учетом несомненных стратегических и экономических выгод его географического положения. Изначально он проектировался как официальная резиденция «земного бога», а его планировка вполне соответствовала притязаниям Александра на роль хранителя основ космического порядка в политико-правовой сфере.

Продуманная эстетическая концепция нового центра эллинистического Египта не исключала наличия мощного идеологического потенциала градостроительных принципов. Место, избранное для возведения Александрии, имело удобную гавань, впоследствии соединенную с Нилом множеством искусственных каналов. Несомненным его преимуществом было отсутствие болот, благодаря тому, что с двух сторон окрестности города ежегодно омывались проточными водами во время речных разливов. Весной воздух Александрии освежался северным ветром с открытого моря, что способствовало его очищению от нездоровых испарений и позволяло большинству зажиточных александрийцев приятно проводить лето в городских усадьбах.

Александр Македонский не успел позаботиться о разработке цельного архитектурно-ландшафтного ансамбля своей египетской резиденции, и после его смерти это начинание было успешно осуществлено Птолемеями. Дважды посетив Александрию в конце I в. до н. э., Страбон был покорен красотой улиц и набережных этого города, наполненного, по его словам, множеством «общественных памятников и храмов». В центре Александрии располагалось красивое здание суда, окруженное тенистыми царскими парками. Треть ее территории составляли парадные дворцы, которые каждый монарх перестраивал по собственному вкусу и на свои средства, стараясь добавить к памятникам фамильного величия какое либо свидетельство своей собственной славы.

Роскошные дворцовые помещения незаметно переходили в открытое и огороженное пространство, где находились гробницы царей Птолемеев и усыпальница Александра Македонского. Во времена Страбона посещение этого погребального сооружения уже не было обязательным элементом церемониального текста, некогда разработанного македонскими царями эллинистического Египта с целью закрепления в сознании подданных идеи преемственности своей верховной власти от ее богоподобного родоначальника Александра. Совершая поход в Азию, он когда-то и сам, воодушевленный аналогичными соображениями, внимательно обследовал заброшенные могилы древних царей Ассирии и Персии, воздавая им пышные почести [см.: Страбон, кн. 17, с. 732–734].

Миф о Божественной сущности Александра оказался настолько выгодным для правителей эллинистического Египта, что, по утверждению Страбона, его тело долгое время покоилось в золотом саркофаге, впоследствии похищенном одним из Птолемеев. В эпоху Октавиана Августа останки великого македонца еще находились в простом гробу из прозрачного камня на территории дворцового комплекса, а его могила постепенно становилась местом паломничества римских императоров. Последним документально подтвержденным свидетельством их стремления использовать захоронение Александра как мнемонический код, насыщенный сакральным смыслом, является поездка императора Ка-

ракаллы в Египет, которая состоялась в 215 г. н. э. [см.: Страбон, кн. 17, с. 733; Гай Светоний Транквилл, с. 44; Элий Спартиан, с. 112–113].

Важной особенностью городского пространства Александрии было обилие искусственных гаваней, принадлежавших Птолемеям. Одна из них находилась в живописном районе центральной части города с видом на о. Фарос, его знаменитый маяк и загородные дворцы Лохиады, окруженные роскошными парками. Интересные семантические аллюзии были связаны со святилищем Пана, расположенным на искусственной насыпи в форме еловой шишки, напоминающей по своим очертаниям скалистый холм. Подъем на эту возвышенность шел по винтообразной дороге, приводившей на смотровую площадку с панорамным видом на весь город.

В древнегреческой мифологии классический образ козлоногого и шумливого Пана связан с горными лесами и неприступными обрывами, служащими надежным укрытием для его вечных скитаний по тенистым дубравам в окружении светлых нимф, персонифицирующих силы природы. Непременным атрибутом лесного бога была пастушеская свирель, каждый вечер наполняющая уже дремлющий мир мелодиями дивной красоты. В орфическом культе Пан рассматривался как воплощение неистребимой силы матери-природы, перед которой были вынуждены склонить голову не только люди, но и сами бессмертные боги. Его неказистый пастушеский облик с бородатым ликом, наводящим ужас на смертных, интерпретировался в качестве одного из проявлений природной гармонии, сочетающей в себе мрачные формы архаического хтонизма с красотой природного ландшафта, созданного богами на радость немногим людям, способным непритязательными повседневными трудами поддержать гармонию мира. В одном из орфических гимнов Пан даже получает наименование «истинного Зевса», созидającego собственной исполинской демиургической силой единство не совместимых по своим природным свойствам мировых начал и позволяющего «жить всему живому» в соответствии с незыблемым законом вселенского логоса [см.: Страбон, кн. 17, с. 734; Гомеровские гимны, с. 124; Орфические гимны, с. 191].

Образ Пана включает и солярную символику, основанную на представлении о вечной жизнеутверждающей силе «бессмертного огня». В равной степени она присуща и солнечному культу, связанному с поклонением Аполлону-Фебу. Господствуя над широкими проспектами и дворцово-парковыми комплексами Александрии, святилище Пана, вероятно, играло семантическую роль вечного космического Абсолюта, излучающего свою Божественную силу на город, сотворенный искусством земных царей в подражание деяниям бессмертных богов.

По рассказу одного из античных биографов Александра Македонского, отправляясь в Азию, царь узнал, что статуя мифического фракийского певца Орфея в Пиериде все время покрывается испариной. Когда Александр, желая понять смысл этого знамения, обратился к прорицателям, то один из них предсказал ему, что поэтам и исполнителям их произведений предстоит великий труд обессмертить царя и его будущие деяния [см.: Арриан, с. 63–64]. Остается добавить, что преемники Александра успешно решали проблему идеологического

обоснования Божественной природы царской власти визуально-мнемоническим средствами, так как по сравнению с любыми вербальными формами церемониального текста они обладали значительно более широким диапазоном воздействия на политическое и правовое сознание подданных.

Образ природы в облике пастушеского бога Пана с его орфической свирелью служил весьма выразительным воплощением представления о неограниченных социально-политических возможностях земного монарха. В мифологической традиции древних греков существовало сложное семантическое единство между необратимой первобытной силой природы, которая определяет порядок вселенской иерархии, и функциями богини справедливости Дике, которая этот порядок поддерживает. В политической системе эллинизированной восточной деспотии обязанность осуществления охранительных мероприятий, обеспечивающих равновесие между миром человека и макрокосмом Вселенной, переходила к монарху. Это обстоятельство являлось решающим фактором формирования идеологического постулата о богоизбранности верховной власти. Задача его реализации, в свою очередь, требовала разработки визуально-мнемонических форм транслирования. Природный ландшафт превращался в своеобразную экспериментальную площадку, где моделировалось декоративное обрамление сценария власти, направленного на сакрализацию образа монарха.

Политико-правовая семантика дворцово-парковых комплексов Азии и эллинистического Востока была заимствована императорским Римом, где она быстро обрела значение важного мнемонического компонента повседневной политической практики. Официальное возведение архитектуры в ранг искусства, обслуживающего потребности императорской власти, было осуществлено в годы правления Октавиана Августа. Судя по материалам древнеримской историографии, визуально-репрезентативные формы укрепления социально-политического имиджа принцепса отличались в этот период особым размахом за счет их продуманной театрализации. Все улицы Рима были превращены в импровизированные сценические подмостки, где постоянно проходили развлекательные представления на языках всех народов, признавших над собой власть Вечного города. Для проведения состязаний атлетов в центре Рима на Марсовом поле были специально возведены гигантские деревянные трибуны, способные вместить огромное количество зрителей. Особое значение Август придавал мероприятиям, прославляющим военный потенциал римского флота, игравшего все более заметную политическую роль по мере расширения средиземноморских границ Римской державы. По его приказу римляне могли развлекаться импровизированными морскими боями, для чего за Тибром был выкопан специальный пруд, окруженный пиниями. Зрелища, организованные Августом, привлекали такое количество людей, что в дни их проведения по всему Риму приходилось расставлять стражу, чтобы обезопасить опустевший город от грабителей [см.: Гай Светоний Транквилл, с. 55].

Текстологическое значение архитектурной среды императорского Рима впервые было обосновано Марком Витрувием Поллионом, который справедливо старался привлечь внимание Августа к проблеме соотношения строительной техники древних греков с климатическими условиями Апеннин и политическими потребностями репрезентативного характера. Он придавал большое

значение соразмерности архитектурного ансамбля с природным ландшафтом, утверждая, что правильная ориентация здания по сторонам света способствует красоте его линий, соответствует требованиям медицины и демонстрирует высокий социально-политический статус заказчика.

Посвящая Августу свой теоретический трактат «De architectura», Витрувий оценил заботу «императора Цезаря» о благоустройстве общественных и частных зданий как важный элемент создания стабильного порядка, укрепляющего мысль о непреходящем величии империи в сознании самих римлян и покоренных ими народов. Согласно его интерпретации, доминирующая черта любого официального архитектурного текста заключается в возведении памятников строительного искусства, полностью соответствующих историческому значению политических деяний их заказчика, который должен обладать достаточной степенью властных полномочий и материальных ресурсов для прославления своего величия.

Витрувий даже осмелился выразить надежду на то, что покровительство архитектуре станет одним из приоритетных направлений внутренней политики Августа с целью укрепления его личной власти и лидирующего статуса Римской державы в античном мире. Преследуя цель создания полного архитектурно-строительного справочника, предназначенного для официальных лиц, Витрувий включил в текст своего трактата немало дидактических рассуждений о роли зодчества в моделировании политического пространства Рима и рекомендовал Августу приобрести точные теоретические понятия «...для оценки как возведенных... раньше, так и проектируемых в будущем сооружений» [см.: Марк Витрувий, с. 19–20].

Практицизм и эстетическая безупречность архитектурной концепции Витрувия оказали огромное влияние на теорию и практику строительства дворцово-парковых комплексов Западной Европы раннего Нового времени. Крупнейшие политические деятели этого периода отличались особенной изобретательностью в сфере репрезентации мифа об единстве интересов монарха и народа. Под влиянием философского рационализма ими была выработана последовательная идеологическая установка на формирование светской шкалы духовно-нравственных ценностей, позволяющей обеспечить сплочение нации в ходе укрепления королевской власти.

Европейские монархи XVI–XVII вв. настойчиво стремились к созданию визуальных сценариев практической реализации политико-правовой концепции государственного суверенитета, позволяющих достичь гармоничного сочетания рационального принципа законности с представлением о сакральной сущности неограниченных властных полномочий короля. Величие и грандиозность политического пространства, отведенного в качестве места действия для образного воплощения наиболее концептуальных идеологических стереотипов восприятия национальной истории и культуры, рассматривалось ими как неременный атрибут организации результативного диалога с подданными.

Ту же цель преследовало искусственное создание универсальных мнемонических кодов, основанных на историко-философских реминисценциях из античного культурного наследия и хорошо понятных западноевропейской интеллектуальной

элите с ее тягой к космополитизму. Историописание постепенно перестало ассоциироваться с определенной нарративной стратегией, принимающей ту или иную вербальную форму. Верховная власть присвоила себе прерогативу сотворения историографического мифа с помощью художественных образов, в текстологии которых семантика слова нередко имела лишь вспомогательное значение. Насильственное вовлечение подданных в феерию политического быта, сотворенного по воле монарха-демиурга, достигалось с помощью садово-паркового искусства, на основе которого формировались аллегорические представления о природе и сущности верховной власти. Семантические аспекты политико-правовых текстов, зашифрованных в архитектурно-художественном пространстве дворцовых парков позднего барокко и зрелого классицизма, включали в себя различные способы обоснования духовного превосходства властвующей элиты над остальным социумом.

К XVI в. классическая триада Витрувия «Прочность. Польза. Красота» оказалась созвучна абсолютистским тенденциям королевской власти, воплощенным в дворцово-парковых ансамблях Ане, Фонтенбло, Шамбора и замков Луары французскими последователями античного архитектурного канона [см.: Соколова. 2010]. Еще более впечатляющим репрезентативно-визуальным эффектом отличается дворец Людовика XIV в Версале, спроектированный архитектором Ж. А. Мансаром. Его творческий замысел заключался в том, чтобы добиться гармоничного сочетания фасадов с природным ландшафтом, не отказываясь от возведения масштабной постройки, призванной подчеркнуть доминирующую политическую роль короля.

Новаторство разработанной А. Ленотром организации дворцово-паркового пространства заключалось прежде всего в максимальном использовании эффекта продолжающейся перспективы с целью подчеркнуть протяженность центральной аллеи и боковых партеров, органично переходящих в рощи по берегам Большого канала. Отличительная черта его архитектурно-эстетической концепции — тенденция к сочетанию горизонтальных линий, основанная на стремлении добиться грандиозности ландшафтного ансамбля, проектируемого на равнинной лесной местности Иль-де-Франс. Ощущение необозримости пространства, словно тающего в дымке горизонта, охватывает при первом же взгляде, брошенном на фонтаны и цветники западной части Версальского парка из центральных окон Зеркальной галереи. То же чувство необъятности уходящей вдаль перспективы возникает во время прогулки по низкой террасе перед дворцом, украшенной по бокам вазами Войны и Мира работы А. Кузевокса и Ж. Б. Тюби.

Отсюда можно пройти к строгим в своей классической простоте бассейнам Водного партера, с широкой мраморной лестницы которого открывается захватывающий дух вид на фонтаны Латоны и Аполлона, «зеленый ковер», окаймленный по бокам стилизованными статуями на сюжеты аполлонического культа, и зеркальную гладь Большого канала. Если смотреть на дворец от бассейна Аполлона, то создается иллюзия завершения перспективы, где осевым центром является здание дворца, расположенного на искусственно приподнятой террасе с основанием из естественных неровностей рельефа. Репрезентативная сущ-

ность ленотровского стиля с художественно-эстетической точки зрения блистательно отражена в версальской серии А. Н. Бенуа, который любил изображать прогулки стареющего короля на фоне наружного фасада Зеркальной галереи в сторону спуска Tapis Vert к скульптурным изображениями Латоны и Аполлона [см.: Nolhac, p. 13–84 etc., Maigre, p. 46–59 etc., Berral, p. 197–200, Соколова, 2010, с. 79–84].

Хорошо понимая идеологическое значение предпринятого им строительства, «король-солнце» не скупился на расходы. Согласно распоряжению Ж. Б. Кольбера от 24 октября 1674 г., все счета, связанные с оплатой работ по строительству фонтанов Латоны и Аполлона, должны были беспрекословно оплачиваться из королевской казны, а мастерам предписывалось «следить за тем, чтобы всего было в достаточном количестве». В частности, суперинтендант финансов рекомендовал им «постоянно иметь двойной запас деревьев, леса и болтов для оборудования» [см.: Уг, Соль, с. 116, 122].

По мнению убежденного поклонника сентиментализма и хорошо известного в Европе XVIII в. знатока садово-парковых стилей Ж. Делиля, приглашение «всего Олимпа» в тенистые рощицы и уединенные беседки французского Эдема возносило имидж королевской власти на недостижимую высоту, придавая королю статус земного божества, повелевающего природой и людьми [см.: Делиль, с. 30–31]. В истории садово-паркового искусства Нового времени архитектурно-художественное пространство Версаля является наиболее масштабной моделью вселенского универсума, где вращение планет, круговорот природы и судьбы людей подчинены воле короля, освященной Божественным провидением. Комплексная семантическая программа дворцово-паркового ансамбля способствовала превращению аполлонической темы в ведущее начало разработанной Людовиком XIV манеры «показывать сады Версаля» [см.: Manière de montrer..., p. 4–6, 8; Дмитриева, Купцова, с. 439–449]. Смысловой центр королевских прогулок по аллеям рукотворного города из подстриженных боскетов, квинкусов, водоемов и скульптурного декора был сосредоточен вокруг партера Латоны и бассейна Аполлона, из которого как будто взмывает ввысь его золоченая колесница.

Политическая семантика версальских садов была отражением рационалистической парадигмы королевской власти. В соответствии с ее основным постулатом «король-солнце» является «в равной степени хозяином своего дома и своего королевства» и управляет Францией через доверенных лиц, обязанных монарху своим возвышением [см.: Уг, Соль, с. 14]. Например, художественный замысел оформления северного партера возник у Ленотра под влиянием мифа о кругосветном путешествии Аполлона, несущего свет божественной справедливости всем странам и континентам. «Большой заказ» 1674 г. на изготовление садовых скульптур был разработан при участии Ш. Лебрена. Он планировал установить по кругу 18 статуй, символизирующих четыре континента, четыре времени года и четыре темперамента. Версальский сад должен был превратиться, таким образом, в «обретенный рай», где воля короля-бога соединяет все страны света, вынужденные признать величие французской короны. Ту же цель преследовало и строительство королевской оранжереи, предпринятое по

проекту Ж. А. Мансара в 1684 — 1686 гг. Ее партер занимает три гектара и состоит из четырех газонов и круглого бассейна. Летом по приказу короля сюда выставлялось более тысячи кадок с экзотическими пальмами, гранатовыми деревьями, лавро-розовыми кустарниками и другими редкими растениями [см.: Уг, Соль, с. 130—131, 138—139; Соколова, 2009б, с. 97].

Намечая наиболее эффектные маршруты прогулок по садам Версаля, Людовик XIV придавал огромное значение текстологии этих своего рода политических экскурсий, которые устраивались для особо важных персон с целью поразить их воображение роскошным декором, прославляющим величие французского монарха. Например, посещение южного партера должно было начинаться со спуска к нему через крыльцо, обрамленное двумя стилизованными скульптурами работы Ж. Саразена и Л. Лерамбера на сюжет «Дети и сфинксы» (1668). Затем следовало «напрямую пройти к верхней части оранжереи», чтобы «полюбоваться партерами с апельсиновыми деревьями и швейцарским бассейном» [см.: Manière de montrer...; Уг, Соль, с. 138; Соколова, 2009б, с. 97].

Космология версальской резиденции была построена на сочетании идиллических мотивов с комплексом рациональных представлений о легитимном характере суверенной королевской власти, обладающей постоянством функций и социально-политической независимостью в своих действиях. Продуманная композиция регулярных садов свидетельствует о возникновении тенденции к сакрализации садово-паркового пространства в целях «большой политики». Их топонимика воссоздавала образными средствами богословскую трактовку семантической сущности садово-паркового пространства, согласно которой создание первого сада — Эдема — интерпретируется как акт воли Бога-Творца, создающего иерархический порядок мировой гармонии. Сакральное пространство этого «очарованного острова» представляло собой визуально-мнемоническую модель земного рая, демонстрирующую безграничные возможности королевской власти в соперничестве с Градом Божиим. Это свойство версальских смысловых топосов хорошо понял Н. М. Карамзин, который при первом же посещении дворцовых садов отметил, что их «художник» не стремился к тому, чтобы посетители оценивали красоту каждого декоративного элемента: «Нет, он воображал, что зритель... воскликнув в первую минуту “великолепно!”, умолкнет от изумления» [см.: Карамзин, с. 373].

Солярная семантика Версаля не оставляла равнодушными и современников Людовика XIV, среди которых было немало свидетелей использования дворцово-паркового пространства для театрализации повседневной политической жизни. По словам короля, «многие сады Версальского парка, более или менее интимные или оживленные с помощью статуй и фонтанов, были местами для проведения праздников, легких завтраков и игр» [см.: Зюилен, с. 143—144].

Именно таким запечатлел солярный образ Версаля Ж. де Лафонтен в своем аллегорическом романе, посвященном странствию человеческой души по глубинам Вселенной. Его вольнодумные произведения, насыщенные иронией и сарказмом, отчасти передают оппозиционные настроения аристократических слоев дворянства по отношению к Людовику XIV и его двору. В то же время Лафонтен слишком ценил прекрасное, чтобы не восхищаться «изысканными

красотами» Ленотровых аллей, достойных служить местом пребывания богов. Описывая совершенную им прогулку по Версальскому парку в сопровождении Н. Буало, Ж. Расина и К. Шапеля, ищущих вдохновения в созерцании рукотворной природы, укрощенной гением художника, он не отрицает важности дворцово-парковых интерьеров для прославления власти короля. Лафонтен даже отметил, что «множество прекрасных садов и роскошных зданий приносит славу... родине». Сооружение дворцов, на его взгляд, занятие, вполне достойное монарха, так как оно способствует общему благу и дает подданным возможность принять участие в удовольствиях государя, с восхищением взирая на то, что «создано не для них» [см.: Лафонтен, с. 16, 62].

Открытость Версаля для многочисленных «интерпретаций» и реминисценций, допущенных при строительстве официальных комплексов Мадрида, Вены, Берлина, Мюнхена, Петербурга и других европейских столиц, объясняется универсальностью «сценария власти», заложенного в его политическую семантику. Преображение государя во вселенское божество, повелевающее природными стихиями, лишь на первый взгляд носило ярко выраженный сакральный характер, отличаясь весьма высокой степенью рационализма. В соответствии с классическими постулатами политико-правовой доктрины государственного суверенитета, прочно вошедшей в арсенал политико-правовой философии сторонников сильной королевской власти в эпоху французского Возрождения, король являлся олицетворением государства, а его действия были свободны от регламентирующей силы юридических предписаний.

Новый Бог, сошедший с Олимпа в райские кущи нового Эдема, воспринимался подданными как носитель высшей справедливости, политическая сущность которой была сформулирована в 1576 г. Жаном Боденом под влиянием учения тулузской юридической школы об абсолютной королевской власти. Независимость государя от земных учреждений заключалась в присвоении суверену исключительной прерогативы заботиться о благе подданных, что влекло за собой возникновение права короля на беспощадное преследование любой несправедливости наряду с нравственной обязанностью проявлять милосердие к слабым с целью обеспечить постоянное равновесие сословных интересов в изменчивом человеческом мире. По словам Бодена, «умение управлять... в соответствии с естественным правосудием» способно превзойти «блеск самого солнца» [см.: Боден, с. 99].

Семантический текст Версаля оказался наиболее совершенной формой репрезентации указанной идеологической стратегии. Ее разработка на основе использования образных средств велась во Франции в течение нескольких столетий и постепенно приобрела общеевропейский характер. Царствование Людовика XIV было ознаменовано виртуальным союзом Аполлона и «короля-солнца», равным образом расточавших блеск своих лучей над чертогами версальского комплекса. Искусство строить дворцы и украшать парки перешагнуло границы повседневного быта и превратилось в составную часть с а к р а л и з а ц и и п о л и т и ч е с к о г о п р о с т р а н с т в а.

Визуально-мнемонический смысл соляной символики вызвал живой интерес Петра I, который активно искал эффективный вариант повышения

внешнеполитического имиджа самодержавного государства образными средствами. В начале XVIII в. Россия традиционно воспринималась на Западе как архетип варварства и деспотии. Необходимость повышения ее международного статуса после успешного завершения первого этапа Северной войны предопределила курс Петра I на открытую подражательность его многочисленных социально-политических инициатив, что неизбежно вело к закреплению данной тенденции в сфере культурного пространства. Принципы его организации были подчинены выработке новых политико-правовых стереотипов, построенных на представлении о высшей ценности неограниченной монархической власти патерналистского типа.

Задача приобщения российских подданных к европеизированным канонам политического быта включала в себя разработку системы образно-наглядных символов самодержавной власти, свидетельствующих о ее рациональном и легитимном характере. Петр I позаботился о создании знаковых аллегорий ренессансного типа на основе мифологических сюжетов, прочно вошедших в культуру Нового времени через эстетику маньеризма и барокко. Просветительский характер Летнего сада потребовал от его создателей решительного разрыва с некоторыми традиционными художественными концептами средневекового православия, отрицавшего искусство объемной скульптуры как чрезмерно мирское и языческое.

Знакомясь с искусством скульптурного декора западноевропейских садов, Петр I в 1716 г. дал распоряжение С. Рагузинскому переслать из Венеции «...роспись, каковы статуи употребляют в наилуччих садах царских, королевских и протчих господ великих». Регламентация соответствующих канонов, судя по донесению русского посланника, отличалась к началу XVIII столетия сложной знаковой системой, которая была построена на сочетании семантики мифологических образов, символов и эмблем, подчиненных решению композиционных, стилистических и мировоззренческих задач.

Рагузинский информировал царя о том, что в хорошо устроенном регулярном саду знатного вельможи королевского происхождения полагается иметь изваяния греко-римских богов, прославляющих политические добродетели в соответствии с сюжетами самых известных античных авторов. В этот же перечень он рекомендовал включить 12 статуй «в манере эгипетской», олицетворяющих «знаки небесные» на основе эллинистических представлений о богах-планетах. Использование данного топоса было характерной чертой семантики версальских садов, тесно связанной с культом Аполлона-Феба, в образе которого прославлялась божественная сущность «короля-солнца». По совету того же Рагузинского Петр I заказал наилучшим мастерам «венецким» 24 статуи, изображающие «12 главных царей римских и 12 цесаревен», что вполне соответствовало имперским притязаниям российской короны [см.: Малиновский, с. 184 — 185; Штелин, с. 189; Соколова, 2009б, с. 95—96].

Рассмотренные выше общие принципы организации микромоделей политического пространства, выстроенные на основе сакрализации мотивов античной мифологии, осуществленной в контексте рационалистических идеологем Нового времени и синтезированной в садовых топосах официальных и частных

резиденций, не исчерпываются приведенными примерами. Кросскультурность и концептуальное разнообразие мнемонических кодов, использованных творцами садов раннего Нового времени в качестве исходного материала для формирования мест и образов памяти, предоставляют широкие возможности для дальнейшей разработки исследовательской стратегии осмысления обозначенной проблемы в ее политико-правовом аспекте. В качестве одного из приоритетных направлений изучения официальной символики садовых топосов могло бы стать дальнейшее выявление их национальной специфики, наличие которой ни в малейшей степени не противоречит высказанному автором тезису о цивилизационном единстве их сущностной основы, объединяющей сакральное и профанное в целях поиска универсального политического абсолюта.

-
- Аполлодор*. Мифологическая библиотека / подгот. В. Г. Борухович. М., 1972. 215 с.
- Арриан*. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеенко. М., 1995. 270 с.
- Боден Ж.* О государстве // Козлихин И. Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. СПб., 2001. С. 94–106.
- Вергунов А. П., Горохов В. А.* Русские сады и парки. М., 1988. 418 с.
- Марк Витрувий Поллион*. Об архитектуре : [в 10 кн.] / под ред. А. В. Мишулина. Л., 1936. 342 с.
- Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990. 255 с.
- Гомеровские гимны* / пер. В. В. Вересаева // Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1988. С. 57–140.
- Делиль Ж.* Сады / отв. ред. Н. А. Жирмунская. Л., 1987. 231 с.
- Дмитриева Е. Е., Куцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа. Утраченный и обретенный рай. М., 2002. 528 с.
- Дубяго Т. Б.* Русские регулярные сады и парки. М., 1963. 341 с.
- Зюллен Г., ван.* Все сады мира. М., 2003. 176 с.
- Йонг Э. А., де.* «Paradis Batavis»: Петр Великий и нидерландская садово-парковая архитектура // Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1997. С. 286–303.
- Каптерева Т. П.* Сады Испании. М., 2007. 239 с.
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1983. 511 с.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского / отв. ред. А. А. Вигасин. М., 1993. 464 с.
- Ксенофонт*. Домострой / пер. С. И. Соболевского // Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения; Воспоминания о Сократе; Защита Сократа на суде; Пир; Домострой / пер., ст. и комментарии С. И. Соболевского. М.; Л., 1935. С. 247–320.
- Курбатов В. Я.* Всеобщая история ландшафтного искусства. Сады и парки мира. М., 2007. 735 с.
- Лафонтен Ж., де.* Любовь Психеи и Купидона / пер. А. А. Смирнова, Н. Я. Рыковой. М.; Л., 1964. 138 с.
- Лихачев Д. С.* Заметки о реставрации мемориальных садов и парков // Восстановление памятников культуры. М., 1981. С. 95–120.
- Лихачев Д. С.* Поэзия садов : К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 2-е изд. СПб., 1991. 371 с.
- Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. 619 с.
- Максимова М. И.* Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт Афинский. Анабасис / пер. М. И. Максимовой ; отв. ред. И. И. Толстой. М.; Л., 1951. С. 228–245.

- Машиновский К. М.* Скульптура Летнего сада // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 184–186.
- Орфические гимны* / пер. О. В. Смыки // Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1988. С. 177–267.
- Павсаний.* Описание Эллады / пер. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. М., 2002. Т. 1. 492 с., Т. 2. 504 с.
- Плутарх.* Перикл и Фабий Максим // Плутарх. Избр. жизнеописания : в 2 т. / сост. М. Томашевская. Т. 1. М., 1986. С. 283–250.
- Регель А.* Изящное садоводство и художественные сады : ист.-дидакт. очерк. СПб., 1896. 447 с.
- Свирида И. И.* Версаль в русской культуре: между реальностью и мифом // Россия и Франция XVIII–XX вв. / отв. ред. П. Черкасов. М., 2006. С. 5–41.
- Свирида И. И.* Сады Века философов в Польше. М., 1994. 216 с.
- Соколова Е. С.* Западноевропейский опыт в моделировании политических топосов русских садов и парков (вторая половина XVII – первая четверть XVIII в.) // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Екатеринбург, 2009а. С. 311–333.
- Соколова Е. С.* «Искусство императоров и королей»: классические традиции в политической семантике дворцово-парковых комплексов Франции XV–XVII вв. // Запад, Восток и Россия. Историк и Власть : Вопросы всеобщей истории. Вып.12 [гл. ред. В.Н. Земцов]. Екатеринбург, 2010. С. 66–85.
- Соколова Е. С.* «Природа, облагороженная искусством...»: о мнемонических кодах политической семантики европейских садово-парковых ансамблей Античности и Нового времени // Без темы : науч. обществ.-полит. журн. 2009б. № 1. С. 84–103.
- Страбон.* География : в 17 кн. / пер. и коммент. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко. М., 1964. 943 с.
- Суриков И. Е. G. A. Lehmann.* Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München, 2008. 367 S. // Вестн. древ. истории. 2011. № 1. С. 195–202.
- Тронский И. М.* История античной литературы. М. ; Л., 1946. 496 с.
- Уз С., Соль Б.* Versailles. Ваша прогулка по Версалю. Versailles, 2004. 192 с.
- Феофраст.* Исследование о растениях / пер. и примеч. М. Е. Сергеевко. М., 1951. 589 с.
- Черный В. Д.* Русские средневековые сады. М., 2010. 176 с.
- Штелин Я.* Мраморные статуи на императорском Летнем дворе в Санкт-Петербурге // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 189–195.
- Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах / пер. А. Глебовской. СПб., 2007. 176 с.
- Элий Спартиан.* Антонин Каракалл // *Scriptores Historiae Augustae.* Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. М., 1992. С. 112–118.
- Berral J. S.* The Garden. An Illustrated History. N. Y., 1979. 388 p.
- McKey A. G.* Houses, Villas and Palaces in the Roman World. L., 1975. 288 p.
- Hadfield M.* Gardening in Britain. L., 1960. 482 p.
- Hunt J. D., Willis P.* The English Landscape Garden, 1620 – 1820. L., 1975. 390 p.
- Hunt J. D.* The Figure in the Landscape: Poetry, Painting and Gardening during the Eighteenth Century. L., 1976. 209 p.
- Manière de montrer des jardins de Versailles par Louis XIV* / ed. S. Hoog. P., 1982. 58 p.
- Marie A.* Versailles au temps de Louis XIV. P., 1976. 566 p.
- Nolhac P., de.* Les jardins de Versailles. P., 1906. 186 p.
- Percival J.* The Roman Villa. An Historical Introduction. Berkeley ; Los Angeles, 1976. 189 p.
- Woodford S.* The Parthenon. Cambridge, 1986. 726 p.

Статья поступила в редакцию 20.01.2012 г.

УДК 94(410) + 94(540) + 316.4.05

И. А. Савинов

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ
В АНГЛО-ИНДИЙСКОМ СООБЩЕСТВЕ
(вторая половина XIX — начало XX в.)**

Рассматриваются проблемы адаптации англичан в Британской Индии во второй половине XIX — начале XX в. Особое внимание уделяется специфическому типу английской идентичности, сформировавшемуся в рамках английского сообщества в Индии в данный период.

Ключевые слова: колониализм; англоиндийцы; Британская Индия; социальная адаптация; социокультурные особенности.

Британская колониальная империя занимала и занимает особое место в национальном сознании англичан. По словам А. И. Миллера, ее создание необходимо рассматривать как один из факторов формирования британской нации [см.: Миллер]. Потребность в управлении приобретенными в ходе заморской экспансии территориями привела к формированию слоя колониальных служащих. По классификации Н. А. Ерофеева, колониальные владения Великобритании во второй половине XIX в. делились на три основных типа: к первому относились владения, в которых европейцы составляли большинство населения и которые именовались переселенческими. Ко второму — колонии с многочисленным местным населением и небольшим английским сообществом, состоявшей главным образом из чиновничества и английских военнослужащих. Третий тип владений составляли многочисленные острова [см. об этом: Ерофеев].

Индия, обладая в указанный период более чем двухсотмиллионным населением и богатым культурным наследием, служила своеобразным полигоном для разработки и оттачивания методов колониального управления. Именно здесь англичане в той или иной степени разработали «такие приемы, как «косвенное управление» посредством лояльных князей и разделение общин по религиозным и этническим признакам, впоследствии использовавшиеся по всей Британской империи — от Южной Африки до Малайи» [Metcalf, p. 215]. Британцы, оказавшиеся в силу различных причин в Индии, составили особую социально-этническую группу, получившую в XIX в. название англоиндийцев.

Под этим термином подразумевались все чистокровные англичане, родившиеся в Индии, приехавшие из метрополии на гражданскую или военную службу. Понятие «Англо-Индия» возникло в 40-е гг. XIX в., а к 80-м гг. социально-культурные черты англо-индийского общества уже определились; оно имело свои особенности: социальную иерархию, сложившийся уклад жизни, традиции, своеобразный язык, пестривший индийскими словами и выражениями [см.: Голосеева].

В данной статье речь пойдет об англо-индийском сообществе второй половины XIX в. В рассматриваемый период численность британского населения Индии постоянно возрастала. В 70-е гг. XIX в. она составляла не многим более 64 тысяч [Минаев, т. 1]. К началу XX в. уже примерно 147 тысяч человек, половина из них состояла в армии, а большая часть остальных англичан проживала в крупных городах [см.: Gilmour]. Английское население размещалось в Индии крайне неравномерно. По словам Ч. Дилька, в Индии найдется немало селений, которые никогда не видели англичанина [см.: Яковлев]. В начале XX в. в Бомбее на 750 тысяч жителей приходится всего 12 тысяч европейцев; в Калькутте — на почти миллион жителей — 5 тысяч европейцев [см.: Эверс].

Однако эти общины являлись довольно крупными. Большинство англо-индийских поселений были намного меньше. В маленьких городах в 70-е гг. XIX в. численность европейского населения варьировалась от нескольких десятков до двух-трех сотен человек.

Социальный состав Индийской гражданской службы (ИГС) во второй половине XIX в. расширился за счет представителей низших слоев английского общества. Состязательная экзаменационная система позволяла поступить на службу не только представителям среднего и высшего класса, но людям, происходившим из более бедных слоев, — детям фермеров, торговцев, клерков, которые составили примерно одну седьмую от общего числа попавших на службу [см.: Gilmour].

Нельзя сказать, что внутри англоиндийского населения сложилась четкая социальная дифференциация. По-видимому, это связано в первую очередь с окружающей социальной средой: немногочисленность английского населения, как в абсолютных цифрах, так и относительно к численности индийского населения, лучше всего объединила британцев в Индии. Впрочем, все же представляется возможным выделить четыре основные группы, различавшиеся по доходам и роду деятельности.

Первая группа — служащие по контракту (*covenanted Indian civil service*), лица, занимавшие наиболее значимые посты в структуре гражданской службы, имеющие соответственно самые большие доходы.

Вторая группа — чиновники, работавшие без контракта (*uncovenanted Indian civil service*) — лица, занимавшие низшие посты в структуре Индийской гражданской службы. Они набирались из лиц, родившихся в Индии, в том числе и из европейцев. Также к этой категории принадлежали технические специалисты, работавшие на железных дорогах, телеграфах, промышленных предприятиях, получившие специальное образование в Великобритании.

К третьей группе можно отнести лиц, не входивших в число гражданских служащих: плантаторы, интеллигенция и т. д.

Наконец, в четвертую группу входят британцы, несущие военную службу в стране: их положение, безусловно, довольно сильно отличалось от положения гражданского британского населения.

По нашему мнению, в основе формирования англо-индийской общины лежат взаимодействие типичной британской ментальности образца XIX в. (*britishness*) и специфических природно-климатических, социальных условий

Индии, в которых оказались колонизаторы. Доказательством этого тезиса является структура повседневной жизни британца в Индии, основные элементы которой представлены в данной работе.

Стремление отгородиться от чужого и неизвестного является характерной чертой человеческой психологии. Находясь в непривычной среде, англичане стремились сделать свой окружающий мир максимально понятным и комфортным. Представители английской Ост-Индской компании в XVII и особенно в XVIII в. решали эту проблему путем заимствования многих черт модели поведения местных жителей, что привело к формированию своеобразного слоя колонизаторов, получившего наименование «набобов». Англичане в XIX в., прибывавшие в Индию уже не как торговцы, а как властители, избрали другую модель поведения, постаравшись полностью отгородиться от местного населения и от всего индийского. Особенно эти тенденции проявились после Великого восстания 1857—1859 гг., когда отчуждение англичан от местных жителей усилилось. По мнению Д. Гилмора, такая модель поведения была частично следствием страха, частично — чувства превосходства перед местными жителями, численность которых значительно превышала численность англоиндийцев [Gilmour].

Следствием этого стала замкнутость англо-индийского общества. Англичане сознательно отделили свое личное пространство в Индии, создавая британские поселения, *cantonment* [см.: Блаватская]. «Индийская станция состоит из двух частей: поселение европейцев и туземный город и базар. Запад и восток находятся далеко друг от друга, разделенные пустырем, полями или садами» [King, p. 42]. Его описание во всех источниках довольно однотипно: поселение располагается обычно в пригороде, постоянно отмечается обилие зелени и чистота. Жилища европейцев представляют собой одноэтажные светлые бунгало. Словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее определение этого понятия: «Это загородный домик из дерева или плетеного камыша с выступающей крышей, жилище европейцев в Индии» [Малый энциклопедический словарь...]. Англичане в Индии были в полной мере отделены от метрополии. Довольно большая длительность путешествия, задержки в доставке газет и писем создавали замкнутый и отделенный мир, в котором человеку приходилось существовать десятилетиями.

Многие источники отмечают стремление англичанина принести с собой в чужой мир английскую обыденную реальность. «Английский путешественник возит с собой свой комфорт в чемодане, раскладывает его даже в Сахаре и устраивает себе повсюду “берега Темзы”» [Эверс, с. 5]. «Как воздух ему необходимы различные мелочи, составляющие английский комфорт и напоминающие любезную сердцу родину» [Минаев, т. 1, с. 15]. Зачастую источники довольно поверхностно описывают жизнь английских колонизаторов, заостряя внимание на том, что в ней нет ничего интересного и необычного, так как она в целом копирует сложившиеся европейские образцы.

Британцы ограничивали свои контакты с индийцами лишь рабочими делами, либо контактами на высшем уровне. «У них нет встреч ни на обедах, ни на вечерах, ни на пикниках, ни за чашкой чая» [Шейэ, т. 2, с. 185]. Наиболее тесно, в первую очередь в бытовом плане, с англоиндийцами были связаны их слуги [McMenamin].

Психологическое чувство превосходства и своеобразный юридический иммунитет стали основой не только отчуждения от местного населения, но также и жестокого обращения с ним, дискриминации как на гражданской, так и на военной службе. А. Е. Снесарев приводит ряд историй, иллюстрирующих жестокое отношение к индийцам в повседневной жизни. Он акцентирует внимание на несоответствии социальных ролей одного человека, характеризуя его как «очень добродушного и милого англичанина, колотившего старика-туземца за то, что он опоздал на пять минут, и оправдывавшего свои действия словами “с такими скотами иначе нельзя”» [Снесарев, с. 147], а английский чиновник Д. Тревелиян писал, что любой помощник плантатора мог ударить туземца, если он оказался на его пути [см.: Trevelyan]. Впрочем, трактовка взаимоотношений между англичанами и туземцами — вопрос неоднозначный, необходимо «осторожно отнестись к легендам и анекдотам, которые переходят из уст в уста на протяжении веков» [Шейэ, т. 2, с. 185].

Климатические и культурно-социальные особенности Индии привели к формированию в среде англоиндийцев ряда уникальных социокультурных черт. В первую очередь необходимо отметить такие особенности повседневной жизни, как язык, одежда, питание, образ жизни.

В языковом плане англичане восприняли некоторые слова и выражения из местных языков [см.: Голосеева]. Это довольно типичное явление в развитии языка небольшой группы в условиях большого иноязычного окружения.

Одежда англоиндийцев представляет собой причудливую смесь английской традиции и требований индийского климата. В Индии англичане появляются во время обеда и вечером одетые совершенно так же, как и в Европе. Днем они еще решаются носить легкие платья, покрывая голову фуражками или шляпами разнородной, но всегда причудливой формы, имеющими, впрочем, то достоинство, что они допускают свободное течение воздуха вокруг головы, предохраняя от палящих лучей индийского солнца. Вечером же европейскую моду воспринимают в полную свою силу, и человеку непривычному приходится претерпевать невыносимые мучения, изнемогая в черном сюртуке или фраке, словом, вообще в черном европейском платье, которое принято носить в этом душливом климате [см.: Грандидье, с. 7—8].

Любопытной представляется информация о меню англоиндийцев. Так, И. Минаев отмечает, что «англичане едят по-европейски, приняв отчасти некоторые мелкие подробности из местной обстановки; так, фрукты все местные: ананасы, манго, платаны, апельсины и так далее... все остальное — привозное из Европы или Австралии: говядина из Австралии; пиво — из Англии; вина из Европы и Австралии; даже сливочное масло и соль часто привозные из Европы» [Минаев, т. 1, с. 14].

Наконец, необходимо отметить большое значение слуг в жизни англоиндийцев. «Количество слуг, необходимых для обустройства своей жизни в Индии, очень сильно удивляет вновь прибывших из Европы» [Parkes].

Среди повседневных развлечений для англичанина особое место занимают охота и скачки. В викторианской Индии физическим видам спорта уделялось огромное внимание. Выходные англичане традиционно проводили на приро-

де — на охоте или рыбалке, в крайнем случае играли в командные виды спорта: поло, крикет. Методы охоты претерпели незначительные изменения, в отличие от предпочтений англоиндийцев в сфере командных видов спорта. Для ранней Викторианской эпохи было характерно увлечение стрельбой из лука. Однако к 1860-м гг. стрельбу из лука вытеснил крокет. Популярности крокета способствовал тот факт, что в него могли играть на маленьких станциях и мужчины, и женщины. Большую популярность получили теннис и бадминтон — в первую очередь в силу простоты своей организации, а также и футбол [см.: Черчилль].

Игра в поло распространилась в Индии к 1860-м гг. Поло получило популярность как среди гражданского населения, так и среди военных. Р. Баден-Пуэлл, рассуждая о поло, отмечает, что эта игра крайне полезна для британских офицеров, развивая навыки верховой езды и владения оружием и являясь одним из главных удовольствий молодого офицера в Индии [Baden-Powell, 31–32]. Игра в поло — пример традиции, появившейся среди английского населения в Индии, а не привнесенного из Европы.

Большой популярностью среди англичан в Индии пользовалась охота, которая часто обозначалась индийским словом «шикар» (*shikar*). Это было одно из любимейших развлечений англоиндийцев, охотой занимались все слои населения, особенно эффектной выглядели охотничьи поездки вице-короля. Такая охотничья поездка, в частности, описана в мемуарах Х. Гамильтон-Темпл-Блэквуд [см.: Hamilton-Temple-Blackwood]. Охотились как в одиночку, с собакой, так и большими командами.

Вечерами в европейских поселениях ставились любительские театральные постановки, проходили балы, концерты. Информация о библиотеках в английских поселениях позволяет предположить, что чтение также занимало некоторое свободное время. Среди настольных игр популярностью пользовался бильярд и карты.

Однако очень сильно чувствовался налет провинциальности, периферийности этой культуры: «Книг, театра, картин и развлечений, если не считать игр, в которые можно играть при прохладной погоде, не было» [Киплинг, 2003, с. 31]. Большие общины в меньшей степени сталкивались с этой проблемой, однако в маленьких постах, разбросанных по всей Индии, не было ни общественных садов, ни оркестров, ни других увеселений. Р. Киплинг перечисляет развлечения, доступные англоиндийцу: «...садовые праздники, теннис, пикники, завтраки, состязания в стрельбе, обеды, балы, а также частные предприятия, как то: прогулки и верховая езда» [Киплинг, 2007, с. 157].

Несмотря на довольно эффективную систему воссоздания привычного образа жизни, некоторые изменения в психологии европейца все же происходили.

1. Определенная привычка к роскоши.

2. Широкое использование слуг. В книге «Все о ведении домашнего хозяйства и кухни в Индии» Ф. Стил и Г. Гардинер для поддержания дома в Бенгалии в идеальном содержании необходимо не менее 12–14 слуг, занимающих различные должности. Средняя стоимость их услуг авторами книги оценивается в пределах от 109 до 183 рупий в месяц [см.: Gardiner, Steel].

3. Ощущение если не собственной избранности, то по меньшей мере большой власти над людьми. «Они одни в продолжение последнего двадцатилетия выработали в себе такие предрассудки в поблажку своему высокомерию и чванству. В Индии, где все раболепно преклоняются перед ними, эти два порока раздуваются в них пропорционально с зараженной климатом печенью» [Блаватская, б.г.].

Особое внимание нужно обратить на феномен небольших городков, находившихся большей частью в предгорьях Гималаев и игравших своеобразную курортную роль для европейского населения Индии. Их называли «hill-stations» [Минаев, т. 2]. Среди этих городков можно отметить Симлу, летнюю резиденцию вице-короля, Найни-Таль, Мансури, Дарджименг, а также несколько подобных поселений, находившихся вне пределов Гималаев: Нил-Гири (Южная Индия, Голубые горы), Нувара-Элива (летняя резиденция губернатора Цейлона). Эти поселения были приспособлены к европейским вкусам [см.: Эверс]. В своем очерке профессор И. Минаев дал подробное описание городка Найни-Таль. «Это небольшой городок на высоте 7 тысяч футов... Климат на такой высоте совершенно как в Южной Европе, жары нет даже в полдень, панка, зонтик, шлем здесь не нужны» [Минаев, т. 2, с. 8-9]. Туземного населения в этих городах нет, только слуги англичан, которых, однако, огромное количество. «В таких местах всего труднее увидеть настоящую туземную Индию; колония сахибов, приезжая сюда, старается забыть на время об Индии и окружить себя, насколько хватает сил, европейской обстановкой» [Минаев, т. 1, с. 9].

Англоиндийцы предпочитали проводить в этих городках ежегодный отпуск. Зачастую в предгорья на постоянное место жительства отсылалась семья чиновника, так как климат этой местности был намного более здоровым, нежели в равнинной Индии. Симла также считалась летней резиденцией вице-королей Индии. Репутация этих городков была неоднозначной: с одной стороны, они подвергались сильной критике из-за вульгарных, по мнению некоторых, развлечений местного сообщества, непрекращающейся светской жизни. С другой стороны, Симла и другие городки была единственным местом, где чиновники Индийской гражданской службы могли в полной мере насладиться отдыхом [см.: Gilmour].

Одним из способов социокультурной адаптации и сохранения единства англичан стало создание клубов. Они занимали центральное место в культурной жизни англоиндийцев. Именно в клубах англичане проводили практически все свое свободное время. Клуб объединял представителей всех прослоек англоиндийского населения и в то же время подчеркивал их отгороженность от местного населения: доступ в клуб на протяжении всего XIX в. был запрещен не только для местных жителей, но также и для евразийцев, потомков от смешанных браков между англичанами и индийцами [см.: Brendon]. «Ничто не отделяло британцев от их подданных в империи сильнее, чем вездесущий клуб» [Брендон, с. 447].

Одной из основных проблем, возникавших перед англоиндийцами, была проблема брака. Для начала XIX в. в английской среде было довольно харак-

терно заводить любовницу среди местного населения или даже жениться на индийке. Это явление было связано с неразвитостью средств сообщения, что приводило к небольшой численности английских женщин в Индии [Шейэ, т. 1, с. 189].

Однако к середине века ситуация поменялась. Это было в первую очередь связано с позицией англичанок, мем-сахибов, появившихся в этот период в Индии, а также с общими изменениями в морали и нравах мужчин в Великобритании и Индии. Впрочем, в Бирме, в силу климатических условий, ситуация с межрасовыми браками выглядела так же, как и в Индии в начале века [см.: Gilmour, p. 284–285].

Во второй половине XIX в. англичане старались не допускать смешанных браков. «Джентльмен не женится на туземке, он даже не делает ее своей постоянной любовницей. Он позволяет себе только мимолетное увлечение. Единственные люди, сближающиеся с туземными женщинами, — это солдаты» [Шейэ, т. 1, с. 190]. Обычно вновь поступившие на Индийскую гражданскую службу уезжали в Индию неженатыми. Обыденностью был отъезд молодых людей в отпуск в Великобританию, чтобы найти там себе жену. Учитывая определенные ограничения во времени, вряд ли в данном случае можно говорить о каких-либо глубоких романтических отношениях [см.: Gilmour, p. 278–279].

В самой Индии жениться было достаточно сложно. Причиной была нехватка девушек-англичанок брачного возраста. Обычно это были дочери плантаторов или промышленников, но чаще — дочери военных, иногда — дети миссионеров. В случае удачной партии с дочерью видного колониального служащего ее муж имел возможность неплохо улучшить свое положение в англо-индийском обществе. Повторные браки не были редкостью в англо-индийском сообществе. Зачастую они были связаны с необходимостью воспитания детей [Ibid., p. 284].

Англичанка в Индии обычно не работала, занимаясь домашним хозяйством. Ее функции достаточно традиционны: обязанности по дому, уход за детьми, сопровождение мужа в поездках, если это возможно, содействие его карьере [см.: Ibid.].

С точки зрения С. Моэма, колониальное общество, в частности англоиндийцы, как особая социальная структура перестало существовать с развитием гражданской авиации. «Авиация все изменила. Газеты, иллюстрированные еженедельники и журналы начали поступать без задержки. В прошлом служащие понимали, что им предстояло жить в Сараваке или, допустим, в Селангоре до выхода на пенсию. Англия была за морями, и, наведываясь на родину через долгие промежутки, они каждый раз ощущали себя в Англии все более чужими. Но с развитием средств сообщения этот край... стал для них чужим — местом скорее временного, нежели постоянного жительства, где им в силу обстоятельств приходилось находиться изрядный отрезок времени. Связующие их с родиной узы, которые в прошлом незаметно слабели, а то и безнадежно рвались, теперь оставались крепкими. Образно говоря, до Англии стало рукой подать» [Моэм, с. 437].

Наследие Британской империи существенно повлияло на концепт «Britishness». Образ и национальные стереотипы, связанные с идеей Великой

Британии, основывались на убеждении, что долг англичан, их «Бремя Белого человека» (*White Men's burden*) — нести культуру нецивилизованным «диким» народам других стран. Благодаря этому исторически сложился стереотип британцев: гордых, цивилизованных, высокомерных, холодных и сдержанных. Данный образ сохраняется, хотя и имеет мало общего с настоящей британской идентичностью [см.: Миллер]. Англичане в Индии в XIX в. во многом соответствовали именно этому образу. Проект строительства империи шел рука об руку с проектом строительства нации и во многом помогал ему. Воспитание британской идентичности опиралось на то, что шотландцы понимали, какие выгоды им несет соучастие вместе с англичанами в управлении огромной империей [см.: Там же]. Англоиндийцы как часть наследия Британской колониальной империи внесли большой вклад в формирование образа англичанина. Необходимо особо отметить, что концепт «Бремни белого человека» был окончательно сформулирован Р. Киплингом, англоиндийцем по происхождению. В некоторой степени англоиндийцы были в большей степени англичанами, нежели жители Британских островов, потому что они старались воспроизводить английский быт и следовать английской идентичности с наибольшей точностью и тщательностью.

Процесс социализации англичан в Индии носил двойственный характер. С одной стороны, это стремление сохранить свою английскую идентичность, внутреннее «я» белого человека. С другой — объективные условия заставляли европейцев учитывать условия жизни, в которые они попадали, искать новые пути адаптации. Стремление воспроизвести в Индии английскую жизнь облегчает процесс адаптации к окружающей социальной среде. Англичане старались сохранить свой быт, культуру, традиционные развлечения.

Однако все это приобретает восточный налет, своеобразное наслоение, происходят некоторые изменения в сознании англичанина под влиянием окружающих условий.

Важно отметить, что англичане, проживавшие в Индии, четко отделяли себя от своих соотечественников в Англии. Однако это отторжение проходило на своеобразном социально-профессиональном уровне: англо-индийские служащие считали, что только они выполняли настоящую, необходимую стране, работу и только они знали, что такое настоящая ответственность.

Таким образом, англоиндийцы составили своеобразную уникальную группу в рамках британской нации, выделявшуюся на фоне соотечественников и сыгравшую значительную роль в формировании моделей колониального управления в переселенческих колониях Великобритании.

Блаватская Е. П. Дурбар в Лахоре [Электронный ресурс] // Геопоэзия: географическое общество любителей словесности. URL: <http://www.geopoesia.ru/ru/travelogs/india/blavatskaya/durbar/page1.html> (дата обращения: 29.07.2011).

Блаватская Е. П. Загадочные племена на голубых горах. М., 1994.

Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи, 1781—1997. М., 2010.

Голосеева А. А. Р. Киплинг и проблемы англо-индийского общества // Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001. С. 54—68.

- Грандидье А.* Индия и Цейлон. СПб., 1871.
- Ерофеев Е. А.* Английский колониализм в середине XIX века. М., 1977.
- Киплинг Р.* Немного о себе для моих друзей — знакомых и незнакомых // Немного о себе. М., 2003. С. 9-128.
- Киплинг Р.* В силу сходства // Киплинг Р. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М., 2007. С. 155—161.
- Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма [Электронный ресурс]: Взгляд историка // Полит.ру URL: <http://www.polit.ru/article/2005/04/14/miller/> (дата обращения: 29.09.2011).
- Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/бунгало/Брокгауз%20и%20Ефрон/Бунгало/> (дата обращения: 29.07.2011).
- Минаев И. П.* Очерки Цейлона и Индии: из путевых заметок русского. СПб., 1878.
- Моэм С.* Предисловие // Моэм С. Полн. собр. рассказов. М, 2001. Т. 5. С. 437—438.
- Снесарев А. Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906.
- Черчилль У.* История малакандской действующей армии // Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии, 1897—1900. М., 2004. С. 7—114.
- Шейэ Ж.* Современная Индия. СПб., 1912.
- Эверс Г. Г.* Индия и я. М., 1924.
- Яковлев А.* Введение // Картхилль А. Потерянная империя. Почему англичане потеряли Индию? Л., 1925.
- Baden-Powell R.* Indian memories. L., 1915.
- Brendon V.* Children of the Raj. L., 2005.
- Gardiner G., Steel F. A.* The Complete Indian Housekeeper and Cook. Oxford, 2010.
- Gilmour D.* The ruling caste. Imperial lives in the Victorian raj. L., 2007.
- Hamilton-Temple-Blackwood H.* Our viceregal life in India. London, 1890.
- King A. D.* The bungalow: the production of a global culture. Routledge, 1984.
- McMenamin D.* Identifying domiciled Europeans in colonial India: poor whites, or privileged community? [Электронный ресурс]. URL: <http://home.alphalink.com.au/~agilbert/identi-1.html>. (дата обращения: 1.08.2011).
- Metcalf T.* Ideologies of the Raj. N. Y., 2008.
- Parkes F.* Wanderings of a pilgrim in search of the picturesque, during four-and-twenty years in the east with revelations of life in the Zenana. L., 1850.
- Trevelyan G. O.* The competition wallah. L., 1864.

Статья поступила в редакцию 20.01.2012 г.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 316.4.063 + 332.135 + 351.9

В. А. Кокшаров, Е. В. Тиханова

ПРИГРАНИЧНЫЕ БАРЬЕРЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена сложным и противоречивым обстоятельствам политико-географического размежевания в Центрально-Азиатском регионе. С образованием после распада СССР на постсоветском пространстве новых независимых государств объективная оценка территориальных претензий необходима для выстраивания межгосударственных отношений и развития интеграционных процессов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: геополитические интересы; приграничные отношения; делимитация; административные границы; интеграция.

В 1991 г. распад Союза ознаменовал в России начало нового этапа политико-административной и социально-экономической модернизации. Обращение республиканских элит к идеям этнонационального федерализма привело к формированию в условных границах бывших союзных республик новых национальных государств со своими специфическими целями и приоритетами на внешнеполитической арене, своими ценностными ориентациями и предпочтениями.

Изменения привели к серьезным структурным сдвигам в связях государств в постсоветском пространстве и большим потерям. В политических и деловых кругах новых государств изначально доминировало мнение о том, что долговременные национальные интересы стран объективно требуют развития и углубления всесторонних взаимных связей в качестве взаимовыгодных, дружеских и союзнических.

Одновременно, по этим же основаниям, актуализировался научный интерес к проблематике государственных границ и приграничных районов, возможностей и перспектив интеграционных процессов в постсоветском пространстве. На

многочисленных научных форумах, в научной литературе и периодике интенсивно обсуждались эти вопросы [подробнее см.: Кокшаров, Тиханова, с. 6–15].

С обретением независимости республиками Средней Азии началось формирование крупного субрегиона — Центральной Азии, приступившего к взаимодействию с Российской Федерацией на новой основе. Центрально-Азиатский регион обладает экономической и стратегической значимостью как для России, так и для многих стран Европы и Азии из-за выгодного географического положения, запасов нефти и газа. Именно этот регион все больше выходит в центры глобальных геополитических интересов ведущих мировых и региональных держав, борющихся за право контроля и обладания колоссальными природными богатствами и путями их транспортировки на мировые рынки.

Налаживание взаимовыгодного многостороннего сотрудничества России с государствами региона значительно осложняется тем, что на протяжении всего периода их независимости экономическая, политическая и культурная жизнь республик сопровождалась массой конфликтов, которые представляют «наиболее серьезную угрозу региональной и международной безопасности» [Малышева, с. 34]. Возникновение конфликтов в этой части постсоветского пространства связано с территориальными спорами, развитием этнонационализма, сепаратизма и возрождением религиозного (в первую очередь исламского) самосознания. С конфликтами в республиках Центральной Азии связана международная проблема подпольной торговли оружием и наркотиками. Поставщики оружия и наркотиков, главным образом из Афганистана, пользуясь «прозрачностью» границ СНГ, легко распространяют их в конфликтных зонах постсоветского пространства. Кроме того, дестабилизационные процессы на Ближнем и Среднем Востоке негативно сказываются на внутривнутриполитическом климате южных республик СНГ, стимулируют здесь развитие этнических и территориальных конфликтов.

Все независимые государства Центральной Азии имеют территориальные претензии друг к другу; следствием которых зачастую неизбежно являются конфликты, «кровопролитные и не имеющие разрешения». Начиная с конца 1980-х и в течение 1990-х гг. на территории региона произошли таджикский (с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия), ферганский, ошский (между киргизами и узбеками), баткенский (между киргизами и таджиками) вооруженные конфликты. Стабильно высок уровень конфликтности в Чимкентской области Казахстана.

Группу постоянно действующих противоречий, стимулирующих возникновение территориальных конфликтов, создают исторические традиции складывания государственности, специфика ситуации, при которой были заложены основы государственного устройства стран региона.

Территориальные конфликты, кроме того, усугубляются экономическими межгосударственными проблемами, возникшими в связи с ликвидацией единого союзного народно-хозяйственного комплекса, в который достаточно глубоко были интегрированы экономики республик Средней Азии и Казахстана. Разрыв хозяйственных связей, формирование новых условий межреспубликанских отношений в связи с появлением государственных границ больно ударили

по экономике центральноазиатских республик. Четкие межреспубликанские границы и жесткий таможенный контроль при их пересечении — невиданное явление в истории этого региона. Во времена бывшего СССР народно-хозяйственные связи налаживались без учета границ между республиканскими субъектами [см.: Забелло, Собянин, с. 1]. Акты «экономического недоброжелательства» независимых республик друг к другу усугубляют межгосударственные разногласия по проблеме границ.

Таким образом, вопрос о границах является одним из наиболее острых осложнений, с которыми столкнулись республики Центральной Азии в процессе решения проблемы строительства и полноценного функционирования суверенного государства. Территориальные проблемы обусловлены чисто механическим превращением границ внутреннего административного деления СССР в межгосударственные границы. Проблема границ, доставшихся новым независимым государствам в наследство от бывшего СССР, — «сердцевина безопасности в Центральной Азии» [Олимова, с. 14, 15]. Границы выполняют функцию гаранта национальной безопасности, поддерживают относительное единство постсоветских государств в условиях дезинтеграционной тенденции. Отсутствие территориальных претензий служит определенным гарантом политической стабильности, закладывая тем самым возможность для экономического возрождения региона.

После распада СССР официально все республики Центральной Азии придерживаются принципа нерушимости границ. Это было закреплено в августе 1993 г. подписанием Казахстаном, РФ, Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном декларации, в которой стороны заявили о коллективной ответственности за неприкосновенность границ с третьими государствами и о рассмотрении ими обеспечения неприкосновенности границ как сферы совместных жизненно важных интересов.

В отличие от внешних границ региона, делимитация и демаркация внутренних границ между государствами Центральной Азии не проведена: этот процесс сопровождается массой проблем, порой трудноразрешимых.

Центральноазиатские государства никогда не знали делимитированных внутренних границ. «Существовавшие внутри бывшего СССР границы практически всегда имели исключительно административный характер и легко перекраивались, исходя из интересов всего данного региона в целом, а не межэтнических отношений в нем. Административные границы между бывшими советскими республиками нередко не совпадают с фактическим землепользованием (проблема анклавов), с территориями этнического расселения народов региона.

Сегодня незавершенность процессов делимитации и демаркации границ провоцирует инциденты в приграничных районах, в частности на границе между Узбекистаном и Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном (2000—2001). Границы между республиками продолжают оставаться де-юре территориально-административными и, следовательно, не обустроиваются как государственные.

Обостряет положение в регионе и усиливает необходимость разрешения проблемы границ спорадическое появление в Кыргызстане и Узбекистане банд-

формирований религиозных экстремистов и международных террористов из Афганистана (1999, 2000), рост подпольного наркооборота, нелегальной миграции, контрабанды оружия. Проблематичной остается ситуация на туркмено-афганской границе.

Очаг напряженности и серьезных территориальных противоречий сосредоточен в Ферганской долине — «самом крупном и ныне самом густонаселенном оазисе Центральной Азии», разделенном в советское время (1924) между тремя республиками — Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном. Напряженность в Ферганской долине усиливается наличием в ее городах многочисленных и сильных исламистских организаций, имеющих собственные военизированные структуры. Ферганский ислам не признает границ, разрывающих духовное единство жителей долины, провоцируя выступления и действия, направленные на создание единого и самостоятельного политического образования — Исламского халифата без учета реальных границ трех суверенных государств — Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Консолидационные экономические и культурные тенденции в Ферганской долине беспокоят руководство Узбекистана, Киргизии и Таджикистана возможностью восстановления политических связей.

Однако практически все правящие режимы центральноазиатских стран не готовы к компромиссам и взаимным уступкам, которые могут быть использованы оппозицией, а также националистическими и религиозными движениями с последующими обвинениями в игнорировании национальных интересов.

Наиболее сложные и затяжные территориальные приграничные разногласия существуют между Узбекистаном и Кыргызстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, Казахстаном и Узбекистаном и вызваны прежде всего проблемой анклавов.

Спорные участки между Узбекистаном и Кыргызстаном располагаются на территории Ошской области Кыргызстана, где вдоль границы компактно проживает узбекское население. На сегодняшний день между Узбекистаном и Кыргызстаном, по данным одних экспертов, существует 58 спорных участков, по данным других — 140. «В реальности же существует живое переплетение» узбекских и киргизских «кишлаков, полей и рек. Их практически невозможно отделить друг от друга» [Мамбеталиев, с. 36]. На территории Кыргызстана располагается два узбекских анклава — Сох и Шахимардан (население 40—50 тыс. чел.). А в Узбекистане имеется киргизский анклав — с. Барак, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области Кыргызстана (население 589 человек). На территории узбекского анклава Сох находятся подразделения вооруженных сил Республики Узбекистан.

Проблемными являются территориальные участки, которые Кыргызстан в советское время отдал во временное пользование узбекской стороне и которые в настоящее время обжиты узбекским населением. Узбекистан не признает арендные договоры советской эпохи, считает эти земли своими.

На границе между Кыргызстаном и Таджикистаном насчитывается около 70 спорных участков в районе Баткенской, Ошской областей Кыргызстана и Ходжентской области Таджикистана (Исфаринский, Зафарабадский, Уратюбинский,

Худжандский, Джиргатальский районы). Крайне острым является исфаринско-баткенский конфликт — проблема окруженных территорией Баткенского района Баткенской области Кыргызстана таджикских анклавов Исфаринского района Ходжентской области, вызывающий межэтнические столкновения (1969, 1974, 1989) из-за дефицита земель, нехватки поливной воды, быстрого роста населения.

В отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном острые приграничные проблемы вызвали действия Узбекистана по односторонней демаркации границы, включая минирование. Территориальные разногласия сопровождаются на таджико-узбекской границе таможенной войной с этнической окраской.

Территориальные противоречия между Казахстаном и Узбекистаном возникли из-за вопроса о принадлежности аулов Багыс и Коктерек, находящихся в Сарыагашском районе Южно-Казахстанской области Казахстана. В 1950-е гг. 22 тысячи гектар земли Сарыагашского района было передано под подсобное хозяйство Туркестанского военного округа, штаб-квартира которого находилась в Ташкенте. С 1991 г. узбекская сторона стала рассматривать эту территорию как свою. В ауле Коктерек некоторые из расположенных домостроений расположены таким образом, что одна их часть находится на территории Казахстана, другая — уже в Узбекистане.

Территориальные разногласия практически отсутствуют в отношениях между Узбекистаном и Туркменистаном, Казахстаном и Киргизией, Казахстаном и Туркменистаном.

На фоне усиливающегося дефицита водных и земельных ресурсов, сложной демографической ситуации, экологических проблем, ухудшения социально-экономического положения основной массы населения, криминализации общества, идеологического вакуума, коррупции затягивание решения территориально-пограничных проблем может привести «к возникновению межэтнических конфликтов с тенденцией перерастания их в межгосударственные».

С распадом СССР Россия на юго-восточном направлении получила новую границу с Республикой Казахстан, имеющую стратегическую важность в торгово-экономической, политической сферах во взаимоотношениях с республиками Центральной Азии. Новая государственная граница с Казахской Республикой (7598,6 км) — самый большой по протяженности и самый проблемный отрезок новых российских рубежей.

После обретения Казахстаном независимости и появления новой российско-казахстанской государственной границы Российская Федерация столкнулась с массой трудноразрешимых приграничных проблем, вызванных распадом «единого производственного пространства», а также расширением на новой границе «масштабов контрабандной деятельности, организованной международной преступности, связанной с наркобизнесом, возникновением этнических противоречий и активизацией миграционных процессов. Через российско-казахстанский участок границы с Центральной Азией в Россию попадает большая часть наркотиков, незаконных мигрантов и контрабанды. За год пограничники останавливают здесь десятки тысяч граждан Афганистана, Пакистана, Шри-Ланки и других государств, нелегально переправляющихся в Россию.

«Прозрачная» граница между Россией и Казахстаном представляет собой голую степь, где на всем протяжении нет ничего из привычной атрибутики границы, даже пограничных столбов. Разделительную черту редким пунктиром обозначают около 70 пунктов пропуска на основных автомобильных и железнодорожных магистралях. Между ними — от 100 до 300 км открытого пространства, позволяющего миновать все пограничные и таможенные формальности. По словам бывшего директора ФПС РФ генерала А. Николаева, «на минимальное обустройство» российско-казахстанской границы потребуется «около миллиарда долларов, и работы там на 10 лет. Огромных средств требует содержание границы» [цит. по: Мамбеталиев, с. 16].

После разрушения системы коллективной безопасности границ в Средней Азии, когда (после 1997) были ликвидированы оперативная группа в Туркменинии и координационный штаб по охране границы по Амударье в Узбекистане, более чем в 2 раза была сокращена группировка пограничников в Таджикистане, выведены российские пограничники из Киргизии, у России возникла необходимость обеспечивать свою национальную безопасность на казахстанском участке границы. Геополитическое положение Республики Казахстан делает ее своеобразным буфером между Россией, Центральной Азией, Дальним Востоком и Китаем.

Новая юго-восточная российская граница в отношении стран Центрально-Азиатского региона, имеющих серьезные территориальные противоречия, оказывающих значительное дестабилизирующее влияние на сопредельные государства, приобретает еще более весомую значимость в обеспечении национальной безопасности. Задача новой границы — стать «мощной фильтрующей системой», не разделяющей «приграничные регионы и народы», а очищающей «международное сотрудничество от «вредных примесей», от всего ненужного, что несет угрозу как безопасности сопредельных государств, так и налаживанию подлинного добрососедства» [Калинин, Болтенкова, Матвеев, с. 5]. Важно сохранить южную границу в качестве рубежа с азиатскими цивилизациями, не допуская бесконтрольного проникновения на территорию РФ представителей иных культурологических формаций с риском превращения страны в место культурного разлома. Возможная экспансия с Юга (даже если она будет осуществляться в ненасильственных формах) в Россию требует поддержания партнерских отношений с Севером и Западом, поскольку в одиночку Россия вряд ли сможет справиться с подобной угрозой.

Угроза национальным интересам и безопасности РФ проявляется в незавершенности международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с Республикой Казахстан. По границе России и Казахстана расположен ряд потенциально конфликтных очагов, что тормозит процесс демаркации и делимитации и налаживания благоприятных условий для межгосударственного сотрудничества.

В начале 1990-х гг. казахской стороной были заявлены претензии на некоторые участки территории Оренбургской области, вошедшие в ее состав после 1934 г. Российской стороной было заявлено, что территория «русского коридора» в регионе Южного Урала неприкосновенна.

Многочисленные трения по поводу границы осложнили процесс установления прямых контактов Оренбургской области с Казахстаном после распада СССР. Так, например, город Соль-Илецк — это территория России, а железнодорожная станция в этом городе Илецк-1 находится в подчинении Западной железной дороги РГП «Казахстан Темир Жолы». Очистные сооружения НОСТА и г. Новотроицка с его заводом хромовых соединений находятся на территории Казахстана, а Актюбинский завод хромовых соединений, в свою очередь, сбрасывает стоки в пограничную реку Илек. Существует проект обмена на станции Илецк-1 с прилегающим участком железной дороги и территории, на которой находятся очистные сооружения оренбургских заводов, на некоторые участки Оренбургской области, например на 1950 га скотопрогонной трассы в Домбаровском районе, которой пользуются казахи. Однако федеральное решение по этому поводу не принято.

На омском участке российско-казахстанской границы территориальные претензии выдвинуты с обеих сторон. Так, Нововаршавка, Русская Поляна и Черлак были одно время частью Казахстана, и активисты казахских национальных движений пытались убедить казахское население районов, центрами которых являются эти поселки и города, выступить в поддержку восстановления казахского суверенитета над их территорией. В свою очередь, представители русских национальных движений в Омской области и в Северном Казахстане требуют «автономизации» северо-востока Казахстана от Петропавловска до Усть-Каменогорска. В 1994 г. руководители приграничных российских и казахстанских территорий этого региона подписали Договор о дружбе и сотрудничестве.

Процесс делимитации проходящего по суше и по морю 550-километрового астраханского участка российско-казахстанской границы, начатый только в 1999 г., помимо отсутствия договоренности по поводу раздела северной части Каспийского моря, осложняется претензиями на часть земель Володарского и Красноярского районов Астраханской области, выдвинутыми казахстанской стороной в начале 1990-х гг. Они не были официально сняты, просто решение территориального вопроса отложено до лучших времен.

Сегодня, когда Россия стремится к налаживанию эффективной экономической интеграции с государствами Центральной Азии, успешное разрешение острых конфликтных ситуаций, связанных с проблемой границ, приобретает особую актуальность. Интенсивность и успешность интеграционного взаимодействия России с Центрально-Азиатским регионом зависит от эффективного преодоления территориальных и этнических конфликтов.

России необходимо выстраивать новый сложный комплекс приграничных взаимоотношений, причем в условиях несбалансированности хозяйственно-экономических вопросов приграничные территории первыми выступают за интеграцию, поддерживают идеи единого экономического пространства. Именно приграничным регионам принадлежит инициатива сближения на межрегиональном уровне с государствами СНГ. Истоки экономической интеграции России с государствами Центральной Азии находятся не только в единой истории прошлых веков; весь народно-хозяйственный комплекс советского государства был построен на основе принципа взаимообеспечения.

На сегодняшний день интеграция для России и государств Центральной Азии продиктована наличием для этого реальных политических и экономических условий, только теперь межстрановые хозяйственные связи должны осуществляться на основе рыночных методов хозяйствования и мировой практики интегрирования экономики. Для успешного казахстанско-российского сотрудничества необходимо создать благоприятные условия, которые «могут возникнуть при решении проблем обустройства межгосударственной границы, включающих... шаги, направленные на делимитацию и демаркацию российско-казахстанской пограничной линии» [Мукомель, Косач, Кузьмин, с. 116]. Интеграционные тенденции способствуют формированию особого юго-восточного региона России, включающего в себя субъекты федерации, примыкающие к российско-казахстанской границе: Астраханскую, Волгоградскую, Саратовскую, Самарскую, Оренбургскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую, Омскую, Новосибирскую области, Алтайский край и Республику Алтай.

Европейский тип пограничной региональной интеграции пока неприменим к России и другим странам — членам СНГ. Старая советская интеграция была создана при формальных границах и нерыночной экономике, новая интеграция должна преодолеть реальные, хотя и непривычные, границы путем интенсивного рыночного обмена [Тимошенко, с. 48]. Границы, не препятствующие общению, оказываются более выгодными в экономическом отношении. Укрепление экономических, социальных, культурных, административных и иных приграничных российско-казахстанских связей является одним из важнейших факторов поддержания общественно-политической стабильности, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в ее пограничном пространстве.

Забелло Я., Собянин А. Регионы России в Казахстане и Средней Азии: правила эффективного сотрудничества // Транскаспийский проект. 2001. 26 июля.

Калинин А. Е., Болтенкова Л. Ф., Матвеев В. А. Приграничное сотрудничество Оренбургской области РФ и сопредельных областей Республики Казахстан: опыт, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. 2000. 28 дек. С. 5. URL: http://ieie.nsc.ru:8101/tacis/report_kalinin1.htm (дата обращения: 21.02.2012).

Кокшаров В. А., Тиханова Е. В. Юго-Восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург, 2012.

Мальшева Д. Конфликты на юге СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке // МэиМО. 1995. № 10. С. 34.

Мамбеталиев К. Проблемы узбекско-киргизской границы в освещении СМИ Киргизии // Многомерные границы Центральной Азии. М., 2000. С. 36

Мукомель В., Косач Г., Кузьмин А. Российско-казахстанские связи: опыт трех российских областей // Вестн. Евразии. 2001. № 2 (13).

Олимова С. Национальные государства и этнические территории // Многомерные границы Центральной Азии. М., 2000.

Тимошенко В. П. Ворота на Восток: российско-казахстанские связи в контексте современных интеграционных процессов // Юго-Восточная граница России: проблемы приграничных связей и безопасности. Челябинск, 2001.

Статья поступила в редакцию 6.04.2012 г.

УДК 327.2 + 323(47 + 57) + 323(574) + 665.6/.7

В. П. Карпов

НЕФТЕГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Рассматривается роль нефтегазового фактора в развитии сотрудничества России и Республики Казахстан после распада СССР. Показано влияние торгово-экономического сотрудничества на развитие политической ситуации в регионе, взаимообусловленность этих процессов. Исследуются геополитические барьеры, мешающие укреплению взаимодействия России со странами СНГ в постсоветском пространстве Центральной Азии на современном этапе.

Ключевые слова: геополитика; сотрудничество; Центральная Азия; Россия; Казахстан.

Важную роль в развитии отношений РФ и центральноазиатских республик играет нефтегазовый фактор, что во многом обусловлено инфраструктурой единого в прошлом нефтегазового комплекса (НГК). В СССР была создана крупнейшая в мире единая система нефте- и газоснабжения страны, в которую вошли нефтяные, газовые месторождения, нефте- и газоперерабатывающие заводы (НПЗ и ГПЗ), магистральные трубопроводы, включая легендарные магистрали «Бухара — Урал» и «Средняя Азия — Центр». Видное место в едином комплексе занимали Казахстан, Туркменистан и Узбекистан — сегодня уже самостоятельные игроки на мировом нефтегазовом рынке. Все нефте- и газопроводы советской Азии были направлены на север. Углеводороды (УВ), транспортируемые по ним, предназначались либо для экспорта транзитом через территорию России, либо для потребления в ней самой, замещая российские нефть и газ, экспортируемые в Европу.

В постсоветском пространстве быстрее всех наращивают темпы добычи и экспорт УВ Россия и Республика Казахстан (РК), занимающая по объему добычи нефти 2-е место в СНГ после РФ. За 20 лет самостоятельного развития производство нефти в республике выросло с 25 до 80 млн т в год и пик добычи еще не пройден: к 2020 г. из недр будет извлекаться не менее 130 млн т нефти в год [Терещенко, с. 86, 87]. Эксперты считают, что с началом эксплуатации супергигантского нефтегазового месторождения Кашаган РК войдет в топ-пятерку мировых нефтедобытчиков. Достичь столь высоких показателей планируется с помощью иностранных компаний, в том числе российских («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Транснефть»).

Процесс определения стратегического подхода новой России к азиатским странам СНГ проходил сложно, потому что, во-первых, большую часть 1990-х гг. внешняя политика РФ ориентировалась на Запад, а во-вторых, представления о возможностях добычи УВ после слома плановой экономики и обвального падения нефтедобычи были весьма туманными. Главные надежды Россия, по-

терявшая за годы либеральных реформ почти половину своего промышленного потенциала, возлагала на экономическую помощь США и Европы, однако развитие мировой геополитической ситуации показало, что Россия не может ходить на одной, «западной», ноге [см.: Примаков, с. 5], не менее важно восточное направление.

К сожалению, концепция внешней политики России 1992 г., разработанная МИДом и объявлявшая в числе приоритетов налаживание устойчивых взаимоотношений со странами СНГ, оказалась не более чем декларацией. Нефтегазовое сотрудничество между бывшими советскими республиками тоже заметно ослабло. Если в 1990 г. взаимопоставки нефти между РФ и РК превысили 33 млн т, то к 2009 г. они уменьшились в 3,3 раза [см.: Парамонов, Строков, Столповский, с. 102]. Ситуация по газу на протяжении 1990-х гг. развивалась по тому же сценарию. Сложившаяся за десятилетия система транзита газа (из Туркменистана и Узбекистана через Казахстан в Россию) была почти полностью разрушена. В 1990-е гг. поставки из Узбекистана практически прекратились, а туркменский газовый экспорт сократился в несколько раз и осуществлялся не на системной основе, а с использованием бартерных схем расчетов.

Между тем именно нефте- и газопроводы, доставшиеся в наследство от СССР, стали основным каркасом экономических связей в постсоветский период. В 1992–1993 гг. большинство из двусторонних соглашений РФ в Центральной Азии было заключено с Казахстаном и Туркменистаном в силу значительной зависимости этих государств от экспорта энергоносителей, а также взаимодополняемости НПЗ России и Казахстана, сложившейся в советское время. 24 декабря 1992 г. было подписано Соглашение между РФ и РК о сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Государства договорились содействовать беспрепятственному транспорту продукции ТЭК через территории обоих государств. 2 марта 1993 г. по инициативе Казахстана было подписано соглашение «Об учреждении Межправительственного совета по нефти и газу», в котором бывшие советские республики договорились согласованно решать правовые, экономические и организационные вопросы в области нефти и газа.

Важную роль в развитии межгосударственного сотрудничества сыграло урегулирование вопросов собственности в отношении трубопроводов, расположенных вблизи российско-казахстанской границы и пересекающих ее, а также месторождений, находящихся одновременно на территории обоих государств. В январе 1995 г. было подписано Соглашение РФ и РК о взаимодействии при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов. Каждая сторона признала наличие собственности другой стороны на своей территории в виде трубопроводов и соответствующей инфраструктуры.

В первой половине 1990-х гг. цена на поставляемые в страны СНГ российские нефть, газ и нефтепродукты была намного ниже мировой. Несмотря на это совокупный долг азиатских республик Российскому государству уже к концу 1993 г. достиг 2,4 млрд долл., большая часть которого (1,4 млрд долл.) приходилась на Казахстан [Жуков, Резникова, с. 199, 200]. Западные эксперты рассматривали поставки УВ из России по низким ценам как рычаг политического

давления РФ на страны Центрально-Азиатского региона. Опасения на счет реанимации гегемонии Москвы в азиатских республиках крепили и в странах СНГ.

В свою очередь, Россия, заинтересованная в «живых» деньгах и твердой валюте, тоже была не удовлетворена характером торгово-экономических отношений с азиатскими партнерами. Наблюдая за нарастающим кризисом в России и отсутствием последовательной политики последней в стратегически важном регионе, все больше внимания ему стали уделять США, Китай, Турция и другие страны. В 1993–1994 гг. крупные контракты с правительством Казахстана заключили американские нефтяные компании. В августе 1995 г. представители международного консорциума в составе американской компании «Эксон», японской «Мицубиси» и Китайской национальной нефтяной корпорации (КННК) подписали в Пекине соглашение об изучении проекта строительства газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай – Япония. В связи с диверсификацией внешних связей центральноазиатских государств наметилась перспектива ликвидации их зависимости от трубопроводной инфраструктуры России, что ослабляло влияние РФ в регионе.

В целом, 1990-е гг. показали, что Россия оказалась плохо подготовленной к масштабным политическим изменениям в постсоветском пространстве и не смогла в полной мере использовать свои возможности влияния. В свою очередь, наши партнеры, и прежде всего Казахстан, не были удовлетворены зависимостью от российских транспортных систем нефти и газа, приступили к реализации самостоятельных проектов для обеспечения доступа своих УВ на европейские и азиатские рынки. Стремление вполне объяснимое, так как мы являемся конкурентами на мировом рынке. В конце 1990-х РФ экспортировала более половины, а РК – 4/5 добываемой нефти [Галаджий, с. 42]. При этом оба государства поставляли ее на одни и те же рынки, по одним и тем же нефтепроводам.

По мере роста добычи и экспорта УВ из стран Центральной Азии, в 2000-е гг. усилился поиск путей сближения Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и России, так как темпы развития транспортных систем в Азиатском регионе были ниже темпов добычи нефти и газа. Общие трудности переходного периода подталкивали к сотрудничеству. В конце 2003 г. в Ташкенте прошло совещание представителей РФ, РК и Узбекистана по вопросу реконструкции газотранспортных систем «Бухара – Урал» (газопровод введен в эксплуатацию в 1965 г.) и «Средняя Азия – Центр» (1966). В постсоветский период из-за физического износа пропускная способность первого снизилась с 19 млрд куб. м в год до 7 млрд куб. м, второго – с 68 млрд кубометров (мощность всех 5 ниток) до 50 млрд кубометров в год [см.: Парамонов, Строков, Столповский, с. 102, 106]. Изучалась также возможность строительства большего числа трубопроводов в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), созданной в 2001 г. Для всех ее участников (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан) приоритетным является сотрудничество в сфере ТЭК.

Благодаря объединению политических ресурсов России и Китая, активности Казахстана ШОС способна потеснить интересы США в Центральной Азии.

Однако нельзя забывать о конкуренции внутри самой Шанхайской организации. Активность центральноазиатских республик и КНР может обернуться для России потерей части экспорта. Так, в конце 2005 г. был открыт 1000-километровый трубопровод «Атасу (РК) — Алашанькоу (КНР)», ставший первым центральноазиатским экспортным маршрутом, который не проходит по территории РФ. В ноябре 2011 г. между КНР и Туркменистаном был подписан договор, по которому туркмены увеличат поставки газа в Поднебесную на 25 млрд куб. м, т. е. в ближайшем будущем туда будет направляться в общей сложности 65 млрд кубометров газа в год. Таким образом, Ашхабад 1) снижает свою зависимость от российского рынка; 2) составляет серьезную конкуренцию «Газпрому» на китайском направлении; 3) прокладывает дорогу газу из Казахстана и Узбекистана, также готовым подпитывать туркменскую трубу в КНР соответственно 12–15 млрд и 10 млрд кубометров [см.: Мишин, 2012, с. 93].

Казахстан, Туркменистан и Узбекистан ищут возможности маневра. К этому подталкивала и сама Россия, предлагавшая в 2000-е гг. условия экспорта УВ, не всегда отвечавшие интересам этих стран. Так, «Газпром» экспортировал газ в Европу по мировым ценам, а Туркменистан и Узбекистан вынуждены были продавать его «Газпрому» по цене существенно ниже мировой. Для казахстанских экспортеров нефти транзитные тарифы были вдвое выше, чем для российских нефтяных компаний (НК).

По мере стабилизации социально-экономической и политической ситуации в России в 2000-е гг. Москва добивалась более тесного сотрудничества с Казахстаном в области ТЭК, о чем свидетельствовали межправительственные соглашения РФ и РК о сотрудничестве в газовой отрасли (ноябрь 2001), о транзите нефти (июнь 2002), контракты между казахстанскими и российскими компаниями. И все же иностранные компании оказались расторопнее российских и быстрее включились в освоение казахстанских нефтегазовых ресурсов. Об этом можно судить по реализации 3 основных нефтегазовых проектов. Первый — Карачаганак. Гигантское нефтегазоконденсатное месторождение РК (запасы нефти — 1,2 млрд т, газа — 1,35 трлн куб. м) на условиях соглашения о разделе продукции разрабатывает международный консорциум (Karachaganak Petroleum Operating). В нем компании «Эни» (Италия) и «Бритиш газ» (BG Group, Великобритания) имеют по 32,5 % акций, «Шеврон Техас» (США) — 20 % и российский «ЛУКОЙЛ» до недавнего времени имел 15 %. Однако 14 дек. 2011 г. консорциум и Министерство нефти и газа РК заключили новое соглашение, по которому у российской компании остается 13,5%-я доля участия [см.: Терещенко, с. 88].

Второй проект — разработка месторождения Кашаган. За 2001–2010 гг. в него вложено 17 млрд долл. (для сравнения: в Карачаганак — 6 млрд долл.) итальянцами, англичанами, американцами и национальной НК Казахстана «КазМунайГаз». Российские компании не участвуют.

Третий проект — строительство и эксплуатация магистрали Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), проложенной по маршруту «Тенгиз — Новороссийск». В его реализации участвуют Россия, Казахстан, а также ряд крупных компаний из других стран.

Трудно прогнозировать масштабы присутствия России на казахстанском нефтегазовом рынке, поскольку он становится все более привлекательным для многих стран и компаний. При этом следует учитывать, что, во-первых, российским компаниям приходится конкурировать в РК с крупнейшими иностранными фирмами; во-вторых, в самой России сталкиваются интересы государства и влиятельных финансово-промышленных групп (ФПГ) в вопросе о сотрудничестве с РК. Для государства страны Центрально-Азиатского региона — важный политический партнер, а для ФПГ — потенциальный конкурент. Хотя для усиления энергетического сотрудничества РФ и РК есть не только политические, но и экономические стимулы. Добывать энергоресурсы в Центральной Азии дешевле, чем в РФ, поэтому Москва использует их для внутреннего потребления, а за рубеж поставляет нефть и газ Западной Сибири.

По сравнению с иностранными компаниями российские предприятия пока сохраняют определенные преимущества по двум важным позициям. Первая — обеспечение транзита казахстанской нефти на внешние рынки. Вторая — контроль над основными объемами первичной переработки казахстанского природного газа и соответственно над экспортом произведенного товарного газа в российском направлении. Однако остается все меньше гарантий того, что российской стороне удастся сохранить данные преимущества. Так, в 2000-е гг. построены нефтепровод «Баку — Тбилиси — Джейхан (Иран) — БТД» (в 2005, мощность 60 млн. т нефти в год) и газопровод «Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай» (в 2009, проектная мощность 40 млрд кубометров). Выход на БТД возможен через нефтепровод «Актау (РК) — Баку», и в июне 2006 г. было заключено Соглашение между Азербайджаном и РК о содействии транспорту нефти из РК через Каспийское море и территорию Азербайджана на международные рынки. Соответствующее давление на РК оказывают США, поддерживая идею казахстанских лидеров об особой роли республики в Прикаспийском регионе. Обсуждаются и другие проекты трубопроводов в обход России. Например, газопровод Набукко (Nabucco), пуск которого предполагается в 2017 г., или проект магистрали «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия» (ТАПИ) [см.: Мишин, 2009, с. 91; Коржубаев, с. 12].

Если бы перспективы Nabucco, ТАПИ и других проектируемых магистралей были обусловлены только сырьевыми, инвестиционными, транзитными и потребительскими факторами, это была бы чистая, а потому более-менее прогнозируемая экономика. Однако на Юге необходимо учитывать и военно-политические аспекты — иранский, карабахский, грузинский, афганский, индо-пакистанский. Только иранский «вулкан», если он будет «разбужен» (о превентивных воздушных атаках на ядерные объекты Исламской Республики периодически говорят в Тель-Авиве), способен резко изменить глобальную энергетическую ситуацию. В случае карабахской войны (Азербайджан — Армения) очень высока вероятность армянских атак на нефтепровод БТД [Мишин, 2010, с. 83]. С разной степенью вероятности прогнозируется рост протестных настроений даже в относительно благополучной Турции [Шишкина, с. 123]. Возможно, со временем геополитические барьеры будут устранены, но в среднесрочной перспективе, когда государствам Центрально-Азиатского региона придется прини-

мать решения в пользу того или иного варианта трубопровода, политические проблемы сохраняются.

Наиболее спорным является проект Транскаспийского газопровода (ТКГ), предполагающий прокладку 200-километровой трубы из Туркменистана по дну моря до побережья Азербайджана. Предполагаемый маршрут экспорта газа: «Туркменбаши — Баку — Тбилиси — Эрзурум (Турция)». Это ущемляет интересы России как главного поставщика товарного газа в Европу, и Китая, надежно «севшего» на туркменскую трубу. Вашингтон активно «продавливает» реализацию не только ТКГ, но и другой транскаспийской магистрали: нефтепровода «Актау (РК) — Баку». По этим трубам нефть Казахстана и газ Туркменистана могут начать свой путь в Европу в обход России. На разработку технико-экономического обоснования названных проектов Азербайджан получил от США грант в размере 1,7 млн долларов [Мишин, 2007, с. 100].

Против ТКГ активно выступают РФ и Иран, настаивающие на том, что газопровод не может быть построен без решения о правовом статусе Каспийского моря и проект может быть реализован только с согласия всех пяти прикаспийских государств — Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана. Против ТКГ и участники другого транснационального проекта — ТАПИ, заинтересованные в том, чтобы туркменский газ остался в Азии. Астана пока сохраняет нейтралитет. А Ашхабад согласен продавать свой газ на «туркменской границе», считая, что вопрос о его доставке через Каспий европейским потребителям — дело ЕС [Егоров, с. 93; Конопляник, с. 50, 55]. Конкуренция между транспортными маршрутами из Центральной Азии в Россию, Азербайджан, Китай и Иран будет расти в связи с планами значительного увеличения нефтедобычи в Казахстане.

Таким образом, неумолимо развивающаяся глобализация, сближая страны, в то же время на участке энерго- и ресурсоснабжения все больше разъединяет их, превращая в игроков разных команд на мировом рынке. По мнению многих западных экспертов, Россия — временный транспортный посредник между Азией и Европой и со временем у Казахстана, Узбекистана и Туркменистана появятся более выгодные собственные экспортные маршруты. Для России это может обернуться серьезными геополитическими потерями. Дальнейшая переориентация центрально-азиатских потоков нефти и газа на Китай и Азербайджан нанесет удар не только по экспортным возможностям, но и политическому влиянию РФ в регионе.

Сегодня Россия — крупнейший в мире производитель и экспортер нефти и газа как по физическим объемам и энергетической ценности, так и по денежным доходам от их реализации на международных рынках. А лидерам мировой экономики (Китай, США, Европа) нужно топливо во все возрастающих масштабах. У топливных конкурентов России пока не те масштабы, чтобы удовлетворить запросы и Евросоюза, и США, и Китая вместе взятых. Поэтому поставки энергоресурсов остаются одним из рычагов внешнеполитического влияния, и Россия должна использовать эти козыри для повышения своего статуса на международной арене. Наша страна остается единственным евразийским государством, географическое положение и экономика которого позволяют

выстраивать трансасиатские схемы транзита углеводородов. Однако со временем взаимодействие государств в Центральной Азии и их сотрудничество в нефтегазовой сфере будут определяться не столько структурой постсоветской экономики, сколько геополитическими факторами глобального порядка. Их необходимо учитывать России, чтобы сохранить свои позиции в регионе.

-
- Галаджий И.* Поле нефтяной битвы // НР. 2001. № 8.
Жуков С. В., Резникова О. Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.
Егоров В. Опоздавший караван // НР. 2012. № 2.
Конопляник А. На развилке трех дорог // НР. 2011. № 2.
Коржубаев А. Взгляд за горизонт // НР. 2009. № 12.
Мишин В. Под знаком оливковой ветви // НР. 2007. № 12.
Мишин В. Каспийское транспортное дерби // НР. 2009. № 10.
Мишин В. Каспийские дела и думы // НР. 2010. № 1.
Мишин В. На переломе // НР. 2012. № 1.
Парамонов В., Строков А., Столповский О. Всадник по имени нефть // НР. 2009. № 12.
Примаков Е. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.
Терещенко В. После «нефтяного бунта» // НР. 2012. № 2.
Шишкина С. Ю. Волнения на арабском Востоке как потенциальный фактор энергетической политики России // Нефть и газ Западной Сибири : материалы международной науч. конф. Т. 4. Тюмень, 2011.

Статья поступила в редакцию 19.05.2012 г.

СТАЛИНИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930(470.5) + 930.25 + 94(470)“19”

Е. В. Лазарева

СТАЛИНИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА УРАЛА В 1930-е гг.

Анализируется влияние сталинского режима на развитие исторических исследований на Урале в 1930-е гг., когда в стране начало осуществляться государственное руководство наукой. Этот период ознаменовался прекращением научных дискуссий, реорганизацией научных учреждений, проведением «кадровых чисток», сокращением проблемного поля исследований, установлением единой методологии, партийной цензуры и организационной структуры. Впервые в научной литературе выделены этапы преследования историков на протяжении данного периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая наука; научные учреждения; кадры историков; сталинизм, репрессии.

Период 1930-х гг. занимает особое место в отечественной истории. Идеино-политические и экономические трансформации, проводимые властью в это время, самым непосредственным образом отразились на состоянии исторической науки. Именно к началу 1930-х гг. руководством страны история стала рассматриваться как инструмент, выполняющий определенные идеологические функции. С этой целью государство осуществило комплексные преобразования в области организации исторических исследований, насаждения «партийной» методологии, введения цензуры, нейтрализации инакомыслящих ученых.

На рубеже 1920–1930-х гг. основным вектором развития исторической науки в СССР стал переход от плюрализма мнений, характерного для предшествующего периода, к методологическому монополизму, основанному на господстве марксистско-ленинской идеологии. Государственная власть в это время взяла курс на целенаправленное вытеснение инакомыслия из общественных наук.

П. В. Волобуев, оставаясь в рамках идеализированных представлений о ленинизме как теории вне практического воплощения, утверждал, что «с конца

1920-х гг. Сталин поднял на уровень государственной политики чуждую ленинизму и коммунистической нравственности практику обмана масс и манипулирование общественным сознанием». С точки зрения исследователей конца 1980-х гг., за историков думал сам Сталин. Венцом его творчества в области методологии истории стал «Краткий курс истории ВКП(б)», названный учеными периода перестройки в исторической науке «энциклопедией культа личности Сталина». В нем содержался философский раздел «О диалектическом и историческом материализме», который стал после его публикации единственным и наиболее авторитетным изложением марксистской философии [см.: Маслов, с. 341]. При этом философ Г. Волков подчеркивает, что «как популярное изложение марксизма, как пособие по “ликбезу” в области философии эта работа была не хуже, а может быть, и лучше многих других. И наряду с другими она могла бы оказаться очень полезной. Но в том-то и дело, что “наряду” уже не существовало. Она была единственной, уникальной. Она тотчас была объявлена вершиной марксистско-ленинской мысли. А автор ее — гением из гениев всех времен и народов, корифеем всех наук» [Волков].

Утверждение сталинизма оказало самое непосредственное влияние на организацию и структуру исторических исследований. Проявилось это прежде всего в реформировании исследовательских учреждений и публикаторской деятельности. К началу 1930-х гг. завершилась так называемая реорганизация научных обществ и установление «новых исследовательских принципов», первым результатом которых стал роспуск УОЛЕ и архивных комиссий. По мнению Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеевой, вытеснение академического краеведения в 1928–1931 гг. означало ликвидацию локального метода в истории [Дергачева-Скоп, Алексеева, с. 5]. На IV Уральской областной краеведческой конференции, состоявшейся в Свердловске 20–22 декабря 1929 г., было продиктовано решение направить деятельность краеведов на «освещение и практическое участие в реализации пятилетнего плана культурно-хозяйственного строительства Уральской области» [ГАСО, ф. 677-р, д. 59, л. 4], в связи с чем краеведение фактически перестало выполнять научную функцию.

Сразу после этого на Урале были созданы научные общества, сотрудники которых участвовали в изучении таких проблем истории края, которые утверждали законность советской власти, обосновывали монополизм партии большевиков. ЦК ВКП(б) 30 июля 1931 г. принял постановление «Об издании истории гражданской войны». По всей стране началась собирательская, научно-исследовательская и публикаторская работа по данной теме. В Свердловске при истпарте по инициативе Уралобкома ВКП(б) был создан комитет для действия изданию из представителей партийных организаций, различных обществ, объединявших ветеранов революции и гражданской войны, научных и архивных учреждений, политорганов Красной армии. В других крупных городах и заводских поселках Урала организовывались соответствующие комиссии [см.: Васьковский, с. 50]. 10 октября 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории заводов». В нем предусматривалось, что книги по истории заводов должны включать материал, характеризующий «изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за пос-

ледние годы» [Из постановления ЦК ВКП(б), с. 31]. На практике это означало внедрение в историческую науку концепции классовой борьбы. Среди заводов страны, чья история должна была быть написана в первую очередь, назывались крупнейшие и старейшие заводы Урала: Нижнетагильский, Мотовилихинский и Кыштымский [см.: Горький, с. 29].

Уже в конце 1931 — первой половине 1932 г. на многих уральских заводах началась работа по сбору материала и составлению плана будущих книг. Для активизации работы в этой области в октябре 1932 г. в Свердловске состоялось совещание научной общественности края, созванное по решению Уралобкома ВКП(б) по вопросу об изучении истории фабрик и заводов. На совещании представители общественности высказались за необходимость координации усилий в этой области [см.: История заводов, с. 89]. По итогам совещания было принято специальное постановление Уралобкома, которое обязывало все научные и краеведческие общества выделить специалистов для написания истории предприятий [см.: Уральский коммунист, с. 67].

Уральское областное книжное издательство было подключено к изданию серии книг «На стройке Урало-Кузбасса» [см.: Сергеев, с. 74]. В 1932 г. было принято решение о создании Уральской областной редакции истории фабрик и заводов, в апреле 1934 г. были утверждены ее штаты. Главным редактором был назначен П. М. Новлянский [см.: ГАСО, ф. 318-р. 1, д. 4, л. 154—155]. Редакция проделала большую работу по сбору источников для создания истории уральских предприятий, по выявлению литературы и составлению библиографии по истории уральской промышленности. Для написания истории отдельных предприятий разрозненные авторы были объединены в коллективы [см.: Камынин, с. 85]. Работа редакции во многом зависела «от степени участия в ней широких масс рабочих, старых большевиков, наличия авторских коллективов» [см.: ГАСО, ф. 318-р, д. 24, л. 68], состоящих из писателей, инженерно-технического персонала под руководством историков-марксистов, что обусловило выборочность комплектования источниковой базы.

Кроме того, анализ исторических изданий 1930-х гг. показывает, что важным отличительным признаком публикаций той эпохи стала обязательность партийной цензуры. По данным Е. Н. Ефремовой, с 1929 г. в СССР действовала многоступенчатая система тотального контроля, включавшая в себя: авторскую, редакторскую, главлитовскую, карательную (ОГПУ, НКВД) и идеологическую (осуществляемую партийным руководством страны) цензуру [см.: Ефремова, с. 184]. Проводилась она по определенному шаблону и охватывала всю историческую литературу, распространяясь на истпартовские, истпрофовские, истмолловские, краеведческие издания, сборники документов, воспоминаний и т. д.

Говоря об организации исторических исследований в 1930-е гг., отметим, что основными научными центрами на Урале продолжали оставаться истпарты. Но если в 1920-е гг. изучением истории советского Урала занимались практические работники статистических и хозяйственных органов, руководители различных отраслей промышленности, партийные и профсоюзные лидеры, то в 1930-е гг. их место постепенно заняли профессиональные историки. Именно на это были направлены усилия советского руководства, создававшего

организационные основы новой исторической науки, базирующейся на марксистской методологии. Представляется закономерным тот факт, что в начале 1930-х гг. штат научных сотрудников Уралистпарта пополнился квалифицированными специалистами, получившими высшее образование [см.: Васьковский, с. 39]. К ним можно отнести Р. М. Рубинштейн, Г. П. Рычкову, А. П. Шавина и др.

В это время начали создаваться научно-исследовательские учреждения и в автономных республиках Урала, где были сосредоточены кадры историков-марксистов, изучавших формирование национальных отрядов рабочего класса Урала. В марте 1931 г. было создано первое научное учреждение Удмуртии — Научно-исследовательский институт истории, экономики, языка и литературы. В нем в 1930-е гг. активно работали в этой области профессиональные историки Ф. П. Макаров и В. А. Максимов. С 1935 по 1937 г. Ф. П. Макаров был директором этого института, в 1920-е гг. он закончил Коммунистический университет трудящихся Востока, а в 1929—1932 гг. обучался в аспирантуре Научно-исследовательского института при данном университете [см.: Заболотный, с. 324; Васильева, с. 213]. В 1938 г. у руководства Удмуртского НИИ встали новые люди, и институт постепенно восстановил свой научный потенциал. В это время Удмуртский институт истории, языка и литературы был включен в систему АН СССР.

Характерной чертой второй половины 1930-х гг. в плане подготовки кадров стало распространение на Урале исторического образования в высших учебных заведениях [см.: Камынин, с. 241]. В 1938 г. был открыт исторический факультет в Уральском государственном университете им. А. М. Горького, а в 1941 г. — исторический факультет в Пермском университете. Особенностью предвоенного периода стала и новая реорганизация исторических учреждений на Урале. В результате была ликвидирована сеть специализированных научно-исследовательских организаций: истпарты, истпрофы, истомолы, а также ряда учебных заведений, в частности Урало-Сибирского коммунистического университета, созданных в 1920-е гг. С этого времени основные кадры историков оказались сосредоточены в высших учебных заведениях и вновь создаваемых научно-исследовательских центрах.

Еще одной особенностью, оказавшей самое непосредственное влияние на состояние исторической науки 1930-х гг., стала государственная кадровая политика. По нашим наблюдениям, в ней можно выделить несколько этапов в соответствии с применявшимися методами воздействия на историков.

Первый период был связан с осуждением деятельности специалистов «старой школы». С точки зрения Е. Б. Заболотного, критика некоторых историков-марксистов началась после ряда высказываний Сталина против обществоведов в конце 1920-х гг. Он пишет, что эти речи «Сталина совпали с начавшейся в 1929 г. травлей историков на фоне «дела академика С. Ф. Платонова». Кроме того, в 1929 г. в журнале «Уральский коммунист» появился ряд статей, в которых критиковались некоторые уральские историки, в том числе А. П. Тяняев. [см.: Заболотный, с. 57]. Одновременно в апреле 1929 г., в газете «Уральский рабочий» осуждалась работа историков, «окопавшихся» в Пермском университете, и

приверженцев гуманитарного краеведения. Авторы публикаций требовали от Уральского областного бюро краеведения «очистить общества и музеи от лже-специалистов», «превратить краеведение в орудие классовой борьбы пролетариата» [Уральский рабочий, 1929, 4 апр.]. В результате был закрыт кружок по изучению Северного края при Пермском университете во главе с профессором П. С. Богословским [см.: Пикулева, с. 91]. В 1930 г. в статье удмуртского исследователя В. А. Максимова была подвергнута критике работа преподавателя Вятского педагогического института П. Н. Луппова «Исторический очерк Вятского края» за слабую идейную позицию [см.: Ижевская правда, 1930, 7 июня].

Другой аспект проводимой на рубеже 1920—1930-х гг. «реорганизации» касался деятельности краеведческих обществ Урала и заключался в их чистке от представителей старой научной интеллигенции. Н. Н. Тагильцева пишет: «Краеведческие общества по всей стране с конца 20-х гг. подверглись идеологическим, политическим и административным методам давления. Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, «идеалистическом мракобесии, пропаганде религии» и «явно контрреволюционной трактовке исторического материала» [Тагильцева, с. 95].

Большое значение для разгрома краеведческих организаций Урала имело «дело» М. О. Клера, который с 1911 по 1920 г. заведовал музеем УОЛЕ, а с 1920 по 1923 г. был президентом этого общества [см.: Зорина, с. 261]. Н. Н. Тагильцева пишет, что из уральских краеведов по «делу» академика С. Ф. Платонова арестовали именно М. О. Клера [см.: Тагильцева, с. 95]. По данным М. П. Покровского, основанием для ареста ученого было «дело Рамзина», т. е. процесс Промпартии [см.: Покровский, с. 47]. По-видимому, арест послужил сигналом к ликвидации Уральского общества любителей естествознания.

Кроме того, к началу 1930-х гг. перед краеведами были поставлены конкретные научно-исследовательские задачи, суть которых сводилась исключительно к изучению условий труда и быта, подготовке кадров отдельных отрядов уральских рабочих и описанию уральских заводов по программе, составленной совместно с Центральным бюро краеведения. Эта программа включала, в частности, раздел, предусматривающий изучение изменений в составе рабочего класса, организации труда, политической активности, культурном уровне [ГАСО, ф. 677-р, д. 28, л. 7]. Одновременно с этим в 1930-е гг. на краеведов возлагалась ответственность за создание научной истории уральских предприятий.

Процесс борьбы с инакомыслием на Урале быстро набирал обороты и в 1931 г. в журнале «Уральский коммунист» была опубликована статья С. Кузнецова, который писал, что Уральский обком ВКП(б) «вскрыл факты гнилого либерализма и сползания на классово-враждебные позиции». Речь шла о руководстве ряда вузов Урала, в частности Пермского университета. Осуждению подверглись работы профессора А. А. Савича [см.: Кузнецов, с. 17]. С нашей точки зрения, данный факт напрямую связывает критику в отношении вузовской профессуры Перми с «делом» академика С. Ф. Платонова, ибо известно, что С. Ф. Платонов неоднократно давал отзывы на труды А. А. Савича, в которых «отмечались зрелость исследователя, поразительная работоспособность, талантливость» [Корнилов, с. 319]. После этих событий в ноябре 1931 г.

Уралобком ВКП(б) принял специальное постановление о деятельности Пермского университета и Пермского педагогического института, которое носило программный характер и было направлено на окончательную ликвидацию старой профессуры в вузах Урала. В нем наряду с критикой «реакционной профессуры, которая вела открытую пропаганду в так называемых “Научных трудах” Пермского университета и его обществ», Уралистпарту предлагалось провести «большевистскую критику всех работников научно-исследовательского фронта, всей литературной продукции по истории коммунистической партии» [Кузнецов, с. 17–18].

В русле обозначенных тенденций в начале 1930-х гг. по инициативе Уральского обкома ВКП(б) в Уралистпарте было организовано публичное обсуждение местной исторической литературы. Целью обсуждений была «проработка» вышедших в 1920-е гг. истпартовских изданий с точки зрения их соответствия марксистско-ленинскому учению и разоблачение меньшевистско-эсеровских и троцкистских фальсификаций истории партии [см.: Кузнецов, с. 17]. Для критики исследователей была создана специальная «бригада» из партийных работников и старых большевиков.

В ходе обсуждений А. П. Тяняеву и С. М. Петрову были наклеены ярлыки «враждебно или чуждо настроенных по отношению к Коммунистической партии», им приписывались «грубые ошибки» исторического и принципиального характера, меньшевистски-троцкистские извращения истории большевистских организаций и рабочего движения на Урале». Историкам ставилась в вину «ошибочная, объективистская трактовка социальной природы уральского рабочего, проникшая в литературу 20-х гг. под влиянием мелкобуржуазной идеологии» [ЦДООСО, ф. 129, д. 2, л. 90–92].

Историк А. П. Тяняев в начале 1930-х гг. активно занимался научными исследованиями, принимал участие в работе Уральского областного комитета содействия изданию истории гражданской войны [см.: Там же, л. 4, 5], а также в редактировании материалов истории классовой борьбы в редакции «Уральской советской энциклопедии», первый том которой вышел в 1933 г. В 1932–1933 гг. он возглавлял Уралистпарт [см.: Голубцова, с. 52]. С. М. Петров в начале 1932 г. находился на преподавательской работе в Урало-Сибирском коммунистическом университете, активно занимался научно-исследовательской работой. С 1932 по 1934 г. он обучался в Москве в Институте красной профессуры. После его окончания он до 1940 г. преподавал историю партии в Челябинском пединституте, а потом был отозван на работу в Москву [см.: Гаврилов, с. 120]. Одновременно с ним в 1929–1937 гг. в ряде вузов Свердловска руководил кафедрами истории ВКП(б) выпускник Академии коммунистического воспитания (Москва) Ф. П. Быстрых. В 1937 г. ему за опубликованную монографию была присуждена ученая степень кандидата исторических наук [см.: Попов, с. 61]. По словам Н. Н. Алеврас, «научная деятельность известного уральского историка Ф. П. Быстрых положила начало прочной традиции в историческом ураловедении, без анализа которой трудно понять основные тенденции и характерный концептуальный контекст исторической науки советского времени» [Алеврас, с. 7].

Подвергнутых публичной критике историков заставляли каяться, признавать свои мнимые ошибки. А. П. Тяняев в письме в редакцию журнала «Уральский коммунист» квалифицировал свои ошибки и ошибки своих сотрудников как троцкистские [см.: Тяняев, с. 42–45]. После проведенной «проработки» «покаянное» письмо в редакцию газеты «Ижевская правда» с признанием и разоблачением своих ошибок в изучении истории рабочего класса направил сотрудник Удмуртского НИИ В. А. Максимов [см.: Максимов, с. 81–86].

По поводу «покаянной» кампании, которая проходила в начале 1930-х гг., Г. Д. Алексеев пишет: «Вся эта кампания приобрела весьма своеобразное содержание, поскольку некоторые историки выступили с рядом идей и предложений, которые были весьма созвучны обстановке тех лет и начавшемуся новому этапу науки». Тем не менее эти идеи были отвергнуты а «их авторам опять приходилось каяться и бичевать себя за неверные позиции, ошибки, просчеты, которые, как правило, связывались с политикой, с политической борьбой» [Васьковский, с. 145].

Отметим, что основным содержанием первого периода вмешательства власти в процесс исторических исследований стало активное внедрение партийного подхода в структуру общественных наук с целью обеспечения их идеологической лояльности существующему режиму. На наш взгляд, именно на рубеже 1920–1930-х гг. был запущен механизм формирования тематического пространства работ (в аспекте классовой борьбы) и идейно-политической интерпретации исторических событий.

Второй период наступления на историческую науку ознаменовался вытеснением специалистов старой школы и даже историков-марксистов, воспитанных в стенах учебных и научно-исследовательских учреждений нового профиля в 1920-е гг. Подобные меры активно осуществлялись на протяжении всех 1930-х гг.

По мнению П. В. Волобуева, «точкой отсчета погрома в исторической науке является печально знаменитое письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931)» [Волобуев, с. 34]. С точки зрения Н. Н. Маслова, «это резкое, местами просто грубое по форме письмо с недвусмысленными политическими обвинениями против «троцкистствующих» историков сыграло впоследствии решающую роль в подчинении целям идеологии сталинизма» [Маслов, с. 71].

Сравнивая высказывания, прозвучавшие в адрес историков-марксистов Урала на рубеже 1920–1930-х гг., с критикой, которая развернулась после опубликования письма Сталина, следует отметить ее более значительные масштабы и более изощренные формы. С этого времени развернулась кампания по проработке исторических произведений 1920-х гг. и политической дискредитации историков. По оценке А. И. Алаторцевой, «в письме упоминалось всего три имени, но создавалось впечатление массовости ошибок, толпы виноватых» [Алаторцева, с. 267]. В. А. Дунаевский подчеркивал, что сам характер выступления Сталина немедленно привел «к самобичеванию и к покаянным письмам, а затем и к репрессиям по отношению к лицам, подвергавшимся сталинской критике» [Дунаевский, с. 286].

На Урале эта кампания затронула многих историков. Она началась со Свердловска, который в 1930-х гг. был не только столицей Уральской области, здесь были сосредоточены ведущие научные и учебные центры Урала, работали такие крупнейшие исследователи истории края, как А. П. Тянчев, С. М. Петров и Ф. П. Быстрых.

Представляется закономерным и тот факт, что на данном этапе развернулась настоящая травля лучших периодических изданий Урала. В центральной печати критике была подвергнута деятельность редакции единственного на Урале профессионального не только общественно-политического, но и исторического журнала «Уральский коммунист». В 1930 г. в журнале «Партийное строительство» она была раскритикована за слабое освещение в журнале истории промышленности и советского рабочего класса [см.: Партийное строительство, с. 52—53]. Между тем на страницах этого журнала в 1920-е — начале 1930-х гг. печаталось большое количество статей по истории уральских рабочих. Тем не менее в 1933 г. журнал «Большевистская печать» представил опубликованные в «Уральском коммунисте» материалы как «худосочную, систематически отстающую от жизни регистрационную ведомость, написанную сухим канцелярским языком, чрезвычайно плохо внешне оформленную» [см.: Большевистская печать, с. 96]. В результате подобных выступлений в 1934 г. журнал «Уральский коммунист» был закрыт.

Заметим, что, в свою очередь, уральские партийные органы выступили с критикой деятельности редакций местных периодических изданий. Уралобком ВКП(б) критиковал редакцию органа Кунгурского истпарта «Крот» за то, что она часто предоставляла страницы своего журнала «материалам эсеровского содержания, которые искажали подлинную историю революционной борьбы» [см.: ЦДООСО, ф. 221, д. 131, л. 111—118].

Характерной особенностью второго периода стал переход («по команде Сталина») от мер «перевоспитания» к реальному отстранению от работы всех неугодных специалистов и закрытию «проштрафившихся» изданий. Кроме того, данный этап был связан с приведением методологии исторических исследований в соответствии с провозглашенным Сталиным принципом партийности. Прекратились дискуссии по методологическим вопросам, были раскритикованы все антимарксистские теоретические подходы. Мы согласны с мнением В. А. Дунаевского о том, что, по существу, на протяжении двух с половиной десятилетий на обсуждение вопросов, которых касался Сталин в своем письме, было наложено табу. Разрешалось в лучшем случае лишь дословное повторение идей «величайшего теоретика всех времен и народов» [Дунаевский, с. 291].

Третий период «реформирования» советской властью исторической науки был связан с проведением репрессий. Одним из факторов, оказавших влияние на состояние исторической науки в 1930-е гг., стали гонения на представителей старой школы историков. П. В. Волобуев писал: «Для того чтобы обществоведы знали свое место, на них, как и на научно-техническую интеллигенцию, уже в конце 20-х гг. был обрушен град репрессий. Первыми пострадали тогда историки, в том числе академики и члены-корреспонденты АН

СССР (С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, В. Г. Дружинин и др.) [Волобуев, с. 31].

Преследование представителей старой научной интеллигенции происходило и на Урале. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. был нанесен удар по старой вузовской профессуре. К этому времени основным центром подготовки кадров профессиональных историков был Пермский университет. Только в начале 1930-х гг. были открыты исторические факультеты в Пермском и Свердловском пединститутах. В Пермском педагогическом институте с 1931 г. под руководством профессора А. А. Савича начала работать аспирантура по истории.

Вслед за этим репрессии коснулись наиболее видных исследователей-марксистов. В 1937 г. был арестован А. П. Тяняев, который находился в заключении до 1956 г. [см.: Заболотный, с. 508]. Д. В. Бугров и Н. Н. Попов отмечают: «Массовые “чистки” конца 1930-х гг. не обошли и Ф. П. Быстрых. В сентябре 1937 г. он был исключен из ВКП(б) за “притупление политической бдительности” и... уволен с преподавательской работы» [Бугров, Попов, с. 4]. Д. В. Гаврилов пишет: «Только отъезд С. М. Петрова из Свердловска избавил его от репрессий, которым в 1937—1938 гг. подверглись свердловские историки, обвиненные в принадлежности к “троцкистской организации” и “распространению троцкистских взглядов”» [Гаврилов, с. 119].

Репрессии затронули историков и в других регионах Урала. Особенно интенсивно они проходили в Удмуртии, где были в наличии крупные научно-исследовательские центры и где имелись сильные традиции в изучении истории рабочего класса. В июне 1934 г. Удмуртский обком ВКП(б) принял постановление «О положении на фронте исторической науки в Удмуртии». В нем ведущие историки республики были подвернуты критике за недооценку роли русского пролетариата и большевистских организаций в революционной борьбе удмуртского народа, указывалось на слабую изученность особенностей развития исторического процесса в Удмуртии. Партийный орган настаивал на «дальнейшем развертывании творческой дискуссии в среде историков, обеспечении условий для коллективной научной деятельности с целью ликвидации явлений обособленности» [За марксистско-ленинскую историю Удмуртии, с. 3—8].

Современные историки показывают, что выход данного постановления ознаменовал переход к разнузданной, огульной критике историков и репрессиям. О. И. Васильева подчеркивает: «Во второй половине 30-х гг. были “раскрыты контрреволюционные организации” в Удмуртском пединституте и Ижевском медицинском институте, разоблачены “враги народа” в Наркомпросе УАССР, в Удмуртском научно-исследовательском институте среди историков и краеведов» [Васильева, с. 15]. Е. Б. Заболотный пишет, что связанные с этой критикой репрессии привели «к фактическому разгрому единственного научного центра в Республике — Научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка» [Заболотный, с. 63].

Из профессиональных историков в Удмуртии были репрессированы директор Удмуртского НИИ Ф. П. Макаров, исключенный в 1937 г. из партии и осужденный на 5 лет по ст. 58-10,11 за участие в «контрреволюционной группе», состоявшей из партийных и государственных деятелей Удмуртии, окончивших

Коммунистический университет трудящихся Востока; научные сотрудники института В. А. Максимов, окончивший Коммунистическую академию общественных наук в Москве, обвиненный в отсутствии классового подхода в исследованиях [см.: Кильдебек, с. 47]; П. В. Кильдибеков и др. Труды В. А. Максимова и Ф. П. Макарова были изъяты из обращения как «контрреволюционные» и «троцкистские» [см.: Пашкова, с. 73]. Такие ярлыки в конце 1930-х гг. навешивались практически на все истпартовские издания, которые были изъяты из обращения.

Одновременно с этим в 1930-е гг. проходила и дальнейшая реорганизация деятельности краеведческих обществ, которая была направлена на ликвидацию их самостоятельности. В 1935 г. Уральское бюро краеведения преобразовали в оргбюро по изучению областей. В 1938 г. эти оргбюро были переданы в подчинение органов народного образования, что фактически означало ликвидацию краеведческих организаций. По данным современных исследователей, многие краеведы подвергались репрессиям [см.: Тагильцева, с. 95].

Анализируя проблемы влияния сталинизма на историческую науку, отметим, что в 1930-е гг. она развивалась в условиях жесточайшего идеологического давления, целью которого, с одной стороны, было вытеснение из научных учреждений специалистов старой школы, с другой — формирование научных кадров, готовых в своих исторических произведениях проводить линию правящей партии. В результате центральная власть воспитала генерацию исследователей, отличающихся набором новых качеств, характерных для советской исторической науки в целом. Одновременно проводилось реформирование исследовательских учреждений и утверждение принципа партийности. В течение 1930-х гг. четко прослеживаются три этапа наступления на историков со стороны государства, каждый из которых отличался своими методами преследования инакомыслящих, начиная с осуждения содержания их работ и заканчивая репрессиями ученых.

Подводя итог состоянию исторической науки в 1930-х гг., согласимся с мнением большинства современных исследователей о том, что данный период стал одним из самых трагических в отечественной истории. Особенности развития исторической мысли 1930-х гг. отчетливо видны на фоне 1920-х и 1940-х гг., когда наука не испытывала столь жесткого идейно-политического прессинга. Прямое государственное вмешательство в 1930-е гг. обусловило прекращение научных дискуссий, деформацию источниковой базы, проведение «кадровых чисток», сокращение проблемного поля исследований, установление единой методологии, партийной цензуры и организационной структуры.

Алаторцева А. И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х гг. // История и сталинизм. М., 1989. С. 265–276.

Алеврас Н. Н. Ф. П. Быстрых и проблема уральского рабочего с наделом // Урал в XX веке. Экономика и политика : тез. регион. ист. чтений, посвящ. 100-летию со дня рождения Ф. П. Быстрых, 21 ноября 2001, г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2001. С. 7–11.

Алексеева Г. Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 34–43.

- Большевистская печать.* 1933. № 10.
- Бугров Д. В., Попов Н. Н. Ф. П.* Быстрых на крутых поворотах истории // Урал в XX веке. Экономика и политика... С. 3–16.
- Уральский коммунист.* 1932. № 1.
- Васильева О. И.* Репрессии против удмуртской интеллигенции и проблемы национального просвещения // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 13–16.
- Васильева О. И.* Макаров Фаддей Петрович // Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 213–214.
- Васьковский О. А.* Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале : учеб. пособие. Свердловск, 1981. 196 с.
- Волков Г.* Вознесение : О том, как Сталин стал великим философом // Сов. культура. 1988. 7 июня.
- Волбуев П. В.* Сталинизм и социальное познание советского общества // История и сталинизм. М., 1991. С. 21–36.
- Гаврилов Д. В. С. М. Петров.* У истоков марксистской исторической науки на Урале // Летописцы родного края : (очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990. С. 112–125.
- Голубцова Р. И. А. П.* Танияев о проблемах Октябрьской революции и гражданской войне на Урале // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны, 1917–1920. Свердловск, 1984. С. 49–58.
- ГАСО. Ф. 318-р. Ф. 677-р.
- Дергачева-Скоп Е. И., Алексеева В. Н.* Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сиб.-Урал. ист. конгресса. Тобольск, 1997. С. 3–8.
- Дунаевский В. А.* О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1989. С. 286–293.
- Ефремова Е. Н.* Партийная цензура краеведческих изданий // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2010. № 4 (82). С. 183–197.
- Заболотный Е. Б.* Российская историография революции 1917 г. на Урале. Екатеринбург, 1995. 389 с.
- Заболотный Е. Б.* Макаров Фаддей Петрович // Урал. ист. энцикл. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. 319.
- Заболотный Е. Б.* Танияев Александр Петрович // Урал. ист. энцикл. 2-е изд. С. 507–508.
- За марксистско-ленинскую историю Удмуртии.* Ижевск, 1934. 126 с.
- Зорина Л. И.* Клер Модест Онисимович // Урал. ист. энцикл. 2-е изд. С. 261.
- Из постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории заводов»* // А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов : сб. док. и материалы в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М., 1959. С. 27–36.
- История заводов.* М., 1933. Вып. 4/5.
- Камынин В. Д.* Деятельность Уральской областной редакции «Истории фабрик и заводов» (1932 – 1938) // История предприятий СССР : методология и источники. М., 1987. С. 81–88.
- Камынин В. Д.* Историческое образование // Урал. ист. энцикл. 2-е изд. С. 241.
- Кильдебекоев П. В., Макаров Ф. П.* За создание марксистско-ленинской истории Удмуртии // За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. Ижевск, 1934. С. 46–49.
- Корнилов Г. Е. Савич Александр Антонович* // Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003.
- Кузнецов С.* Письмо т. Сталина и задачи борьбы на идеологическом фронте // Урал. коммунист. 1931. № 16. С. 17–19.
- Максимов В. А.* О книге П. Н. Луппова «Исторический очерк Вятского края» (Вятка, 1930) // Ижевск. правда. 1930. 7 июня.

Максимов В. А. Письмо в редакцию «Ижевской правды» // За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. Ижевск, 1934. С. 81–86.

Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б) — энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 338–354.

Маслов Н. Н. Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм. М., 1989. С. 68–79.

О неисправимых историках и служебной роли краеведения // Урал. рабочий. 1929. 4 апр. *Партийное строительство*. 1930. № 5. С. 52–57.

Пашкова И. А. Историческая наука в национальных районах Урала в 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 72–74.

Пикулева С. В. Богословский Павел Степанович // Урал. ист. энцикл. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. 91.

Покровский М. П. М. О. Клер // Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-е — 30-е гг.: дела и судьбы. Екатеринбург, 1993. С. 45–52.

Попов Н. Н. Быстрых Федор Павлович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 61.

Сергеев С., Бубнов Н. Против вульгаризации и упрощенчества в освещении истории проблем Урало-Кузнецкого комбината // Урал. коммунист. 1932. № 6. С. 62–78.

Тагильцева Н. Н. Репрессии против членов краеведческих обществ Урала в конце 20-х — 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти : тез. науч. конф., 25–26 октября 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 95–97.

Уральский коммунист. 1931. № 16. С. 17–25.

Таняев А. П. Письмо в редакцию // Урал. коммунист. 1932. № 8. С. 42–45.

ЦДООСО. Ф. 129. Ф. 221.

Статья поступила в редакцию 20.04.2012 г.

УДК 369.011(470.5) + 641(470.5) + 94(470)“19”

С. А. Нефедов

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ: ПИТАНИЕ УРАЛЬЦЕВ*

Анализируется динамика потребления продуктов питания в Уральском регионе в 1924–1940 гг. Используются новые архивные материалы, на основании которых делается вывод о снижении уровня питания в этот период.

Ключевые слова: уровень потребления; уровень жизни; продукты питания; Урал.

Среди историков нет единого мнения по вопросу о том, как жили люди при Сталине, и в частности как они питались: хуже или лучше, чем при НЭПе? Исследователи, работавшие в 1930–1950-е гг., старались доказать наличие к концу 1930-х гг. позитивных сдвигов в потреблении по сравнению с периодом

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ 11-11-66003 а/У и программы фундаментальных исследований УрО РАН «Урал в контексте российской модернизации».

НЭПа и с дореволюционным временем [см., например: Маркус; Саутин; Тулупников]. В 1960—1980-е гг. отношение к изучаемой проблеме стало более объективным, но в целом специалисты полагали, что в конце 1930-х гг. уровень жизни был более высоким, чем в 1920-е гг. Этой точки зрения придерживались авторы многотомных «Историй» [см.: История советского крестьянства...; История советского рабочего класса...] и авторы большинства специальных исследований [см.: Вылцан, 1970; 1978; Иванова; Корнилов; и др.]. При этом данные бюджетных исследований использовались учеными советского периода лишь выборочно [см., в частности: Маркус; Тулупников].

В постсоветский период в работах многих авторов была вскрыта драматическая картина кризиса 1930—1933 гг., однако исследований, посвященных уровню потребления во второй половине 1930-х гг., было немного. Е. А. Осокина дает сопоставление бюджетных данных о потреблении продуктов питания рабочими в 1926 г. и 1933—1935 гг. [см.: Осокина, с. 256]. Эти данные показывают, что потребление мяса резко уменьшилось, а потребление хлеба сильно колебалось по годам, но в целом Е. А. Осокина делает вывод о уменьшении потребления. Этот вывод поддерживают некоторые другие исследователи, в том числе Ю. М. Иванов [1998; 2005]. В то же время Н. Р. Корвин и С. П. Стеблев отмечают, что к концу 1930-х гг. уровень материального благосостояния трудящихся повысился и достиг уровня 1928 г. [см.: Корвин; Стеблев]. При этом нужно отметить, что данные, которыми оперируют современные исследователи, как и в прежние времена, имеют выборочный характер; ни в одной работе не приводятся усредненные показатели душевого потребления продуктов питания в 1937—1940 гг. по сравнению с периодом 1924—1928 гг. А. В. Молодчик отмечает, что «далеко не все авторы учитывают многомерность исторического процесса, чаще занимаются поиском виновных, а не объективным анализом социально-экономической действительности» [Молодчик, с. 18].

В целом, в современный период в российской историографии произошел переход от «оптимистической» к «пессимистической» точке зрения на динамику потребления после кризиса 1930—1933 гг. В зарубежной историографии (как это ни странно) происходит прямо противоположный процесс. До конца 1990-х гг. на Западе преобладало мнение о том, что уровень потребления в СССР в конце 1930-х гг. был ниже, чем в период НЭПа [см., например: Bergson; Шарпан; Мерль]. Наиболее подробная работа о жизни российской деревни после коллективизации, принадлежащая перу Ш. Фицпатрик, опубликована в США в 1994 г. [см.: Фицпатрик]. Американская исследовательница отмечает, что «трудно найти достоверные данные для сравнения уровня жизни на селе в 30-е и 20-е гг. В основном со всей очевидностью можно заключить, что еды и питья в деревне после коллективизации стало меньше» [Там же, с. 243]. Однако в подтверждение этой «очевидности» Ш. Фицпатрик ссылается лишь на данные М. А. Вылцана для 1923/24 и 1937 гг., которые сам М. А. Вылцан трактует как свидетельство роста потребления, если сравнение данных за единичные годы вообще может о чем-то говорить [см. подробнее: Фицпатрик, с. 149; Вылцан, 1978, с. 200—208].

В конце XX — начале XXI в. появились новые работы западных авторов, которые пересматривали прежние взгляды на динамику потребления в СССР [Hunter, Szyrmer; Allen]. В частности, Роберт Аллен в своей последней работе дает оценку потребления продуктов питания, которая указывает на значительный рост потребления в конце 1930-х гг. по сравнению с периодом НЭПа [Allen, с. 135]. Р. Аллен использует балансовый метод, при котором потребление каждого продукта рассчитывается как валовая продукция за вычетом семян, фуража, экспорта и потерь при хранении. Получившийся результат переводится в калории с коэффициентами, отражающими специфику переработки и калорийность конечного продукта питания. Однако, как было показано автором этой статьи, в расчеты Р. Аллена вкралась ошибка, связанная с неверным подсчетом расходов на фураж [см. об этом: Нефедов].

Между тем существуют прямые данные об уровне потребления продуктов питания, которые делают излишним использование балансового метода. Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) при Госплане СССР проводило бюджетные обследования семей рабочих и колхозников, причем точность средних данных основывалась на методах математической статистики [см.: Струмилин, с. 26]. В соответствии с предъявляемыми этими методами требованиями каждый год обследовалось 16–17 тыс. хозяйств, распределенных по территории СССР согласно плотности населения различных областей [РГАЭ, ф. 1562, оп. 83, д. 1, л. 1]. Опираясь на результаты этих обследований, мы показали, что в целом по СССР потребление крестьян в конце 1930-х гг. по сравнению с эпохой НЭПа существенно уменьшилось. Потребление рабочих по калорийности осталось примерно на прежнем уровне, но качественно оно ухудшилось: в частности, потребление мяса сократилось в 1,5 раза [см.: Нефедов, с. 210–213]. Однако в разных регионах положение было, естественно, различным, поэтому в данной статье мы остановимся на динамике потребления продуктов питания на Урале.

В 1920-е гг. ЦСУ ориентировалось на данные обследований потребления продуктов питания, которые проводились в феврале и в ноябре. Данные за ноябрь завывают картину потребления крестьян, так как в ноябре идет забой скота; данные за февраль являются более репрезентативными. В 1930-е гг. ЦУНХУ использовало данные круглогодичных бюджетных обследований, и в бюллетене «Бюджеты колхозников» приводятся данные за каждый месяц. Чтобы данные были сопоставимыми, рассмотрим данные о потреблении продуктов питания с февраля 1924 г. по 1927 г. и за период 1937–1940 гг.

Для определения калорийности продуктов мы используем данные справочника ЦСУ «Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов» [см.: Нормальный состав...] и данные ФАО [см.: FAOSTAT] (табл. 1).

Хлеб бывает разных сортов и разной калорийности, поэтому подсчет его калорийности может вызвать некоторые затруднения. Однако в 1930-е гг. на стандартном бланке итогов бюджетных обследований указывалось, что ржаной хлеб переводится в муку из соотношения 1 кг хлеба = 0,715 кг муки, пшеничный хлеб — из соотношения 1 кг хлеба = 0,785 кг муки [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 15, д. 734, л. 1–60]. Отсюда получим, что калорийность ржаного хлеба равна

Т а б л и ц а 1

Калорийность продуктов, принимаемая при расчете потребления

Продукты	Калорийность, ккал/кг	Продукты	Калорийность, ккал/кг
Мука ржаная	2955	Мясо в среднем	1742
Мука пшеничная	3285	Сало	6470
Крупа и бобовые	3378	Рыба в среднем	860
Картофель	670	Молоко цельное	635
Овощи	204	Молоко снятое	370
Сахар	3875	Сметана	2482
Масло растительное	8517	Масло коровье	7795
Бахчевые	200	Фрукты	560

Источник: [Нормальный состав..., с. 33–44; FAOSTAT]. Курсивом выделены данные ФАО.

2113 ккал, пшеничного хлеба — 2579 ккал. Это немного больше, чем величины калорийности, используемые статистиками 1920-х гг. [см.: Нормальный состав пищи..., с. 40], но мы вынуждены использовать эти значения, так как они подразумеваются коэффициентами перевода хлеба в муку, применявшимися в 1930-е гг. Кроме того, статистики 1920-х г., по-видимому, несколько занижали калорийность картофеля: они полагали, что потери равнялись 25 % общей массы, в то время как крестьяне часто варили картофель в «мундире», и потери были меньшими, поэтому мы используем при подсчетах более современные данные ФАО. Небольшое превышение используемых нами значений калорийности хлеба и картофеля по сравнению с величинами, использовавшимися ЦСУ в 1920-е гг., приводит к тому, что при пересчете калорийности пищевых наборов 1920-х гг. по нашей методике мы получим немного большие цифры, выше тех, которые указывались статистиками 1920-х гг.

Кроме того, статистики 1920–1930-х гг. использовали несколько различающуюся номенклатуру продуктов. Мы подсчитываем калорийность наборов по исходной номенклатуре, приведенной в источниках. Однако, чтобы сделать сравнимыми сами продуктовые наборы, необходимо привести их к единой форме. В 1920-е гг. отдельно указывали потребление хлеба пшеничного, хлеба ржаного и муки, а в 1930-е гг. объединяли эти продукты в графе «Мука и хлеб в переводе на муку». Чтобы сделать эти величины сопоставимыми, мы переводим хлеб в муку согласно указанным выше коэффициентам, добавляем крупу и приводим все хлебные продукты к одной графе: «Мука и крупа». В 1920-е гг. использовалась также графа «Молоко», а 1930-е гг. номенклатура была более подробной: «Молоко цельное», «Молоко снятое», «Творог и сыр», «Сметана и сливки». Учитывая, что три последние группы продуктов получаются при сепарации цельного молока, мы суммируем графы «Молоко цельное» и «Молоко снятое», приводя все к единой графе «Молоко». Нужно учесть также, что данные 1920-х гг. приводятся для Уральской области, а данные 1930-х гг. — для Свердловской области, которая выделилась из Уральской в 1934 г. (табл. 2).

Таблица 2
*Потребление продуктов питания крестьянами, калорийность и процент калорий животной происхождения
 (февраль 1924 — 1940)*

Продукты (в граммах на душу в день) и калорийность (ккал/день)	1924	1925	1926	1927	1937	1938	1939	1940	Средние показатели		
									1924—1927	1937—1940	1938—1940
Мука и крупа	674	644	660	636	462	694	698	629	653	621	674
Картофель	358	313	256	318	517	402	314	379	311	403	365
Овощи	93	85	70	59	148	198	59	65	77	117	107
Масло растительное	4,0	2,0	2,0	1,0	0,3	0,3	0,3	0,2	2,3	0,3	0,3
Масло коровье	8,0	8,0	8,0	7,0	1,5	1,7	3,3	1,0	7,8	1,9	2,0
Мясо и сало	82	155	176	186	95	44	106	120	150	91	90
Рыба	24	20	21	20	4	6	6	3	21	5	5
Молоко	277	333	327	305	193	189	197	197	311	194	194
Сахар, конфеты	2	6	13	13	11	15	22	4	9	13	14
Яйца	2,0	3,0	4,0	4,0	0,9	1,2	3,6	1,3	3,3	1,8	2,1
Калорийность в феврале	2861	2924	3001	2950	2170	2792	2882	2634	2934	2619	2769
Процент животных калорий	15	20	22	22	14	8	13	13	20	12	11
Калорийность годовая					2391	2789	2777	2592		2637	2719

Источники: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 327, л. 26, л. 25—34; оп. 82, д. 1а, л. 53—56, 251—252, 411—413, оп. 83, д. 1, л. 25—50; оп. 83, д. 2, л. 29—32; Уральское хозяйство..., вып. 4, с. 554—557].

Анализируя представленные в таблице материалы, можно прийти к выводу, что колхозники в конце 1930-х гг. питались существенно хуже, чем в период НЭПа. Общая калорийность питания уменьшилась на 10 %, причем это произошло за счет падения потребления продуктов животного происхождения. Потребление мяса и сала уменьшилось на 40 %, потребление молока — на 38 %; коровье масло стало деликатесом, его потребление снизилось в четыре раза. Потребление хлебных продуктов осталось на прежнем уровне, за исключением голодного 1937 г. Период 1924–1927 гг. по погодным условиям был относительно благополучным, но на 1930-е гг. приходится несколько засух, одна из которых выпала на 1936 г. Последствием этой тяжелой засухи был резкий продовольственный дефицит весны 1937 г.; в феврале этого года душевое потребление в Свердловской области упало до 2170 ккал. Если учесть, что рекомендованная ВОЗ минимальная норма среднечеловеческого потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на человека в день [см.: Naiken], то нужно сделать вывод, что ситуация 1937 г. для большей части населения характеризовалась острым недоеданием. Население отчасти компенсировало нехватку хлеба увеличением потребления картофеля и овощей, которые выращивались в приусадебных хозяйствах. В последующие годы, когда положение с хлебом нормализовалось, потребление картофеля и овощей снизилось; эти продукты стали использоваться на корм скоту, вследствие чего увеличилось потребление мяса.

Ввиду необычно низкого потребления продуктов питания в феврале 1937 г. встает вопрос о том, насколько потребление в феврале характеризует годовое потребление. В табл. 2 для периода 1937–1940 гг. приведены величины среднего потребления в течение года, и можно видеть, что для 1937 г. среднее годовое потребление существенно выше, чем потребление в феврале, но для 1938–1940 гг. февральское потребление примерно равно среднегодовому.

Рассмотрим теперь вопрос о питании рабочих. В этом случае у нас имеются материалы о потреблении различных продуктов в ноябре 1925–1927 и 1937–1939 гг. (табл. 3). Так же как в предыдущем случае, сначала мы подсчитаем калорийность по исходным продуктовым наборам, а затем приведем их к единой форме.

Рассматривая данные табл. 3, можно констатировать, что калорийность питания рабочих семей увеличилась на 6 %. Это произошло за счет значительного увеличения потребления картофеля (на 37 %) и овощей (на 107 %). В то же время потребление мяса уменьшилось на 40 %, а потребление молока — вдвое. Качество питания ухудшилось: если в период НЭПа калории животного происхождения составляли 16 % общего количества калорий, то в конце 1930-х гг. — только 9,6%.

Таким образом, в качественном отношении питание крестьян и рабочих Урала в конце 1930-х гг. было хуже, чем эпоху НЭПа. В количественном отношении потребление крестьян уменьшилось, а потребление рабочих немного возросло. При этом в целом питательность рациона была существенно выше минимальной нормы потребления по критериям ВОЗ. В этом отношении положение на Урале было лучше, чем в среднем по СССР [см.: Нефедов, с. 210–213].

В сравнении с другими странами потребление в СССР оставалось на низком уровне (табл. 4).

Таблица 3

Потребление продуктов питания семьями рабочих, калорийность и процент калорий животного происхождения

Продукты (в граммах на душу в день) и калорийность, ккал/день	1925	1926	1927	1937	1938	1939	1925–1927	1937–1939
Мука и крупа	569	583	569	551	548	603	574	567
Картофель	238	293	252	414	347	314	261	358
Овощи	73	49	93	168	132	145	72	148
Масло растительное	2	2	2	2	2	4	2	3
Масло коровье	5	4	6	6	7	6	5	6
мясо и сало	124	125	133	47	67	113	127	76
Рыба	10	15	16	26	26	18	13	23
Молоко	201	186	209	110	121	71	198	101
Сахар, конфеты	26	27	33	41	42	42	29	42
Яйца	0,6	0,5	0,8	1,0	1,0	1,0	0,6	1,0
Калорийность	2485	2566	2584	2603	2601	2870	2545	2692
Процент животных калорий	16,0	15,4	16,6	7,6	8,9	12,3	16,0	9,6

Источник: [ГАРФ, ф. А374, оп. 21, д. 368. л. 59; д. 590, л. 23,23об, д. 593, л. 23, 23 об; Уральское хозяйство..., вып. 3, с. 198–200].

Таблица 4

Сравнительное потребление продуктов питания семьями рабочих

Продукты (в граммах на душу в день) и калорийность, ккал/день	Урал (1925–1927)	Урал (1937–1939)	США (1936)	Германия (1937)
Хлебные продукты	574	567	200	311
Картофель	261	358	244	435
Масло коровье	5	6	30	39
Мясо и сало	127	76	181	115
Молоко и молочные продукты	198	101	417	305
Сахар	29	42	99	52
Яйца (шт)	0,02	0,02	0,88	0,21
Калорийность	2545	2691	3200	3200

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 3, д. 715, л. 28; Sandgruber, S. 46; Food Consumption..., p. 146].

При этом нужно отметить, что в 1927–1937 гг. потребление в США уменьшилось с 3 460 до 3 200 ккал/день. Потребление в Германии по калорийности в этот период осталось примерно на том же уровне, но ухудшилось в каче-

ственном отношении: потребление мяса уменьшилось на 17 %, молока — на 21 % [см.: Franklin, p. 195].

Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978. 263 с.

Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941). М., 1970. 200 с.

ГАРФ. Ф. А374 (ЦСУ РСФСР).

Иванов Ю. М. В сталинском «раю». М., 2005. 115 с.

Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х — начале 30-х годов // *Вопр. истории.* 1998. № 5. С. 28–43.

Иванова Т. М. Подъем благосостояния трудящихся города в годы второй пятилетки (на материалах промышленных центров РСФСР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 14 с.

История советского крестьянства : в 5 т. Т. 2. М., 1986. 448 с.

История советского рабочего класса : в 6 т. Т. 2. М., 1984. 511 с.

Корнилов Г. Е. Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны // *Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985)*. Свердловск, 1988. С. 52–62.

Коровин Н. П. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки // *Проблемы социального развития советского общества*. Иваново, 1998. С. 82–88.

Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М., 1939. 307 с.

Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // *Отеч. история.* 1998. № 1. С. 97–117.

Молодчик А. В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг. : дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 309 с.

Нефедов С. А. Изменение уровня потребления продуктов питания в результате коллективизации // *Вестн. Тамбов. ун-та.* 2011. № 6. С. 208–213.

Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // *Труды ЦСУ.* Т. 22, вып. 1. М., 1925. 162 с.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008. 351 с.

РГАЭ. Ф. 1562 (ЦСУ СССР).

Саутин И. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // *Плановое хозяйство.* 1939. № 5. С. 7–17.

Стеблев Э. А. Экономика российской повседневности // *Российская повседневность 1921–1941 гг.* СПб., 1995. С. 117–119.

Струмилин С. Г. На плановом фронте, 1920–1930. М., 1958. 624 с.

Тулупников А. Н. Общественное хозяйство — основа зажиточности колхозников (бюджеты колхозников.). М., 1941. 142 с.

Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 3, 4. Свердловск, 1930.

Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня : пер. с англ. М., 2008. 422 с.

Allen R. Farm to Factory : a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003. 302 p.

Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1961. 472 p.

Chapman J. G. Real Wages in Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1963. 395 p.

FAOSTAT [Electronic resource]. URL: faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor (дата обращения: 10.02.2012).

Food Consumption in the United States. Miscellaneous Publication 550. Washington, 1944. 157 p.

Franklin H.L. Wartime Agriculture and Food Control in Germany // *Foreign Agriculture*. 1940. Vol. 4, April. P. 181–220.

Hunter H., Szyrmer J. M. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton: Princeton University Press, 1992. 339 p.

Naiken L. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment [Electronic resource]. Rome, 2002. URL: www.fao.org. (дата обращения: 10.02.2012).

Sandgruber R. Ökonomie und Politik : österreichische Wirtschaftsgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Wien, 1995. 669 S.

Статья поступила в редакцию 10.04.2012 г.

УДК 392.51 + 398 + 82-2

Ю. С. Подлубнова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
В ДРАМАТУРГИИ СТАЛИНСКОГО ВРЕМЕНИ
(ПО ПЬЕСЕ «УРАЛЬСКАЯ СВАДЬБА А. БАРАНОВА»)***

Рассматриваются механизмы создания и бытования советского фольклора (псевдофольклора), феномен советских театрализованных свадеб — образцов псевдофольклора, через которые советская идеология интегрировалась в народную культуру. Объясняются причины популярности театрализованных свадеб среди широких слоев населения СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: псевдофольклор; советская драматургия; Урал; театрализованная свадьба.

После Первого всесоюзного съезда писателей 1934 г. и прозвучавшей на нем речи А. М. Горького, в которой советские литераторы были призваны собирать, обрабатывать фольклор и «учиться на нем» [см.: Горький, с. 676], устное народное творчество в СССР получило статус своеобразного «естественного идеала народной литературы» [Юстус, с. 71]. Соцреализм с его установкой на широкие народные массы сознательно вторгся в поле народной культуры, значительную часть которого составлял фольклор, и работал в тех формах и с тем содержанием, которые были привычны для потенциального читателя. Как пишет У. Юстус, с середины 1930-х гг. «фольклор оказался как бы изначально социалистической литературой» [Там же, с. 70]. Он был понятен и знаком массам, как правило, не имел конкретного автора, т. е. принадлежал всему народу (разделенному на национальности, но в перспективе социалистической утопии уже единому, советскому), был более прагматизирован и более широко востребован, чем обычная литература. Это все соответствовало заявленной на съезде соцреалистической эстетике, ориентированной на массовость, народность, а также партийность, которой в фольклоре в чистом виде пока еще

* Исследование подготовлено в рамках интеграционного проекта УрО—СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

не было, но что являло зримый повод для активного вторжения советской риторики в эту область творчества.

Традиционные жанры народной культуры далеко не всегда поддавались реконструкции и переакцентировке в аспекте новых политических задач. Зачастую фольклор в СССР приходилось создавать заново, опираясь на советскую идеологию, мифологию, историографию, т. е. представляя обновленную версию фольклора без чуждых для власти идеологических элементов. Сталинская современность, заинтересованная в легитимации своих политических и социальных практик, нуждалась в исторических и мифологических аналогиях, для того нужно было переосмысление наследия прошлых эпох, в том числе и такого авторитетного для народа источника, как фольклор. Тогда, в силу своей исконной народности, он становился неоспоримым свидетельством правоты политики партии в прошлом и настоящем. «Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего», — отмечал А. М. Горький в той же речи [Горький, с. 676].

Все это обусловило расширение дефиниции фольклора. Так, известный фольклорист Ю. М. Соколов почти сразу после съезда отмечал: «Фольклор ценен для нас не только с исторической точки зрения, как памятник былого, как материал для художественного познания прошлого. Устная поэзия не отмерла, она жива, она создается и в наши дни» [Соколов, с. 6]. Как пишет К. Богданов, «практические задачи фольклористики, как они формулируются в 1930—1940-е годы, состоят, однако, не только и не столько в описании, собирании и изучении фольклорных текстов, сколько в пропаганде и воспитании “фольклоротворческих” масс» [Богданов, с. 93].

Обновленный фольклор начал эффективно работать на власть. Как отмечает У. Юстус, в середине 1930-х гг. в советскую культуру «вводится понимание фольклора, в котором различие между документом и фикцией исчезает, а вполне мифологические тексты советского фольклора становятся документами, якобы отражающими советскую действительность. В результате ассимиляции этического дискурса фольклорных текстов и практического дискурса историографии, эпически-мифологическая идеализация действительности и ее правдивое фактическое изображение перестали противостоять друг другу, но равным образом стали отражением сталинской фикции» [Юстус, с. 72—73]. Советский фольклор, по сути имитирующий мимезис, выдающий желаемое за действительное, стал одним из важных проводников советской риторики в массы, инструментом советской пропаганды.

Стоит отметить, что советский подход к фольклору как явлению исключительно литературному связан и с редукцией его обрядовой стороны. Как известно, благодаря ломке бытового уклада дореволюционной жизни и утрате актуальности традиционного народного календаря на смену народным праздникам пришли праздники советские. И. В. Ильиных отмечает, что «одним из наиболее эффективных агитационных механизмов, позволявших партийно-государственному руководству страны обеспечить необходимый уровень участия граждан в мобилизационных политической и социально-экономической

кампаниях, являлось формирование новой советской праздничной культуры. Именно праздники служили способом ассимиляции новой исторической мифологии в общественном сознании, легитимируя новый режим, новую власть, новую систему социальных норм и ценностей» [Ильиных, 268]. Используя прежние ритуальные формы и привлекая привычные народу архетипы, советские праздники — с их приоритетом доминирования государственного над личным — практически вытеснили праздники прежние, напрямую связанные с жизнью общины, обесмыслили их обрядовую сторону.

Это коснулось и свадебной культуры, в советское время практически утратившей сакральный смысл. Так, один из респондентов составителей сборника «Народное творчество Южного Урала» указал, что после 1920-х гг. свадьба перестала играть по-старинному [Народное творчество..., с. 18]. На смену свадьбе, ее обрядам и ритуалам, сакрализирующим действо, пришел советский брак, часто ограничивающийся лишь процедурой государственной регистрации. Как пишет В. Паперный, характеризуя политику власти в области брака и семьи в 1920-е гг., «традиционная семья — это институт, посвященный таинству рождения», в то время как советская культура «срывает с рождения ореол таинства, это для нее всего лишь акт воспроизводства. Глобальный коллектив этой культуры посвящен другому таинству — таинству труда» [Паперный, с. 147–148]. Напомним, что в декабре 1917 г. были отменены законы Российской империи, ограничивавшие права женщины в семье в отношении детей, имущества при расторжении брака. Советская женщина законодательно получила равные с мужчиной права на образование и профессию. Практика разводов и легкого вступления в новые браки прочно вошла в советский быт [см.: Харчев]. Справлять свадьбы стали гораздо меньше и скромнее.

Однако, несмотря на приоритеты советской власти в области праздничной культуры, в народе существовала и не могла не существовать тоска по настоящему общинному празднику. Это породило в искусстве СССР целый ряд театрализованных свадеб, пришедшихся на конец 1930 — начало 1950-х гг., т. е. на эпоху зрелого сталинизма, или, если говорить языком В. Паперного, культуры-2, нацеленной на частичную реставрацию явлений дореволюционной жизни. Именно этим обусловлено появление такого проекта, как «Уральская свадьба» А. Баранова (1940).

К созданию и реализации проекта его авторы (а Баранов был не единственным автором «Уральской свадьбы», хотя авторизованная пьеса принадлежала именно ему) шли не сразу. Так, известно, что еще в 1938 г. колхозники с. Покровского (которое находится в 15 км от г. Артемовска), занимающиеся театральной самодеятельностью, своими силами попытались поставить спектакль «Старинная уральская свадьба», основанный на уральских свадебных обрядах и фольклоре [см.: Баранов]. Вероятно, что эта идея пришла к колхозникам не без влияния всесоюзно известного спектакля «Свадьба в Малиновке» (либретто Л. Юхвида, музыка Б. Александрова), премьеры которого состоялась 8 ноября 1937 г. на сцене Московского театра оперетты. По крайней мере коллизии спектаклей схожи, как близки и театральные решения: в обеих постановках сюжет связан с сельской свадьбой, используются народные песни и танцы.

Идею покровцев всячески поддержал ответственный секретарь альманаха «Уральский современник», работник Свердловского областного дома народного творчества поэт Н. Куштум. Именно он подключил к этому проекту уже известного в регионе драматурга А. Баранова, задачей которого стала обработка материала «Старинной уральской свадьбы» и создание полноценного советского спектакля.

Привлечение советского драматурга к народному проекту свидетельствует о том, что власть не собиралась выпускать из-под контроля любые проявления инициативы снизу. Текст пьесы покровцев остался неизвестным, но качество первоначальной постановки было не очень высоким. Как подчеркивал драматург, покровцы, приехавшие в конце 1930-х гг. на областной смотр художественной самодеятельности со своей «свадьбой», не имели полноценной постановки. Не было драматических сцен, не было обобщений, спектакль состоял в основном из фольклорных песен, которые исполнялись по 10–15 минут [ГАСО, ф. 1961-р, оп. 1, ед. хр. 148, л. 14]. «Свадьба, поставленная на сцене, явление не бытовое, а драматургическо-театрального порядка, и когда ее делают на местах, получается плохо», — писал А. В. Баранов [Там же, л. 12–13]. Автор этими словами совершенно очевидно оправдывал переработку материала колхозников и неизбежное отступление от фольклорных источников.

Однако А. Баранов в данном случае нужен был не только и не столько как профессиональный писатель, который мог улучшить художественную составляющую спектакля, сколько как человек, имеющий ясное представление о политике партии в области искусства, способный оценить идеологическую сторону привлекаемого фольклорного материала. Ибо сталинской власти нужен был не всякий фольклор, а только советский, тщательно пропущенный через механизмы отбора и цензуры.

Примером такого фольклора может служить материал, представленный в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале», составителем которого выступил краевед В. П. Бирюков, спустя несколько дней после речи А. М. Горького на Съезде писателей в 1934 г. заключивший с редактором Свердловского издательства А. С. Ладейщиковым договор на сбор уральского фольклора и выпуск его в виде книги [см.: Дореволюционный фольклор...]. Фактически материал для сборника отбирал сам Ю. М. Соколов, с которым В. П. Бирюков вел переписку, а редакторскую подготовку выполнила Е. М. Блинова, дополнившая сборник частью собранного ею материала и акцентировавшая в нем социальную составляющую [см.: Блажес]. Обозначенная организация работы с фольклорными текстами показывает, как и кем создавался советский фольклор, через какие механизмы отбора он проходил. Кроме того, в сборник В. П. Бирюкова вошли «записанные по памяти» бажовские сказы рабочего Урала (чем собственно и знаменит этот сборник). Таким образом, сборник явился первым серьезным опытом публикации советского фольклора на Урале, учитывать который должны были все, кто впоследствии обращался к народному творчеству.

«Дореволюционный фольклор на Урале», без сомнения, был известен А. Баранову. Он включал разделы «Свадебные песни», «Семейные песни», «Песни любовные», «Народная драма», которые не могли не пригодиться в создании

«Уральской свадьба», хотя явных пересечений с этим сборником в пьесе нет. В архиве А. Баранова, хранящемся в ГАСО, находится целый ряд фольклорных материалов, собранных Н. Куштумом и И. Зайцевым, среди которых есть записи песен, сделанных в конце 1930-х — начале 1940-х гг. по всему Уралу, в том числе в с. Покровском [см.: ГАСО, ф. 1961-р, оп. 1, ед. хр. 151]. Здесь же хранится машинописный текст И. Зайцева «Деревенская свадьба на Южном Урале в конце XIX века. Запись свадебного обряда на Южном Урале» [Там же, ед. хр. 153]. Насколько были востребованы в «Уральской свадьбе» эти источники, сказать сложно: А. Баранов наверняка тщательно изучил их, но так и не включил в свой текст. Несколько позднее, отчитываясь по результатам фольклорной экспедиции по Свердловской области, организованной в декабре 1944 г., он зачитал участникам собрания фрагмент «Уральской свадьбы» и отметил, что некоторые материалы, в частности частушки, были записаны им самим в с. Покровском и что в 1937 г. он сам собирал фольклор от Соликамска до Ныроба [Там же, ед. хр. 148, л. 12].

С таким художественным багажом А. Баранов взялся за обработку материала колхозников и, учитывая общие установки искусства эпохи, положил его в основу полноценной пьесы, по-прежнему позиционировавшейся как народная [Там же, ед. хр. 21]. Решением свердловской комиссии пьеса была рекомендована к постановке в коллективах художественной самодеятельности. В феврале 1940 г. «Уральская свадьба» была заново поставлена в с. Покровском с участием хора из 40 колхозников. В марте 1940 г. премьеры спектакля успешно прошли в Артемовском и Свердловске [см.: Баранов, 1940, с. 15–16; Соломеин]. Уже в 1940 г. спектакль стал настолько популярен, что в области появились коллективы, ставящие свои, зачастую альтернативные, «Свадьбы» [см.: Баранов, 1940, с. 19]. Барановскую же пьесу в 1940-е гг. не раз ставили, по словам драматурга, самодеятельные коллективы Первоуральского, Каменск-Уральского, Арамилевского, Билимбаевского и десятка других районов [ГАСО, ф. 1961-р, оп. 1, ед. хр. 148, л. 13]. В постановках охотно участвовали 70-летние колхозницы. Даже начало Второй мировой войны и возникновение иных задач перед искусством не положили конец эпидемии самодеятельных «Свадеб» в регионе.

Стоит сказать, что звездным часом «Уральской свадьбы» стала премия на Всесоюзном конкурсе на лучшую пьесу РСФСР в 1941 г., что лишний раз подтверждает сам факт востребованности псевдофольклора в сталинское время.

Итак, «Уральская свадьба» с момента создания до ее явного успеха рассматривалась как «пример музыкально-драматического народного творчества» [см.: Баранов, 1940, с. 16], при том что была все-таки авторской.

Сам ее сюжет, основу которого составляет брак по велению родителей и вопреки воле невесты, был типичен как в целом для дореволюционной жизни, так и для дореволюционного искусства, в том числе и фольклора. Так, в сборнике В. П. Бирюкова приведен целый ряд песен, в которых судьба невесты решается без ее участия (1-я из раздела «Свадебные песни», 2–5-я из «Семейных песен»). Покровская «народная» драма помещала этот сюжет в условные

деревенские декорации. В «Уральской свадьбе» главная героиня, крестьянская девушка Нюра, любит парня Илюшу, но родители, руководствуясь материальными соображениями, прочат ее замуж за немилого Иванко. В первоначальной версии, представленной колхозниками, т. е. «старинной свадьбе», Нюра смиряется с судьбой и покорно выходит замуж. Недаром после просмотра постановки трудящиеся Артемовска внесли предложение сделать «вторую серию» спектакля, «в которой должна быть отражена жизнь выданной замуж невесты с немилым человеком» [Баранов, 1940, с. 16]. Однако в пьесе А. Баранова на свадьбе Нюры с Иванко появляется Илюша и изливает свое горе в пляске, в то время как девушка принимает смертельную дозу стрихнина.

Откровенно мелодраматическая развязка пьесы была явно позаимствована из литературы. Даже в песенном фольклоре смерть девушки — не столь частое явление, обусловленное, как правило, несчастной любовью или коварством окружающих. Н. П. Колпакова, анализируя любовные песни, приводит, например, такой сюжет: милый уезжает, мачеха отдает девушку замуж за лакея, она оправляет милому сокола с известием, а сама убивает себя [см.: Колпакова, с. 150]. Однако в свадебном фольклоре трагический финал — явление скорее исключительное. Баранову, погубившему героиню «Уральской свадьбы», необходимо было заострить сюжет и, возможно, сделать развязку более лаконичной и более идеологизированной. «Вспоминая свою тяжелую, бесправную жизнь в недалеком прошлом, сравнивая ее со счастливыми днями колхозной жизни, покровские колхозницы решили в форме театрализованного выступления хора показать это проклятое прошлое нашей советской молодежи, чтобы она еще сильнее любила свою социалистическую родину», — комментирует постановку покровцев А. Баранов [1940, с. 2]. Драматургу важно было подчеркнуть, что темное царское прошлое с его суровыми социальными условиями, обычаями и предрассудками калечило судьбы людей, в связи с этим высвечивалась позитивная сторона политики советского государства в отношении семьи и брака, отменившей диктат родителей над вступающими в брак и позволяющей молодым людям по своей воле выбирать спутников жизни.

Изменение, обусловленное идеологическими соображениями, было внесено и в систему персонажей. Так, в барановской пьесе появляется образ богатого мужика Константина Терентьевича, откровенно наживающегося на свадьбе. Таким образом, был сделан акцент на социальных отношениях в дореволюционной деревне, которые получили оценку в новой, советской, системе координат, где есть кулаки и бедняки, а социальная правда всегда находится на стороне бедняка.

Совершив указанные изменения, а также полностью сочинив диалоги и описания обстановки, т. е. сделав из самодеятельной постановки полноценную советскую пьесу, А. Баранов оставил в подзаголовке определение «народное представление». Именно за это его критиковал слушатель отчета по результатам фольклорной экспедиции, объявленной в декабре 1944 г., Владимирский (вероятно, писатель В. Владимирский), утверждавший, что надо показывать массам настоящие народные представления, а не литературные обработки [ГАСО, ф. 1961-р, оп. 1, ед. хр. 148, л. 13]. Владимирского поддержали и остальные

участники разговора, однако сам А. Баранов уклонился от оценки «народности» своей пьесы.

И действительно, ее связь с народной культурой довольно непроста. Будучи по существу псевдофольклорной, пьеса тем не менее воспринималась как органичное для своего времени фольклорное явление и была востребована публикой. В частности, популярность этого спектакля была во многом обусловлена тем, что советский фольклор — с его набором архетипов, системой жанров, традиционной образностью, ритуалами и обрядами — уже стал весомой частью народной культуры. Сама постановка «Старинной уральской свадьбы», предпринятая колхозниками, генетически восходила к традиции народного театра и постановок народной драмы. Как отмечает В. П. Бирюков, «даже поверхностный опрос уральцев говорит о весьма широком распространении народной драмы на Урале» [Дореволюционный фольклор..., с. 59]. Народная самодеятельность была тесно связана с фольклорными обычаями и широко пользовалась народными текстами. Например, популярную драму «Шайка разбойников» неоднократно ставили в Екатеринбурге на праздник Масленицы, для чего привлекали даже профессионального актера Уляшева. В с. Сосновском Шадринского уезда эту же пьесу ставили работники сапожно-посадной мастерской [см.: Там же, с. 60]. Смотреть такие представления съезжалось множество народа из окрестностей.

«Старинная уральская свадьба» возникла именно как народная драма и продолжила традиции самодеятельных постановок в регионе. «Уральская свадьба» А. Баранова, подменившая «Старинную уральскую свадьбу» на колхозных подмостках, получила в наследство от фольклорной постановки и миджнародного представления, что, в свою очередь, обеспечило некую особую достоверность всему изображаемому на сцене, ибо автором пьесы объявлялся народ, а не А. Баранов. Довольно типичная по содержанию советская пьеса (изображение темного прошлого) «Уральская свадьба» получила признание как продукт народного творчества. Эту подмену, без сомнения, можно назвать удачной: подменялась в данном случае не только и не столько сама фольклорная постановка. Народ как бы самостоятельно, от своего имени, заговорил по-советски, что создавало миф о некоей органической народности советской картины мира.

Этот прием использовался в советском искусстве довольно широко. Например, на смотры художественной самодеятельности в Свердловске постоянно привозили «народные представления» в советской обработке. Известно, что на Втором областном смотре были показаны «Колхозная вечеринка» (в спектакле приняли участие колхозники из колхоза «Памяти Чкалова», автором постановки выступил избач В. Плясовских) и «Женщина прошлого и настоящего нашей страны» (представление колхозников из Кушвинского района) [II Областной...]. Эти и многие другие постановки, как и «Уральская свадьба», воссоздавали, а в действительности имитировали народные обычаи и ритуалы в целях советской пропаганды. С другой стороны, они были популярны и востребованы, а по сути — народны, т. к. в той или иной степени изображали близкую зрителям жизнь в ее частном измерении, то, что являлось дефицитом в официальном советском искусстве.

В разговоре именно о советских театрализованных свадьбах нельзя не вспомнить пьесу Н. Дьяконова «Свадьба» (1949), переведенную с языка коми А. Глебовым под названием «Свадьба с приданым» (1950) и поставленную впервые в Московском театре сатиры. В 1953 г. на «Мосфильме» режиссерами Т. Лукашевич и Б. Равенских был снят одноименный фильм-спектакль, получивший всесоюзную известность. В фильме, изображавшем будни и праздники колхозной жизни, колхозники пели народные песни и плясали. Известно, что музыку к спектаклю написал Б. Мокроусов, тексты песен — А. Фатьянов. Используя прием имитации фольклора, авторы спектакля и фильма-спектакля целенаправленно отсекали в народной культуре все чуждое и постороннее идеологии и мифологии власти. При этом спектакль и фильм имели огромный успех: любовь колхозников и деревенская свадьба не могли оставить равнодушными миллионы советских граждан, для которых частная жизнь, несмотря на старания социальной риторики, оставалась предметом живейшего интереса.

Следует отметить двойственную природу театрализованных свадеб в советском искусстве. Они, без сомнения, явились ярким примером с т а л и н с к о г о п с е в д о ф о л ь к л о р а, обслуживающего социальный заказ времени, что прекрасно понимала власть, интегрировавшая через фольклор советское в самую сердцевину народной культуры и тиражируя советское как народное. Однако широкая востребованность этих постановок свидетельствует о том, что частная жизнь и свадьба как некое праздничное действие не потеряли актуальности для народа, живущего своей жизнью, зачастую далекой от установок власти. «Уральская свадьба», таким образом, равно как и другие театрализованные свадьбы в СССР, была представлением на потребу публики, недаром именно эта пьеса стала самой востребованной из пьес А. Баранова.

II Областной смотр художественной самодеятельности // Урал. рабочий. 1940. 28 марта. Баранов А. В. «Уральская свадьба» в исполнении хора колхозниц Покровского дома культуры (опыт работы над ее подготовкой). Свердловск, 1940.

ГАСО. Ф. 1961-р. Оп. 1. Ед. хр. 148 (Баранов А. В. Отчет о результатах экспедиции по вопросам фольклора по Свердловской обл.); Ед. хр. 21 (Баранов А. В. Уральская свадьба. Народное представление в 5-ти действиях).

Блажес В. В. К истории создания бажовских сказов // Изв. Урал. гос. ун-та. 2003. № 28. [Сер.] Гуманитар. науки. Вып. 6. С. 5—11.

Богданов К. А. Наука в эпическую эпоху: классика фольклора, классическая филология и классовая солидарность // Новое лит. обозрение. 2006. № 78. С. 86—125.

Горький А. М. Заключительная речь на I Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 : стеногр. отчет. М., 1990. С. 675—681.

Дореволюционный фольклор на Урале / сост. В. Бирюков. Свердловск, 1936.

Зайцев И. С. Деревенская свадьба на Южном Урале в конце XIX века : запись свадебного обряда на Южном Урале // ГАСО. Ф. 1961-р. Оп. 1. Ед. хр. 153.

Записи песен, сделанные И. Зайцевым, Куштумом и др. на Урале // ГАСО. Ф. 1961-р. Оп. 1. Ед. хр. 151.

Ильиных И. В. Формирование праздничной культуры на Урале на рубеже 1920—1930-х гг.: карнавализация политического дискурса // II Емельяновские чтения. Курган, 2007. С. 268—270.

- Колтакова Н. П.* Русская народная бытовая песня. М., 1962.
Народное творчество Южного Урала / сост. И. С. Зайцев ; под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Вып. 1. Челябинск, 1948.
Паперный В. Культура Два. М., 1996.
Соколов Ю. М. Что такое фольклор? М., 1935.
Соломеин П. Уральская свадьба // Урал. рабочий. 1940. 3 апр.
Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
Юстус У. Возвращение в рай. Соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 70–86.

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

УДК 762/11(470.5) + 316.462

А. В. Сушков, С. А. Пьянков

**ГРАВЮРА И ВЛАСТЬ:
КРИЗИС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
ЗЛАТОУСТОВСКОГО ЗАВОДА В СЕРЕДИНЕ XX в.***

Освещается неизвестная страница двухвековой истории знаменитой златоустовской гравюры на стали, когда в середине XX в. ее производство находилось на грани исчезновения. Анализируются мероприятия по сохранению художественного производства, предпринятые региональными и центральными органами власти на фоне проводившейся в СССР кампании по борьбе с космополитизмом. По мнению авторов, действия органов власти способствовали возрождению уникального самобытного искусства, являющегося ныне одним из узнаваемых символов Уральского региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: златоустовская гравюра на стали; журнал «Крокодил»; кампания борьбы с космополитизмом.

Знаменитая златоустовская гравюра на стали, зародившаяся как искусство украшения клинков, обладает почти двухвековой историей и является отражением подвижных и многоликих образов прошлого. Златоустовской гравюре посвящены десятки исторических, искусствоведческих и научно-популярных работ. Наибольший интерес у исследователей вызывает первое столетие в развитии гравюры (XIX — начало XX в.), когда этот вид искусства переживал период своего наивысшего расцвета и когда были созданы художественные произведения высочайшего уровня, ныне ставшие экспонатами центральных музеев страны. История златоустовской гравюры в советское время также нашла отражение в ряде исследований [см., например: Глинкин; Златоуст — город крылатого коня; Никифорова; Смоленков], но в целом остается изученной не так тщательно и детально, как за предшествующий период. В частности,

* Публикация подготовлена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 14.740.11.0209.

одной из неизвестных страниц остается история возрождения этого вида искусства в середине XX в., когда остро стоял вопрос даже не столько о развитии гравюры, сколько о выживании уникального производства. Специалисты отмечают, что в 1950-е гг. начался процесс преодоления кризиса, в котором находилось производство гравюры: описываются творческие искания мастеров, констатируются некоторые изменения в организации художественного производства [см.: Глинкин, с. 22–23; Никифорова, с. 14–19; Смоленков, с. 24–25]. Тем не менее институциональный аспект этого процесса, главным образом ввиду труднодоступности источниковой базы, остался вне поля зрения исследователей. Без понимания роли, которую играли местные и центральные партийно-государственные органы власти в организации художественного производства Златоустовского завода, невозможна полноценная реконструкция исторического развития гравюры в XX в.

Возникновение гравюры связано с именами немецких мастеров-оружейников из г. Золингена — Вильгельма Шафа и его сына Людвига, приглашенных в 1815 г. на Златоустовскую оружейную фабрику¹ для обучения этому изящному делу русских мастеров. В 1818 г. они подготовили первых учеников, которые в скором времени своим мастерством превзошли наставников. Особым изяществом и красотой отличались изделия, выполненные знаменитыми мастерами граверного дела И. Н. Бушуевым, И. П. Бояршиновым, П. А. Тележниковым. До начала XX в. основной продукцией златоустовских граверов было украшенное холодное оружие, а происходившие в производстве изменения преимущественно были связаны с совершенствованием технологии изготовления и декорирования клинков [Бурмакин, с. 249–250; Ковина, 1994, с. 135–136].

С установлением советской власти содержание гравюры заметно преобразилось. Развернувшийся процесс внедрения новых базовых смыслов и значений захватил как абстрактные символы, так и конкретные предметы, которые приобрели отчетливую классовую окраску. Новыми образами гравюры становятся революционная атрибутика и символика молодого советского государства. Основу художественного производства в 1920-е гг. составляли бытовые вещи: декоративные охотничьи топоры и ножи, столовые приборы, ножи для резки бумаги и, в меньшей степени, именное наградное оружие. Эти изменения отражали процесс создания новой социальной реальности, где искусство, по выражению председателя ВЦИК М. И. Калинина, посетившего завод в 1920 г., должно «принадлежать народу», «входить в быт и украшать жилища» [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 179].

¹ Златоустовская оружейная фабрика, первоначально являвшаяся самостоятельным предприятием, была частью Златоустовского чугуноплавильного и железоделательного завода. В течение XX в. завод неоднократно менял ассортимент продукции и свое наименование: в 1920-х гг. — Златоустовский механический завод, в 1931 г. переименован в Златоустовский инструментальный завод-комбинат им. В. И. Ленина, в 1939 г. завод передан в ведение Наркомата боеприпасов и переведен в номерные (№ 259), в 1948 г. сменил название на Златоустовский машиностроительный завод им. В. И. Ленина, с 1992 г. — ОАО «Производственное объединение “Булат”» [см.: Гаврилов, Рукосуев, с. 210–218; Окунцов, с. 476–478].

В 1930-е гг., на фоне роста советской индустрии, в развитии златоустовской гравюры фиксируется отчетливый спад. Еще в 1929 г. на заводе прекращается выполнение заказов на экспорт, а из запланированного выпуска 30 тыс. наборов столовых приборов была изготовлена только десятая часть. Постепенно прекратилось производство большинства художественных изделий по старым образцам. С середины 1930-х гг. большую часть продукции художественного отделения завода стали составлять стальные пластины, выполненные в так называемом «суровом» стиле, с изображениями примитивно выгравированных пейзажей или копиями популярных картин русских художников. Одновременно стандарт и ремесленничество становились все более присущи творчеству граверов, мастера теряли единство формы и украшения вещи. Дело дошло до того, что зазвучали предложения о закрытии в Златоусте граверного дела [см.: Глинкин, с. 21].

С началом Великой Отечественной войны первостепенной задачей завода стало наращивание выпуска военной продукции. Только за первые шесть месяцев войны производство всей номенклатуры снарядов увеличилось в 3,8 раза, из них бронебойных — в 11 раз. Завод выпускал также корпуса мин, кавалерийские шашки, армейские ножи [см.: Чепуров, с. 30–37; Окунцов, с. 478], при этом массовое производство декоративно-прикладных изделий, украшенных гравюрой, было приостановлено и возобновилось только по окончании войны. В послевоенные годы завод, как и другие подведомственные упраздненному Наркомату боеприпасов предприятия, перешел в систему Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР и встал на трудный путь освоения производства новых видов гражданской продукции — буровых установок для нефтяной промышленности, культиваторов и чаеуборочных машин для сельского хозяйства. Среди прочей сложной сельскохозяйственной техники на заводе начался выпуск комбайна «Сталинец-4» — первого советского самоходного зерноуборочного комбайна. Руководство завода было всецело поглощено налаживанием принципиально нового, испытывавшего значительные трудности производства, областная газета «Челябинский рабочий» обрушивалась на директора и главного инженера с критикой за штурмовщину [см.: Мацевич; Верзак, с. 119–123].

В то же время производство гравюры в плановые задания заводу не включалось, было нерентабельным. Высокая стоимость, низкая художественная ценность и однообразие выпускаемых изделий (мастера жаловались, что производят одних только «шишкинских мишек») не способствовали их реализации в голодные послевоенные годы, склад был забит готовой продукцией. Отношение руководства завода к художественному производству было соответствующим. Специальный цех, где производилась гравюра, утратил свою самостоятельность и был преобразован в отделение цеха холодного оружия, в котором трудились 15–18 граверов. Старые мастера в заработной плате были уравнены со вчерашними выпускниками ремесленного училища, часто сидели без работы. Сталью, золотом и другими материалами художественное производство обеспечивалось по остаточному принципу. Несмотря на выпущенные в военные и первые послевоенные годы отдельные высокохудожественные изделия: почетное наградное оружие (клинок) И. В. Сталину с изображением Сталинградского сражения, меч А. А. Жданову, художественные клинки маршалам Советского Союза, преподне-

сенный И. В. Сталину на его 70-летие альбом художественной гравюры «Сталинский Урал», художественно оформленные отчеты и рапорты руководителям страны, ряд картин и композиций, — в целом, производство златоустовской гравюры в конце 1940-х гг. переживало упадок [см.: ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 175—176, 180—181, 183 об.—184; Митницкий, с. 7].

Нельзя сказать, что местные и региональные органы власти совершенно бездействовали, однако их попытки вдохнуть в производство гравюры новую жизнь успеха так и не принесли. В частности, по инициативе Челябинского обкома ВКП(б) и согласно распоряжению Совнаркома СССР в начале 1946 г. на базе Златоустовского ремесленного училища № 4, выпускавшего специалистов для завода им. Ленина, была организована подготовка граверов-художников. Однако ввиду упадка самого художественного производства из более ста граверов, подготовленных с 1946 по 1950 г., на заводе по специальности стали работать только 18 человек. В результате Златоустовский горком ВКП(б) вынужден был обратиться в обком партии с просьбой выступить в Москве с новой инициативой: на этот раз поставить вопрос о направлении выпускников училища на другие предприятия, где полученная ими специальность «гравер-художник» была бы востребована [см.: ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 187].

В корне изменить сложившуюся ситуацию можно было только путем комплексного решения всех проблем, связанных с производством художественной гравюры. Это стало возможным лишь после смены руководства Челябинской области в начале 1950 г. Вновь внимание партийных органов к производству гравюры было привлечено при нижеследующих обстоятельствах.

В один из зимних дней 1949/50 г. среди посетителей Златоустовского краеведческого музея оказался известный в стране «крокодилец», один из ведущих сатириков журнала «Крокодил» Л. Д. Митницкий. Лазарь Давидович с интересом ознакомился с экспонировавшимися произведениями прославленных мастеров-граверов И. Н. Бушуева и И. П. Бояршинова. От директора музея он узнал, что процветавшее в прошлом производство гравюры в последние годы зачехло. Пытаясь выяснить причины сложившейся ситуации, спецкор «Крокодила» встретился с известными мастерами-граверами, посетил готовившее граверов ремесленное училище, побывал на приеме у директора завода и секретаря Златоустовского горкома ВКП(б). Выслушав доводы директора завода Г. В. Киселева, что производство гравюры не включено в промфинплан и не является профильным для завода, заверения секретаря горкома П. Ф. Токмакова, что партийные органы вот-вот вплотную займутся этим вопросом, Л. Д. Митницкий подготовил фельетон, опубликованный на страницах «Крокодила» под заголовком «Исходящая слава». Основными виновниками «исходящей славы» златоустовской гравюры были названы «местные товарищи» — руководители завода и Златоустовского горкома партии [см.: Митницкий, с. 7].

Критическая публикация массового советского журнала политической сатиры «Крокодил», носившего высокий и ответственный статус издания газеты «Правда» — печатного органа ЦК ВКП(б), не могла быть проигнорирована местной властью. Тем более что копия статьи была выслана в Челябинск за подписью ответственного секретаря «Крокодила» Е. Весенина с просьбой

сообщить о принятых мерах. Правда, по ошибке редакции журнала фельетон поступил в Челябинский горком ВКП(б), но второй секретарь этого горкома Н. В. Лаптев незамедлительно переадресовал его обкому партии. В итоге статья из «Крокодила» легла на стол заведующему машиностроительным отделом обкома ВКП(б) Б. В. Руссаку, т. к. Златоустовский машиностроительный завод им. Ленина по партийной линии курировался этим отделом [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 185].

Б. В. Руссаку предстояло на месте проверить изложенные в фельетоне факты и продумать, как обком партии будет реагировать на публикацию. С этой целью он прибыл в Златоуст, где посетил Завод им. Ленина. С заводом Борис Васильевич был знаком не понаслышке, и не только как заведующий обкома партии. Сюда он пришел восемнадцатилетним юношей в 1930 г. и проработал (с небольшим перерывом на службу в армии) двенадцать лет, пройдя путь от токаря до начальника цеха и председателя завкома профсоюза, одновременно окончил местный механический техникум. На работу в Челябинский обком партии он был переведен только в победном 1945 г. [Там же, оп. 160, д. 82, л. 5 об., 7, 9, 20, 25–25 об.]

Руссак побывал и в цехе, производившем художественные изделия. Встретиться непосредственно со старыми мастерами-граверами, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, ему по каким-то причинам не довелось. Но те, узнав, что состоянием производства гравюры интересовался высокий партийный начальник, искренне переживая за судьбу дела, которому посвятили свою жизнь, написали ему письмо, в котором изложили свое видение проблемы. Мастера с обидой писали, что дирекция завода в газетных публикациях заявляет о развитии граверного дела, что условия для него созданы, а на самом деле стоит вопрос о ликвидации производства под предлогом его нерентабельности, убыточности и застоя, что граверы часто слышали в свой адрес: не до вас! Мастера обращались с просьбой освободить опытных граверов от сдельной работы, обеспечить художественное отделение металлом и «отработанным» золотом, обновить ассортимент выпускаемой продукции и создать условия для подготовки молодых граверов непосредственно на производстве [Там же, оп. 14, д. 82, л. 183–184 об.]

Подписали письмо пять мастеров. Среди них был ведущий художник, автор большинства уникальных подарочных произведений, преподнесенных руководителям страны в 1930–1940-е гг., А. И. Боронников — первый, кто воспроизвел на стали портреты советских вождей. Большую известность имел и другой подписант, ученик Боронникова М. В. Добровольский, также в годы войны работавший над украшением наградного и почетного оружия, один из ведущих художников, принимавших участие в украшении памятного альбома к 70-летию И. В. Сталина. Старейшим мастером, подписавшим письмо, был Н. Ф. Морозов, пришедший на завод учеником гравера еще в 1894 г. Именно 68-летнего Николая Федоровича Морозова граверы уполномочили доставить их послание Б. В. Руссаку, что и было им выполнено [см.: Там же, л. 180, 184 об.; Гарус, с. 491; Ковина, 1997, с. 44; Ковина, 2008, с. 126].

В конце июля 1950 г. Б. В. Руссак подготовил на имя первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) А. Б. Аристова служебную записку, в которой

дал краткую историческую справку и современное состояние производства художественной гравюры, а также представил составленный на основе записки проект постановления бюро обкома партии. В записке и проекте постановления критика журнала «Крокодил» признавалась «совершенно правильной», и также правильными признавались вопросы, поставленные в письме художниками-граверами. При составлении обоих документов Б. В. Руссак опирался на письмо старых мастеров. В частности, он поставил вопросы об изменении системы оплаты труда, о выделении для производства необходимых материалов (даже увеличил годовую потребность производства в золоте до 200 г вместо испрашиваемых граверами 125) и о подготовке квалифицированных кадров.

Б. В. Руссак обратился к А. Б. Аристову с просьбой заслушать на заседании бюро обкома партии его сообщение по этому вопросу и принять соответствующее постановление. Вместе с запиской и проектом постановления Руссак направил Аристову фельетон в «Крокодиле» и коллективное письмо граверов [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 182].

Спустя месяц, 23 августа на заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) был заслушан доклад Б. В. Руссака, после чего А. Б. Аристов подписал подготовленное им постановление. Аристов лишь несколько месяцев назад решением Политбюро ЦК ВКП(б) возглавил руководство Челябинской области. Инженер-металлург по образованию, кандидат технических наук, в отличие от своего предшественника А. А. Белобородова — агронома по специальности, он профессионально разбирался в тонкостях не только металлургического производства, но и машиностроения [см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1543, л. 42; ОГАЧО, ф. П-288, оп. 158, д. 261, л. 4–7; Кибиткина, с. 84]. Как правило, Аристов подвергал существенным корректировкам представленные ему на подпись проекты постановлений. Однако проект, предложенный Б. В. Руссаком, пришелся ему по душе, свидетельством чему служили лишь две внесенные им в текст стилистические правки.

Констатирующая часть принятого постановления была призвана показать значимость златоустовской гравюры в советском искусстве. На первой же странице постановления имя Сталина в том или ином контексте упоминалось пять раз — либо в качестве получателя ценных произведений граверного искусства, либо в качестве персонажа этих самых произведений (имя Ленина упоминалось два раза как неотъемлемая часть наименования завода) [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 175].

Виновными в «неудовлетворительном руководстве производством художественной гравюры и беззаботном отношении к вопросам ее дальнейшего развития» в постановлении объявлялись дирекция и партком Златоустовского завода имени Ленина². Директору завода Г. В. Киселеву вменялось в обязанность,

² На Златоустовский горком ВКП(б) критика, в отличие от статьи в «Крокодиле», не распространялась вероятнее всего по причине симпатий А. Б. Аристова к первому секретарю этого горкома Д. В. Брагину как руководящему работнику. Свидетельством этому служат состоявшиеся в 1951–1952 гг. продвижения Д. В. Брагина по служебной лестнице: сначала он был утвержден первым секретарем Челябинского горкома ВКП(б), затем вторым секретарем обкома партии [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 131, д. 102, л. 1, 20 об.; оп. 16, д. 17, л. 3].

как и просили художники-граверы, обеспечить их работой по заранее разработанной и утвержденной тематике, удовлетворить потребность в материалах для выпуска высококачественной гравюры. Кроме того, дирекция должна была организовать учебу художников-граверов из числа окончивших ремесленное училище, выделив для этой цели опытных мастеров, используя обмен опытом и консультации с художниками Москвы, Ленинграда и других городов страны.

Далее следовали просьбы к министру финансов СССР А. Г. Звереву и министру сельскохозяйственного машиностроения СССР П. Н. Горемыкину разрешить заводу использовать отходы золотого раствора от производства холодного оружия для отделки художественной гравюры на металле из расчета потребности золота для этой цели до 200 г в год. Кроме того, решить вопрос о снижении в два-три раза отпускных цен на произведения художественной гравюры и установить для старейших и наиболее квалифицированных художников-граверов окладную систему оплаты труда в зависимости от квалификации и стажа работы.

Отдельным пунктом было оформлено обращение обкома партии в Совет Министров СССР в лице заместителя председателя Совмина К. Е. Ворошилова, возглавлявшего в правительстве Бюро по культуре. Обком просил рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии производства златоустовской художественной гравюры на металле и о возложении на Министерство торговли СССР обязанности обеспечить реализацию произведений через систему магазинов по продаже ювелирных изделий и товаров культурного обслуживания (ювелир-торгов и культмагов).

И, наконец, отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) и отдел искусств Челябинского облисполкома должны были организовать контроль за идейной направленностью и художественным качеством произведений гравюры [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 176–178].

Ежемесячно в высшие и центральные органы власти из Челябинского обкома ВКП(б) исходили десятки обращений, оформленных в виде писем либо постановлений бюро обкома. Подавляющее их большинство касалось выделения для области дополнительных финансовых и материально-технических ресурсов, содействия в решении определенных народно-хозяйственных задач. В зависимости от важности или масштабов испрашиваемого эти просьбы могли адресоваться как главе советского государства И. В. Сталину и членам высшего руководства страны, так и чиновникам многочисленных министерств и ведомств союзного и республиканского уровней. Большинство просьб региональных руководителей не находили поддержки у адресатов, ведь фонды, находившиеся в распоряжении последних, распределялись на всю страну в соответствии с установленными правительством приоритетами. Тем не менее постановление бюро Челябинского обкома партии о развитии производства златоустовской художественной гравюры неожиданно нашло горячий отклик в союзных министерствах. Центральная власть страны, с трудом залечивавшей нанесенные войной раны, тратившей колоссальные средства на реализацию собственного атомного проекта, власть, отказывавшая регионам порой в самом

необходимом, вдруг проявила неподдельный интерес к сохранению декоративно-прикладного искусства в уральской провинции.

Реакция московских чиновников была обусловлена тем, что в СССР в это время только начала стихать шумная кампания по борьбе с космополитизмом и низкопоклонничеством перед Западом. В закрытом письме ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина от 16 июля 1947 г. причиной имевших место проявлений «пресмыкательства перед иностранщиной» называлось то обстоятельство, что некоторая часть советской интеллигенции находилась «в плену пережитков проклятого прошлого царской России», а именно сохраняла пренебрежительное отношение к национальной культуре. «Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости, — говорилось в документе. — Начиная с XVIII века Россия была наводнена иностранцами, которые вели себя как представители высшей расы и высшей культуры. Не случайно поэтому... в XVIII—XIX вв. русское дворянство до того растеряло свой национальный облик и традиции, что забыло русский язык и рабски копировало все французское. Позднее преклонение перед французскими нравами и французской культурой сменилось у господствующих классов России низкопоклонством перед немцами» [цит. по: Есаков, Левина, с. 238]. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) объявляло важнейшей задачей партии воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма. В письме, кроме того, было указано на слабость партийно-политической работы в министерствах и на необходимость «подлинно большевистского воспитания» министерских работников [Там же, с. 240].

Другим программным документом кампании стала статья президента Академии художеств СССР А. М. Герасимова «За советский патриотизм в искусстве», опубликованная в «Правде» полутора годами ранее описываемых событий. Автор, отметив, что «советское изобразительное искусство добилось своих творческих побед в борьбе с космополитизмом и формализмом», призвал вернуть борьбу с космополитами и формалистами из числа критиков. К таким критикам, пишущим по вопросам изобразительного искусства, «эстетствующим космополитам, лишенным здорового чувства любви к Родине и к народу», был отнесен Абрам Маркович Эфрос — искусствовед, театровед, литературный критик и переводчик, преподававший в ГИТИСе. Герасимов обвинил его в отрицании самой возможности существования национальной русской художественной школы, и в том числе вменил Эфросу в вину нападки на известного советского мастера гравюры на дереве и линолеуме, народного художника РСФСР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Сталинской премии И. Н. Павлова. А. М. Герасимов припомнил Абраму Марковичу едкие критические высказывания в адрес мастеров: «Надеюсь, никто, кроме библиографов, не назовет этих достойных всякого уважения деревообделочников художниками гравюры». В статье президент Академии художеств сообщал, что на состоявшейся в Москве сессии академии А. М. Эфрос и другие «последыши буржуазного космополитизма и эстетства» были «разоблачены» [Герасимов]. «Разоблаченный», лишенный работы А. М. Эфрос был вынужден покинуть

Москву и уехать в Ташкент, где он смог устроиться преподавателем в местный театральный институт.

Использовать кампанию борьбы с космополитизмом во благо развития производства художественной гравюры в Златоусте решил завотделом Челябинского обкома ВКП(б) Б. В. Руссак. Свое письмо на имя А. Б. Аристова он предварил краткой исторической справкой, где отметил, что производство художественной гравюры на металле основано «талантливыми русскими мастерами-художниками», что гравюра «самобытна, нигде в мире не делают подобных гравюр». А недостатки в ее производстве, как он указывал ниже, возникли «вследствие невнимания к этому виду самобытного народного искусства со стороны вышестоящих заинтересованных организаций и руководства завода» [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 82, л. 179, 181].

Руссак скорее умышленно, нежели в силу предоставленной ему информации, вводил адресата в заблуждение, говоря, что гравюра появилась в Златоусте благодаря русским, а не немецким мастерам. Подобное лукавство региональному партийному руководству было только на руку, т. к. значительно увеличивало шансы на положительное разрешение просьбы обкома партии. Той же цели служили многократно упоминавшиеся в документе характеристики художественной гравюры как самобытного народного искусства. Большинство этих формулировок Б. В. Руссак использовал при составлении констатирующей части постановления бюро обкома партии, которое было разослано в союзные министерства и произвело там нужный эффект. Никто из представителей «вышестоящих заинтересованных организаций» в пылу борьбы с космополитизмом и низкоклонством перед Западом не захотел быть обвиненным в гибели «самобытного народного искусства», быть причисленным к «безродным космополитам» и испытать на себе методы «подлинного большевистского воспитания». Министерство финансов СССР не стало возражать против установления убыточных цен на гравюры и изменения системы оплаты труда художников-граверов и только лишь запросило на это санкцию Совета Министров СССР. В Министерстве сельскохозяйственного машиностроения СССР проблемами златоустовской гравюры вплотную занялся заместитель министра, начальник Главного управления комбайновой промышленности С. А. Акопов, невзирая на то, что производство комбайнов в Златоусте продолжало лихорадить (несколько месяцев назад в результате антикосмополитической кампании Акопов был снят с должности министра автомобильной и тракторной промышленности СССР [см.: Костырченко, с. 625; Ивкин, с. 192–193]). С. А. Акопов сообщал в Челябинск, что министерство решило не ограничиваться признанием своевременности поставленных бюро Челябинского обкома ВКП(б) вопросов о сохранении и развитии художественной гравюры по металлу на Златоустовском заводе им. Ленина. Ввиду того, что поднятые Челябинским обкомом проблемы могли быть разрешены только на более высоком уровне — союзным правительством, министерство самостоятельно (!) подготовило и направило на имя заместителя председателя Совмина СССР А. И. Ефремова соответствующий проект постановления Совета Министров СССР [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 14, д. 131, л. 59, 81–84]. Механизмы огромной партийно-государственной машины пришли в движение...

В результате предпринятых региональными и центральными органами власти решительных действий производство златоустовской гравюры на стали не только было сохранено, но и получило свое дальнейшее развитие.

В 1951 г. на заводе был образован художественный совет, костяк которого, правда, составили инженерные работники — около десятка человек, и лишь трое художников-граверов были удостоены включения в его состав. Тем не менее, по мнению исследователей, сам факт создания совета стал заметным шагом вперед. Завод получил возможность дополнительного материального обеспечения ведущих мастеров гравюры с тем, чтобы они без ущерба для заработка могли заниматься творческими изысканиями [см.: Маркелов; Никифорова, с. 15]. Старые художники-граверы Н. Ф. Морозов и И. И. Бахарев выступили с инициативой возрождения орнаментального искусства украшения прикладных вещей, пережившего свой расцвет во второй половине XIX в. Воплотить эту идею довелось уже молодым выпускникам-граверам Златоустовского ремесленного училища, т. к. из старых мастеров на заводе в начале 1950-х гг. остался один А. И. Боронников. В итоге уже на Республиканской выставке народного прикладного искусства и художественной промышленности РСФСР, состоявшейся в 1951—1952 гг. в Москве, были представлены несколько украшенных орнаментом работ, среди которых был меч, посвященный победе в Великой Отечественной войне, ножи для разрезания книг, декоративные охотничьи топоры [см.: Байнов, Ковина, Куликовских, с. 460; Глинкин, с. 22—23].

Дополнительным подтверждением тому, что власть изменила свое отношение к златоустовской гравюре, признала за ней значимое место в сфере декоративно-прикладного искусства СССР, стало посвящение гравюре отдельной иллюстрированной статьи в вышедшем в 1952 г. семнадцатом томе Большой советской энциклопедии: содержание энциклопедии тщательно контролировалось властными структурами, а наиболее важные статьи предварительно рассматривались даже на уровне Политбюро ЦК ВКП(б). После перечисления отдельных уникальных произведений советских мастеров статья завершалась констатацией жизнеспособности художественного производства: «Златоустовские граверы выполняют оригинальные композиции (тематические и пейзажные) на металлических пластинах и изделиях бытового назначения, изготавливают ажурные металлические предметы» [Златоустовская гравировка на металле, с. 104—105; Политбюро..., с. 700].

Тем временем златоустовские художники-граверы стремились к поиску новых форм бытовых вещей и формированию художественного стиля, отличного от «сурового». На завод со своими эскизами изделий стали приезжать столичные художники, творческие задумки которых часто находили воплощение в производстве, оценку художественного качества выпускаемой гравюры производили московские искусствоведы. Все отчетливей стали звучать призывы вернуться к старинному «золотому стилю»: «Назад — к Бушуеву!». В ассортименте выпускаемой цехом продукции появились шкатулки, приборы для вина, стаканчики для карандашей, тарелочки, вымпелы, призы победителям соцсоревнований. Несмотря на стремление граверов отойти от изготовления пластин, вернуть гравюре прикладное значение — украшать ею полезные в быту

вещи, массовый выпуск изделий граверного цеха по-прежнему строился главным образом на их тиражировании [см.: Байнов, Ковина, Куликовских, с. 460; Глинкин, с. 23; Маркелов; Смоленков, с. 26].

Не все накопившиеся проблемы удалось разрешить, но в целом, как признавала в 1960 г. городская газета «Златоустовский рабочий», после кризиса начала 1950-х гг., когда стоял вопрос о самом существовании самобытного искусства гравировки, «дела пошли на поправку». Чего нельзя было сказать о выпускавшемся на Златоустовском машиностроительном заводе комбайне «Сталинец»: его производство было свернуто еще в 1951 г... [см.: Маркелов; Окунцов, с. 478].

На гербе г. Златоуста, щит которого выполнен в виде металлургического ковша, на фоне красного поля изображен летящий золотой крылатый конь. Красное поле является символом огня, в котором плавится металл, и характеризует Златоуст как один из центров качественной металлургии России. А стилизованное изображение крылатого коня символизирует уникальное искусство златоустовской гравюры на стали и высокий талант златоустовских мастеров [Златоуст — город крылатого коня, с. 15; Златоуст, с. 446]. Этот самобытный феномен, переживший за свою длительную историю периоды расцвета и упадка, вместе со страной прошедший сквозь череду катаклизмов и испытаний и сохранившийся до сегодняшнего дня, отражает многоликость историко-культурного наследия Урала и может по праву считаться одним из отличительных уральских имиджей-брендов, инвентаризация арсенала которых активно ведется в последнее десятилетие [Головнев, с. 45—49]³.

Байнов Л. П., Ковина Е. П., Куликовских С. Н. Златоустовская гравюра // Челябинская область : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 459—462.

Бурмакин А. С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т. 4. С. 240—267.

Верзаков Н. В. Златоустовский имени Ленина. Из истории Златоустовского ордена Трудового Красного Знамени машиностроительного завода им. В. И. Ленина. Челябинск, 1971. 157 с.

Гаврилов Д. В., Рукосуев Е. Ю. Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 210—218.

Гарус В. С. Боронников Александр Иванович // Челябинская область : энциклопедия. Т. 1. Челябинск, 2008. С. 491.

Герасимов А. М. За советский патриотизм в искусстве // Правда. 1949. 10 февраля.

Глинкин М. Д. Златоустовская гравюра на стали. Челябинск, 1967. 95 с.

Головнев А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 40—49.

³ Авторы выражают признательность за содействие в подготовке данной статьи главному библиографу Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» В. А. Дацкевич, археографу Объединенного государственного архива Челябинской области А. В. Берёзе, доценту Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии С. Л. Разинкову, и. о. ученого секретаря Института истории и археологии УрО РАН Н. А. Михалёву.

- Есаков В. Д., Левина Е. С.* Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005. 423 с.
- Златоуст* — город крылатого коня / авт.-сост. А. В. Козлов. Златоуст, 2004. 336 с.
- Златоуст* // Челябинская область : энциклопедия. Т. 2. Челябинск, 2008. С. 446–455.
- Златоустовская* гравировка на металле // Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1952. С. 104–105.
- Ивкин В. И.* Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг. : ист.-биограф. справочник. М., 1999. 639 с.
- Кибиткина Г. Н.* Белобородов Александр Андрианович // Челябинск : энциклопедия. 2-е изд.-е, испр. и доп. Челябинск, 2001. С. 84.
- Ковина Е.* Златоустовская гравюра на стали // Златоустовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. / под ред. М. А. Тарынина, В. Г. Глыбовского. Златоуст, 1994. С. 135–136.
- Ковина Е.* Морозов Николай Федорович // Златоустовская энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Златоуст, 1997. С. 44.
- Ковина Е. П.* Добровольский Михаил Васильевич / Е. П. Ковина // Челябинская область : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Челябинск, 2008. С. 126.
- Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм 2-е изд., доп. М., 2003. 784 с.
- Маркелов В.* Искусственный кризис. Еще раз о судьбах златоустовской гравюры // Златоустовский рабочий. 1960. 28 февраля.
- Мацевич Б.* Златоустовские комбайностроители в большом долгу перед Родиной // Челябинский рабочий. 1950. 9 июня.
- Митницкий Л.* Исходящая слава // Крокодил. 1950. № 6. С. 7.
- Никифорова Л. Г.* Златоустовская гравюра на стали (прошлое и настоящее). Магнитогорск, 1992. 44 с.
- Окунцов Ю. П.* Златоустовский машиностроительный завод им. В. И. Ленина // Челябинская область : энциклопедия. Т. 2. С. 476–478.
- Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б).* Повестки дня заседаний, 1919–1952 : каталог. Т. 3 : 1940–1952. М., 2001. 1016 с.
- Смоленков А. П.* Златоустовская гравюра на стали XIX–XX вв. : историческое развитие, вопросы стиля и технологии : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2006. 305 с.
- Чепуров А. А.* На защите Отечества: военное производство Златоустовского завода с 1811 по 1945 г. Златоуст, 1993. 52 с.

Статья поступила в редакцию 10.04.2012 г.

РЕЦЕНЗИИ

А. С. Козлов

НОВАЯ КНИГА О РОЛИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Рец. на кн.: *MacGeorge P. Later Roman Warlords* / P. MacGeorge. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — XVII, 347 p.

Начну с весьма достойного, на мой взгляд, пассажа из рецензируемой работы. «Способы, с помощью которых люди реагируют на перемены и находят пути физической и ментальной адаптации, а если возможно, и выигрывают от этого, гораздо интереснее, нежели методы и пути самих перемен» (p. 1). Подобные слова наталкивают на мысль об ориентации их автора на принципы исторической антропологии — со всеми ее междисциплинарными свойствами, но, главное, с раскрытием «инаковости» не просто минувших эпох, но и конкретных социальных страт и даже индивидов с присущими им манерами поведения, церемониями, символикой социальных и политических поступков. Представляется, что содержание книги о военачальниках финала поздней Античности подтверждает подобную мысль. Другое дело, что уровни информативности наших источников об этих людях и методики анализа интересующих данных могут не позволить достигнуть желаемых целей.

Монография Пенни Мак-Джордж, преподавательницы высшей школы Керисброука и Isle of Wight College, базируется на диссертации, защищенной в Оксфорде в 1996 г. Книга эта, по словам самой исследовательницы, «является не попыткой описания событий конца империи на Западе и еще в меньшей степени — объяснения его, но попыткой реконструкции жизни нескольких людей и, если это вообще восстановимо, отношений к этим событиям немногих из них, которые сии события определяли и сами испытывали их влияние» (p. 2).

Речь идет о карьерах сначала комита Далмации, а затем магистра обеих милиций и патрикия Марцеллина, военачальников Эгидия и его сына Сиагрия, патрикия (варварского происхождения) Рицимера и его последователей — Гундобада, Ореста и небезызвестного Одоакра, сместившего последнего императора Западной Римской империи.

В методике, применяемой Мак-Джордж, бросается в глаза особый вид дискурсивного анализа, при котором установление корреляции между содержанием источника, результатом его препарирования и социально-политическим контекстом исторических событий базируется на выявлении самих дискурсов внутри одного источника (например, «*Bellum Vandalicum*» Прокопия, «Хроники» Идасия или эпистолярная Аполлинария Сидония), через определение его «темы», терминологии, места в смысловом поле конкретной «биографии». Отсюда конструирование перед каждым основным разделом исследования специального параграфа «*The Background and the Sources*» (р. 17–31, 71–81, 167–177), который включает в себя базовое содержание подобного анализа, причем частные сегменты последнего сопровождают любой из последующих параграфов, особенно концентрируясь в вопросах происхождения и карьеры каждого из героев книги.

Насыщенность книги ссылками преимущественно на сведения источников (пусть весьма скудные, часто противоречивые), а не на выводы предшественников Мак-Джордж по предмету исследования имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, англоязычный читатель получает весьма полное представление о совокупности и информативности данных (прежде всего нарративных) о ведущих военачальниках Запада, функционировавших примерно четверть века до исчезновения императорской власти в Равенне. С другой, по многим частным вопросам интерпретации этих сообщений Мак-Джордж или ломится в открытую дверь, или делает заключения, хоть и с оговорками «возможно» или «вероятно» (о чем, правда, честно предупреждает во введении), но в упрощенном или даже сомнительном варианте. И это несмотря на то, что автор старается подключить к ряду разборов деталей карьеры или деятельности того или иного из своих героев дебаты по данному поводу, существующие в новейшей историографии. Например, при обращении к специальной литературе она предпочитает иметь дело с англоязычными исследованиями, и когда речь идет о трудах таких специалистов, как Дж. Б. Бьюри, Д. Уайттэкер, Дж. М. О'Флинн, П. С. Барнвелл или авторов статей в трехтомной «Просопографии поздней Римской империи», то вопросов нет. Но почему, например, в монографии не использовано все богатство поисков среди разнообразных типов источников и осторожных выводов именно по данной теме, сделанных А. Демандтом в капитальной работе «*Magister militum*» (1970)? Почему не использованы скрупулезнейшие изыскания М. А. Веса относительно событий 476 г. (1967)? В чем причина по сути дела игнорирования тщательных выводов старой, но капитальной источниковедческой статьи Г. Вайтца относительно сообщений равенских анналов об Одоакре (1865)? Где привлечение всего материала введливого комментария И. Кенига к сведениям об Оресте, Одоакре и т.д., сообщаемым таким источником, как «*Chronica Theodorica*» (вторая часть Анонима

Валезия) (1997)? Количество таких вопросов можно без труда умножить. Проиллюстрирую несколькими примерами свои, к которым может привести слабое внимание к трудам предшественников.

Возьмем вряд ли разрешимый на сегодняшний день вопрос о постах и титулатуре Марцеллина, фактического властителя Далмации в 454–468 гг. Изыскания Мак-Джордж в сфере карьеры, деятельности этого человека, как мне представляется, наиболее солидные на сегодняшний день (даже после статьи в PLRE [The Prosopography..., p. 708–710]). Однако учет наработок в этом сюжете хотя бы немецких коллег позволяет на сегодняшний день прийти к выводу: мы не располагаем точными и убедительными данными по поводу именованной его должностей и титулов. С одной стороны, верно Фотий, кратко излагавший сведения Дамаския, назвал Марцеллина по-гречески «самовластным гегемоном страны далматов», но это с учетом того, что племянник Марцеллина, Непот, будущий император, благодаря византийскому василевсу Льву I стал *magister militum Dalmatiae*, позволило Дж. Б. Бьюри (1923) и Э. Штейну (1928) приписать такую же должность и дяде. Но А. Демандт, используя изыскания своих предшественников, поправил: эта должность была придумана лично для Непота. Формула, сообщаемая Дамаскием, подчеркивает не аутентичность должности, а степень чрезвычайных полномочий, обретенных Марцеллином в военной сфере. По Демандту, в известной мере присоединяющемуся к мнению О. Зеэка, Марцеллин мог иметь *comitiva Dalmatiae*. Когда в 468 г. Марцеллин, по сообщению константинопольских консулярий, возглавил армию Западной империи для решающей схватки с вандалами (прежде всего за Сицилию), он предположительно занимал должность магистра презентальных войск. Ведь Рицимер, бывший в то время уже патриkiem, являлся первым магистром. Следовательно, Марцеллин мог быть только вторым. Что касается убийства Марцеллина, то Прокопий и комит Марцеллин единодушно приписывают его осуществление офицерам его собственной армии. Демандт подчеркивает, что ни один источник не упоминает в связи с этой трагедией имени Рицимера; следовательно, господствующая до сих пор точка зрения о том, что Рицимер приложил руку к устранению своего соперника (О. Зеек, И. Зундвалл, Г. Б. Пикотти, Э. Штейн, В. Энслин), вряд ли состоятельна: при напряженности отношений между двумя крупнейшими военачальниками Запада даже тень подозрения в подобной акции должна была найти отражение в нарративе [Demandt, p. 684–685].

Что же касается выявления намерений героев исследования, то при скудости источникового материала по отношению ко многим из них эта задача практически недостижима. Обратим внимание на параграф, посвященный Гундобаду, Оресту и Одоакру (p. 269–293). Из этих троих только об Одоакре в источниках можно прочесть нечто эмоционально окрашенное и способное вывести на предположительные историко-антропологические наблюдения (данные Иоанна Антиохийского, Анонима Валезия, Евгипсия, Прокопия, Иордана). Так, например, то и дело подчеркиваемая Евгипсием «мягкость» Одоакра по отношению к смещенному Ромулу Августулу, пощаженому из-за своей юности (*quia pulcher erat*), объясняется И. Кенигом тем, что Одоакр не желал ссориться с римлянами и сенатом [König, p. 101]. В самом деле, *pulcher* текста можно

воспринимать и как «знатный»; Иордан, когда пишет о заложничестве Теодориха в Византии, использует подобную же формулировку (*quia puerulos elegans erat, meruit gratiam imperialem habere*, — *Get.*, 271). Важно учитывать и то, что Непот в 475 — 476 гг. по-прежнему считался легитимным императором.

Что же касается Ореста, то о нем сведений с эмоционально-оценочным зарядом практически нет. Разве что из суждений одной из хроник вытекает, что, сделав своего сына Ромула императором, сам Орест *omnem curam externorum praesidiorum gerit* [Auctarii..., p. 309]. Отсюда вывод В. Энслина: Орест не вошел на трон сам, потому что желал оставаться реальным правителем, а не делить власть с каким-либо патрикием, обладавшим военными прерогативами [Enßlin, S. 1012—1013].

Число подобных примеров можно умножить, но важно подчеркнуть и другое. Почти каждый существенный для биографии того или иного военачальника тезис Мак-Джордж стремится интерпретировать по возможности четче, стараясь не упустить ни одной детали, мелькающей в источнике. Сама по себе подобная методика прекрасна, но она требует и четкости в выводах. Состояние же наших знаний рассматриваемого материала таково, что даже вокруг отдельного факта (происхождение Марцеллина, характер отношений между ним и Византией, эволюция отношений Рицимера к Майориану и т. д.) роится множество точек зрения, и присоединиться хотя бы к одной из них, наиболее убедительной, и уж тем более выработать свою — неимоверно трудно. Не всегда это получается и у Мак-Джордж.

Стоит также сожалеть, что исследование *predecessors* героев книги, в том числе такой фигуры, как Стилихон, сведений о котором сохранилось больше, чем о ком-либо другом из позднеримских *warlords* (p. 5—14), оказывается по сути кратким обзором без углубленного анализа закономерностей, складывающихся вокруг деяний такого рода лиц.

И еще одно. Карта 1 («Диоцезы и провинции поздней Римской империи») создает представление о территориально-административной статичности государства, причем непонятно какого времени. Ведь даже при Диоклетиане административное деление империи было одно, а при Константине I — несколько другое (даже не говоря о префектурах). Если взять в качестве примера такой важный для сюжетов монографии район, как Северная Галлия, то на карте не обнаружится названия *Lugdunensis Senonia*. Самых Лугдунских провинций в ходе Диоклетиановых реформ было вначале две. Появление *Lugdunensis IV* на карте в указанной связи требует специального объяснения. Если обратиться к римской Северной Африке, то из карты не понять, что Мавритания Тингитанская входила в испанский диоцез и принадлежала к галльской префектуре. В то время как Мавритания Цезарейская, Мавритания Ситифенская, Нумидия, Проконсульская Африка, Бизацена и Триполитания составили африканский диоцез и принадлежали к итало-африканской префектуре. Тем более в описываемое Мак-Джордж время территориально-административный фон деятельности ее героев стремительно менялся. Так, вандало-аланское королевство делилось на такие провинции, как Зевгитана, Восточная Нумидия, Бизацена, Абаритана и Гетулия. В этой связи странно, что на карте 2 многие

названия городов, местечек и германских (!) племен представлены по-французски.

Но уж если говорить о языке, то книга Мак-Джордж написана на таком превосходном английском, что вполне соответствует славе *Isle of Wight College*, который, как известно, является идеальным местом для его изучения.

Auctarii Havniensis ordo prior, 1 // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 1892. Т. 9.

Demandt A. Magister militum // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1970. Suppl. 12.

Enßlin W. Orestes // Paulys Realencyclopädie ... 1939. Bd. 18.

König I. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1997.

The Prosopography of the Later Roman Empire / ed. J. R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 2.

Т. А. Снигирева

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ УРАЛА*

Рец. на кн.: *Литература Урала: история и современность* : сб. ст. Вып. 6 : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / отв. ред. Е. К. Созина ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 476 с.

Очередной выпуск сборника статей «Литература Урала: история и современность» является следующим этапом системной филологической реконструкции литературного процесса крупного региона России и художественных индивидуальностей его составляющих. Основной научный сюжет книги, созданной коллективными усилиями уральских филологов и цементирующий ее единство, определяется постановкой и решением ряда взаимосвязанных проблем: история и способы ее художественного осмысления, факт истории как литературный факт. Проблемы, направленные, скажем несколько метафорично, на заполнении белых пятен карты истории в литературной географии Урала.

Ответственный редактор сборника Е. К. Созина, предуведомляя научный текст, оговаривает его методологические основания: «Литература и литературный процесс Урала рассматриваются в геокультурном и топографическом отношении, в аспекте репрезентации национальных историко-литературных традиций, во взаимодействии с социальными и политическими стратегиями, понижающими «тело» современной, в традиционном, но никогда не изменяю-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО-СО РАН «Литература и история: взаимодействия и типы повествования».

щем нам русле историко-литературного анализа, в герменевтическом и рецептивном ключе» (с. 6).

Не случайно прологовой статьей сборника стала одна из последних работ проф. В. В. Блажеса «Русская литература Урала: историографический аспект», в которой бережно и с большой добросовестностью описывается и анализируется история уральской литературной регионовистики в связи со становлением истории экономической, политической, ментальной (при всем этническом и религиозном разнообразии), культурной целостности понятия Большой Урал. Ныне, после ухода ученого, вклад которого в изучении фольклора и литературы Урала трудно переоценить, как наказ звучит последняя фраза его статьи: «...Коллективное исследование истории литературы Урала будет иметь своим результатом академическое издание, к которому стремились наши предшественники» (с. 22).

Не случайно ключевым словом статьи И. Е. Васильева и М. А. Литовской, посвященной проблемам периодизации литературы Урала XX в., стало слово «историзм». Считая главным нервом исторического развития России XX в. модернизацию, которая по отношению к искусству диктовала стратегию унификации и стандартизации и одновременно делала возможным стратегию, «которая позже будет обозначена как поиск идентичности, в том числе и региональной» (с. 26), авторы справедливо полагают, что «литературная хронология не совпадает с календарной». Поэтому при четком понимании особой зависимости литературы Урала от его геоэкономической истории возникает справедливая (думается, не только для региональной, но и для общероссийской литературы) мысль о существовании «буферных зон между отдельными участками литературного процесса» (с. 27), в которых происходит изменение системного качества. Наличие и утверждение его и становится началом нового литературного периода.

Ведущей теоретической категорией сборника становится категория, вынесенная в название его первого раздела («Историко-культурный ландшафт Урала»), а также сопряженные с дисциплиной «Ландшафтоведение» понятия «этнокультурный ландшафт», «социополитический ландшафт», «литературный ландшафт», «гений места» и т. д., позволяющие «увидеть территорию как особый космос, в сочетании взглядов на нее «изнутри» и «извне»» (с. 8).

Статьи этого раздела, каждая по-своему, продолжают анализ диалога художника с временем и пространством, который порой носит драматический, по меньшей мере — специфический, характер, что определяется целым комплексом разнопричинных факторов. В статье Е. Г. Власовой «Эволюция образа Урала в литературе путешествий XVIII — начала XX века: способ путешествий и восприятия пространства» задается неожиданный ракурс исследования: «Эволюция уральского травелога XVIII—XX вв. определяется, на наш взгляд, взаимодействием трех основных “дорожных” дискурсов — гужевого, включающего верховой и повозочный способы путешествия, пароходного и железнодорожного» (с. 53). На обширном и малоисследованном материале (травелоги П.-С. Палласа, В. Н. Латкина, И. И. Лепехина, П. И. Мельникова-Печерского, Е. А. Вердеревского, В. А. Поссе, А. А. Макка, А. А. Кольчева, С. А. Кельцева,

Н. Д. Телешова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.) показано, что в «истории формирования образа Урала путешествия сыграли роль литературного разведчика: их авторы, основываясь на самом непосредственном, физическом опыте взаимодействия с пространством, искали язык его описания. Каждый из «дорожных» дискурсов акцентировал свои смыслы и свои подходы в описании местного пространства, которые, наслаиваясь с течением времени, образовали неповторимую конфигурацию «уральской матрицы» (с. 57). Автора статьи «Сибирские мотивы в произведениях В. Г. Короленко» Е. А. Макарову интересует, как пребывание писателя на Урале и в Сибири сказалось на его жизненной и творческой судьбе, какой концептуально новый смысл принес В. Г. Короленко в «уральскую матрицу», что связывается исследователем с формированием образа «безграничных неосвоенных земель в противовес российской тесноте и скученности». Это образ пространства и русского, и инонационального, но «в любом случае для писателя это часть русского мира, объединенного общими гуманистическими ценностями» (с. 71).

Две заключающие раздел статьи посвящены современным пространственным и пространственно-временным моделям уральского ландшафта. Отталкиваясь от поэтической формулы «Как хорошо мы плохо жили», Т. А. Арсенова в статье «Хронотоп детства в лирике Бориса Рыжего» показывает, как Вторчермет («Вторчик», одна из промзон Свердловска, появившаяся благодаря поэту на литературной карте России) стал «итогом художественного освоения “нового” топографически конкретного материала, а также попыткой поэтического оправдания безобразного, но личностно ценного для героя» (с. 80). Предметом статьи Н. Б. Граматчиковой «Легенда о чуди и отчет о поиске “золотых яблок” в неомифологии горы Ирмель» стал анализ «некоторых типов текстов, которые формируют мифологическое пространство горы Ирмель в интернет-ресурсах, прежде всего на популярных туристических сайтах, в путеводителях и на сайтах общественных организаций, выражающих различные формы современной эзотерической субкультуры и “новой религиозности” (с. 82). Автор обращает внимание на то, что в динамичной и эклектичной по своей сути интернет-среде «современная мифология места складывается в первую очередь из “осколков” прежних, традиционных, мифологий, причудливо смешанных друг с другом» (с. 87).

Второй раздел сборника («Национальные образы мира в словесности региона») во многом продолжает научный сюжет предыдущего выпуска «Литературы Урала» о национальных образах мира в региональной проекции. Статьи посвящены как отдельным творческим индивидуальностям, стоящим у истоков национальных литератур (Г. Е. Верещагину, К. Митрею, И. Куратову), представляющим периоды развития и продолжения художественных поисков вплоть до современного состояния (творческие поиски Д. Мизгулина, В. Чучелина, А. Гёрархылы, Ф. Васильева, В. Садовникова), так и анализу литературных процессов и особенностей литературной жизни этносов Уральского региона (типы образно-тематического единств в удмуртской поэзии первой половины XX в., специфика современного двуязычного журнала Республики Коми «Арт (Лад)», художественные поиски современной коми прозы).

Внутренне единство этого фрагмента сборника обеспечивается так или иначе присутствующей в каждой статье проблемой судьбы малого этноса и его борьбы за сохранение своего языка, религии, истории и самобытности рядом с «титальной» нацией. В статье П. Ф. Лимерова «Неоконченная поэма-пьеса И. А. Куратова “Пама”: на пути к национальному герою» обозначенная проблема явно обострена: «если христианство — это истина, то почему путь к истине лежит через предательство? Эта проблема, очевидно, является ключевой для коми-зырянского менталитета, она отражена в виде легенд о самопогребении чуди — языческих предков, не принявших крещения. Места, где некогда чудь заживо похоронила себя, обрушив своды своих земляночных жилищ, коми называли *чуд гу* — «чудские могилы». Компенсация вины перед языческими предками выражалась в почитании чудских могил и в последовательных поминовениях языческих предков. В современной литературе этой проблеме посвятил свои романы Г.А. Юшков, увидевший в том давнем, первом отступничестве перед предками и причину современной деградации коми народа» (с. 107).

Третий раздел («Мажиту Гафури 130 лет») посвящен наследию классика башкирской и татарской литератур, цикл статей о его творчестве встраивается в общую парадигму исследований. Представляя еще одну национальную традицию, современные исследователи демонстрируют как общие проблемы нового ее прочтения, так и частные интерпретационные практики. Ф. Г. Галимуллин сосредоточивает внимание на характере диалога Мажита Гафури с контекстом общественной жизни эпохи. С. Г. Кунафин типологизирует и подвергает анализу жанры манифестационно-публицистической лирики поэта.

Раздел четвертый («Литература, этнос, власть») реализует проблемный узел, вынесенный в подзаголовок коллективного сборника, — в разных ракурсах разворачивает анализ истории взаимоотношений национальных литератур определенного гео- и полиэтнического региона с властными структурами.

В открывающей раздел статье О. В. Зырянова «“Фелица” Г. Р. Державина и “К Музе” Н. С. Смирнова: образ этнически “другого” (человек Востока) в русской поэзии» путем сопоставительного анализа классического с малоизвестным текстом недооцененного автора исследуются две модели обращенности к маске этнически «другого» и делается вывод о том, что полиэтничный характер Российской империи и репрессивный механизм самодержавной власти нередко обрекали поэта на «столкновение с иным этнокультурным и конфессиональным миром (например, татар, киргизов, калмыков, китайцев, черкесов и др.), в то же время провоцировали диалогические и персоналистические интенции лирического сознания, что коренным образом расширяло культурно-ментальную парадигму лирического рода литературы» (с. 200).

Статьи «пугачевского блока» («Пугачевский бунт в мемуарном дискурсе русской литературы XVIII века» Е. Е. Приказчиковой, «“Бунт был, и выслали казаков”: проблема взаимоотношений власти и казачества в прозе И. Д. Сазанова» Е. С. Биричевой) посвящены уже не столько влиянию политики на поэтику, сколько анализу силы истории в литературе и возможности литературы, в том числе и «промежуточной прозы» (термин Л. Я. Гинзбург) запечатлеть нюансы исторических событий. Причем характер прочтения истории

с безусловностью зависит от той роли, которую играл в ней очевидец-повествователь, и от его культурно-мировоззренческой позиции. Этот аксиоматический тезис разворачивается в статье Е. Е. Приказчиковой, предметом аналитики которой стала литература «правды голого факта», — «Записки» Г. Р. Державина, который, будучи офицером Преображенского полка, активно участвовал в подавлении Пугачевского бунта, «Записки» Д. Б. Мертвого, которому во время описываемых событий было четырнадцать лет и когда он в полной мере познал, что такое «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и «Жизнь и приключения А. Т. Болотова, им самим написанные» известного русского просветителя, который вписал пугачевщину в контекст классовых взаимоотношений дворян и крестьян и дал подробное описание казни Пугачева, свидетелем которой был сам. Сопоставляя логику мемуарной литературы с последующими художественными интерпретациями, исследователь замечает, что «мемуаристы — современники событий выступали гораздо более жесткими и пристрастными судьями своей эпохи» (с. 218).

«Героем» следующего блока статей («Риторика “этнического” в повести А. Кирпищиковой “Порченая” (на примере рекрутского обряда)» С. В. Голиковой; «Монголы в антропологии русской литературы первой трети XX века: от расы к этносу» В. В. Мароши; «Литературное наследие священномученика Аркадия Гаряева» А. В. Печерина, И. И. Корсуновой; «“Тундраса бияс” (“Огни тундры”) В. В. Юхнина как неудавшийся опыт производственного романа в комической литературе» В. А. Лимеровой) стал этнос, этнос в его взаимоотношениях с политикой, религией, мифологемами и идеологемами главным образом XX в.

Анализ процесса демифологизации «татаро-монгольской угрозы», произошедшей в русской литературе первой трети XX в., В. В. Мароши начинает с широкого экскурса историко-литературного свойства, в котором рядоположение высказываний самых различных писателей (от И. Бунина до М. Горького и А. Белого) обнаруживает удивительное единство в негативной оценке «монголов и якобы “монгольских” элементов русского этноса» (с. 231). По мнению исследователя, ситуация существенно изменилась уже в начале 1920-х гг., когда «интерес к Монголии резко возрос: страна обрела не только полноценную государственность, но и шагнула от “феодализма к социализму”, попав в орбиту влияния уже советской России» (с. 236). Такие произведения, как фильм В. Пудовкина «Потомок Чингисхана», повесть Вс. Иванова «Путешествие Будды», книга В. Кина и И. Новокшенова «По ту сторону. Потомок Чингисхана», способствовали открытию «монголов как этноса, а не репрезентанта всей “желтой расы”» (с. 239).

Основой статьи В. А. Лимеровой о «Тундраса бияс» В. В. Юхнина стал поэтапный анализ того, как «поэтика мстит политике» и государственный заказ по созданию производственного романа в аграрной республике завершается творческим провалом талантливого писателя, который шел на компромиссы ради возможности «существования родного слова в его письменно художественном варианте» (с. 251).

Тип отношений искусства и государства, но на ином, уже современном, материале — также в центре внимания работы А. В. Снигирева «Рокер и власть:

версия В. Шахрина». Известно, что «смерть русского рока» напрямую связывают с его легализацией, поскольку его сущностным параметром, как творческим, так и поведенческим, всегда была открытая протестность и оппозиция к власти. Современный рокер «по-прежнему может выступать с активной, зачастую агрессивной критикой власти (Юрий Шевчук), может не замечать эту власть (Борис Гребенщиков), идти на частичное с ней сотрудничество (Андрей Макаревич)» (с. 269). В результате анализа семиотики творческого поведения лидера уральской рок-группы «Чайф» В Шахрина автор приходит к выводу о том, что лидер уральского рока весьма смягчил общепринятый сценарий «рокер и власть»: «он не критикует и наставляет власть, не поучает, что и как делать» (с. 273), но использует ее в целях помощи не только современному рок-движению, но и определенным слоям общества, находящимся в критической ситуации.

Завершающие сборник разделы («Проблемы истории литературы Урала» и «Современная литература Урала») посвящены исследованию литературы Уральского региона в русле традиционного историко-литературного подхода и являются результатом непрерывающегося накопления и осмысления материала, который будет положен в основу начавшей публиковаться 4-томной академической истории литературы Урала.

Условно статьи данного раздела можно разделить на два блока. В основе первого — тщательный сбор малоизвестного или впервые открытого литературного факта, зачастую предполагающий работу в архивах разного характера и статуса. Это реконструкция судьбы и литературы писателей-старообрядцев из поморской общины города Златоуста (прот. П. И. Мангилев); описание изданий «Истории Ориенбургской» выдающегося ученого XVIII в. П. И. Рычкова (Г. П. Матвиевская), представление архивного материала, связанного с оренбургским периодом деятельности литературоведа Н. М. Гутьяра (Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева); сопоставительный анализ известных легенд о старце Федоре Кузьмиче с той, что есть в архивохранилищах Красноярска (Е. Б. Гайдукова); публикация новых материалов, уточняющих некоторые эпизоды биографии П. Бажова (А. В. Мангилева); описание характера работы мастерской слова «Мы» при Пермской газете «Звезда» в 1923 г. (Т. Н. Масальцева), восстановление фактов возникновения Челябинского государственного университета и судьбы тех, кто стоял у истоков регионального издательства (Н. С. Журавлева); представление архивов УрГУ, связанных с драматической историей литературного объединения Уральского государственного университета в 1940-е гг. (П. Д. Достовалова). К этому блоку примыкают работы, обращенные к забытым или полузабытым именам литераторов Урала, а также фактически открытым или подвергшимся первому серьезному филологическому осмыслению (последние посвящены главным образом текущей литературе). Это статьи О. А. Переваловой «Жанр молитвы в творчестве Елизаветы Гадмер», А. Г. Прокофьевой «Оренбургские мотивы в творчестве поэта конца XIX — начала XX века Л. В. Исакова», В. Б. Королевой «Отражение этнонациональной проблематики в творчестве В. В. Бруснянина», Н. В. Барковской «Плетение словес» в миниатюрах Марии Ботевой», Л. С. Кисловой «Дорога домой: приключения “Тельмы и Луизы” и киносценарии

Я. Пулимович «Я не вернусь», С. О. Драчевой «Специфика фольклоризма в творчестве Алексея Шлякова («НЪва»)», А. А. Сидякиной «“Человек с киноружьем”: образ автора в публицистике и документальных фильмах Михаила Заплата», Е. В. Харитоновой «“Сказочные путешествия” Светланы Лавровой: особенности жанра и стиля», Р. А. Шаяхметова «О литературном блоге “Дедушкин дневник” Флорида Булякова».

Второй блок последних разделов сборника можно обозначить как концептуально-интерпретационный, и посвящен он именам безусловным, во многом определившим лицо литературы Урала. Так, в статье С. А. Комарова «О литературности первой цензурной редакции сказки “Конек-Горбунок” П. П. Ершова» предложена оригинальная концепция классического текста, вскрывающая ее философско-историческую природу. По мнению ученого, «сюжетное взаимодействие Ивана и Конька является аллегорией отношений Духа Человеческого и Природы» (с. 316). Три части сказки исследователь воспринимает как «образ сменяющих друг друга культурно-исторических фаз в движении человеческой цивилизации» (с. 316) и условно обозначает их как классическую (отношения носят характер физического соперничества), романтическую (мир построен по модели «хозяин — вассал) и неоклассическую (в центре новая фаза развития Духа Человеческого — религиозная).

В статье А. В. Кубасова «Трущобный реализм в прозе Ф. М. Решетникова (очерк “Яшка”)» путем анализа нарратива, образной системы, специфики карнаваллизации, особой физиологичности текста, двойственной позиции повествователя, языковой игры и введения творчества писателя в широкий литературный контекст автор приходит к выводу о том, что «трущобный мир в русской литературе принципиально дисгармоничен, чудо в нем невозможно, беда в нем не изживается, а влечет за собой другую, та в свою очередь третью и так до бесконечности, до обрыва цепочки несчастий смертью героя или какой-либо катастрофой» (с.328). Своеобразным подтверждением этого тезиса стала посвященная одному из первооткрывателей «трущобного реализма» статья Т. Я. Каменецкой «Образ дома в произведениях Ф. М. Решетникова как отражение сознания “забытых людей” уральской глубинки»: «история деревенских и городских домов в произведениях Решетникова — это история разрушения, отражающая судьбы “забытых людей”, переживающих трагедию жизни в переломный момент истории. В домах, не выдерживающих ветра, без окон и крыш, сделанных на скорую руку, герои существуют в ожидании смерти. Кого-то она настигает в самом доме, а другие в дороге (“в пути из дома”) неожиданно оказываются ее заложниками» (с. 336).

Иной аспект анализа провинциальной ментальности предложен в статье Л. Н. Житковой «Провинция и провинциальный человек в художественном ракурсе писателей-уральцев начала XX века». Автор обращает внимание на то, что если в творчестве известных писателей (М. Горький, А. Ремезов, Ф. Сологуб, Л. Андреев, Е. Замятин) исследуемого периода «мир провинции — мир чуждый, враждебный и загадочный, темный» (с. 362), то для писателей, находящихся внутри этого мира (Б. Тимофеев, А. Туркин, И. Колотовкин), провинциальная жизнь не могла быть только негативно окрашена, но рассматривалась

«как микромир, воплотивший и отразивший общие законы жизни, — но никак иной планеты» (с. 362).

Сопоставительный сюжет — основа также статьи Л. М. Слобожаниновой «Мамин и Горький (творческие связи и расхождения)». Взяв два важнейших пласта творчества писателей, даже шире — русской литературы периода рубежности, о босяках и мотив сострадания, автор приходит к мысли о том, что «Мамин-Сибиряк вместе с Чеховым, Буниным, Куприным удерживают тот высокий уровень реализма, который был достигнут русской литературой к концу XIX — началу XX в. Что касается Горького, то он оказывается великодушнее тех своих исследователей, которые озабочены в первую очередь проведением резкой разграничительной черты между представителями исторически сменяющих друг друга направлений. В искусстве бывает неоднозначнее и сложнее» (с. 345).

Рецепции посвящена статья Л. Мних «Мультипликационная и поэтическая интерпретации сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка «Серая шейка» в XX веке». Сравнивая ядерный текст с мультфильмом 1948 г. (сценарий Г. Березко, режиссеры В. Полковников и Л. Альмарник) и текстом современного барда В. Долиной «Песня Серой шейки», автор показывает тот интерпретационный сдвиг, что произошел при «переводе» текста Мамина на иные эстетические коды, справедливо полагая, что возможность все новых прочтений заложена в самой сказке, несущей «вполне архетипический сюжет о покинутой семьей общинной личности, ее одиночестве, терпении и вере в жизнь» (с. 430).

Творчество популярной современной писательницы стало предметом внимания Ранжаны Саксены («Роман Ольги Славниковой “Бессмертный”: женская проза и новые техники повествования». Отталкиваясь от теории Е. Замятина о синтезе в литературе нового времени «микроскопа реализма» и «телескопа модернизма», вводя творчество писательницы в контекст современной женской прозы (Л. Петрушевская, В. Нарбикова, Т. Толстая, Д. Рубина), автор полагает, что «современный реализм расширяет горизонты литературы, которая не только изображает общество и его влияние на человека, но и образ мира и универсальные законы мироздания». Роман О. Славниковой «сочетает обе повествовательные стратегии» (с. 452).

Некая мозаичность последнего раздела сборника объяснима как самим материалом, взятым для анализа (от Решетникова до Славниковой), так и демонстрацией поисков новых интерпретационных подходов к литературе региона, сквозь которую «просвечивает» не только география, но и время.

Подводя итог, есть смысл вернуться к уже процитированной статье С. А. Комарова, в которой, кроме анализа сказки Ершова, предложены принципиальные размышления о судьбах и назначении филологической регионовистики, в русле которой был осуществлен и 6-й выпуск «Литературы Урала». Коллективным усилием по воссозданию литературы региона «является не просто желание и инициатива, а ощущение национальной культурной традиции, в которую хотят вписаться исследователи... и понимание необходимости именно коллективных квалифицированных усилий, если хотите, патриотического движения, усилий всей территории. Подчеркнем: территории, которая требует, ждет, поддерживает, отвечает» (с. 313).

Е. Г. Доценко

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

Рец. на кн.: *Паверман В. М. Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы* / В. М. Паверман. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 448 с.

Драматургия США традиционно привлекает внимание отечественных театральных деятелей, зрителей и исследователей. Будучи относительно новым явлением и сформировавшись в качестве национально значимой лишь в начале XX столетия, американская драма практически одновременно проходила и момент своей самоидентификации, и осознание значимости зарубежных влияний. Взаимосвязи с русской литературой в американском театре XX в. утверждаются едва ли не в первую очередь. А. П. Чехов был и остается одним из сквозных и бесспорных для самих американских авторов факторов, определяющих развитие драматургии США. С другой стороны, уже в 1920-е гг. пьесы Ю. О'Нила шли на российской сцене — в знаменитой таировской постановке. Настоящий бум американская драма в интерпретации отечественных режиссеров пережила в 1970—1980-е гг. благодаря интересу к творчеству Т. Уильямса (в Екатеринбурге, например, спектакли по пьесам Т. Уильямса можно увидеть в театре и сегодня). Закономерно поэтому последовательное обращение к экспериментам американского театра российских ученых-филологов — от М. М. Кореневой, Г. П. Злобина, Б. А. Смирнова, чьи работы о драматургии США начали издаваться в 1970-е гг., до В. Б. Шаминой, А. А. Гильмановой, Д. С. Лапенкова, Ю. А. Клейман, Н. Э. Кутеевой, Л. А. Назаровой, П. Ю. Рыбиной, посвятивших американскому театру свои диссертационные исследования уже в конце 1990-х — 2000-е гг.

В. М. Паверман — один из ведущих и наиболее известных отечественных специалистов по американской драме: его научная биография последовательно на протяжении многих лет была связана с проблемами развития драмы, а разносторонность научной подготовки ученого делала его наблюдения за процессами, происходящими в американской драме и американском театре действительно уникальными. Валерий Маркович был, как известно, кандидатом искусствоведения и доктором филологических наук, свободно ориентировавшимся в вопросах театральности и смежных с театром видов искусства, которые для многих филологов остаются все же сферой «чужой» и не вполне подвластной анализу. «Подобный универсализм, — как красиво и верно отмечает сам Валерий Маркович, говоря о преимуществах книги другого специалиста, — безусловно, расширяет рамки собственно литературоведческого исследования и делает работу ярче, богаче, интереснее» [Паверман, 2011, с. 16]. Рецензируемая монография, объективно итоговая работа профессора В. М. Павермана, — редкое по глубине и серьезности исследование, посвященное проблемам бытования драматургии XX в.

Автор обращается не к «одному из десятилетий» в истории драматургии США, но к моменту ключевому, поворотному, на многие годы обогатившему арсенал художественных средств, которыми американский театр пользуется и сегодня. Подобные «десятилетия», обеспечивающие своего рода прорыв, в истории национального театра случаются нечасто: для Франции это начало 1950-х гг., для Великобритании — вторая половина 50-х, а для США, как убедительно показывает В. М. Паверман, — 60-е гг. XX в. Актуальность работы, таким образом, не вызывает сомнений. Более того, как автор книги В. М. Паверман прекрасно осознавал необходимость нового взгляда на драматургию 1960-х гг. уже из нового столетия, когда сформировалась некоторая временная дистанция и стали более очевидными художественные достижения «критического десятилетия». Несмотря на постоянное внимание отечественных исследователей к творчеству конкретных авторов (Ю. О'Нила, Т. Уильямса, М. Андерсена, С. Шепарда, Э. Олби), существенные обобщения, подходы к обзорному материалу время от времени, безусловно, требуют пересмотра. Тем более ценной оказывается работа В. М. Павермана, чьи труды по американской драме выходили и в 1980-е гг., и уже в начале нового тысячелетия [см.: Бабенко, Паверман; Паверман, 1987; Паверман 2004]. Недавно появившаяся книга воспринимается не только как итог, но и как продолжение творческого диалога автора с американской драматургией. Книга отличается не только большим объемом и своеобразной структурой, но и взвешенной (пере)оценкой многих феноменов, осознанием роли 60-х гг. в судьбе целого ряда крупных и менее значительных драматургов, определивших развитие американского театра во второй половине XX в. Новизну своего исследования обосновывает во введении к работе сам автор, корректно и убедительно проанализировав едва ли не все упоминания о 60-х гг. не только в отечественном, но и в зарубежном литературоведении. В связи с историософской частью монографии следует указать на практически исчерпывающую полноту библиографического аппарата книги.

То, что внимание автора работы концентрируется на относительно небольшом временном интервале эволюции американской драмы, позволяет проследить как ведущие тенденции периода, так и наиболее важные традиции. Теоретическая значимость работы связана с конкретными именами — широким кругом драматургов, с которыми нас знакомит В. М. Паверман. Далеко не все имена драматургов, чьи работы анализируются в монографии, столь же на слуху, как Т. Уильямс, А. Миллер, Э. Олби (которым как ведущим авторам театра 60-х посвящены самостоятельные разделы исследования). Внушительный список изученных и представленных в работе пьес включает в себя произведения Дж. Ричардсона, С. Шепарда, Ж.-К. Ван Италли, М. Терри, Дж. Фейфер, А. Копита, Л. Хэнсберри, Д.-Г. Лоусона, Б. Стейвиса, Г. Видала, Б. Гарсона, К. Бруна, Л. Джонса, М. Дьюбермана. По-новому сегодня прочитываются пассажи, связанные, например, с развитием афроамериканской драматургии, воспринимаемой и как составная часть современного мультикультурного процесса. Не снижается злободневная значимость пьес антивоенной направленности, которыми были так богаты 1960-е гг. Интересным представляется обращение

исследователя и к драматургии Дж. Хеллера, хорошо известного отечественному читателю в качестве автора, экспериментировавшего прежде всего в жанре романа. В. М. Паверман выявляет в пьесе Дж. Хеллера «Мы бомбили Нью-Хейвен» «объединение поэтики Брехта и Станиславского»: «При этом мощное средство воздействия на эмоции читателя-зрителя автор находит не только в русле эффекта вживания или эффекта очуждения в отдельности, но в их синтезе, в многоразовом сломе уже, казалось бы, сложившегося стереотипа событий» [Паверман, 2011, с. 384]. Другие традиции, подробно и тонко исследуемые в работе В. М. Павермана, — это Ибсен и Чехов, Жене и Арто, Беккет и Ионеско. Автор свободно обращается к проблеме литературных контактов и влияний, демонстрируя возможности преломления русской, английской, французской и немецкой традиций на американской почве.

Работу характеризует безупречный и при этом оригинально авторский стиль. Внятно и логично вводится и используется общепринятая литературоведческая и искусствоведческая терминология. Столь же внятной и продуманной представляется структура книги. Главы монографии призваны последовательно провести читателя от «традиций реалистической достоверности» 50-х гг. через поиск ведущих и молодых драматургов 60-х к перспективам синтеза разработанных в рамках различных направлений художественных форм. Книга непременно должна быть в активном пользовании студентов-филологов, изучающих зарубежную литературу, и не только в рамках тем, связанных с изучением драматургии XX в. (всей драматургии XX в.!). В работе великолепно представлена специфика исторической, политической, социокультурной ситуации 1960-х гг., столь мало известная сегодняшним студентам, хотя знакомство с ней необходимо для понимания литературного процесса второй половины XX в. Научную и практическую значимость работы во многом определяет содержащийся в ней глубокий, оригинальный и изящный анализ более сотни пьес, значительная часть которых отечественному читателю представлены только в этой книге. Эффективность использования монографии для самостоятельной работы студентов определяется также убедительной логикой, доступной и увлекательной манерой изложения материала, свойственной автору книги как ученому и замечательному лектору.

Читая книгу, хочется разговаривать с ее создателем, соглашаться или спорить. Это живой диалог между автором книги и драматургами, театром и нами, читателями. Радует, что у Валерия Марковича есть ученики, кафедры, своя школа, делающие возможность диалога осязаемой и непрерывной.

Бабенко В. Г., Паверман В. М. Современная драматургия Англии и США. Свердловск, 1981.

Паверман В. М. Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы. Свердловск, 1987.

Паверман В. М. Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы. Екатеринбург, 2011.

Паверман В. М. Драматургия Эдварда Олби 60-х годов XX века. Екатеринбург, 2004.

ХРАМОВЫЙ КОСМОС ДОСТОЕВСКОГО: PRO ET CONTRA

Рец. на кн.: *Нейчев, Н.* Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского / Николай Нейчев ; пер.с болг. Т. Нейчевой; предисл. И. Есаулова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 314 с.

Г. В. Мосалева

Разговор о книге Николая Нейчева «Таинственная поэтика Достоевского» уместно начать с цитаты из знаменитой статьи И. В. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову»: «Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней неожиданно открывается именно то, что теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем» [Киреевский, с. 64].

Такое слово о первостепенной роли исторического православия для русской культуры в целом и для русской словесности в частности на материале творчества Достоевского произнес болгарский исследователь — профессор Пловдивского университета. Значимо также и то, что предисловие к книге написал признанный в отечественном и зарубежном литературоведении теоретик и историк русской словесности, один из родоначальников нового научного направления, изучающего русскую словесность в контексте православия, — И. А. Есаулов. Он определил данную книгу как феноменальное явление и в мировом достоевковедении, и в самой истории науки о русской литературе, ибо Достоевского так «никто не рассматривал ни в России, ни в мире» [Есаулов, с. 5].

В предисловии-обращении «К русскому читателю» Н. Нейчев называет в качестве единственного, но неперемного условия адекватного понимания Достоевского необходимость рассматривать его как «феномен православной культуры», т. е. с точки зрения конфессионально значимой парадигмы. Иначе, по словам исследователя, «последние глубины созданного им литературного мира останутся навсегда закрытыми для того, кто духовно чужд этой культуры» (с. 11). В рецензии на исследование Нейчева болгарских ученых [см.: Божанкова, Димитров] также подчеркивается «новый подход» к творчеству Достоевского с позиции «догмато-мистической ортодоксии», связанной с иконографическим принципом воплощения реальности.

От себя заметим, что книга о «храмовой» поэтике Достоевского и сама в чем-то структурно, типологически и даже поэтически явилась конгениальной и художественному миру Достоевского, и храмово-литургической идее об этом мире. Она стоит того, чтобы представить ее как нечто цельное, как своеобразную «научную храмину» наподобие рассмотренных Нейчевым храмин «словесных».

Книга состоит из трех частей и вместе со вступлением и заключением является своеобразным отражением (научным зеркалом) храмового космоса Пятикнижия Достоевского.

В предисловии к своей книге, говоря о главенстве проблемы личности и веры в отношении мира Достоевского, Н. Нейчев так объясняет смысл названия своей книги: «Поэтика Достоевского таинственна не в смысле загадочности и скрытности, а в том смысле, что она отражает религиозные таинства и традиционные ритуалы, и именно это превращает ее в мистическую и непонятную для того, кто находится за пределами подобного мировосприятия и интуиции» (с. 14–15). Учитывая все эти смысловые акценты, аксиологически правильно было бы обозначить орфоэпический сдвиг ударения в слове «таинственная» со второго слога на первый. И тогда это будет не таинственная, а та́инственная поэтика Достоевского, т. е. возводящая читателя к осознанию красоты и истинности храмово-литургической образности, ведь, к примеру, полное название известного труда И. И. Дмитревского о Божественной литургии звучит так: «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии».

Через всю книгу о Достоевском красной нитью проходит главная линия исследования, от которой ее автор ни на шаг не отклоняется, — связь биографии и творчества Достоевского с историческим православием.

В первой части («Ф. М. Достоевский и православие (экзистенциально-мировоззренческие аспекты)») предметом изучения является роль и значение православного богослужения для Достоевского. Во второй части в фокусе внимания болгарского исследователя оказываются типологические аспекты романной поэтики Достоевского. Наконец, в третьей части знаменитое Пятикнижие Достоевского рассматривается как единый метатекст сквозь призму литургически-храмовой образности.

В первой главе первой части, посвященной образу храму, подробно освещаются вопросы о «глубинной связи» Достоевского с православными церковными таинствами. Приведенный сравнительный материал убедительно свидетельствует о «строгом ортодоксальном отношении» Достоевского к таинствам крещения, покаяния и причастия, брака, священства, а также к таким субстанциональным элементам православия, как икона, молитва, поклонение мощам — ко всему комплексу храмово-литургического единства, ставшего центром жизни и творчества Достоевского. На всех уровнях изучения текстов Достоевского Н. Нейчев обнаруживает и объясняет связь храмовой поэтики Достоевского с иконографическим принципом изображения: «образ (икона) вбирает в себя весь догмато-литургический онто́с Церкви» (с. 29), иконический образ «воплощает догмат Боговоплощения». Здесь нельзя не вспомнить высказывание П. Флоренского о двух догматах православия — Боговоплощении и Троице, являющихся в то же время и двумя ведущими принципами русской культуры [см.: Флоренский, с. 495]. По замечанию болгарского исследователя, Достоевский в своих идеальных синергических воплощениях стремится воплотить лик Иисуса Христа, заключенный в православии.

Нейчев обнаруживает и антиномичное отношение Достоевского к западному искусству (к римско-католической концепции визуально религиозного образа): в частности он пишет о разном отношении писателя к готическому храму и картине, с одной стороны, и к православному храму и иконе, с другой. И что важно, в первом случае будет проявляться эстетическая интенциональность Достоевского, а во втором — религиозная. Она-то, по мнению исследователя, и является одним из самых существенных и определяющих различий в поэтике Достоевского.

Оспаривая бахтинскую концепцию о полифоническом повествовании Достоевского, болгарский ученый приходит к выводу о воплощении в его поэтике «новой ментальности», выражающейся в многоголосом монологолизме. Иначе говоря, повествовательная структура Достоевского тоже связана с иконографическим принципом изображения — «единством во множестве», восходящим к православной соборной ментальности.

На основании изучения многочисленных источников Нейчев убеждается в серьезном понимании Достоевским догматики и литургики. «Великой школой богословия», по замечанию Достоевского, является прежде всего «наша обедня». Достоевский неизменно вступает в защиту церковнославянского языка как священного языка православного богослужения. Кстати сказать, этот момент в современных реалиях приобретает особую остроту. Периодические дискуссии об изменении языка богослужения вспыхивали и в XIX в. в среде интеллигенции. Достоевский уже тогда отвергал мнения либералов о непонятности церковнославянского языка простолюдину и никогда не поддерживал обновленческие, реформаторские тенденции в отношении языка Русской православной церкви.

Во второй главе мировоззрение Достоевского рассматривается в свете православного учения и аскетики, причем антропология Достоевского воспринимается Нейчевым в ракурсе категории сновидения. И в этом случае речь идет о понимании Достоевским нерасторжимой связи духа и души, где дух является «внутренней частью души» (с. 60). Поэтому отнюдь не случайным оказывается особое внимание Достоевского к «бездне души» — внутреннему топосу личности, в которой отражается Божественный образ. Значительное место в исследовании отводится анализу поэтики и онтологии снов в текстах Достоевского. По мысли Н. Нейчева, именно через сны осуществляется «трансцендентальная эманация» духовного состояния героя, в силу чего они становятся гносеологической категорией. Сердце — «центр метафизической архитектоники души» (с. 69): в нем может присутствовать «опасная широта души», «страшное сожительство Божественного и демонического». Вот почему средоточием интереса Достоевского становится сердце героя.

Эти и другие наблюдения приводят Нейчева к убеждению, что источником антропологии Достоевского является православная аскетика. Нейчев убедительно доказывает, что Достоевский берет из святоотеческого учения структуру и весь словесно-понятийный аппарат. Показательно замечание исследователя о движении мысли Достоевского к византийскому синтезу, утверждающему в аспекте православной антропологии единство внешнего и

внутреннего человека как духовно-телесного храма. Эти наблюдения приводят ученого к заключению об отражении в художественном мире Достоевского всего комплекса храмово-литургической ортодоксии, из которого следует вывод о невозможности объяснить смысл творчества Достоевского вне восточноправославной каноники.

Вторая часть книги посвящена исследованию типологических аспектов романа Достоевского. По точному наблюдению Нейчева, в центре внимания Достоевского находится мифологема эгоцентризма человека нового времени — его «обособление», которое Достоевский осмысляет в виде пространственно-экзистенциальной метафоры «подполья» — сферы демонического. Человек, по существенному уточнению Нейчева, не микрокосм, а «космос космоса», поэтому главной целью Достоевского во всех его поздних романах является восстановление погибшего человека, благообразия его души, от которого отказывается «русский культурный человек».

Большое внимание в книге уделяется историческим и сакральным аспектам протообраза Храма (скинии Моисея), его Богоданности; достаточно подробно дается экскурс всего его пути: скиния Моисея — Иерусалимский храм Соломона — Ноев Ковчег — Камень Веры. Приводятся и сведения об увлечении Достоевского церковной архитектурой: например, тот факт, что в Инженерном училище в качестве курсовой работы Достоевский делает чертеж Кельнского собора. На протяжении всей жизни Достоевский проявляет неподдельный интерес к церковной архитектуре: восхищается Троице-Сергиевой лаврой, церковью Успения Божией Матери на Покровке. Апеллируя к книге К. А. Баршта «Федор Достоевский. Тексты и рисунки» (М., 1989), Нейчев указывает на наличие рисунков готических и православных храмов на страницах рукописей Достоевского, где готика у писателя всегда служит символом высшего проявления рассудочного автономного ума.

С точки зрения архитектурной символики совершенно по-новому прочитываются «Записки из подполья». Так, пространство «подпольного» героя определяется как крипта храма — самый «низовой» его локус. Криптуальному пространству инфернальной («подпольной») души героя Достоевский противопоставляет церковь Св. Софии Константинопольской как символ мирового православного духа: со св. Софией писатель связывал надежды на восстановление святости великого храма православия.

Говоря о типологическом сходстве между храмом и романами Достоевского, Нейчев устанавливает наличие между ними общих моментов: наличие «плана»; существование идеи центра (для храма центром является «золотое сечение», а для храмовых повествований Достоевского таким центром являются сны). Сновидение, таким образом, является куполом словесного храма-текста Достоевского, так как сны «порождены сердцем», а сердце — символ алтаря в храме-душе человека. Рассматривая «иконостасно-алтарную эсхатологическую границу» как доминантную особенность поэтики Достоевского, Нейчев приходит к мысли о стремлении Достоевского изобразить храм как корабль, направленный в Царство Божие. А это означает, что Достоевского вдохновляла на великие произведения идея эсхатологизма как идея грядущего Царства Божия, поэтому именно

в ракурсе категорий преобразования и обновления мира объясняются многочисленные «внешние» катастрофы героев Достоевского. Меоничному (не-бытийному) состоянию мира у Достоевского всегда противопоставлено онтологичное (бытийное). Такая телеологическая структура особенно характерна для поздних романов Достоевского. Человеку, выбравшему онтологическую цель, предстоит пройти путем страдания, чтобы прийти к истинной Церкви и Вере. Символом подлинного онтологического обретения, по мнению Нейчева, у Достоевского является иконология Камня. Гемологическая (от лат. *gemma* — камень) проблематика особенно свойственна «Братьям Карамазовым». Если в начале романа герои восходят на Голгофу, то в конце романа они выходят к Храму и Вере. Все эти факты и наблюдения приводят Нейчева к выводу, что именно «ортодоксальная храмовость является основной прообразной моделью семиотически архитектурной организации Пятикнижия» (с. 175); это означает, что сама природа текста Достоевского не мистериальна, а л и т у р г и ч н а (с. 178).

Центральной частью исследования Нейчева является, без сомнения, третья часть — «Поэтика и герменевтика Пятикнижия», где пять романов Достоевского рассматриваются ученым как единый метатекст. В первой главе предметом истолкования становится сама Тайна Пятикнижия как метаромана с общей прафабулой. Единство метаромана, по убедительной аргументации Н. Нейчева, создается принципом соборности и связью романного замысла Достоевского с житийной литературой.

Во второй главе Нейчев рассматривает каждый из пяти романов в свете «храмовой» поэтики как определенную часть того или иного храмового целого. Принцип последовательности в герменевтическом прочтении Нейчева связан не с хронологией создания произведения, а с его семантикой (развитием храмового сюжета в составе целого). Именно поэтому «Подросток», согласно «храмовой» логике чтения Нейчева, является первым звеном в храмовой структуре Пятикнижия Достоевского. Ученый отводит роману «Подросток» топос нартекса (притвора) в храмовой архитектонике метатекста Достоевского, в силу чего «Подросток» определяется как роман-оглашение. Главный герой романа Аркадий Долгорукий переживает состояние юности-крещения и движется в сюжетном плане от «случайного семейства» к обретению «истинной семьи» — Церкви.

Роман «Преступление и наказание» Нейчев соотносит с наосом (серединой) храма, выделяя «кризисное житие» героя в качестве доминантной линии. Нейчев показывает, что античная идея о «золотом веке», которой «заболевает» Раскольников, приводит его к разрыву с русской жизнью, к сознательному выбору зла. Он обращает внимание на то, что Достоевский изображает убийство Раскольниковым старухи-процентщицы как язычески-ритуальное. В этом романе Достоевский изображает героя, «предавшего себя злу», но сумевшего найти путь к покаянию.

Роман «Идиот» рассматривается как «символическое выражение» нескольких доминант — обожения человека, купола храма и таинства евхаристии. Поэтому, с точки зрения Нейчева, в соответствии с храмовой символикой роман «Идиот» занимает наивысшее положение — купол храма. Ученый проясняет

догматическую суть названия романа, выражающуюся в онтологической связи слов *ἰδιότης* и *ὑπόστασις* соединением в них общего и частного. Мышкин, по мысли Нейчева, изображен как литургический символ, что дает ему основание предложить особый термин для обозначения специфики реализма Достоевского как литургического.

В противоположность храмово-купольной структуре романа «Идиот» в структуре романа «Бесы» воплощается inferнальное «житие» героя. В этом смысле Ставрогин — негативный образ тайны Мышкина, поэтому и сама структура романа оказывается семиотически идентичной крипте храма. Если Мышкин является у Достоевского бытийным героем, воплощением Логоса, то Ставрогин — это меонический герой, символ анти-Слова, лишенный «субстанциального основания», «второстепенный дериват» (он просто повторяет змея-искусителя), который может только причинять боль, оттого в финале романа приходит к естественному для своего «развития» итогу — полной деперсонализации. Символика «таинственного безмолвия» (ведь он «премудрый змий») и духовный тлен являются формулой ставрогинской стилистики, чему противопоставлены и ораторское искусство Мышкина, и теозис (обожение) его души.

Таким образом, «Братья Карамазовы» рассматриваются в ракурсе «завершающего агиографического этапа», важными свойствами которого являются алтарная храмовость и таинство священства, а агиографически-храмовая доминанта в «Братьях Карамазовых» связана с гемологической символикой. Особое значение в романе в этом смысле играет встреча Алеши Карамазова и мальчиков «у камня» — образа «детской церкви». В основе романа, по мнению Нейчева, лежит патерналистическая теория, согласно которой убийство Федора Павловича трактуется как убийство отца, государя и Бога. Но Достоевский, как комментирует Нейчев, не был бы Достоевским, если бы не дал формулы спасения. Ею в романе является жертвенная смерть Илюшечки Снегирева, ставшая контраверзой убийству отца. Тем самым Достоевский словно говорит, что инициатива по восстановлению утраченного благообразия исходит не от отцов, а от их сыновей. Подвиг любви мученика Илюши, составившего за честь отца, ложится в основу строящейся обновленной церкви. Видимый храм несет в себе эпифанический смысл литургического воспоминания, поэтому «Братья Карамазовы» становятся закономерным окончанием Пятикнижия Достоевского в «литургическом, агиографическом и храмовом эсхатосе метаромана» (с. 265).

В заключении Нейчев пишет о всеобъемлющем влиянии исторического православия на личность и творчество Достоевского. Достаточно скромно ученый оценивает результаты своего труда: свое исследование он называет попыткой «высветлить лишь некоторые существенные вопросы в области формальной поэтики и содержательной экзегетики романа Достоевского исключительно с точки зрения *догмато-мистического ортодоксального учения*» (с. 272). Вместе с тем Нейчев подчеркивает свою сознательную (методологически установочную) «чистоту анализа» с точки зрения выбранного им метода, опирающегося на святоотеческое наследие. Нейчев пишет и о частичном применении в своем исследовании приемов, «сходных по духу с позитивистским сциентизмом»

(с опорой на фактологию) и используемых ученым во избежание субъективизма. Анализ конкретных фактов утвердил Нейчева в мысли о единстве наследия Достоевского со святоотеческим преданием. В качестве главной цели Достоевского Нейчев называет стремление писателя к достижению полноты Богообщения с помощью «метафизической силы художественного слова»: «И это невиданная со времени Евангелия катехизация мира через книгу» (с. 274).

По определению Нейчева, неповторимый художественный язык Достоевского, известный как символический реализм, своим универсализмом оказывается родственным всем формам церковного искусства. Мир человеческой души в метафизической поэтике Достоевского идентичен храму Божьему, так что каждый из пяти романов Достоевского является «словесным» храмом. В основе этой метароманной поэтики Достоевского, как полагает Нейчев, лежит один из важнейших догмато-мистических принципов православия — принцип соборности, объединяющий на эстетическом уровне в единую систему метаромана агиографические и храмово-литургические акценты всех пяти романов. Каждый из них является завершенным и автономным, но вместе с тем он оказывается лишь необходимой частью в составе Пятикнижия — универсального в мировой словесности жанрового феномена — *метаромана*.

Уникальное исследование Н. Нейчева, словно прочерчивающего дальнейшие пути развития науки о русской словесности. Оно есть указание на некую духовно-интеллектуальную границу, с которой может начаться отсчет глубинного постижения русской классики в контексте ее живой и непосредственной связи с историческим православием.

Божанкова Р., Димитров Л. «Академики» на Балканах (болгарская литературоведческая русистика рубежа веков) // Новое лит. обозрение. 2002. № 58. С. 386–392.

Есаулов И. А. «Таинственная» поэтика христианского реализма // Нейчев Н. Таинственная поэтика Достоевского. Екатеринбург, 2010. С. 5–8.

Киреевский И. В. В Ответ А. С. Хомякову // Возвращенная критика XIX века : антология. Ижевск, 2009. С. 52–64.

Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001. С. 490–507.

И. А. Легова

Монография Н. Нейчева посвящена проблеме взаимодействия культурной традиции православия и русской классической культуры XIX в. Исследование касается проблем как собственно религиозоведческих, так и искусствоведческих (икона, религиозная живопись, храмовая архитектура). Непосредственным же объектом исследования являются пять последних романов Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья

Карамазовы». Для обозначения всех пяти романов вместе автор использует термин «Пятикнижие», что, на наш взгляд, вряд ли удачно, так как термин этот является прецедентным и обозначает первые пять книг Ветхого Завета, автором которых традиция считает пророка Моисея. По нашим наблюдениям, этот термин как название романов Достоевского встречает сопротивление и в среде «религиозной общественности» (выражение Вячеслава Иванова в статье «К исследованию идеологии Достоевского»). Подчеркнем, что Пятикнижие, как и Четвероевангелие, в православной традиции понимаются однозначно: первые пять книг Ветхого Завета и канонические Евангелия Нового Завета соответственно.

Основная тема книги — связь классической русской литературы (в частности, творчества Достоевского) и вероучительной традиции православия — проблема глубокая и сложная. Методологические принципы и конкретные методы работы, возможные в подобных исследованиях, едва намечены, и эта неразработанность исследовательских стратегий очень ощутима. Так, в предисловии к монографии Н. Нейчева доктор филологических наук Иван Есаулов пишет: «...не только замысел, но и поэтика его (Достоевского) метаромана определяются догмато-мистической ортодоксией, храмовая архитектоника и литургический принцип православного богослужения эстетически проявляют себя буквально на всех уровнях текста» (с. 5). Уже в этом высказывании много не вполне ясных терминов и формулировок: так, например, что такое «догматолитургическая ортодоксия» или как все же сформулировать «литургический принцип православного богослужения»? Не является ли тавтологичным последнее словосочетание?

Сам автор определяет смысл названия своей книги так: «Поэтика Достоевского таинственна не в смысле загадочности и скрытности, а в том смысле, что она отражает религиозные таинства и традиционные ритуалы, и именно это превращает ее в мистическую и непонятную для того, кто находится за пределами подобного мировосприятия и интуиции» (с. 14–15).

Таким образом, суть новаторского подхода Н. Нейчева к романам Достоевского заключается в том, что он понимает их как романы-аллегории. Таковыми были, например, эллинистические романы, «масонские романы», в XX в. — произведения последователей К. Юнга. Этой традиции посвящено немало исследовательских работ. Прочитаем И. А. Протопопову, исследовательницу поэтики иносказаний в эллинистическом романе: «Насколько правомерно предположение о наличии в романах зашифрованного значения? Текст, автор которого сознательно пишет иносказаниями, обязательно рассчитан на определенные приемы истолкования, позволяющие читателю находить скрытый смысл. Принципиальным недостатком “мистериального подхода” мы считаем отсутствие поиска и описания таких приемов, которые обеспечивали бы возможность понимания читателем истинного смысла произведения. Если ничего не известно об этих приемах, то невозможно и доказать сознательность зашифровки... Таким образом, одни полагают, что скрытый смысл в романах присутствует, но не выясняют, как он присутствует, другие реконструируют способы “работы со смыслами” авторов романов, но не считают нужным отвечать на

вопрос, ради чего это делается. Очевидно, что любой текст пишется в расчете на чье-то понимание и строится в соответствии с представлениями пишущего о возможности такого понимания: автор предполагает, что читателю знакомы определенные приемы истолкования» [Протопопова; с. 31–32].

По всей видимости, Н. Нейчев не ставит перед собой подобных задач, что делает его мысль плохо структурированной, неотчетливой. На с. 208 Н. Нейчев указывает основные положения своей «экзегетической традиции». Весьма показательно, что он усматривает «прямую связь между текстом Пятикнижия и сакральным Словом Писания», что «требует, чтобы содержательный анализ по необходимости (!) придерживался методики истолкования сакрального текста». Автор выделяет в анализируемом материале три смысловых уровня: мифологический, социальный и христианский. Оказывается, что языческая стихия буквально переполняет романы Достоевского. Так, безумный поступок Версилова, разбивающего икону (об угол печи, как акцентирует автор), обусловлен тем, что печь как сакральный центр славянского жилища дохристианской эпохи конкурирует с «красным углом», где помещаются иконы, и в этом романном эпизоде усматривается глубоко символический подтекст, ибо «боготорческий “двойник” Версилова, посягающий на святой образ, является эманацией его хлынувшей языческой стихии» (с. 35–36). Нужды нет напоминать, что «случайное семейство» Версильовых снимает квартиру в многоэтажном доме, что вся сцена происходит в гостиной и изразцовая печь вряд ли является сакральным центром этой петербургской комнаты XIX в., да и сам Андрей Петрович Версильов, «русский дворянин и гражданин мира», мало похож на фанатика-язычника времен князя Владимира — Красное Солнышко.

Еще более удивительным оказывается образ Родиона Романовича Раскольникова. Совершая свое преступление, Раскольников «имитирует» поединок Перуна с Бабой Ягой, которая скрывается под личиной Алены Ивановны (но «куриная кожа на шее» изобличает ее). Пользуясь своими атрибутами — лошастью, приснившейся ему в знаменитом первом сне, и топором, который символически продублирован иконическим образом буквы «Р», трижды пометившей злополучного Раскольникова, — Перун в обличье Родиона Романовича убивает субститута змея — Ягу, которая становится священноопасной для бога-Солнца (с. 223–228).

В романе «Бесы» центральным героем является архидемон Ставрогин, у которого в подчинении находится «малый бес» Федька Каторжник. Их встреча «происходит ночью на мосту, т. е. на ничьей территории, в локусе, висящем над бездной» (с. 163). Здесь стилистика Достоевского, как нам кажется, замещается плакатной стилистикой романа Булгакова «Мастер и Маргарита», проникнутого духом русского авангарда, «иконическими образами» Кандинского и Малевича. Впрочем, и интерпретации Н. Нейчева являются порождением постмодернистской игры со смыслами, своего рода *Glasperlenspiel*, и в этом отношении они вполне приемлемы.

Сложнее обстоит дело с христианскими смыслами. Поскольку сам автор не отделяет романов Достоевского от догмато-мистической ортодоксии, то следует заметить, что последняя как таковая весьма серьезна, а ее субституты

действительно священноопасны. Толкования, предлагаемые автором как христианские образы, весьма сомнительны. Так, весьма сомнительна аналогия, которую проводит автор, анализируя финал романа «Идиот»: «...Расположение князя Мышкина (слева) и Рогожина (справа) перед занавесом («иконостасной» преградой) а н а л о г и ч н о месту, которое занимают иконы Иисуса и святогопокровителя, вследствие чего сцена в романе приобретает функции, адекватные функциям иконостаса в православном храме» (разрядка наша. — *И. Л.*) (с. 172), а «альков, в котором расположена кровать с мертвым телом, аналогичен алтарному углублению — апсиде» (с. 170). Точно так же и трактовка финала «Братьев Карамазовых», где Алеша основывает «обновленную христианскую церковь» (с. 264), и история с собачкой Жучкой — символом Воскресения (с. 267), и подвиг Илюши, который, любя и защищая своего «неблагообразного отца-неудачника», тем самым встает на защиту Бога Отца, в то время как Павел Федорович Смердяков убивает отца (главу семейства) — барина, государя, батюшку-царя и, наконец, посягает на самого Бога Отца (такова градация смыслов в интерпретации Н. Нейчева) (с. 260–262)), порождают множество недоумений и тягостных мыслей.

Так что же все-таки хочет сказать нам Н. Нейчев своим исследованием? О своей методологической точке зрения автор пишет лишь на с. 104 (цитируется весь отрывок):

Напомню, что если символическим эйконом внешней аскетики является видимый образ храма, а внутренней — невидимый храм души (последний, очевидно, не может быть эйконом именно в силу своей невидимости, и все словосочетание «храм души» есть аналогия или метафора. — *И. Л.*), то эти два храма субстанционально изоморфны, так как в ортодоксальном единстве они представляют две стороны одной и той же метафизической реальности. Это означает, что если утеряно единство богообщения (например, в периоды религиозного кризиса), то затемненную часть образа можно восстановить созерцанием доминирующей части. В данном случае это видимый храм, потому что доминирующей в эпоху Достоевского является внешне ритуальная сторона ортодоксии. Иными словами, художественный мир писателя является отражением и апологией (*sic!*) внутренней аскезы (затемненной части) для восстановления утерянного единства; Достоевский, следовательно, воплощает соборный образ души, образ невидимого храма. Адекватно раскрыть этот образ, однако, возможно только в его зримом телесном эквиваленте (доминирующей части), в видимом образе храма. Исследователь сталкивается с той же трудностью, что и художник-тайнозритель (как, в принципе, и каждый мистик), которому приходится писать о духовных реалиях: образно придать этому личному мистическому опыту словесную форму. В обобщенном виде можно сказать, что здесь я применяю метод, при помощи которого «невидимое созерцается посредством видимого», потому что «весь умопостигаемый мир представляется таинственно отпечатанным во всем чувственном мире посредством символических образов» (Максим Исповедник). (Позволим себе заметить, что под «чувственным миром» Максим Исповедник понимает именно «чувственный мир», но никак не художественную действительность романов Достоевского. — *И. Л.*) Этот метод подтверждается Св. Писанием: «...Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество... через рассматривание творений видимы» (Рим. 1 : 20) (опять-таки творений Божиих, а не писателя, даже классика. — *И. Л.*). Процесс этот, разумеется, не односторонний: от видимого

к невидимому, он протекает также и от незримого к зримому, так как находится в зависимости от того, какой именно образ ближе человеку на определенном этапе. С особой силой это действительно для духовно-телесного перихорезиса храма — этого взаимопроникновения видимого и невидимого, которое представлено великим ветхозаветным тайнозрителем — пророком Иезекиилем как образ «колеса в колесе» (Иез. 1 : 6). Иными словами, исходя из явленности («феноменальности») бытия и выходя к «идеям» («логосам»), мы вновь возвращаемся к тому же самому бытию, но уже не в явленности, а в его смысловой и духовной сущности и замыкаем этим круг познания. Итак, чтобы познать внутренний, бесплотный храм христианской души, о котором еще только по презумпции допускаем, что он художественно воплощен Достоевским в бессмертном романном Пятикнижии, состоящем из «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых», необходимо проанализировать особенности и смысл внешнего телесно осязаемого образа храма.

Мы намеренно привели этот длинный и утомительный отрывок, чтобы представить стиль автора: обилие слов скрывает отсутствие мыслей. Отчетливо вырисовывается позиция: точкой отсчета являются не тексты Достоевского, а некий «телесно осязаемый образ храма». В него мы и помещаем указанное выше великое Пятикнижие: «Для этого осуществляется следующая операция. Отбрасываются все паратекстуальные элементы (если такие присутствуют), которые вторично приложены к тексту (примечания, пояснения, вводные статьи, приложения, факсимиле и т. д.), так как значим в данном случае только “чистый текст”. Число страниц представляется в виде прямой отсечки (в направлении читательского вектора) произвольно выбранного масштаба: например, 1 мм соответствует двум страницам текста (одному листу); 5 мм = 10 стр.; 1 см = 20 стр.; 5 см = 100 стр. и т. п. Возьмем, к примеру, роман “Идиот”. Его книжное тело представляется в виде отсечки указанного выше масштаба. Найти золотое сечение известной отсечки при помощи приведенного выше геометрического метода — сравнительно легкая задача» (с. 141). Вот оно поистине новое слово в современном «идиотоведении» (термин С. Г. Бочарова)!

Все дефиниции Н. Нейчева оставляют впечатление незаконченности, незавершенности. Так, со ссылкой на В. Ерофеева Н. Нейчев пишет: «Определение метаромана (“сверхромана”, “надромана”) исчерпывается объяснением, что в нем каждое отдельное произведение восходит к общей прафабуле, т. е. решает одну и ту же фабульную проблему разнородными сюжетными ходами и развязками. Такое определение, хотя и обоснованное, остается слишком обобщенным... применительно к пяти романам Достоевского оно не обладает достаточной объяснительной силой. С его помощью нельзя, например, дать ответ на вопрос, почему вариаций прафабулы у него как раз пять, а не больше и не меньше? Если принять, что это результат случайности, надо отбросить тезис о Пятикнижии как цельном произведении, восходящем к единому замыслу с единой продуманной и реализованной структурой, А это уже противоречит фактам» (с. 180).

У В. Ерофеева мы читаем: «Метароман Набокова как некое единство в русской литературе восходит к метароманной структуре ненавистного Набокову Достоевского (ибо у Достоевского, начиная с “Преступления и наказания” и

заканчивая “Братьями Карамазовыми”, существует единая прафабула, порожденная проблемой соединения “я” с мировым смыслом» [Ерофеев, с. 13].

У Н. Нейчева, собственно, и нет пяти вариантов прафабулы, указанной В. Ерофеевым, нет и метаромана, как его понимает В. Ерофеев. Буквализируя метафору «словесный храм», Н. Нейчев рассматривает пять романов Достоевского как пять аллегорических пазлов, из которых мы и собираем «ортодоксальную храмовость». При этом предполагается, что каждому роману-пазлу соответствует еще и определенное таинство. Здесь автора подстерегает некоторое затруднение, с которым он «успешно» справляется: «Хотя их (таинств) семь, но они по своей сути объединены в пять духовных топосов. Так же, как неотделимы крещение и миропомазание, брак, являющийся священным союзом и образующий семью как церковь, подобен нерасторжимому браку человека с Богом — священству. Таким образом, притвор, или нартекс, храма символизирует начало подвижнического пути, воцерковление души и таинство крещения. Наос — житийный подвиг в отстаивании веры и таинство покаяния. Купол — символ мистического единения подвижника с Божественным; обожения души и таинства евхаристии. Крипта обозначает катакомбный, скрытый, период церковного подвижничества, преследование, искушение и мучение души бесами, а также таинство елеосвящения. Алтарь — это символ твердости в вере и таинства священства» (с. 195).

Безусловно, Ф. М. Достоевский — православный человек, укорененный в богослужебной традиции своего времени. Но автор, мягко говоря, преувеличивает, приписывая ему некое «эзотерическое знание», именуемое «элементами ортодоксальной ритуальности» (с. 44). Прежде всего следует указать, что религиозная ситуация XVIII—XIX вв. ознаменована коллизией между теоретическим богословием и практическим богослужением и была охарактеризована о. Г. Флоровским меткой фразой: «молились еще по-славянски, а богословствовали уже по-латыни» [Флоровский, с. 101]. Церковная наука «петербургского периода» русской истории находилась под сильным влиянием схоластических схем, заимствованных с Запада. Наиболее сильному искажению подверглось теоретическое догматическое богословие, нравственное приложение которого постепенно искажало и этические нормы поведения [см.: Богословие..., с. 392]. Трагический разрыв между святоотеческой и современной традициями внутри Церкви усугублялся обмирщением аристократии и интеллигенции. Богослужение оставалось связующим звеном, но, совершаемое на малопонятном славянском языке, оно не достигало своей главной цели — соединять с Богом. То же можно сказать и о совершаемых в храмах таинствах и обрядах. Лучшие умы эпохи, как церковные так и светские, понимали это и все свои силы прилагали к исправлению сложившейся ситуации.

Федор Михайлович Достоевский, пытавшийся своим творчеством прежде всего пробудить совесть и религиозное чувство в людях, не исключение. Несмотря на свою религиозность и литературный талант, он, как и все его современники, все же находился под влиянием «западного пленения». Из величайшего сонма мыслителей XIX в. можно выделить только двоих, избежавших

пагубного влияния схоластики, — свт. Игнатия (Брянчанинова) и А. С. Хомякова. Остальные, в том числе и Достоевский, пребывали в плену схоластических схем, принимаемых за аутентичное святоотеческое богословие. И даже встречи и общение с оптинскими старцами не могли стать защитой, поскольку возникали sporadически. А проникновение в аскетическую традицию — нелегкий труд, требующий непрестанной молитвы под постоянным руководством богодухновенного аввы. Поэтому внешняя начитанность в богословских трудах не гарантирует точного православного мирозерцания.

Может быть, именно поэтому Н. Нейчев пытается охарактеризовать православность мировоззрения Ф. М. через введение чуждой святоотеческой аске-тике и даже современной ему богословской традиции (!) категории сновидения. Теория сновидения в богословии впервые появляется в работе священника Павла Флоренского «Иконостас» [см.: Флоренский, с.84–90]. Но творчество о. Павла — своеобразный «православный гносис» — выходит за рамки православного богословия и не может служить критерием истины. Теоретическое учение о семи таинствах (пожалуй, самое неразработанное в литургике) появляется только в начале 2-го тысячелетия и получает законченный вид только в постановлениях западного Тридентского собора (1545–1563). Вместе с катехизисами и учебниками догматического богословия чуждое св. отцам учение о седмичном числе таинств, проникает и в русское богословие. Но даже в символических толкованиях таинства никак не соотносятся с частями православного храма, а именно такое понимание пытается показать автор. История же в еще большей степени разрушает эту внешне стройную и логичную схему. Так, таинства крещения и миропомазания в Византии никогда не совершались в храмовом притворе, а только в отдельном от храма здании баптистерия (крещальни). Совершаемый в храме обряд воцерковления, завершающий крещение, заключался в троекратном обхождении св. престола с целованием его углов, что сближает таинства крещения и миропомазания с таинством священства [см.: Афанасьев, с. 9–34]. Таинство же брака имеет сходство с таинством священства только пением тропарей («Святити мученицы...» и пр.) и совершается вне алтаря (таинство священства совершается только в алтаре). А если учесть, что в древних византийских чинах нет указания на пение этих тропарей и обхождение вокруг аналоя, то никаких связей (кроме идеи обручения мужа и жены, пастыря и паствы) не остается. А вот покаяние (и как экзомологисис — совокупность эпитимийных упражнений, и как исповедь, и как таинство примирения кающегося с церковью) всегда совершалось в притворе храма. Соотношение «купол — евхаристия» никакого рационального и даже мистического объяснения, кроме фантазии автора, не имеет. Наконец, таинство елеосвящения изначально совершалось по домам, впоследствии было перенесено в храм, но совершалось в рамках таинства евхаристии, т. е., по терминологии Н. Нейчева, в наосе, но никак не в крипте. Эта часть храма (причем не всегда и не везде) предназначалась для совершения заупокойных богослужений. Песнопения и молитвословия заупокойных носят характер победы над смертью, предвосхищения воскресения и жизни вечной, где уже нет места

демоническому воздействию. Поэтому приписывать крипте инфернальный смысл, мягко говоря, некорректно.

-
- Афанасьев Н., прот.* Церковь Духа Святого. Рига, 1994. 327 с.
Богословие и свобода Церкви // Иларион (Троицкий), свщм. Творения. Т. 2. С. 235—263.
Ерофеев В. В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1, М., 1990. 415 с.
Протопопова И. А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001. 470 с.
Флоренский П., свящ. Иконостас // Богослов. тр. 1972. № 9. С.80—148.
Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Репр. изд. 1937. Вильнюс, 1991. 600 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ

ВИЗАНТИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

XXII Международный конгресс византийских исследований (София)*

22–27 августа 2011 г. в Софии проходил ЧЧЙЙ Международный конгресс византийских исследований, организаторами которого выступили Международная ассоциация византийских исследований и Софийский университет Св. Климента Охридского. Основная тема этого научного форума, определившая название конгресса, предполагала рассмотрение широкого спектра вопросов, связанных с историей Византии и стран византийского культурного круга [см.: ICBS I, p. 17–36].

В 1934 г. болгарская столица уже принимала IV Международный конгресс византистов, который тогда посетили 192 участника [см.: Actes du IVe Congres; Nystazopoulou-Pélékidou, p. 11–33]. Спустя почти восемьдесят лет в Софии собралось около 1200 исследователей из Болгарии, России, Греции, Франции, Германии, США, Великобритании, Сербии и еще тридцати стран мира. Конгресс, проводимый раз в пять лет, является крупнейшим научным форумом, на который собираются все ведущие мировые специалисты по истории византийской цивилизации.

Президент Республики Болгария Георгий Пырванов, выступая на открытии конгресса, отметил непреходящее значение культурного наследия Византии для современной цивилизации и назвал конгресс крупнейшим и наиболее важным международным научным событием в Болгарии за последние пятьдесят лет.

К открытию конгресса были опубликованы три тома материалов конгресса, в которые вошли тексты пленарных докладов и рефератов сообщений, представленных на круглых столах и секционных заседаниях [ICBS I, ICBS II, ICBS III].

Программой конгресса были предусмотрены **семь пленарных заседаний** по следующей тематике: 1) «Образ Византии и память о ней», 2) «Афон и Синай как культурные феномены», 3) «Византийские города и публичная жизнь», 4) «Свобода и несвобода в Византии», 5) «Mare Nostrum — Mare Majus», 6) «Сакральное в Византии: теология и

* При финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

искусство», 7) «Перспективы развития византистики». В целом, тематика пленарных заседаний отражает основные приоритеты научных направлений современного византиноведения. Большое внимание было уделено палеологовской Византии и поствизантийскому периоду. Значительное число участников посвятили свои доклады проблемам взаимодействия трех цивилизаций — восточнохристианской, исламской и цивилизации Латинского Запада. Следует отметить явное приобладание тем, связанных с культурой, исторической антропологией, интеллектуальной историей.

Вопросы политической и военной истории Византии также рассматривались в рамках этого форума. Однако войны, которые вела империя, трактовались большинством участников в контексте международных отношений или же актуальных на тот момент философских и идеологических установок. Следует констатировать, что получила продолжение тенденция, наметившаяся в последние десятилетия, которая связана с уменьшением значения исследований по социально-экономической истории, особенно аграрной проблеме.

На конгрессе византинистов в Софии было проведено **39 круглых столов**. На них подробно рассматривались, в частности, проблемы византийской и славянской филологии. Особый интерес вызвал комплекс исследований, посвященных деятельности свв. Кирилла-Константина и Мефодия не только как создателей славянской письменности, но и как религиозных философов, повлиявших на мировоззрение потомков. Различные аспекты деятельности этих и других византийских миссионеров были представлены в докладах *С. Иванова, Б. Мирчевой, И. Илиева, А. Николова, С. Варлиевой, М. Скарпа* и др. [ICBS II, p. 26, 68–70].

Тема болгаро-византийского культурного диалога оказалась также близка многим исследователям. Болгария в представленных докладах рассматривалась не как «дочерняя зона» империи ромеев, а как полноправная и важная часть *paх Byzantina*. В выступлениях исследователей подчеркивалось, что сложность и кажущаяся противоречивость болгаро-византийских отношений, наполненных войнами, одновременно являлась обменом культурным опытом и религиозными идеями. Большой привлекательностью для болгар обладали визуальные формы и византийский придворный церемониал (доклад *Дж. Шенарда*) [Ibid., p. 265]. Следует отметить также доклад *А. Симон* о геополитическом значении западнобалканского региона в XII–XIII вв., где причудливо соединились норманские, восточные и славянские культурные элементы [Ibid., p. 296–297].

Отдельные круглые столы были посвящены палеографии, кодикологии, сигиллографии, нумизматике, эпиграфике (доклады *М. Какурова, Д. Файсела, С. Морриссон* и др.) [Ibid., p. 14–16, 85–86, 198–199].

Более пятисот докладов было представлено на 38 секциях конгресса. Здесь наибольшей популярностью пользовались вопросы, связанные с организацией управления в Византии, исследованием баланса сил на ее границах, изучением отношений с другими державами. В центре внимания историков, филологов, археологов и искусствоведов оказалась роль великой империи Средневековья в формировании культурного облика современного мира.

Важнейшей научной темой стало освещение сложной и многогранной картины повседневной жизни византийцев. «Взгляд изнутри» на византийское общество представил известный австрийский ученый *Й. Кодер* [ICBS I, p. 69–81]. По его мнению, Византия была немыслима без городов, помнящих свое античное прошлое. Сходному сюжету был посвящен доклад *М. Манго* («Константинополь и Фессалоника как важнейшие города империи») [Ibid., p. 239–262]. О Константинополе в своих докладах говорили также *Р. Радич* [Ibid., p. 191–211], *Й. Миланович, Л. Бену* и др. [ICBS II, p. 228–230]. В докладах *П. Катсон* и *М. Каплан* рассматривалась проблема провинциальных городов, а также вопросы, связанные с урбанизацией в поздней Византии [Ibid., p. 237–238]. В ряде

сообщений речь шла о болгарских городских центрах. Отдельно были рассмотрены сюжеты, касающиеся истории столиц средневековой Болгарии — Плиски, Великого Преслава, Охрида и Тырново. Эти города зачастую воспринимались болгарами Средневековья как «второй Константинополь» и даже как «третий Рим» [ICBS II, p. 250–259].

Важной темой являлась историческая география, реконструкция представлений византийцев об окружающем их мире (доклады *П. Сустая, М. Поповича, Т. Волинской, Н. Нечипоглу*) [Ibid., p. 281–283, 295–298]. Традиционным вниманием исследователей пользовались византийские религиозные святые, монастыри Афона (доклады *Б. Крмачанович и К. Павликианова*) [ICBS I, p. 145–187]. С этой проблематикой тесно связаны сообщения о монастырской жизни, о монастырях как культурных центрах и пр. (доклады *А. Джуровой, В. Велиновой, Дж. де Грегоріо, М. Курьшевой*) [Ibid., p. 83–105; ICBS II, p. 3–4, 47–48].

Значительное внимание на секционных заседаниях было уделено византийскому пограничью, этому особому и малоизученному миру. Ряд сообщений был посвящен византийской Италии (*С. Казентино, Т. Браун*) [ICBS II, p. 83–88]. Наибольшее число докладов касалось т. н. дунайского лимеса, а также византино-болгарских и болгаро-венгерских отношений, которые с конца IX в. и вплоть до заката ромейского государства играли важную роль в балканской политике империи (*Т. Тодоров и П. Павлов*) [Ibid., p. 111–112; ICBS III, p. 78–79]. Ситуация на восточных границах империи, и особенно взгляды византийских интеллектуалов на исламский мир, были рассмотрены в сообщениях *Р. Шукурова и А. Волкер* [ICBS II, p. 267–268, 270–272].

Исследователей традиционно привлекают механизмы взаимодействия между Византией и сопредельными странами. На конгрессе в Софии данная тематика также была представлена весьма широко: отношения Византии и варягов, отношения Византии с итальянскими государствами, Византия и Кипр. Специально следует упомянуть о проблеме «Русь и Византия», которая и на этот раз получила широкое освещение в ряде выступлений (*М. Бибииков, Е. Мельникова, А. Эффенбергер, А. Понте*). В меньшей степени на XXII конгрессе рассматривались достаточно традиционные темы «Византия и арабы», «Византия и Золотая Орда». К сожалению, не привлекло значительного внимания исследователей и византийское влияние на историю Таврики (Крыма). Возможно, это связано с тем, что в Софии не присутствовали многие украинские исследователи.

Большое внимание участники конгресса уделили проблемам формирования, состава и трансформации византийской элиты (доклады *Ж.-Кл. Шене, К. Холмс* и др.) [ICBS II, p. 260–262]. Доклад *Л. Дочевој-Петковој* был посвящен византийским интеллектуалам, ремесленникам, монахам, художникам, жившим на территории Болгарии. По ее мнению, эти люди способствовали трансляции византийской культуры в Болгарию, а из Болгарии — далее в сопредельные страны [Ibid., p. 172–173]. Сходным проблемам были посвящены сообщения *Х. Клейна и Н. Чесноковой* [Ibid., p. 178, 182–183].

Отдельно следует отметить вопросы, связанные с сохранением византийского культурного наследия. Во многих докладах упоминалось о необходимости противодействовать созданию «черной» или же, напротив, «розовой» легенд о Византии. Отмечалось, что одним из секретов притягательности Византии является ее многогранность. В докладах звучала также тема роли Византийской империи в становлении современной цивилизации.

По традиции в рамках конгрессов проходят специализированные выставки, посвященные истории и культуре византийской цивилизации. Исторический музей Софии, Национальная библиотека Свв. Кирилла и Мефодия, Национальный археологический музей, Национальная галерея искусств, кафедральный собор Св. Александра Невского подготовили восемь музейных экспозиций, на которых были представлены византийские

рукописи, иконы, книги, археологические находки, произведения прикладного искусства, хранящиеся в музейных коллекциях Болгарии.

Важной частью работы конгресса было заседание главной ассамблеи Международной ассоциации византинистов, от которой Россию представлял глава отечественного византиноведения академик *С. П. Карпов*. Президент ассоциации профессор *П. Шрайнер* высоко оценил научный и организационный уровень конгресса, большую работу болгарских ученых и содействие им ряда государственных и частных структур, международных благотворительных фондов. Кроме того, на этом заседании местом проведения следующего конгресса византинистов 2016 г. был избран г. Белград (Югославия).

В заключение необходимо упомянуть об участии ученых Уральского федерального университета в работе ЧЧЙИ Международного конгресса византийских исследований. На этом научном форуме уральскую школу византиноведения представляли четверо исследователей.

Профессор *В. П. Степаненко* принял участие в работе **круглого стола «Византийский мир и сигиллография»** с докладом об инкорпорации армянской знати в византийскую военную и политическую элиту по данным византийских печатей [ICBS II, p. 110]. Доцент *Т. В. Куц* принимала участие в заседаниях **секции «Жанры светской литературы»**, в ее докладе рассматривался вопрос о месте даров в эпистолярной практике, являвшейся привычной для интеллектуалов сферой общения [ICBS III, p. 150]. Доцент *А. С. Мохов* выступил на **секции «Войны, дипломатия и культурные обмены, X–XII века»** с докладом о реформировании вооруженных сил и гражданских структур управления Византии в конце X – начале XI в. [Ibid., p. 232–233]. В работе этой же секции принимала участие магистрант *Т. Н. Бардашова*. Ее сообщение было посвящено византийской брачной дипломатии как одному из элементов внешней политики империи [Ibid., p. 235–236].

Следует отметить, что все эти исследователи входят в научный коллектив, выполняющий НИР по теме «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.). Участие в софийском конгрессе позволило уральским византинистам познакомиться с исследовательскими практиками, которые применяются их зарубежными коллегами, четко обозначить основные тренды научных исследований, доминирующие в современном византиноведении, и соотнести их с направлениями своих научных изысканий.

Actes du IVe Congrès international des études byzantines (Sofia, septembre 1934) / publ. sous la red. B. D. Filov // Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare. 1935. T. 9.

ICBS I – Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22–27 August 2011). Vol. 1: Plenary Papers / ed. by I. Iliev. Sofia, 2011.

ICBS II – Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22–27 August 2011). Vol. 2 : Abstracts of round table communications / ed. by A. Nikolov, with the assistance of E. Kostova and V. Angelov. Sofia, 2011.

ICBS III – Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22–27 August 2011). Vol. 3 : Abstracts of free communications / ed. by I. Iliev, with the assistance of E. Kostova and V. Angelov. Sofia, 2011.

Nystazopoulou-Pélékidou M. L'histoire des congrès internationaux des études byzantines (Première Partie) // BYZANTINA SYMMEIKTA. Athènes, 2008. T. 18. P. 11–33.

А. С. Мохов, Т. В. Куц, К. Р. Капсалькова

ДЕРГАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**Юбилейная всероссийская научная конференция**

С 1992 г. на филологическом факультете Уральского государственного университета им. А. М. Горького проводится конференция «Дергачевские чтения», посвященная памяти первого декана факультета, профессора, доктора филологических наук, известного исследователя историко-литературного процесса второй половины XIX в. и уральской литературы Ивана Алексеевича Дергачева.

6–7 октября 2011 г. «Чтения» состоялись в десятый раз и совпали со 100-летним юбилеем ученого. В связи с этой двойной юбилейной датой оргкомитет принял решение посвятить конференцию основателям уральской литературоведческой школы, профессорам А. С. Субботину, В. П. Кругляшовой, Г. К. Щенникову, В. М. Паверману, Н. Л. Лейдерману, тем более что ее реальное содержание давно вышло за рамки темы, когда-то сформулированной И. А. Дергачевым, — «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности».

Впервые «Дергачевские чтения» проводились новым образовательным и научным учреждением — Институтом гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Кроме УрФУ, активную помощь в проведении конференции оказали Институт истории и археологии УрО РАН и Объединенный музей писателей Урала, в чьих гостеприимных стенах и проходили горячие споры ученых.

На открытии конференции председатель оргкомитета *Алексей Подчиненов* подчеркнул уникальность и рекордный характер десятого литературоведческого форума: если за предыдущие девять чтений суммарное число участников не превысило восьмисот пятидесяти, то в этот раз было подано около трехсот заявок, а точнее, двести девяносто четыре, при этом сумели приехать в Екатеринбург и выступить с докладами более двухсот человек, что безусловно демонстрирует признание и ведущую роль ученых Уральского федерального университета в филологическом сообществе Урала.

Приветствуя конференцию и ее гостей, прибывших из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья, первый проректор УрФУ *Дмитрий Бугров* подчеркнул важность той духовной миссии, которую выполняют гуманитарная наука в целом и русская литература в частности, сближая нации и народы.

Работа конференции оказалась предельно насыщенной. На **пленарном заседании** были представлены доклады, во многом определившие направление секционных заседаний. Это и доклад члена-корреспондента РАН *Елены Ромодановской*, посвященный портрету в древнерусской литературе, и заметки о событийном времени в художественном мире *Ф. М. Достоевского* профессора Ягеллонского университета в Кракове (Польша) *Василия Щукина*, и анализ уральской школы жанрологии, проделанный профессором УрФУ, заведующим кафедрой русской литературы *Олегом Зыряновым*. В разделе «In memoriam» выступили член-корреспондент РАН, дочь И. А. Дергачева, *Мария Дергачева*, представившая переписку Ивана Алексеевича с писателями и литературоведами, профессор УрФУ *Лариса Соболева* с сообщением о родословной профессора И. А. Дергачева и сотрудник Объединенного музея писателей Урала *Анжелина Рязанова*, рассказавшая о роли Дергачева в становлении музея.

На всех **семи секциях** в течение двух дней шли напряженные и плодотворные дискуссии, в которых участвовали как маститые профессора, так и начинающие исследователи, аспиранты и магистранты, получившие практические уроки литературоведческой

науки. По сути, каждая секция представляла из себя мини-конференцию, обращенную к актуальным проблемам современной гуманитарной науки.

На **первой секции** («Литература Урала. Национальное развитие и региональные особенности: характер взаимодействия», координатор — профессор Е. К. Созина) шло заинтересованное обсуждение очередного важнейшего этапа подготовки академической истории литературы Урала. В центре внимания оказалась литература малых народов, которые составляют понятие Большой Урал, — удмуртов, коми, татар, марийцев, башкир, ненцев. Назовем хотя бы часть докладов, вызвавших наибольший интерес: «“Дантовское вдохновение” в поэзии Владислава Шихова» *М. В. Серовой* (Ижевск), «Хоррор по-тюменски: сборник “Сибирская готика” Олега Архипова» *С. О. Драчевой* (Тюмень), «Северные нарративы начала XX в.: М. Пришвин, К. Жаков» *Е. К. Созиной* (Екатеринбург), «Создание национальной литературы как задача государственной важности: о литературно-организационной деятельности Т. К. Борисова (1891—1943)» *В. М. Ванюшева* (Ижевск), «Творчество Ошалычи Оки» *И. Е. Васильева* (Екатеринбург), «Зарождение удмуртской драмы и театра» *Т. И. Зайцевой* и *Г. А. Глухой* (Ижевск), «Двуязычный журнал “Комі Му — Зырянский край”: проблемы национального позиционирования» *Т. А. Снигиревой* (Екатеринбург), «“Идель-Урал” как культурное гнездо» *Р. Л. Исхакова* (Екатеринбург), «Формирование образа родного края в детской литературе Удмуртии» *Е. В. Харитоновой* (Екатеринбург). «Мифологический образ станции Раевка в одноименной песне Ильдара Хайруллина» *Р. А. Шаяхметова* (Стерлитамак), «Короткий рассказ — одна из малых форм коми прозы рубежа XX—XXI вв.» *Т. Л. Кузнецовой* (Сыктывкар), «Восприятие творчества ненецкого писателя Леонида Лащуя в критике Тюменского региона» *И. А. Бужан* (Тюмень), «Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы» *Е. Н. Эртнер* (Тюмень), «“Сарапульский Чехов” — писатель С. Н. Миловский-Елеонский (1861—1911). К 150-летию со дня рождения» *Н. С. Запорожцевой* (Сарапул), «Родовое измерение истории в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка» *Л. С. Соболевой* (Екатеринбург), «Д. Н. Мамин-Сибиряк и П. П. Бажов: генетические связи и типологические сходения» *В. А. Михнюкевича* (Челябинск).

Вторая секция («Древнерусская литература и фольклор Урала», координатор — профессор В. В. Блажес) одно из заседаний посвятила тематике, касающейся как традиционного, так и современного фольклора. При этом важно отметить, что большинство докладов основывалось на полевых материалах, собранных фольклорными экспедициями Уральского или Пермского университетов. В частности, несказочную прозу анализировали в своих выступлениях «Устные истории сел и деревень в системе семейного фольклора» *В. М. Курочкина* (Пермь), «Рассказы о старообрядцах как пласт семейного фольклора (на материале полевых исследований в Северном Прикамье» *А. С. Беломестнова* (Пермь), «Неомифология Урала и Сибири: сравнительный аспект» *И. К. Феоктистова* (Омск), «“Несказки” седого Урала» *О. Л. Наконечной* (Екатеринбург). К культу предков и похоронному обряду обратились в своих докладах пермские исследователи *С. Ю. Королева* («Почитание “85 чердынских убиенных” в контексте народных поминальных традиций и культа предков») и *С. А. Елтышев* («Заметки о современном бытовании похоронно-поминальных причитаний»). *В. А. Липатов* (Екатеринбург) анализировал уставщину и дедовщину в современном солдатском фольклоре. Основательный доклад подготовил *В. В. Блажес* (Екатеринбург) о фольклоре Урала в русских источниках XII—XV вв.

В заседаниях секции, посвященных проблемам древнерусской литературы, научный тон задавала новосибирская школа, возглавляемая *Е. И. Дергачевой-Скоп*. Методология ее доклада «Златоструй: еще раз об авторстве царя Симеона» как бы задавала тон

выступлению ее многочисленных учеников — *А. Ю. Бородихина* («Ближайшее окружение и состав Тихомировской Кормчей»), *О. Д. Журавель* («Поздняя старообрядческая агиография: модификация жанрового канона»), *Л. Г. Панина* («Итоги и перспективы изучения Друцкого евангелия XIV в.»), *Е. А. Турук* («Иоанновская редакция Киево-Печерского патерика: проблемы интерпретации»), *И. А. Шиловой* («Древнерусский Пролог как сборник постоянного состава»), *И. А. Якишина* («“Евангелие Учительное” в кругу переводов Максима Грека и инока Силуана»), *В. А. Мельничук* («Концепт «лирическая стихия в летописном тексте: на примере Летописца черниговского князя Всеволода Ольговича в составе киевского свода»), *А. И. Атрошенко* («Об особенностях иллюстрирования Казанской истории XVII века: один из лицевых списков»).

Третья секция («Русская литература: художественные системы и жанры», координатор профессор *О. В. Зырянов*) оказалась самой многочисленной, поэтому вынужденно была разбита на две подсекции согласно хронологии. Поскольку нет возможности перечислить всех выступавших, назовем доклады, вызвавшие наибольший интерес или полемику.

Из докладов подсекции «Русская литература XIX в.»: «Жанровый синтез как фактор авторской стратегии Г. Р. Державина» *Д. В. Ларковича* (Сургут), «О любовной лирике А. С. Пушкина второй половины 1830 года» *И. А. Балашовой* (Ростов-на-Дону), «Элегия в творчестве В. А. Жуковского: к вопросу об авторской реализации жанрового канона» *М. А. Варзаевой* (Ярославль), «“Агасфер” В. К. Кюхельбекера как философская трагедия» *Т. А. Ложковой* (Екатеринбург), «Повествовательные стратегии волшебной повести М. М. Хераскова “Бахариана, или Неизвестный”» *Т. А. Драгайкиной* (Новосибирск), «Чеховские варианты тургеневской девушки» *Г. М. Ребель* (Пермь), «“Филида с каждой зимой” в контексте книги стихов “Сумерки” Е. А. Боратынского» *С. В. Рудяковой* (Магнитогорск), «К вопросу о романском модусе в русской литературе: от Пушкина до Бродского» *Е. В. Никкаревой* (Ярославль), «Художественная система в отношении к жанру и сюжету» *В. К. Васильева* (Красноярск), «Мурильевский сюжет» в русской литературе XIX в.» *Т. В. Зверевой* (Ижевск), «Портрет как художественная единица поэтики А. П. Чехова» *О. В. Левкович* (Казань), «Мифологический метод Д. С. Мережковского» *Л. Н. Житковой* (Екатеринбург), «Жанр сказки в русской литературе начала XIX в.» *Л. Р. Клягиной* (Екатеринбург).

Из докладов подсекции «Русская литература XX в.»: «Ольфакторная метафора в поэзии Б. Пастернака» *Н. А. Рогачевой* (Тюмень), «Авторские жанровые номинации как отражение кризиса жанрового сознания» *Т. Н. Марковой* (Челябинск), «Вариативные жанровые формы малой импрессионистской прозы» *Н. Н. Кундаевой* (Челябинск), «Символистский подтекст конфликта отцов и детей в драме З. Гиппиус “Зеленое кольцо”» *О. С. Зубарской* (Воронеж), «Жанр баллады в современной поэзии: А. Родионов, М. Степанова, Б. Херсонский» *Н. В. Барковской* (Екатеринбург), «Сценарий Гр. Горина “Тот самый Мюнхгаузен”: комическое как модус художественности» *В. В. Химич* (Екатеринбург), «Тенденция циклизации в современной малой прозе» *Е. В. Пономаревой* (Челябинск), «Модерн и постмодерн в концепции исторической поэтики С. Н. Бройтмана» *А. В. Маркина* (Екатеринбург), «Проза В. Шарова в постмодернистском “псевдоисторическом” дискурсе» *И. В. Ащеуловой* (Кемерово), «К вопросу о неосентиментализме в современной русской прозе: на материале творчества Л. Петрушевской и Л. Улицкой» *Т. Г. Прохоровой* (Казань).

Большинство докладов подтвердили мысль, высказанную проф. *О. В. Зыряновым* на пленарном заседании, о существовании уральской жанрологической школы, основателями которой можно назвать профессоров *И. А. Дергачева*, *А. С. Субботина* и *Н. Л. Лейдермана*, которые тем не менее выстраивали свои жанровые концепции, казалось бы, на

разных основаниях: то исторической поэтики, то поэтики теоретической, структурно-поэтического или генетического принципа, но так или иначе очевидно прослеживается общее стремление к систематизации, безусловный интерес к историческим судьбам отдельных жанров и жанровых систем, а также феноменологической перспективе жанрологии.

Доклады, прочитанные на **четвертой секции** («Русская литература: стратегии творческого поведения», координатор профессор Т. А. Снигирева), предлагали свои трактовки поведения художника, критика, режиссера в отношении текста, читателя и собственно бытия, создающие стратегию письма, рецепции, эстетического воздействия и художественной рефлексии. Вот некоторые из них: «“Жанр — угол зрения на мир...”: уроки чтения А. С. Субботина» *Е. С. Зашихина*, «Владимир Маяковский: тип творческой личности» *К. М. Комарова*, «Стратегия режиссера: “Горе от ума” А. С. Грибоедова в постановке О. Меньшикова» *О. В. Черкезовой*, «Модель творческого поведения В. Шахрина» *А. В. Снигирева*, «Рассуждения о писателях» Вяч. Пьецуха: тайна рождения и самоосуществления гения» *В. В. Химич*, «Серьезный писатель и глянецовый журнал: кому выгодно?» *М. Ю. Гудовой*, «Путешественники-мемуаристы: особенности видения» *М. А. Литовской*, «Репрезентация образов женщин Фортуны в русской литературе XVIII века» *Е. Е. Приказчиковой*, «Жанры рекламы в интертекстуальном аспекте» *Е. Г. Соболевой* (все — Екатеринбург), «Стратегия творческого поведения в русской критике» *В. Н. Крылова* (Казань), «Языковые стратегии русской драмы: введение в экографию» *С. А. Комарова* (Тюмень), «Русская классика в контексте перформативного дискурса новой драмы конца XX — начала XXI века» *Т. Н. Бреевой* (Казань), «Дневники писателей XX века как художественный текст и документ эпохи» *К. Д. Гордоч* (Санкт-Петербург), «Художественные особенности романа Г. Саггира “Сингапур”» *Т. Ф. Семьян* (Челябинск), «Эстетические установки “нового реализма” в современной литературе» *Ю. Н. Серго* (Ижевск), «“Пространственные игры” Бориса Виана» *С. А. Шламотовой* (Омск).

Содержательно и плодотворно прошли заседания **пятой секции** («Художественное мышление Ф. М. Достоевского», координатор — доц. А. В. Подчиненов), практически все выступления вызвали заинтересованную дискуссию, акцентировав одну из ядерных проблем изучения творчества великого писателя — его художественную метафизику. Прозвучали доклады «Эмблематический код малой прозы Ф. М. Достоевского» *В. В. Борисовой* (Уфа), «Художественная метафизика Достоевского в свете концепции времени» *А. Г. Овчинникова*, «Мета- и мифопоэтика имени в романе “Братья Карамазовы”» *В. В. Архангельской*, «Достоевский в художественном сознании Бунина» *Н. В. Пращерук*, «Платонов и Достоевский: взгляд с разных сторон» *Н. П. Хрящевой*, «Основные категории художественной метафизики Ф. М. Достоевского» *А. В. Подчиненова* (все — Екатеринбург), «Традиции почвенничества Ф. М. Достоевского сквозь призму изображения природы в художественном творчестве писателей русского зарубежья» *Д. А. Богача* (Челябинск), «Между русской классикой и фольклором: идейно-стилевая традиция Ф. М. Достоевского и фольклорный нарратив В. Распутина в романе “Живи и помни”» *С. Ю. Королевой* (Пермь), «Достоевский о позитивной и негативной бесконечности» *О. А. Донских* (Новосибирск).

Очень живо, можно сказать — артистично, даже сценично, и одновременно на высоком научном уровне прошла работа **шестой секции** («Феномен театральности в зарубежной литературе», координатор — доцент Л. А. Назарова). Вот некоторые из представленных докладов: «Специфика драматической условности: театральность в тексте и на сцене» *Е. Г. Доценко*, «Ранние пьесы Гуго фон Гофмансталя: театр в театре (мотивы средневековой драмы в творчестве Гофмансталя)» *Ю. В. Клочковой*, «Театр и теат-

ральность в романе Б. Бейнбридж “Грандиозное приключение”» *О. Г. Сидоровой*, «Театрально-драматургическое начало в романе Г. К. Честертон “Шар и крест”» *Н. В. Пращерук*, «Театрализация в романе Г. Грасса “Долгий разговор”» *О. Н. Турышевой*, «Рифма в трагедии У. Шекспира “Ромео и Джульетта”» *М. Р. Чернышова*, «Пьеса Ю. О’Нила “Любовь под вязами”: границы интерпретаций» *Л. А. Назаровой*, «Театрализация новеллы в художественном творчестве М. Эмме» *И. В. Орловой*, «Образ Фигаро во французской драматургии эпохи Революции» *Д. В. Спиридонова* (все — Екатеринбург), «К проблеме театральности прозы С. Моэма» *Е. С. Седовой* (Челябинск), «“Космический театр” К. Бечи» *Н. К. Александровой* (Ижевск), «Образ шута в живописи П. Брейгеля и драматургии М. де Гельдерода» *Е. В. Киричук* (Омск).

Сквозной темой обсуждения на **седьмой секции** («Литературный музей и регион: стратегия развития») стала социокультурная роль музеев в духовной жизни региона. Об этом говорили сотрудники Объединенного музея писателей Урала *В. Б. Королева* («Использование литературно-культурного потенциала в развитии территории региона»), *Т. Я. Каменецкая* («Роль музея в формировании единого литературного пространства: Ф. Решетников и Н. Некрасов»), *Л. А. Чеснова* («Проблемы создания литературной экспозиции и способы ее трансляции музейной аудитории»), *Е. К. Леденцова* («Развитие отдела фондов ОМПУ»), *Г. А. Григорьев* («Депутатская переписка П. П. Бажова. На материалах фондов ОМПУ») (все — Екатеринбург), *О. В. Яркова* и *З. С. Антипина* (Пермь) («Дом-музей В. В. Каменского в культурной жизни Перми 2004–2011 гг.»).

Одним из запоминающихся моментов закрытия конференции стала презентация монографии «Феномен творческой неудачи» (научные редакторы *Т. А. Снигирева* и *А. В. Подчиненов*), большинство авторов которой принимали участие в «Дергачевских чтениях», посвященной нетрадиционной для классического литературоведения проблеме.

Завершились чтения ярким событием — посещением Коляда-театра и обсуждением вместе с известным драматургом и режиссером постановки его новой пьесы «2+2».

К концу 2012 г. должен выйти из печати сборник материалов юбилейных «Дергачевских чтений».

А. В. Подчиненов

ВСЕМУ ЛИ НА СВЕТЕ БЫВАЕТ КОНЕЦ, ИЛИ ПОЧЕМУ ТЕКСТЫ ОСТАЮТСЯ НЕЗАВЕРШЕННЫМИ

Научный семинар, посвященный феномену незавершенного

21 апреля 2012 г. в Литературном квартале литературоведы Уральского федерального университета организовали всероссийский научный семинар, посвященный феномену незавершенного. В рамках мероприятия прошли **два круглых стола**: «Незавершенное как явление литературы» и «Эстетика и поэтика незавершенного». В работе семинара приняли участие филологи Екатеринбурга и их коллеги из Челябинска, Перми, Нижнего Тагила. География могла быть и шире, но по разным причинам, в основном финансовым, не смогли приехать ученые из Санкт-Петербурга, Казани, Красноярска, Томска, Тюмени, Ижевска, Брно (Чехия), приславшие свои заявки.

Незавершенность/неоконченность может быть рассмотрена как лингвистами, так и литературоведами (а в перспективе и исследователями других областей гуманитарного знания), причем применительно к различным культурным эпохам и явлениям. В ходе

обсуждений были намечены некоторые направления, в которых можно (и нужно) двигаться, изучая данный феномен. В частности, были разведены такие понятия, как *незавершенный/неоконченный* (текст). Профессор УрФУ *О. А. Михайлова* в докладе «О семантике лексем незавершенное/незаконченное/неоконченное» пришла к выводу, что *незаконченность, незаконченный* несет семантику «не имеющий предела, точных границ», в то время как *незавершенность* — характеристика не столько формальной, сколько качественной стороны явления: недосказанность, принципиальная открытость, отсутствие венца. Авторы идеи семинара — профессор УрФУ *Т. А. Снигирева* и доцент УрФУ *А. В. Подчинов* — в своем докладе «Феномен незавершенного: постановка проблемы» предложили свою формулу определения терминов: *незавершенное* = «минус прием» + неоконченное, где *неоконченное* — факт житейской и/или творческой биографии, а *незавершенное* — факт авторской воли, специфический тип художественного мышления. В связи с проблемой определения незавершенного/неоконченного актуализировалось определение границы между фрагментом, фрагментарностью и отрывком, отрывочностью (этому был посвящен доклад профессора УрФУ *О. В. Зырянова* «Литературный фрагмент и отрывок: к проблеме маркирующей границы»), а также их функции в создании текста: отрывочность, мозаичность может служить знаком определенного литературного течения (модернизм, постмодернизм) или отдельных культур (об этом рассуждал в своем докладе «Незавершенность: креативный потенциал текстовых аномалий» профессор УрФУ *И. Е. Васильев*). Так или иначе о творческих, креативных возможностях незавершенного текста, формирующих поэтику и эстетику произведения, говорили практически все докладчики: доцент УрГЮА *А. В. Снигирев* («Незавершенность как творческий жест»), доцент НТГПА *А. В. Миронов* («Вариативность поэтического текста как форма незавершенного»), профессора ЮУрГУ *Е. В. Пономарева* («Тенденция циклизации малой прозы как явление незавершенного текста») и *Т. Ф. Семьян* («Поэтика незавершенного в творчестве Павла Улитина»), доцент УрФУ *Л. Н. Житкова* и профессор УрФУ *Н. В. Пращерук* («О незавершенности архетипических сюжетов»).

Терминологический аппарат, связанный с обозначением феномена, строится на поэтике *не* (имплицитно и эксплицитно): мотив невоплощенного, семантика неопределенности, несостоявшееся, недошедшее произведение, недосказанность, недо воплощенность, недовыраженность, недоговоренность, а также «отсутствие наличия», коммуникативный провал, ощутимый отказ, редуцированный (открытый) финал, «замечательность».

Кроме проблемы терминологических разграничений, в ходе семинара были намечены причины и функции незавершенности/неоконченности: от биографических, связанных прежде всего с (не)продолжительностью жизни автора, до эстетических: незавершенность как «минус-прием», намеренная разомкнутость текста, который обращен в вечность и не может быть завершеным либо не может быть досказан в силу субъективных убеждений автора. Открытость текста обуславливает его диалогичность и способствует сотворчеству автора и читателя. Примечательно, что неоконченный текст может служить интерпретантой законченному, что на примере текстов Ф. Кафки показала доцент УрФУ *О. Н. Турышева*.

При таком видении незавершенного становится актуальной проблема рецепции, совпадения горизонтов восприятия читателя и автора, проблема завершения/незавершенности и правомерности дописывания, реконструкции неоконченного/незавершенного текста другими авторами.

Формальное выражение феномена было определено в таких критериях, как вариативность текста при отсутствии канонического варианта, неоконченность/незавершенность на уровне синтаксиса и графики: отточия и многоточия, пустая страница, пробел.

Доцент УрФУ *М. Ю. Мухин* привел статистику использования многоточия в текстах XIX и XX вв., согласно которой наименьший процент многоточий — в текстах К. Паустовского, Ю. Тынянова, Б. Пастернака, а наибольшей — у В. Шукшина, К. Рождественского, И. Шмелева. Кроме того, феномен может проявляться по отношению к внешним и внутренним границам текста: открытый или оборванный финал, пропуск строф, строк, глав и т. д. Семантико-смысловый анализ пунктуационного знака недоговоренности, недосказанности, незавершенности представили в совместном докладе профессор УрФУ *О. А. Михайлова* и профессор УрГПУ *А. В. Кубасов*.

Понятие незавершенности/незаконченности может быть применимо в тех случаях, когда тексты полностью или частично утрачены или не обнаружены, несмотря на упоминания о них в других источниках и наличии явных предпосылок их появления в творчестве писателя. К таким текстам относится роман Б. Поплавского «Апокалипсис Терезы», которому был посвящен доклад доцента Пермского государственного университета *Н. Б. Ланаевой*. В записях Ю. Поплавского, отца Б. Поплавского, встречается упоминание о работе сына над «Апокалипсисом Терезы», хотя текст романа не обнаружен и, возможно, никогда не был написан. Несмотря на это, в некоторых научных источниках роман упоминается как незаконченная часть трилогии, в которую входят романы «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес».

Дневники и записные книжки, незаконченность которых обусловлена их природой, привлекают внимание типами своего завершения, которые, как правило, реализуют редакторы. *Т. А. Снигирева* и *А. В. Подчиненов* в качестве примера подобных текстов привели «Новомирский дневник» А. Твардовского и записные книжки А. Ахматовой, редакторское завершение которых объединяет биографическую и творческую судьбу их авторов.

Окончательные выводы, связанные с незавершенностью и неоконченностью, делать преждевременно: исследователи придут к ним в работе над общей монографией «Феномен незавершенного», выход которой планируется в конце года, но уже сейчас очевиден потенциал работы в заданном направлении и актуальность разработки понятия, применимого к давно существующему явлению.

Т. А. Снигирева и *А. В. Подчиненов* в 2010 г. уже проводили научный семинар по теме «Феномен творческой неудачи», вызвавший заинтересованные отзывы как в России, так и за рубежом, по итогам которого была создана монография (см. текст монографии в электронном варианте: <http://www.litural.ru/issl/neudacha/>). Обсуждение литературных феноменов и связанных с ними проблем в формате круглого стола становится традицией в гуманитарном кругу с идейным центром в департаменте филологии ИГНИ УрФУ и местом проведения в музее «Литературная жизнь Урала XX века», заведующая которого, *Анжелина Ивановна Рязанова*, создает уютную и доброжелательную атмосферу, способствующую творческому и научному поиску. Активное сотрудничество Объединенного музея писателей Урала и университета — давняя, живая и естественная традиция. Представители научного гуманитарного сообщества России, приезжая в Екатеринбург, каждый раз не устают повторять: «Какое счастье, что у вас есть Литературный квартал и такой музей. Здесь сами стены помогают». И это действительно так.

А. Меньщикова

ИНФОРМАЦИЯ

**О работе диссертационных советов Д 212.286.03
и Д 212.286.11 в 2011 г.**

В диссертационном совете Д 212.286.03 (с 20 мая 2011 г. Д.212.285.15) была принята защита 2 докторских и 3 кандидатских диссертаций по специальности 10.01.01 «Русская литература» и 10.02.01 «Русский язык».

- В докторской диссертации **Т. Н. Бреевой** «**Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности**» на основе исследования историософского романа рубежа XIX–XX и XX–XXI вв. предложена оригинальная жанроцентричная концепция художественных стратегий освоения феномена национального в русской литературе. Охарактеризован процесс жанровых модификаций историософского романа в двух его художественных парадигмах — символистской и постмодернистской; выявлена социокультурная соотнесенность историософского романа с феноменом рубежности; описаны формы концептуализации национального в литературе рубежа XIX–XX (А. Белый, Д. С. Мережковский) и XX–XXI вв. (В. Аксенов, Т. Толстая, В. Шаров, П. Крусанов, Б. Акунин, Вяч. Рыбаков); проанализирована концептуализация национального на различных уровнях текста (уровень сюжетных мотивов, система персонажей, хронотоп, метафорика и т. д.). Развиваемая автором работы концепция конструирования национального «воображаемого» в историософском романе ситуации рубежности вносит вклад в решение проблемы художественного осмысления национальной идентичности и проблемы жанровых трансформаций.

- В докторской диссертации **Н. А. Рогачевой** «**Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха**», выполненной в традициях отечественной научной школы исторической поэтики, отобран и систематизирован текстовый материал, воплощающий «ольфакторный» сюжет русской лирики; охарактеризованы индивидуальные варианты ольфакторного пространства поэтов рубежа XIX–XX вв. (К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский, Ф. К. Сологуб, Вяч. И. Иванов, И. Коневский, А. Белый, Н. А. Клюев и др.); на базе релевантного исторического сопоставления значительного корпуса поэтических текстов более восьмидесяти авторов в проекции на русскую лирику XVII–XX вв. установлено последовательное расширение ольфакторного пространства, секуляризация и субъективация ольфакторной образности; определена специфика поэтики ольфакторного пространства в трех его типологических разновидностях (феноменалистской, религиозно-философской и феноменологической); показана взаимосвязь поэтики запаха с исторической динамикой субъектной структуры лирического текста.

- В кандидатской диссертации **Д. Б. Дядька** «**Жанровые традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина и русская проза 2000-х гг. (А. Проханов, Д. Быков, В. Сорокин)**» дается систематизация индивидуально-авторского освоения жанровых новаций Салтыкова-Щедрина современными прозаиками; систематизированы спроецированные на тексты М. Е. Салтыкова-Щедрина приемы, позволяющие интерпретировать «Господин Гексоген» А. Проханова как роман-памфлет; выявлены отсылающие к романам М. Е. Салтыкова-Щедрина жанровые составляющие фантастики, памфлета, антиутопии в романе Д. Быкова «ЖД»; доказано, что заложенный М. Е. Салтыковым-Щедриным метод сатирической типизации находит художественную разработку в романе В. Сорокина «Сахарный Кремль».

- В кандидатской диссертации **Е. В. Бронниковой** «**“Вечер у Клэр” Г. Газданова и “Чевенгур” А. Платонова: опыт стилевого сопоставления**» выделены историко-литературные и биографические основания для сопоставления индивидуальных стилей А. Платонова и Г. Газданова; путем обобщения разновидностей прямых и косвенных стилиевых контактов (стилевое влияние, стилиевая полемика, стилиевой диалог, типологическое схождение стилей) в процессе сопоставления хронотопа, системы персонажей, сюжетно-композиционной организации и лексико-синтаксических особенностей текстов обозначены точки схождения и расхождения стилей А. Платонова и Г. Газданова.

- В кандидатской диссертации **Н. А. Валек** «**Через край**» **В.А. Сологуба: от светской повести к “роману из современной жизни”**» выявлены закономерности творческой эволюции Сологуба; на основе предложенной в диссертации жанровой модели светской повести раскрыты жанрообразующие параметры повестей «Два студента», «Три жениха», «Сережа», «Большой свет», «Аптекарьша», «Лев», «Медведь» и др.; обнаружено соответствие жанровой эволюции в творчестве В. А. Сологуба основному направлению динамики жанров русской прозы XIX в.

- В диссертационной работе **Е. В. Шабалиной** «**Семанτικο-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект**» на основании обширного, в том числе полевого, лексического материала и разработанной методики анализа отношений семантической мотивированности решена задача реконструкции фрагмента русской языковой картины мира, связанного с народными представлениями о числе, установлены смысловые параллели и расхождения между семантикой лексем с числовым компонентом в литературном языке и диалекте.

М. А. Литовская

Диссертационному совету по филологическим наукам **Д. 212.286.11** (с 20 мая 2011 г. **Д 212.285.22**) разрешено принимать к защите диссертации по специальностям: 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)»; 10.19.02 «Теория языка».

За 2011 г. проведено 7 заседаний совета, на которых были рассмотрены 3 докторские и 4 кандидатские диссертации. Из них три кандидатские по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» и три докторские и одна кандидатская по специальности 10.19.02 «Теория языка».

Специальность 10.19.02 «Теория языка»

- Докторская диссертация **А. Ю. Ларионовой** «**Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити)**» (науч. консультант — докт. филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко) представляет собой убедительное инновационное исследование, в котором предложено системное, композиционно стройное описание студенческого граффитийного дискурса, востребованное в современной социолингвистике. В диссертационном сочинении разработана оригинальная концепция и комплексная методика лингвокультурологической интерпретации неформального студенческого дискурса, осуществлено целостное и многоаспектное описание студенческих граффити, разработана модель их анализа с учетом когнитивных механизмов, лежащих в основе концептуального пространства дискурса.

В работе доказан системный характер процесса освоения элементов культурного фона в исследуемом дискурсе; всесторонне проанализированы технология создания

граффити, основные концепты студенческого граффитийного дискурса; выявлен характерный для дискурса когнитивный стиль репрезентаций, предложены корректные дефиниции основополагающих терминов «когнитивный стиль дискурса», «ключевая лексическая парадигма», «дискурсив», «интерпретатив» и других. Несомненной научной ценностью обладают выводы о креативности исследуемого социотворчества, об «антропоцентричности социумного сознания, выраженной в ядерном положении номинаций человека». Предложенные классификации дискурсивов, типы ритмико-синтаксических преобразований, типологии вариаций смысловых соотношений дискурсивов с исходными текстами корректны и убедительны. Не вызывают сомнений и тезисы диссертанта о системной организованности и лингвокреативности современного студенческого граффитийного дискурса; о дискурсе как «особом модуле интерпретации действительности» и дискурсивном стиле как совокупности устойчивых черт социотворчества; о специфичности тематического и «предметного» репертуара; о «конкурентности» исследуемого дискурса с ментальными представлениями о стандартных ситуациях и объектах действительности и др.

• Докторская диссертация **М. Ю. Мухина «Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова)»** (науч. консультант — докт. филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко) выполнена в русле нового стилометрического направления лингвистики, в ней реализована масштабная задача корпусного идеографического анализа идиостилей четырех выдающихся авторов XX в. — М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. В исследовании использованы оригинальные принципы количественного и тематического анализов, проводимых с опорой на объемный текстовый материал, осуществлено сопоставление всего лексического состава романов четырех писателей и разработаны критерии идиостилевого ранжирования лексических единиц (индивидуально-авторских слов и биграмм). Введены и обоснованы ключевые для исследования понятия «концептуальный профиль», «концептуальная система» и «синтагматический профиль» автора. Принципиально новой является также заявленная идея «синтагматической активности» лексики.

Значимыми результатами исследования можно считать и то, что докторантом раскрыто эвристическое значение статистического анализа лексики в идиостилистике; разработаны теоретические основания сопоставительного корпусного исследования идиостилей; типологизированы и интерпретированы концептуальные системы М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова; построены синтагматические профили авторов, репрезентирующие специфику индивидуальной лексической сочетаемости. Доказан тезис о необходимости и возможности разграничения индивидуально-авторских и индивидуально-текстовых признаков. Результаты детального анализа лексических тезаурусов обобщены в виде концептуальной многомерной лингвистической модели идиостилей четырех писателей. В диссертационном сочинении решается важная проблема соединения формализованных методов исследования текста и идеографической классификации лексики. Диссертация развивает основные положения антропологической лингвистики и дополняет существующие представления об избирательности отражения реального мира в художественном сознании и тексте. Предложенная в работе модель описания идиостиля писателя дает объективные основания для изучения языковых особенностей как художественных, так и нехудожественных текстов различных стилей и жанров, написанным не только на русском, но и на других языках. Работа вносит вклад в терминосистему дисциплин, изучающих язык художественной литературы, а также лексикографии, корпусной лингвистики, стилистики и лингвоперсонологии. Разработанная модель и полученные данные могут быть

востребованы не только лингвистами и литературоведами, но и культурологами, этнографами, исследователями психологии творчества.

Результаты исследования, полученные с помощью нового лингвистического инструментария, могут служить основой общих и специальных (в том числе авторских) словарей и различных текстовых корпусов. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании вузовских курсов стилистики, филологического анализа текста, в спецкурсах и спецсеминарах по методологии лингвистических исследований.

• Докторская диссертация **Е. А. Нахимовой «Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации»** (науч. консультант — докт. филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева) выполнена в русле когнитивно-дискурсивного направления и отличается новаторским подходом к исследованию прецедентных онимов. В диссертации решена масштабная проблема теоретического обоснования и экспериментальной проверки эффективности сочетания корпусного когнитивно-дискурсивного описания с традиционными методами и приемами исследования динамично развивающегося разряда прецедентных онимов, а также обоснована плодотворность нового направления в изучении прецедентных онимов, основанного на использовании методов и эвристик как традиционного, так и когнитивного подхода. Диссертация является первым комплексным исследованием, посвященным изучению специфики использования имен собственных, относящихся к мегасфере мира реальности. В результате были уточнены особенности функционирования имен собственных как репрезентантов прецедентных концептов, выявлены особенности использования прецедентных имен, связанные с учетом сферы их бытования — дискурса современной российской массовой коммуникации. Впервые предложена классификация наиболее востребованных постсоветским дискурсом массовой коммуникации мегасфер, сфер и субсфер, служащих источниками прецедентности. Впервые выявлены существенные закономерности в распределении прецедентных имен по текстам и в текстовом взаимодействии прецедентных онимов с иными единицами, в том числе с непрецедентными онимами, с метафорами, с прецедентными высказываниями и ситуациями. Обнаружено, что частотность использования того или иного имени собственного в тексте обратно пропорциональна вероятности его коннотативного использования.

В тексте диссертации Е. А. Нахимовой разработаны теоретические основания со вмещения приемов и эвристик традиционной и когнитивно-дискурсивной методологии при исследовании прецедентных онимов. Предложены алгоритмы анализа прецедентных онимов и детально описаны «ключевые» для современной эпохи прецедентные онимы-неологизмы. Выявлены основные этапы превращения непрецедентных онимов сначала в региональные прецедентные онимы, а затем в прецедентные онимы общероссийского типа. Детально охарактеризованы прецедентные концепты, восходящие к гиперсфере-источнику «История России», описаны закономерности ее текстового взаимодействия с иными гиперсферами. Обнаружено, что в последние годы значительно повышается роль рекламы, кино, телевидения как источников прецедентности. Предложенная в работе модель описания прецедентных онимов и их разрядов создает базу для детального описания прецедентности в различных дискурсах. В диссертации уточнен и расширен понятийный аппарат, необходимый для лингвокогнитивного исследования прецедентных онимов, в том числе определены ведущие термины (*прецедентный оним*, *аксиологема* и др.), уточнено с когнитивных позиций содержание терминов *мифологема*, *идеологема*, *сфера-источник прецедентности*. С учетом когнитивно-дискурсивной теории предложено новое определение *прецедентных неологизмов*, *окационализмов*, *историзмов*, *архаизмов*, *регионализмов* и *интернационализмов*.

Результаты исследования могут послужить основой для лексикографического описания прецедентных онимов. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании вузовских курсов стилистики и филологического анализа текста, в элективных курсах по методологии лингвокогнитивных исследований, по теории и практике прецедентности. Выводы об эффективности использования прецедентных феноменов найдут применение в практике работы специалистов по рекламе и связям с общественностью.

- Кандидатская диссертация **Ю. В. Зориной** «**Англоязычная терминология безопасности жизнедеятельности в лингвокогнитивном освещении**» (науч. руководитель — канд. филол. наук Л. К. Кондратюкова) выполнена в русле активно развивающегося современного направления — когнитивной лингвистики. При этом в работе когнитивный аспект используется наряду с другими аспектами лингвистического анализа, что позволяет выявить, обобщить и систематизировать проблему разграничения терминологических и нетерминологических единиц, статус составных наименований, устройство терминологической системы в целом, структуру терминологии в отношении к фрейму как ее когнитивному аналогу и когнитивным аналогам системных связей внутри терминосистемы.

Автором разработана модель фреймового анализа применительно к терминологии безопасности жизнедеятельности. Исследование отвечает на мало изученный вопрос о том, каковы способы концептуализации знаний о фрагментах научной картины мира, которые отображаются в исследуемых терминах. Доказано наличие корреляций между идеографическими классами слов и фреймами, которые организуют терминосистему на уровне ее ментальных репрезентаций. Вводится понятие «терминофрейм», выявляются структурные типы значительного массива терминов (более 5000 единиц), характеризуются способы словообразования исследуемых терминов, создается графический образ терминофрейма SAFETY. По материалам работы издан англо-русский словарь терминов безопасности жизнедеятельности. Значимость проведенной работы заключается также в углублении и систематизации знаний о понятиях «термин», «терминологическое поле», «терминосистема», «фрейм», «фреймовое моделирование», в разработке модели фреймового анализа применительно к терминосистеме безопасности жизнедеятельности и в определении места когнитивной теории терминологии в системе существующих научных концепций.

Специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»

- Кандидатская диссертация **Е. С. Яриной** «**Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы романов Э. Елинек 1975-1980-х годов**» (науч. руководитель — канд. филос. наук, доц. Р. Ф. Яшенькина) представляет собой попытку осуществления системно-целостного анализа четырех романов австрийской писательницы как с точки зрения динамики их жанровых модификаций, так и с позиции воплощения в них проблемы самоидентификации литературного героя. В социальном и семейном контексте осмысливают себя герои «Любовниц» («Die Liebhaberinnen», 1975), у которых формируется идентичность собственника. Забвение нацистских преступлений и жесткая социальная иерархия в послевоенной Австрии порождает кризис социального и национального самосознания героев романа «Перед закрытой дверью» («Die Ausgesperrten», 1980). Возможность культурного, профессионального, личностного самоопределения ставится под сомнение в «Пианистке» («Die Klavierspielerin», 1983), наиболее автобиографичном произведении австрийской писательницы. Нако-

нец, половая принадлежность как сущность человеческой природы отличает героев романа Э. Елинек «Похоть» («Lust», 1989).

К важнейшим и значимым результатам исследования можно отнести выявление мировоззренческих и эстетических взглядов Э. Елинек и их отражение в романном творчестве писательницы указанного периода; рассмотрение содержательных аспектов проблемы самоидентификации личности и художественных особенностей ее воплощения, а также осмысление поэтической системы изучаемых романов в контексте процесса самоидентификации романного жанра во второй половине XX в. Так, на разных уровнях поэтической системы Э. Елинек с разной степенью отчетливости просвечивают структуры любовного, воспитательного, детективного, семейного романов, а также «романа культуры».

Особенностями поэтической системы исследуемых романов становится «убывание характера» и схематизм героев, практически полное отсутствие у них разработанного портрета, прямого индивидуального слова, подчеркнуто ослабленная сюжетная линия. Смысловая основа героев Э. Елинек представлена повторяющимися мотивами одиночества, утраты свойств одушевленности, расчленения, холода и смерти, приобретающими экзистенциальное звучание. Данные мотивы варьируются на уровне пространственной организации произведений: топос дома, занимающий центральное место в художественном мире Э. Елинек, оказывается местом подавления личности героев, их физической и/или духовной гибели; кроме того, черты внешнего пространства соотносятся в тексте диссертации с характеристиками пространства сознания героев.

• Кандидатская диссертация **Е. С. Аминева** «Традиция викторианской литературы в творчестве Джона Фаулза» (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. П. Н. Толстогузов) посвящена изучению вопроса о характере преемственности викторианской литературной традиции в творчестве писателя-постмодерниста Джона Фаулза. Характер интертекстуальных связей творчества Фаулза с английской классической традицией XIX в. исследуется на материале романов таких авторов, как Д. Остен, Дж. Элиот, Т. Гарди, а также поэтических текстов М. Арнольда, А. Теннисона, А. Х. Клафа. В диссертационном исследовании научно обосновывается введение нового жанрового определения для романа «Женщина французского лейтенанта» — «историко-герменевтический роман», понятия, которое дает возможность увидеть принципиальное отличие в реализации интертекстуального диалога с традицией между Фаулзом и постмодернистами.

В ходе диссертационного исследования было доказано, что умеренный постмодернизм Фаулза характеризуется рядом отличительных особенностей (концепция «благожелательного гуманистического скептицизма», идея аксиологического компромисса, позиция играющего и ответственного автора, синоптический подход к отражению реальности), чем и продиктовано особое отношение писателя к классической традиции; последовательно и убедительно рассмотрено, как реализуется диалогическое взаимодействие произведений писателя-постмодерниста с творчеством Дж. Остен, Т. Л. Пиккока, позднего Диккенса, Джордж Элиот, Т. Гарди, М. Арнольда на различных уровнях организации текста: идейно-тематическом, сюжетно-композиционном, художественно-образном, пространственно-временном; сделан аргументированный вывод о том, что главным принципом отношения Фаулза к викторианской традиции является контрапункт, сочетающий в себе и уважительную опору на текст-источник, и его ироническое переосмысление. В диссертации разработана и успешно реализована методика выявления и анализа интертекстуальных связей между художественными текстами разных литературных направлений. Предложенные в работе принципы интерпретации могут быть экстраполированы на исследование творчества других писателей (прежде всего постмодернистов), в первую очередь в аспекте интертекстуальных взаимодействий.

• В кандидатской диссертации **М. М. Бент** «**Метафора в поэзии Томаса Стерна Элиота 1910-20-х гг. в свете его эстетической теории**» осуществлен системный анализ метафоры в творчестве Элиота. Многочисленные типологии элиотовских метафор выстраиваются, с одной стороны, через выявление их специфики в конкретном тексте, с другой — путем их параллельной классификации с позиций разных теорий метафоры.

Полученные в ходе исследования выводы позволяют установить, что Элиот выработал новаторский подход к оценке классического и современного ему литературного процесса в соответствии с теорией «имперсональной поэзии», понятиями «объективно-коррелята» и «распада цельности мировосприятия». В диссертационном сочинении выявлено, что метафора является основной категорией, создающей образно-мифологическую картину мира в поэзии Т. С. Элиота, рассмотрены сложные метафорические структуры в стихотворном тексте, реализующиеся через систему частных метафор, которые, в свою очередь, формируют целостную метафору текста. М. М. Бент обнаружены повторяющиеся мотивы элиотовской поэзии (одиночества, «суинизации» человечества, Бесплодной земли, Полых людей) как подтверждение преемственности не только авторской, но и литературной традиции модернизма в целом.

Л. А. Назарова

Новые публикации

Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 232 с.

Номер открывает статья *В. Л. Васильева*, посвященная названиям на *-га* в обратном словаре гидронимии Русского Севера: названия озер обозначенной территории анализируются в структурном, словообразовательном и этимологическом аспектах. Топонимическая проблематика продолжается в статье *А. В. Барандеева* «Лингвистическая и картографическая атрибуция топонимов *Московия* и *Татария*», где рассмотрены причины появления и особенности формирования этих топонимов в западноевропейских и русских средневековых источниках. К антропонимам обращаются в своих статьях *Д. В. Спиридонов*, рассматривающий этнолингвистическую характеристику имени *Жак* во французских диалектах, и *И. А. Шелкова*, в центре исследовательского внимания которой оказываются прозвища персонажей в произведениях А. Г. Алексина. Вопросам литературной ономастики также посвящена статья *А. А. Фомина* «О «Нашей марке» и не только: смыслообразующий потенциал прагмонима в художественном тексте» (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Основные особенности и различия между русскими зоонимами и антропонимами на лексико-грамматическом, структурно-грамматическом и функциональном уровнях анализируются в статье *Е. Н. Варниковой* «Зоонимы: место в ономастическом пространстве». Далее следуют сообщения *Т. Н. Дмитриевой* «Хантыйский гидроним *Wangr-wasch-jugan* и лингво-этнические контакты на Казыме» и *А. Н. Соловьева* «Урбанонимические термины и урбанонимы в словаре В. И. Даля». Зарубежная ономастика представлена статьей французских исследователей *Е. Бюши* и *О. Вирт* «От определенной дескрипции к антропониму: о возможном вкладе исторической антропонимии в теорию модифицированного имени собственного».

В следующем далее разделе «Материалы» опубликован ряд статей из готовящегося к печати «Словаря неофициальных топонимов» *М. В. Ахметовой*, а в рамках «Трибуны ономастолога» *Р. Ю. Намитокова* ставит вопрос о склонении нестандартных русских фамилий.

Кроме того, в журнале содержатся отчеты о нескольких ономастических конференциях, состоявшихся в 2010 г., рецензии и краткие сведения о новой литературе по ономастике. Завершает номер указатель публикаций в журнале «Вопросы ономастики» за 2004–2010 гг.

Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 200 с.

Журнал содержит работы, посвященные топонимии, ойконимии, антропонимии, а также полевым исследованиям в ономастике. Открывает номер статья *Л. Н. Мазур* «История России XX века в названиях населенных мест», в которой автор освещает процесс трансформации ойконимикона, его периодизацию, основные причины переименований и общие результаты этого процесса. В статье *Е. Д. Казаковой* реконструируется образ Вятки и ее жителей по данным лексики русского языка. Модели отчества в севернорусских говорах рассматриваются в публикации *И. Б. Качинской*. Блок статей посвящен 50-летию Топонимической экспедиции Уральского университета: *М. Э. Рут* размышляет о причинах научного долголетия и основных принципах работы этого выдающегося научного объединения, *Е. Л. Березович* — о работе Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в., *О. В. Мищенко* поднимает проблему обработки и систематизации полевого материала на примере электронной базы данных «Топонимия Костромской области».

Раздел сообщений представлен публикацией *К. П. Вольского* о названии *Кенозеро*, раздел материалов — публикацией *О. В. Герасимович* «Триада “Вера, надежда, любовь” сквозь призму ономастической номинации (на материале восточнославянских языков)».

Кроме того, в журнале содержатся отчеты о нескольких ономастических конференциях, состоявшихся в 2011 г., рецензии и краткие сведения о новой ономастической литературе и список диссертаций по ономастике, защищенных в 2009–2011 гг. Завершает номер рубрика экспедиций, где публикуются фрагменты из мансийских дневников *А. К. Матвеева* и хроника работ Топонимической экспедиции УрГУ (1960–2011).

Вброд через реку времени : 50 лет Топонимической экспедиции Уральского университета. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 360 с.

Хрестоматия является частью работы по изучению и лингвокультурологическому описанию языкового существования носителей городского просторечия, содержит корпус устных текстов-разговоров и письменных образцов, отражающих речевой быт различных групп горожан, жителей уральской провинции, сохраняющих традиции национальной культуры, ее ценности и установки.

Адресована лингвистам, культурологам, этнографам, краеведам, а также всем, кто интересуется городской речью и городской культурой.

Кабинина, Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 342 с. : ил. (Труды Топонимической экспедиции).

Рассматривается более 1200 географических названий, представляющих древний финно-угорский топонимический субстрат Архангельского Поморья. Этимологический и этноязыковой анализ топонимов проводится автором на основе исторических и географических сведений, данных исконно русской топонимии региона и финно-угорской

топонимии сопредельных территорий. По результатам анализа воссоздается региональная картина исторического контактирования русского населения с различными финно-угорскими сообществами, дается детализированная лингвоэтническая карта, характеризующая состав и локализацию финно-угорского населения перед полным завершением его ассимиляции.

Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания : монография / Д. В. Ларкович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 344 с.

Монография представляет собой опыт комплексного исследования творчества крупнейшего русского поэта Державина в контексте развития русской художественной и интеллектуальной культуры его времени. В работе выявляются истоки формирования авторского сознания Державина в контексте русской и европейской литературной традиции Нового времени; дается характеристика его философских и эстетических интересов, оценка его культуртрегерских инициатив и определяется их значение для общего развития отечественной культуры рубежа XVIII—XIX вв.

Книга адресована специалистам в области филологии, истории, культурологии, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами развития русской художественной культуры.

Матвеев, А. К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала / А. К. Матвеев ; [отв. ред. Т. Н. Дмитриева]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 260 с. : ил. (Труды Топонимической экспедиции).

Александр Константинович Матвеев (1926—2010) — выдающийся российский ученый-языковед, член-корреспондент Российской Федерации, доктор филологических наук, основатель Уральской ономастической школы и Топонимической экспедиции Уральского университета. Основную часть данной книги составляет словарь собранных в экспедициях на Северный Урал в 1968 — 1978 гг. мансийских топонимов — бесценного памятника языка, истории и культуры народа манси. Публикацию завершает обобщающий очерк «Мансийская топонимия как лингвистический и историко-этнографический феномен».

Книга адресована специалистам и широкому кругу читателей.

Михайлова, Ю. Русская православная лексика и ее судьба / Юлия Михайлова. — Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. — 140 с.

Прослеживается история лексических единиц с религиозной семантикой середины XX — начала XXI в. Представлены результаты сопоставительного анализа толкований православных лексем в словарях советского и постсоветского периодов. На материале советских словарей показаны различные средства идеологизации коллективного языкового сознания, следствием чего явилась деформация религиозного участка русской языковой картины мира. В опоре на словари постсоветского времени доказывается новая языковая политика, целью которой является восстановление сферы православия в исконном виде.

Во второй части книги рассматриваются толковые словари как разные типы сверхтекстов. Через анализ православной лексики описываются способы представления хронотопа, а также категории модальности и коммуникативной рамки текста. Исследован механизм формирования определенного типа адресата в советском и постсоветском сверхтекстах.

Образ провинции в русской и английской литературе: материалы XX междунар. конф. Рос. ассоциации преподавателей англ. лит. «Литературная провинция». — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 324 с.

В сборнике представлены материалы XX международной конференции Всероссийской ассоциации англистов, которая прошла в Уральском государственном университете в 2010 г. Среди авторов сборника — филологи из разных городов России, Украины и Польши. Благодаря диалогу исследователей русской и английской литературы, интерпретация образов провинции приобретает целостность и завершенность, отражая связи между эпохами, традициями и культурами.

Павел Петрович Бажов : библиогр. указ (1913–2010) / сост. В. В. Горева, Н. В. Кузнецова ; [науч. ред. В. В. Блажес] ; Свердл. обл. универс. науч. б-ка им. В. Г. Беллинского ; Объед. музей писателей Урала. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 606 с.

Указатель информирует о произведениях П. П. Бажова (издания и публикации с 1913 г.), их переводах на 65 языков народов мира. Литература о жизни и творчестве писателя отражена за 1924 — 2010 гг. Есть разделы «Бажов в искусстве», «Бажов в художественной литературе». Вспомогательные указатели: произведений писателя, именной, периодических изданий, географический.

Адресован литературоведам, преподавателям высшей и средней школы, музейным и библиотечным работникам, краеведам, а также широкому кругу читателей.

Паверман, В. М. Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы : монография / В. М. Паверман ; [науч. ред. Л. А. Назарова]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 448 с.

В монографии представлено фундаментальное разноаспектное исследование развития американской драматургии 60-х гг. XX в. как в рамках традиционной реалистической эстетики, так и в русле формального эксперимента. Широкие обобщения сочетаются в работе со скрупулезным литературоведческим и театроведческим анализом конкретных пьес. Имена многих авторов впервые вводятся в обиход российской критики.

Для специалистов в области американской литературы и драматургии — филологов, искусствоведов, культурологов, а также для массового читателя.

Приказчикова, Е. Е. Культурные мифы и утопии русского Просвещения: на материале мемуарно-эпистолярной литературы II половины XVIII века / Елена Приказчикова. — Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2010. — 644 с.

Культурные мифы и утопии — основные идеологемы эпохи Просвещения, определяющие специфику культурно-исторического менталитета людей второй половины XVIII в. не только в России, но и в Европе. К основным культурным мифам эпохи Просвещения относятся антропологический миф (миф об идеальном человеке); библиофилический миф (миф о книге, играющей решающую роль в воспитании идеального человека); гинекратический миф (миф о силе и власти женщины, опирающийся в России XVIII в. на традицию правления женщин-императриц); культурный миф национальных взаимоотношений, рассматриваемый в контексте формирования национальных стереотипов восприятия России и Европы в эпоху правления российской императрицы Екатерины II. Среди утопий эпохи Просвещения выделяются государственные утопии построения идеального общества, садово-парковые утопии создания идеального топоса для пребывания человека, педагогические утопии воспитания идеальной личности.

Культурные мифы и утопии рассматриваются на примере мемуарно-эпистолярной литературы эпохи Просвещения, которая в силу своей автодокументальности могла наглядно продемонстрировать механизм культурного мифотворчества, а также формирование моделей утопического сознания.

Рабинович, В. С. Наедине с собой и людьми. Литература в жизни и жизнь в литературе / В. С. Рабинович. — Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2012. — 448 с.

Книга представляет собой сборник литературно-философских эссе автора, его размышлений по поводу презентации текстов зарубежной литературы подготовленной (филологической) и неподготовленной аудитории. В. С. Рабиновича интересуют «вечные вопросы», составляющие сущность литературы как особого способа познания мира. Подчеркивается актуальность произведений, традиционно причисляемых к «устаревшей» литературной классике, а также «всемирность» и универсальность интересующих человечество проблем, выдвигаемых в разные эпохи писателями разных стран.

Книга адресуетса самому широкому кругу читателей, искренне интересующихся мировой литературой.

Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии : сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рожд. проф. И.А. Дергачева / [редкол.: О. В. Зырянов, Н. В. Пращерук, Е. К. Созина]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 364 с. (Эволюция форм художественного сознания в русской литературе ; вып. 3).

Сборник посвящен таким теоретико-методологическим категориям историко-литературного процесса, как творческий метод, литературное направление, тип художественного сознания. Исследование важнейших парадигм художественности классической эпохи — романтизма и реализма — сочетается с оригинальными авторскими оценками индивидуальных художественных миров и анализом персональных стратегий текстообразования русских писателей-классиков.

Выпуск приурочен к 100-летию со дня рождения выдающегося уральского филолога, известного специалиста по русской классической литературе, основателя филологического факультета УрГУ профессора Ивана Алексеевича Дергачева (1911—1991) и предназначен для специалистов гуманитарного профиля, интересующихся исследованиями в области теоретической и исторической поэтики.

Турьшева, О. Н. Книга — чтение — читатель как предмет литературы : монография / О. Н. Турьшева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 286 с.

Исследуется особая форма литературного самосознания, предметом которой является проблема «применения литературы» (В. Изер), проблема взаимоотношений читателя с художественным словом. Такого рода литературная авторефлексия находит свое первостепенное выражение в особом типе сюжета, исторические модификации которого выявляются в последовательном обращении к литературам эпох традиционализма, креативизма и рецептивизма и соответственно специфике изображения в них читателя.

Книга адресована специалистам гуманитарного профиля и студентам филологических факультетов вузов.

Турьшева, О. Н. Теория и методология зарубежного литературоведения : учеб. пособие / О. Н. Турьшева. — М. : Флитнта : Наука, 2012. — 160 с.

Учебное пособие представляет собой опыт систематизированного описания путей развития западного литературоведения в XIX—XX вв. История западной критики рас-

считается как история сложного диалогического взаимодействия четырех научных парадигм: поэтики, герменевтики, феноменологии и социологии. Каждая научная парадигма представлена в пособии как совокупность школ и концепций, опирающихся на принципиально солидарную теорию текста и практикующих в той или иной степени солидарную методологию работы с художественными феноменами.

Учебное пособие допущено Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию для студентов высших учебных заведений по направлению подготовки 032700 «Филология».

Феномен творческой неудачи / под. общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. у-та, 2011. — 424 с.

Анализируются причины и следствия художественной неудачи произведений, диалектика ее вне- и внутрилитературных факторов. Рассматриваются рецептивный и коммуникативный аспекты творческой неудачи, креативный потенциал «неуспешного» текста.

Книга адресована литературоведам и может быть интересна также философам, психологам и литературным критикам.

Шалина, И. В. Городское просторечие как лингвокультурный феномен / И. В. Шалина. — Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. - 449 с.

Представлен опыт лингвокультурологического исследования уральского городского просторечия как варианта народной культуры с характерными для нее ценностями, стереотипами, представлениями, установками, предписаниями. Речевой материал (устные тексты-разговоры, частная переписка, письма, адресованные представителям городской администрации, письма заключенных, а также письменные высказывания на заданную тему) собран методом включенного наблюдения. Аутентичные тексты рассматриваются как документы эпохи, правдиво воссоздающие биографию целого поколения людей, входящих в одну типизированную лингвосоциокультурную общность и перешедших в другую лингвосоциокультурную среду.

Эволюция жанров в литературе Урала XVII—XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина [и др.]; отв. ред. ак. В. В. Алексеев]. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2010. — 552 с.

Представлены результаты комплексного анализа жанровых систем и жанровых процессов в литературе Урала на протяжении трех последних веков. Универсальный характер имеет теоретический раздел, где определяется методология исследования, верифицируются важнейшие категории и понятия современной генологии. Выявлены типы жанрового сознания в различные литературные эпохи, динамика процессов смены жанровых приоритетов, взаимодействие «ядерных» и «периферийных» жанровых форм, а также региональные модификации традиционных жанров и их метаморфозы.

Книга адресована специалистам в области литературы и истории, а также всем, кто интересуется культурой родного края.

Список сокращений

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
НР	Нефть России
ОГАЧО	Объединенный государственный архив Челябинской области
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГАЭ	Российский государственный архив экономики (?)
ЦГАУР	Центральный государственный архив Уральского региона
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области

Сведения об авторах

Аристов, Денис Владимирович (denis_vl_aristov@mail.ru). Выпускник филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (2009). Аспирант кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета (614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24; (342)2386350). Сфера научных интересов — военная проза 2000-х гг.

Барина, Екатерина Евгеньевна (barinova.e.e@gmail.com). Выпускница Новосибирского государственного университета (1999). Кандидат филологических наук (2008), доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20; (383)3460209; rector@nstu.ru). Сфера научных интересов — русская литература.

Гафурова, Мария Нуриахметовна (marja.gafurova@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2009). Аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; 350-75-97; fasmer@yandex.ru). Сфера научных интересов — ономазиология.

Доценко Елена Георгиевна (dotsenko@r66.ru). Выпускница филологического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова. Доктор филологических наук (2006), профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета (620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; (343) 2357657; gen-hist@mail.ru). Сфера научных интересов — современная британская драма, творчество С. Беккета.

Земцов, Владимир Николаевич (vladimirzemtsov@rambler.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1983). Доктор исторических наук (2002), профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, пр. Космонавтов, 26; (343)2357634; gen-hist@mail.ru). Сфера научных интересов — история стран Европы в Новое и Новейшее время, Наполеоновские войны, иностранцы в России в 1812 г., средневековая история Уэльса.

Исхаков, Рафаиль Лутфуллович (rafa-iskhakov@yandex.ru). Выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1976). Кандидат филологических наук (1994), доцент кафедры периодической печати Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-05). Сфера научных интересов — история печати народов России, постмодернистские концепции этнических наук.

Капсалькова, Карина Рамазановна (sibilla_alma@mail.ru). Выпускница Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Лаборант-исследователь НОЦ «Византиноведение» Научно-исследовательской части (НИЧ) Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургнева, 4; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — история Византии.

Карпов, Виктор Петрович (7654321.51@mail.ru). Выпускник исторического факультета Тюменского государственного университета (1980). Доктор исторических наук (2007), профессор кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета (625000, Тюмень, ул. Володарского, 38; 256964; history@tsogu.ru). Сфера научных интересов — история Севера, нефтяной и газовой промышленности.

Козлов, Александр Сергеевич. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1971). Кандидат исторических наук (1975), доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-38). Сфера научных интересов — история Римской империи и ранней Византии, Западной и Центральной Европы V—XI вв., история средневековой исторической мысли, история раннесредневековых кочевых народов.

Кокшаров, Виктор Анатольевич. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1986). Кандидат исторических наук (1992), ректор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина с 2010 г. (343)374-03-62, 375-45-03; rectorat@mail.ustu.ru). Сфера научных интересов — история международных отношений Новейшего времени, геополитика, геоэкономика.

Куц, Татьяна Викторовна (tkushch@yandex.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1995). Кандидат исторических наук (2000), доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков департамента истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — история Средних веков.

Лазарев, Яков Анатольевич (9Lazarev@gmail.com). Выпускник Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (2012). Аспирант кафедры новой и новейшей истории УрФУ (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)3507532; baranov61@mail.ru). Сфера научных интересов — военная, политическая и социальная история России Нового времени (17—18 вв.), опыт имперского строительства России и Европы (17—19 вв.), влияние европейских практик Европы на управление окраинами в 18 веке; историческая социология.

Лазарева, Елена Владимировна (levburo@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1988). Кандидат исторических наук (2008), доцент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Мира 19; (343)375-47-25). Сфера научных интересов — история исторической науки, история отечественной экономики и внешнеэкономических связей.

Мазур, Людмила Николаевна (Lmaz@mail.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1983). Доктор исторических наук (2006), зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)3507532). Сфера научных интересов — сельская история России XX в., урбанизация, методы исторического исследования, источниковедение массовых источников.

Мохов, Антон Сергеевич (rkb2009@yandex.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-75-36; hist@usu.ru). Сфера научных интересов — история Византии.

Нахрачева, Галина Леонидовна (galina-nakhracheva@rambler.ru). Выпускница Института языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета (2010). Научный сотрудник Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а; (3467)335439). Сфера научных интересов — языкознание, этнолингвистика, лексикология, семантика и синтаксис.

Нефедов, Сергей Александрович (nsa@k66.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1973). Доктор исторических наук (2007), ведущий научных сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Люксембург, 56; (343)251-65-25). Сфера научных интересов — экономическая история.

Никольский, Евгений Владимирович (Eugenius-08@yandex.ru). Выпускник Орехово-Зуевского пединститута (2003). Кандидат филологических наук (2008), доцент кафедры истории и культуры Московского университета геодезии и картографии (105064, г. Москва, Гороховский пер., 4; (499)261-31-52). Сфера научных интересов — жанроведение, историческая и философская проза.

Нильсен, Евгения Александровна (janenilsen@mail.ru). Выпускница факультета иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена (1997). Кандидат филологических наук (2001), доцент, заведующая кафедрой английского языка и перевода гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (191023, г. Санкт-Петербург, Москательный пер., 4; (812)310-88-63; english_kafedra@mail.ru). Сфера научных интересов — диахроническая концептология, способы репрезентации темпорального сознания в языке, исследование эволюционирующих концептуальных систем, а также способов проецирования концептуальных кластеров на словарный состав языка в различные периоды его развития.

Пашкин, Николай Геннадьевич (ngpaschkin@yandex.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1999). Кандидат исторических наук (2003), доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51; (343)350-75-38). Сфера научных интересов — история Византии, международные отношения в эпоху позднего Средневековья.

Подлубнова, Юлия Сергеевна (tristia@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19). Сфера научных интересов — советская драматургия.

Проخورов, Георгий Сергеевич (hoshea.prokhorov@gmail.com). Выпускник филологического факультета Коломенского государственного педагогического института (2002). Кандидат филологических наук (2004), доцент кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (140410, г. Коломна Московской области, ул. Зеленая, д. 30, каб. 411; (496)-613-23-88; litkaf@mail.ru). Сфера научных интересов — теория литературы, проблема автора, циклизация, художественная публицистика, творчество Ф. М. Достоевского.

Пьянков, Степан Александрович (kliostefan@mail.ru). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56; istor@uran.ru). Сфера научных интересов — история России, златоустовская гравюра.

Рабинович, Валерий Самуилович (izvestia_2@usu.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных

наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-02). Сфера научных интересов — английская литература первой половины XX в.

Савинов Илья Александрович (ilya86@inbox.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2009). Аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)3507532; baganov61@mail.ru). Сфера научных интересов — британский колониализм, Британская Индия.

Снигирева, Татьяна Александровна (tas0905@rambler.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1976). Доктор филологических наук (1997), профессор кафедры русской литературы XX в. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — движение поэтической мысли в России XX в., художественный мир крупнейших поэтов XX столетия, а также проблемы, предполагающие тесный контакт с другими формами гуманитарного знания — культурологией, геопоэтикой, философией, социологией.

Соколова, Елена Станиславовна (vladimirzemtsov@rambler.ru). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1983). Кандидат юридических наук (1995), доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21; (343)2453598; igr@usla.ru). Сфера научных интересов — история и теория права и государства, история политических и правовых учений, мемориальные тенденции и политико-правовая семантика монархических институтов власти Запада и Востока.

Сперанский, Андрей Владимирович (avsperansky@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1977). Доктор исторических наук (1997), профессор, зав. сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56; istor@uran.ru). Сфера научных интересов — проблемы военно-промышленного и социокультурного развития Урала и России.

Сушков, Андрей Валерьевич (suschkow@mail.ru). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56; istor@uran.ru). Сфера научных интересов — история России, златоустовская гравюра.

Тиханова, Елена Викторовна (Helenemoo_eka@mail.ru). Выпускница факультета историко-архивоведения Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1999). Кандидат исторических наук (2004), главный специалист ООО «Альфа Нанотех Капитал» (Москва). Сфера научных интересов — региональная экономика, регионалистика, политическая география.

Филиппенок, Мария Владимировна (f_estelle@ngs.ru). Выпускница факультета русского языка и литературы Новосибирского государственного педагогического университета (2010). Соискатель кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; izvestia_2@usu.ru). Сфера научных интересов — средневековая литература.

SUMMARY

PHILOLOGY

Literary Studies

Philippenok, M. V.
Yekaterinburg, Ural Federal University
f_estelle@ngs.ru

The Conductus as a 12th–14th Century Melic Poetry Genre: a Historiographic Aspect

The author makes a historiographic review of the studies of the conductus, a 12th – 14th century melic poetry genre, considering its definition, origins, and spheres of use along with the periods of development and repertory.

Key words: melic poetry, conductus, historiography.

Prokhorov, G. S.
Moscow State Regional Institute of Humanities and Social studies
hoshea.prokhorov@gmail.com

Publicistic Fiction as a Journalistic Phenomenon (*Our Public Life* by M.E. Saltykov-Shchedrin and *A Writer's Diary* by F.M. Dostoyevsky)

The article covers some problems of structure peculiar to aesthetic journalism, analyzing two texts, namely, *Our Public Life* of M.E. Saltykov-Shchedrin, and *A Writer's Diary* of F.M. Dostoyevsky (1873). Both texts belong to the same journalistic tradition and the same journalistic format, i.e. an author's column, nonetheless, manifesting certain differences of high significance, though characterized by the same genre features and belonging to the periodicals of the same format. The analysis undertaken by the author makes it possible to review the traditional structure of aesthetic journalism.

Key words: aesthetic journalism, rhetorical and aesthetic objects, exempla and variation, M.E. Saltykov-Shchedrin, F.M. Dostoyevsky.

Aristov, D. V.
Perm State Pedagogical University
denis_vl_aristov@mail.ru

The Concept of the Heroic in Zakhar Prilepin's Prose (with Reference to *Pathology*)

The article analyzes the artistic principles underlying the formation of the heroic in Z. Prilepin's prose. The problem in question is considered with reference to the author's first novel, *Pathology*, relating of the Chechen War. Prilepin's heroic concept and structure thereof are regarded considering the preceding literary context, the so-called *lieutenant* prose (G. Baklanov, Yu. Bondarev, etc.), and E. Limonov's writing strategy. Special attention is paid to the processes in which romantic collision and images unwind, which, together with nostalgia for the Soviet past, are inherent not only to Prilepin's prose alone, but to that of the authors sharing the same views and belonging to the same epoch, G. Sadulayev, S. Shargunov, and D. Gutsko among them.

Key words: the heroic, war prose of the 2000s, Z. Prilepin, neoromanticism, literary tradition.

Nikolsky, E. V.

Moscow State University of Geodesy and Cartography
Eugenius-08@yandex.ru

Family Chronicle within the Novelistic Prose System

The article considers the peculiar features inherent to a special type of novelistic prose, a family chronicle, revealing its main features: linear account of events (chronicality), specific character of problems treated and historicism. The author points out the features distinguishing the family chronicle from the genres of the epic novel, novel sequence (Fr. *roman-fleuve*), family novel, historic and biographic novel.

Key words: genre differentiation, novel, family chronicle, epic novel, novel sequence, family-related problems, generation history.

Barinova, E. E.

Novosibirsk State Technical University
barinova.e.e@gmail.com

The Genre of Popular Science: a Historiography and New Research Concepts

The article reviews the works on popular science as a literary genre, considering a number of genological concepts, indispensable to study the genre character of popular science texts, and their place within the literary genres system.

Key words: popular science, genre theory, genology, genre studies, genre hybridization.

Iskhakov, R. L.

Yekaterinburg, Ural Federal University
rafa-iskhakov@yandex.ru

White Press of Siberia and the Urals: Russian Periodicals during the Times of Kolchak

The article describes the previously unstudied activity of Siberian and Ural newspapers and journals during the monarchist counter-revolution (*Kolchakovshchina*, or Kolchak regime). The phenomenon of white press is considered within the parameters of postmodern concept of socio-natural history. New documents on demilitarization of the information infrastructure of military dictatorship from the fund of the Head of the Ural Region are first introduced into scientific use.

Key words: white press, Russian Society of Printing Matters, public-private partnership, N.V. Ustryalov, socio-natural history.

Rabinovich, V. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
izvestia_2@usu.ru

A. Huxley's *The Human Situation* Series of Lectures: an Ideological Basis of his Later Creative Work

The author analyzes A. Huxley's *The Human Situation: Lectures at Santa Barbara*, 1959, as a philosophic pillar of the writer's values in his later works, whose paramount value came to be a synthesis of different images of the world, hence the metaphor of bridge building, conditioning the contents of *The Human Situation*. Huxley's series of lectures is viewed through the prism of Huxley's building bridges between the dichotomic poles at different levels, i.e. humanitarian knowledge, considering being from the point of view of human situation, scientific knowledge – sensual experience; predetermination – the freedom of choice; private life – historic life and so on.

Key words: A. Huxley, synthesis, dichotomy, objective knowledge, sensual experience, free will, human nature, progress.

Linguistics

Gafurova, M. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University
marja.gafurova@yandex.ru

On Nominative Personality Notion

The author substantiates the necessity to study nominative activity as a basic linguistic technique, serving to explore the surrounding world and the person's individual manifestation, introducing the notion of nominative personality. The article describes the onomasiologic research context where there arises the necessity to substitute the dominating object of nomination acts studies for the naming person. The author considers the possible objects of analysis in the nominative personality, with experimental material serving the purposes of the first stages of research; the article also singles out and illustrates the levels of description of nominative personality.

Key words: linguistic personality, onomasiology, nomination, linguistic experiment.

Nilsen, E. A.

Saint-Petersburg State University of Economics and Finance
janenilsen@mail.ru

Subjective Perception of Temporality as Reflected in the English Language

The author studies the subjective perception of time and its reflection in the English language, analyzing different linguists' approaches towards the classification of time, and putting forward their own model of the subjective perception of temporality that includes dynamic and conditionally static human perception of time.

Key words: concept, objective temporality, time perception classification, conditionally static time, dynamic time.

Nakhracheva, G. L.

Ob-Ugric Institute for Applied Research and Development
galina-nakhracheva@rambler.ru

Verbs of Destruction in the Khanty Language: a Lexico-Semantic Classification

The author draws a classification of lexical and syntactic semantics of the verbs of destruction in the Khanty language, with reference to the Shurishkar dialect, with the material of research being the *Luukh avt* (?y?x авт) newspaper (Salekhard, 2001–2009) and texts in the Shurishkar dialect of the Khanty language written down by the author, along with some dialectological and etymological dictionaries materials of the Khanty language being unique examples of the Khanty speech.

Key words: Khanty language, Shurishkar dialect, semantics, verbs of destruction, classification.

HISTORY

Mokhov, A. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
rkb2009@yandex.ru

The Guard of the Treasurer? Byzantine Imperial Retinue according to Military Treatises

With reference to Byzantine military treatises of the 2nd S of the 10th century, the author offers a detailed examination of the Byzantine imperial military retinue. More particularly, with reference to the *De castrametatione* treatise, the author finds out that *цэлбкит* a treasurer, made part of the retinue. In the late 10th – 11th century *phylacus* was an officer of the *eidikon* agency (imperial estate), which is proved by the narrative and sphragistic sources.

Key words: Byzantium, Byzantine military treatises, Basil II, financial system, phylacus, sigillography.

Pashkin, N. G.

Yekaterinburg, Ural Federal University
ngpaschkin@yandex.ru

The Fall of Constantinople and Ideology Crisis of the Imperial Universalism in the Latin West

The author analyzes the reaction of the Latin West to the fall of the Byzantine Empire in 1453 as expressed by its two institutions, i.e. Church and the Empire, aiming at ultimate universality, papacy attempting to consolidate Europe. On the contrary, the Holy Roman Empire would not follow the principles of Christian universalism, breaking off the Mediaeval *translatio imperii* concept.

Key words: Byzantium, Holy Roman Empire, papacy, Turks, imperial universalism.

Zemtsov, V. N.

Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University
vladimirzemtsov@rambler.ru

French Jesuit Abbot A. Surugue and the 1812 Fire of Moscow Historic Myth

The author draws a historic portrait of the Jesuit abbot Adrien Surugue who played a significant role in the French account of the Fire of Moscow, 1812. The article relates of the main stages of Surugue's life. With reference to his letters and the Historic Journal he wrote in 1812, the author outlines the main features of his personality as an abbot, teacher, administrator, public figure, and historian. Surugue was capable of solving a serious problem of creating a historic myth, which has existed for nearly 200 years now, the myth of the French account of the 1812 Fire of Moscow.

Key words: abbot A. Surugue, Rossika, 1812 Fire of Moscow, French Revolution of late 18th century, Napoleon I, historic myth, ideocartography, semiotics, cultural and historic anthropology.

Lazarev, Ya. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
9Lazarev@gmail.com)

Kyiv Province and Hetman's Ukraine during the 1st and 2nd Provincial Reforms of Peter I

The article explores the problem of the correlation between the legal status of the Hetman's Ukraine and Kyiv Province during the province reforms carried out by Peter I. With reference to the analysis of governing policies in Little Russia, the author demonstrates the limited character of the tsar's authority in the region by the beginning of the 18th century. It is proved that the emergence of Kyiv Province had no influence whatsoever upon Hetman's Ukraine, and did not limit Ukrainian autonomy.

Key words: Hetman's Ukraine, hetman, Kyiv Province, Peter the Great's provincial reforms, I.S. Mazepa.

Speransky, A. V.

Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
avsperansky@mail.ru

Industrial-Military Complex Formation in the Urals during the 1st Period of the Great Patriotic War

The article describes the history of industrial enterprises evacuation to the Urals from the western part of the USSR, and industrial-military complex formation. The author analyzes the processes accompanying the militarization of the Ural industrial production, characterizing the sources of workforce reproduction, and revealing the reasons for the increase in military enterprises production. Additionally, the article determines the correlation between the rationalizer patriotic movement contribution to the military industrial production and that of special squads forced to work.

Key words: war, evacuation, home front, Ural region, military-industrial complex, industrial enterprise, workforce, patriotic raise, non-economic compulsion, labour army.

Mazur, L. N.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Lmaz@mail.ru

Fictional Cinematography and Rural Migration: a Source Analysis

The article studies the information potential of Soviet fiction films as a historic source, making it possible to reproduce the plots unavailable through traditional written sources, i.e. the motives of rural migration, adaptation strategies in a city, migration patterns and society's attitudes thereto. What was peculiar about Soviet cinematography was its being conditioned by social mandate, which determined its functions of an agitator and myth-maker, which was most characteristic of the 1920-1940s. The 1960-1980s cinematography more so concentrated on reality cognition, and draws a more objective picture of migration processes peculiarities and transformations thereof.

Key words: rural migration, Soviet village, soviet cinematography, migration and migrants-based plots.

ARTS AND CULTURAL STUDIES

Sokolova, E. S.

Yekaterinburg, Ural State Law Academy
igp@usla.ru

Sacralized Palace and Park Space in Monarchic Ideology of the Ancient and Early Modern Times

The article studies the notion of natural landscape which was purposefully used by the politicians of the Ancient and Early Modern Times to create visual and mnemonic codes serving to prove the idea of monarchic power divineness. With reference to a complex analysis of political and legal texts, materials of ancient historiography, narratives on geography and botany, treatises on architecture of the Hellenic period, practical manuals on landscape design (17–18th centuries), epistolary, publicistic, and literary writings of the Early Modern Times, the article postulates that the memorial component was extensively used to substantiate the social and political position of the monocratic supreme power.

Key words: gardening, palace and park space, visual and mnemonic codes, Alexandria of Egypt, Eternal Rome, Versailles, Petersburg, autocracy, sovereignty.

Savinov, I. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
ilya86@inbox.ru

Adaptation and Identity Problems in the Anglo-Indian Community (2nd ½ 19th – early 20th century)

The article studies the problems of English people's adaptation in British India in the 2nd half of the 19th – early 20th century, special attention being paid to the peculiar type of English identity, formed within the English community in India in the period in question.

Key words: colonialism, Anglo-Indians, British India, social adaptation, socio-cultural peculiarities.

RUSSIA WITHIN EURASIAN COOPERATION SYSTEM

Koksharov, V. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
rektorat@mail.ustu.ru

Tikhanova, E. V.

Moscow, Alpha Nanotech Capital Ltd
Helenemoo_eka@mail.ru

Frontier Barriers to Integration in Central Asia

The article is devoted to the complex and controversial conditions of the political and geographic demarcation in Central Asia. The raise of new independent states on the territory of the former USSR

requires an objective evaluation of their territorial claims which in its turn is a cornerstone for the development of intergovernmental relationships and integration processes.

Key words: geopolitical interests, frontier relations, delimitation, administrative borders, integration.

Karpov, V. P.

Tumen State Oil and Gas University
7654321.51@mail.ru

Russian-Kazakh Oil and Gas Industrial Cooperation within the Geopolitical Development of the Post-Soviet Era

The article reviews the role of the oil and gas factor in Russian-Kazakh cooperation development after the fall of the USSR, illustrating the influence of the trade and economic cooperation on the political situation development in the Region's political situation, and their interdependence. Additionally, the author explores the geopolitical barriers impeding Russia-CIS cooperation on a more intensive level within post-Soviet Central Asia during the current period.

Key words: geopolitics, cooperation, Central Asia, Russia, Kazakhstan.

STALINISM: CONTEMPORARY RESEARCH

Lazareva, E. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University
levburo@mail.ru

Stalinism and Historic Studies in the 1930s Urals

The article analyzes the influence Stalin's regime had on the historic research development in the 1930s Urals, with the authorities starting to control science. The period faced a halt in scientific discussions, scientific institutions reorganization, drastic personnel reshuffle, limitations of research fields, universal methodology implementation, party censorship, and organizational structure. The author describes the previously unstudied periods of persecution of historians during the period in question.

Key words: historic studies, scientific institutions, historians, Stalinism, repressions.

Nefedov, S. A.

Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
nsa@k66.ru

Level of Life during Stalin's Rule: Food Problems in the Urals

The article analyzes the dynamics of food products consumption on the 1924-1940 Urals. With reference to new archival data, the author concludes that the diet quality decreased considerably in the period in question.

Key words: consumption level, level of life, food products, Urals.

Podlubnova, Yu. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
tristia@yandex.ru

Folklore Sources Transformation in the Drama of Stalin's Rule Era (with Reference to *The Ural Wedding* of A. Baranov)

The article studies the mechanisms of creation and spread of Soviet folklore (pseudo-folklore), the phenomenon of Soviet theatricalized weddings, specimens of pseudo-folklore, which served to integrate the Soviet ideology into public culture. Additionally, the article substantiates the reasons underlying the popularity of theatricalized weddings with a vast number of USSR residents.

Key words: pseudo-folklore, Soviet drama, Urals, theatricalized wedding.

Sushkov, A. V.

Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
suschkow@mail.ru

Pyankov, S. A.

Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
kliostefan@mail.ru

Engraving and Authority: Artistic Production Crisis in Zlatoust Works

The article reviews the previously unknown episode in the history of the famous Zlatoust steel engraving, which was on the verge of extinction in the mid-20th century, analyzing the measures the regional and central authorities took to preserve the artistic production during the USSR anti-cosmopolitanism campaign. According to the authors, the government's actions favoured the rebirth of the unique art in question, which is presently considered a most recognizable symbol of the Urals.

Key words: Zlatoust steel engraving, Crocodile magazine, anti-cosmopolitanism campaign.

REVIEWS

Kozlov, A. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
doc_office@usu.ru

A new book on the role of commanders during the last decades of the West Roman Empire

Snigireva, T. A.

tas0905@rambler.ru
Yekaterinburg, Ural Federal University

The history and literary geography of the Urals

Dotsenko, E. G.

Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University
dotsenko@r66.ru

Dialogue Continued

Dostoyevsky's sacral space: pro et contra

Mosaleva, G. V.

Letova, I. A.

CONTENTS

PHILOLOGY

Literary Studies

- Philippenok, M. V.* The Conductus as a 12th–14th Century Melic Poetry Genre: a Historiographic Aspect 6
- Prokhorov, G. S.* Publicistic Fiction as a Journalistic Phenomenon (*Our Public Life* by M.E. Saltykov-Shchedrin and *A Writer's Diary* by F. M. Dostoyevsky) 18
- Aristov, D. V.* The Concept of the Heroic in Zakhar Prilepin's Prose (with Reference to *Pathology*) 26
- Nikolsky, E. V.* Family Chronicle within the Novelistic Prose System 37
- Barinova, E. E.* The Genre of Popular Science: a Historiography and New Research Concepts 46
- Iskhakov, R. L.* White Press of Siberia and the Urals: Russian Periodicals during the Times of Kolchak 53
- Rabinovich, V. S. A.* Huxley's *The Human Situation* Series of Lectures: an Ideological Basis of his Later Creative Work 63
- Linguistics
- Gafurova, M. N.* On Nominative Personality Notion 75
- Nilsen, E. A.* Subjective Perception of Temporality as Reflected in the English Language 84
- Nakhracheva, G. L.* Verbs of Destruction in the Khanty Language: a Lexico-Semantic Classification 91
- HISTORY
- Mokhov, A. S.* The Guard of the Treasurer? Byzantine Imperial Retinue according to Military Treatises 100
- Pashkin, N. G.* The Fall of Constantinople and Ideology Crisis of the Imperial Universalism in the Latin West 109
- Zemtsov, V. N.* French Jesuit Abbot Adrien Surugue: historic portrait 118
- Lazarev, Ya. A.* Kyiv Province and Hetman's Ukraine during the 1st and 2nd Provincial Reforms of Peter I 133
- Speransky, A. V.* Industrial-Military Complex Formation in the Urals during the 1st Period of the Great Patriotic War 146
- Mazur, L. N.* Fictional Cinematography and Rural Migration: a Source Analysis 156
- ARTS AND CULTURAL STUDIES
- Sokolova, E. S.* Sacralized Palace and Park Space in Monarchic Ideology of the Ancient and Early Modern Times 170
- Savinov, I. A.* Adaptation and Identity Problems in the Anglo-Indian Community (2nd ½ 19th – early 20th century) 187
- RUSSIA WITHIN EURASIAN COOPERATION SYSTEM
- Koksharov, V. A. Tikhanova, E. V.* Frontier Barriers to Integration in Central Asia 196
- Karpov, V. P.* Russian-Kazakh Oil and Gas Industrial Cooperation within the Geopolitical Development of the Post-Soviet Era 204

STALINISM: CONTEMPORARY RESEARCH		ACADEMIC CURRICULUM	
		Conferences	
<i>Lazareva, E. V.</i> Stalinism and Historic Studies in the 1930s Urals 211		Byzantium without Borders. 22 nd International Congress of Byzantine Studies (<i>A. S. Mokhov, T. V. Kushch,</i> <i>K. R. Kapsalykova</i>) 279	
<i>Nefedov, S. A.</i> Level of Life during Stalin's Rule: Food Problems in the Urals 222		Dergachev readings: 10 th Anniversary All-Russian Scientific Conference (<i>A. S. Podchinyonov</i>) 283	
<i>Podlubnova, Yu. S.</i> Folklore Sources Transformation in the Drama of Stalin's Rule Era (with Reference to <i>The Ural Wedding</i> of A. Baranov) 230		Is there an end to everything in life, or why texts are left unfinished (<i>A. Menshchikova</i>) 287	
<i>Sushkov, A. V., Pyankov, S. A.</i> Engraving and Authority: Artistic Production Crisis in Zlatoust Works 238			
REVIEWS		Information	
<i>Kozlov, A. S.</i> A new book on the role of commanders during the last decades of the West Roman Empire 250		On the work of dissertation councils D 212.286.03 and D 212.286.11 in 2011(<i>M. A. Litovskaya,</i> <i>L. A. Nazarova</i>) 290	
<i>Snigireva, T. A.</i> The history and literary geography of the Urals 254		New publications 296	
<i>Dotsenko, E. G.</i> Dialogue Continued 262		List of abbreviations 302	
Dostoyevsky's sacral space: pro et contra (<i>G. V. Mosaleva, I. A. Letova</i>) 265		On the authors 303	
		Summary 307	

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2012. № 2 (102)

Редактор и корректор *Р. Н. Кислых*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.10.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 28.06.2012. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 26,1. Усл. печ. л. 26,0. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 1358.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРА

Порядок приема и движения рукописи

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета» является периодическим изданием (4 номера в год).
- Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, аннотацией на русском и английском языках, перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.
- Статьи на корректуру авторам не высылаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: **Формат** — **Шрифт** — **Размер** 14).
- **Межстрочный интервал** — полторный (**Формат** — **Абзац** — **Междустрочный** — **Полуторный**).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (**Формат** — **Абзац** — **Первая строка** — **Отступ** 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (**Формат** — **Абзац** — **Выравнивание** — **По ширине**).
- **Нумерация страниц** (**Вставка** — **Номер страницы** — **Внизу, справа**).
- **Переносы обязательны** (**Сервис** — **Язык** — **Расстановка переносов** — **Автоматическая расстановка переносов**).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания

(включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.

- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак¹*.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: *«Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)»*. Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Например: [Толстой, т. 4, с 285]. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92 (кафедра фольклора и древней литературы).

Электронный адрес: izvestia_2@usu.ru